

**Федеральное государственное бюджетное научное
учреждение «Институт педагогики и психологии
профессионального образования
Российской академии образования»**

ЧОУ ВПО «Академия социального образования»

**КАЗАНСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Kazan Pedagogical Journal

2016, № 3

<http://kpj.ipppora.o.ru/>

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Голубовский Владимир Юрьевич

Доктор юридических наук,
профессор,
Директор Департамента
государственной службы, кадров
и управления делами
Министерства образования и
науки Российской Федерации,
член международного
редакционного совета научного
издания «Казанский
педагогический журнал»

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию специальный выпуск научного периодического издания «Казанский педагогический журнал». В повестке дня – серьезные и актуальные вопросы, связанные с противодействием идеологии экстремизма и терроризма; формированием гражданской позиции молодежи; выработкой единых научных подходов к решению актуальных задач в этой сфере.

Сегодня всем понятно, что безопасное образование – залог безопасности общества, но лишь безопасное государство и общество способны сделать образование безопасным. В связи с этим перед заинтересованными министерствами и ведомствами поставлена задача обеспечения безопасного жизненного пространства для духовного и физического развития подрастающего поколения.

В номере представлены статьи ученых России и других стран, раскрывающие педагогические, психологические, социологические, лингвистические исследования в процессе изучения, анализа и профилактики идеологии экстремизма и терроризма, в том числе, и в образовательной среде. Безусловно, все статьи рекомендованы для широкого круга читателей.

Хочу выразить благодарность всем авторам специального номера за участие в нашем научном проекте, за выбор тем для исследовательских поисков и творческий вклад в развитие журнала.

*С уважением и наилучшими пожеланиями,
Голубовский Владимир Юрьевич*

КАЗАНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2016, № 3 (116)

ISSN 1726-846X

Научно-теоретический журнал. Издается с октября 1995 г.
До 2003 г. назывался «Профессиональное образование».
Основан академиком РАО Г.В. Мухаметзяновой.

Учредители:

**Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО,
Академия социального образования**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ф.Ш. Мухаметзянова,
член-корреспондент РАО,
доктор педагогических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

И.Ш. Мухаметзянов,
доктор медицинских наук, профессор

Ответственный редактор:

Е.Ю. Левина,
кандидат педагогических наук

Редактор, корректор:

Л.Ю. Мухаметзянова,
кандидат педагогических наук, доцент

Технический редактор:

Г.Р. Габдуллазянова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л.Г. Габдрахманова, к.филол.н., доцент
Р.Х. Гильмеева, д.п.н., профессор
А.Н. Грязнов, д.псх.н.
А.В. Гумеров, д.э.н., профессор
А.Р. Камалеева, д.п.н., доцент
В.В. Корольев, к.философ.н., доцент
В.Ш. Масленникова, д.п.н., профессор
Р.Р. Фахрутдинов, д.ист.н.
В.Г. Холоднов, к.ю.н., доцент
Г.А. Шайхутдинова, к.п.н., доцент
В.С. Щербаков, к.п.н., доцент

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.А. Вербицкий, член-корр. РАО, д.п.н., профессор
(Россия)
И.П. Смирнов, член-корр. РАО, д.философ.н.,
профессор (Россия)
И.В. Абакумова, член-корр. РАО, д.псх.н.,
профессор (Россия)
Д.А. Новиков, член-корр. РАН, д.т.н., профессор
(Россия)

В.Ю. Голубовский, д.ю.н., профессор (Россия)
А.К. Кусаинов, академик АПН Казахстана, д.п.н.,
профессор (Казахстан)
Н.И. Леонов, д.псх.н., профессор (Россия)
М. Куколата, PhD, профессор (Италия)
А.Г. Мухаметшин, д.п.н., профессор (Россия)
О.Н. Олейникова, д.п.н., профессор (Россия)
С. Маккини, PhD, профессор (Шотландия)
Т.М. Трегубова, д.п.н., профессор (Россия)
Цзянь Сяоянь, к.п.н., (Китай)
Н.П. Фетискин, д.псх.н., профессор (Россия)
Р.Д. Хунагов, д.соц.н., профессор (Россия)

Зарегистрирован в Министерстве по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой
коммуникации РФ. Свидетельство о регистрации ПИ
№ 77-14181 от 20.12.2002.

Журнал включен в перечень рецензируемых
научных изданий, рекомендованных ВАК
Российской Федерации

Размещается в Научной электронной библиотеке
eLIBRARY.RU
Включён в систему Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ).
Включен в Международный подписной справочник
периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Адрес редакции: 420039, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Исаева, 12, к. 320.

E-mail: kpj07@mail.ru

Официальный сайт: <http://kpj.ipporao.ru/>

При цитировании ссылка на журнал обязательна.
Редакция не несет ответственность за достоверность
информации, приводимой авторами.

Индекс подписки в каталоге «Роспечать» – 16885.
Выходит 6 раз в год.

© Казанский педагогический журнал, 2016

KAZAN PEDAGOGICAL JOURNAL

ISSN 1726-846X

2016, № 3 (116)

Scientific and theoretical journal. Published since October 1995.
It was called «Professional education» up to 2003.
Based by the academician of RAE G. Mukhametzyanova.

Founders:

**Institute of Pedagogy and Psychology of Professional Education of RAE
Academy of Social Education**

HEAD EDITOR:

F. Mukhametzyanova,

corresponding member of the Russian Academy of Education
(RAE), doctor of pedagogic sciences, full professor

Deputy chief editor:

I. Mukhametzyanov,

doctor of medical sciences, full professor

Managing editor:

E. Levina,

candidate of pedagogic sciences

Editor, proofreader:

L. Mukhametzyanova,

candidate of pedagogic sciences, associate professor

Technical editor:

G. Gabdullazyanova

EDITORIAL BOARD:

L. Gabdrakhmanova, candidate of philological science,
associate professor

R. Gilmeeva, doctor of pedagogic sciences, full professor

A. Gryaznov, doctor of psychological sciences

A. Gumerov, doctor of economic sciences, professor

A. Kamaleeva, doctor of pedagogic sciences, associate
professor

V. Korolev, candidate of philosophical sciences, associate
professor

V. Maslennikova, doctor of pedagogic sciences, full professor

T. Tregubova, doctor of pedagogic sciences, full professor

R. Fakhrutdinov, doctor of historical sciences

V. Kholodnov, candidate of legal sciences, associate
professor

G. Shaikhutdinova, candidate of pedagogic sciences,
associate professor

V. Shcherbakov, candidate of pedagogic sciences, associate
professor

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

A. Verbitskiy, corresponding member of the Russian Academy of
Education, doctor of pedagogic sciences, full professor (Russia)

I. Smirnov, corresponding member of the Russian Academy of
Education, doctor of philosophical sciences, full professor
(Russia)

I. Abakumova, corresponding member of the Russian Academy
of Education, doctor of psychological sciences, full professor
(Russia)

D. Novikov, corresponding member of the Russian Academy of
Sciences (RAE), doctor of technical sciences, full professor
(Russia)

V. Golubovskiy, doctor of legal sciences, full professor (Russia)

A. Kusainov, Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan,
doctor of pedagogic sciences, full professor, (Kazakhstan)

M. Kukonata, PhD, Professor (Italy)

N. Leonov, doctor of psychological sciences, full professor
(Russia)

A. Mukhametshin, doctor of pedagogic sciences, full professor
(Russia)

O. Oleinikova, doctor of pedagogic sciences, full professor
(Russia)

S. McKinney, PhD, professor (Scotland)

T. Tregubova, doctor of pedagogic sciences, full professor
(Russia)

Jiang Xiaoyan, candidate of pedagogic sciences (China)

N. Fetiskin, doctor of psychological sciences, full professor
(Russia)

R. Hunagov, doctor of social sciences (Russia)

Journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for
Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass
Communication Media. The certificate of registration is ПИ № 77-
14181, 20.12.2002.

The journal is included into the list of periodicals of the Russian
Federation in which the main results of theses for the degree of
Candidate of Science and Doctor of Science are published.

The journal is placed in the scientific electronic library
eLIBRARY.RU.

It is included in the system of the Russian Science Citation Index.

It is also included into the International Subscription Directory of
Periodicals "Ulrich's Periodicals Directory".

Address: 420039, Republic of Tatarstan, Kazan,
Isaev st., 12, apt. 320.

E-mail: kpj07@mail.ru

Official site: <http://kpj.ippporao.ru/>

Web page: <http://www.ippporao.ru>

When quoting a reference to the journal is obligatory. We bear no
responsibility for the accuracy of the information provided by the
authors.

Subscription index in the catalogue «Rospechat» is 16885. Issued 6
times a year.

© Kazan Pedagogical Journal, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мухаметзянова Ф.Ш., Гильмеева Р.Х. ОРГАНИЗАЦИЯ МОНИТОРИНГА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА.....	8
Смирнов И.П. РЕЛИГИЯ, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЭКСТРЕМИЗМА.....	16
Масленникова В.Ш. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БЕЗОПАСНОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА.....	24
Трегубова Т.М. АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ.....	30
Шайхутдинова Г.А. ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ.....	34
Бороздин А.А. РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗРЕШЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ...	38
Шибанкова Л.А. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КОРРЕКЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ.....	42
Мухаметзянова Л.Ю. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.....	48
Бубнова И.С., Рерке В.И. МЕДИАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА И КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ..	52
Прокофьева Е.Н. МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	57
Ячина Н.П., Мухутдинова Т.З. ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРАКЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА КАК ПУТЬ ПРОТИВОСТОЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ.....	61
Галихузина Р.Г. ВОЗМОЖНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН).....	66
Угарова Н.М. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА.....	72
Горбунов В.А., Холоднов В.Г. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН.....	79
Алишариева А.Н., Протасова Е.Ю. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ МНОГОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ КАЗАХСТАНА.....	83
Валиуллин К.Х. РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН.....	88
Арябкина И.В., Елисева Е.Н. К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	93

Мартынова А.И. НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА КАК УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА.....	98
--	----

Саяхов Р.Л. ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ИЗУЧАЮЩИХ МУСУЛЬМАНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ.....	105
--	-----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мухаметзянов И.Ш., Хусаинова С.В. АНАЛИЗ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОДВЕРЖЕННОСТИ ВЛИЯНИЮ (ВЕРБОВКЕ) УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.....	113
--	-----

Гусейнов А.Ш. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ.....	120
--	-----

Кочергин А.В., Накоряков П.В., Миронова М.А., Валеева К.А. МАССОВОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СПОСОБ МАНИПУЛИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ.....	127
--	-----

Фёдорова К.В. ВЕРБОВКА КАК ИСКУССТВЕННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ АДДИКЦИИ НА ПРИМЕРЕ СИНДРОМА ВАРВАРЫ КАРАУЛОВОЙ....	131
---	-----

Новиков В.В., Кулакова С.В., Фадеева К.Ф. «БЕГСТВО В ЭКСТРЕМИЗМ». К ВОПРОСУ ОБ АДДИКТИВНОМ КОМПОНЕНТЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА.....	136
---	-----

Герасимова В.В., Карпов А.М. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ КАК ГРУППЫ РИСКА АУТОАГРЕССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРОРИЗМА.....	140
---	-----

Чеверикина Е.А., Грязнов А.Н., Шарафиев Э.С. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПСИХОТЕРРОРИЗМ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ ПОДРОСТКОВ.....	145
--	-----

Рерке В.И., Бубнова И.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ: ИЗУЧЕНИЕ И ПРОГНОЗ.....	150
--	-----

Абитов И.Р., Ханзафарова Д.Л. ОСОБЕННОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ ПРОПАГАНДЫ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ И УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСПЕРТИЗЫ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ.....	156
---	-----

Саженин И.И. БЛАГОДАРНОСТЬ КАК ПРИЕМ МАСКИРОВКИ НАМЕРЕНИЙ В ЭКСТРЕМИСТСКОМ ТЕКСТЕ.....	162
--	-----

Звезда Е.Ю. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ВОЛОНТЕРСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА.....	167
--	-----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Доронин С.П., Фёдорова К.В. ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО ТЕРРОРИЗМА И ПРОБЛЕМА ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ.....	172
--	-----

Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Алексеев С.А., Гаязова Э.Б. ПОТЕНЦИАЛ КОНФЛИКТОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ.....	177
---	-----

Быкадорова А.С., Чурилов С.А., Шаповалова Е.В. ЭКСТРИМИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....	181
--	-----

Мухаметзарипов И.А. ОСОБЕННОСТИ ПРОПАГАНДЫ ИГИЛ В СРЕДЕ «ЕВРОПЕЙСКИХ» МУСУЛЬМАН И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ.....	185
Тесленко А.Н. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ВАХХАБИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В АСПЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	192
Зарубин В.Г., Макаридина В.А. «ОСТРОВ» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: СООТНОШЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	198
Фатхуллин Ю.А., Маргулян Я.А. АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ПРОЦЕСС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.....	201
Ореховская Н.А, Ореховский.А.В. ПАТРИОТИЗМ КАК СОЗИДАЮЩАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	205
Чекменёва Т.Г., Прибытков А.А. ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЯН.....	210
Богатырева С.Н. ПАТРИОТИЗМ: СТАРОЕ И НОВОЕ В КОНСОЛИДИРУЮЩЕЙ ИДЕЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКОГО НАРОДА.....	213
КОНКУРС НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ ИМ. АКАДЕМИКА Г.В. МУХАМЕТЗЯНОВОЙ ЗА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ РАБОТУ (ПРОЕКТ) В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	218
ИНФОРМАЦИЯ.....	219

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

ОРГАНИЗАЦИЯ МОНИТОРИНГА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Ф.Ш. Мухаметзянова, Р.Х. Гильмеева¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. В статье приведены результаты мониторинга эффективности системы подготовки и повышения квалификации в сфере противодействия угрозам экстремизма и терроризма среди молодежи, государственных и муниципальных служащих, других категорий населения. Проведен анализ наиболее важных и перспективных направлений, связанных с патриотическим воспитанием молодежи и противодействием идеологии экстремизма и терроризма; перспективных запросов личности, общества, государства, включая социально-психологическую мобильность, профессиональную и жизненную успешность, духовно-нравственный иммунитет, физическое, психическое и нравственное здоровье и реализацию потребности человека в личностном и профессиональном росте.

Ключевые слова: мониторинг, образовательные программы, патриотическое воспитание, молодежь, противодействие, идеология, экстремизм, терроризм.

THE ORGANIZATION OF THE MONITORING OF THE ADDITIONAL EDUCATIONAL PROGRAMS IN COMBATTING THE IDEOLOGY OF TERRORISM AND EXTREMISM

F. Mukhametzyanova, R. Gilmeeva

Abstract. The article contains the results of the monitoring of the effectiveness of the system of training and skills upgrading in combatting the ideology of terrorism and extremism among young people, public officers and municipal employees, etc. The authors carried out an analysis of the most important and promising directions related to the patriotic education of the youth and counteraction to the ideology of extremism and terrorism, promising demands of the person, society, government, including social and psychological mobility, professional and life success, spiritual and moral immunity, physical, mental and moral health and satisfaction of the need for personal and professional development of the identity.

Keywords: monitoring, educational programs, patriotic education, young people, counteraction, ideology, extremism, terrorism.

В настоящее время в научной литературе обсуждается широкий спектр вопросов, связанных с необходимостью создания комплекса мер по противодействию угрозам экстремизма и терроризма. Большую роль в этом процессе играет система подготовки и повышения квалификации молодежи, государственных и муниципальных служащих, различных категорий населения.

Противодействие идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях является важнейшей частью национальной образовательной политики в развитых и многих развивающихся странах.

Из мирового опыта, трансформированного в национальной образовательной политике РФ, нами выделены основные тенденции этого процесса:

– формирование непрерывной национальной системы образования;

– повышение эффективности функционирования всех ее звеньев через координацию и кооперацию их усилий;

– введение дифференцированного обучения и модернизация содержания образования в зависимости от появившихся новых обстоятельств;

– внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс;

– формирование механизмов оценки качества образовательных услуг.

Создание единой системы непрерывного образования в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма, патриотического воспитания молодежи, в которой система повышения квалификации занимает немаловажное место [3], предполагает выявление и разработку основных подходов к системе оценки качества

повышения квалификации различных категорий граждан.

Актуальность разработки и реализации системы мониторинга эффективности повышения квалификации различных категорий населения обусловлена потребностью в выявлении и анализе наиболее важных направлений, связанных с патриотическим воспитанием молодежи и противодействием идеологии экстремизма и терроризма, перспективных запросов личности и общества, государства, включая социально-психологическую мобильность, профессиональную и жизненную успешность, духовно-нравственный иммунитет, физическое, психическое, нравственное здоровье и реализацию потребности человека в личностном и профессиональном росте [1;2].

Миссия мониторинга заключается в диагностике, способствующей созданию эффективных условий для успешного повышения квалификации различных категорий населения на основе внедрения современных технологий, методов и форм обучения.

Стратегией мониторинга являются поиск и всесторонняя экспертиза повышения квалификации молодежи, студентов, школьников, государственных и муниципальных служащих с целью теоретического обоснования, выявления сущности содержания, состава структуры образовательных программ, реализуемых с учетом современных подходов и технологий.

Тактика мониторинга предполагает гибкое, оптимальное сочетание самоаудита и внешнего аудита в оценке эффективности системы повышения квалификации молодежи; государственных и муниципальных служащих, других категорий населения в сфере патриотического воспитания молодежи; противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях.

Цель мониторинга заключается в моделировании концептуального, теоретико-методологического и практико-ориентированного информационного пространства для эффективного повышения квалификации молодежи, государственных и муниципальных служащих и других категорий населения по проблеме антитеррористической деятельности, а также выявлении *рисков и затруднений*, возникающих при реализации дополнительных образовательных программ по указанной проблеме.

Приоритетными объектами мониторинга являются: научно-методическое обеспечение; организационно-управленческие механизмы; качество и соответствие представленных программ имеющимся регламентирующим документам, которые способны обеспечить

эффективное предоставление качественных образовательных услуг повышения квалификации молодежи, государственных и муниципальных служащих и других категорий населения в сфере патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях.

Проблемную структуру мониторинга качества дополнительных образовательных программ составили следующие критерии:

- обеспечение доступности и мобильности;
 - выявление и дифференциация потребностей обучающихся;
 - реализация принципов вариативности и уровневой дифференциации образовательного процесса как условие предоставления качественных услуг, отвечающих актуальным и перспективным запросам и потребностям личности, общества, государства в вопросах патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях;
 - создание условий для проектирования индивидуальных образовательных траекторий как модели, включающей принцип вариативности обучения, оптимальное сочетание модульной структуры образовательных программ и обеспечивающей адекватность системы оценивания их эффективности;
 - реализация проектной научно-исследовательской и практико-ориентированной деятельности в процессе повышения квалификации;
 - использование современных информационных технологий для обеспечения личностно-ориентированного и вариативного характера образовательного процесса повышения квалификации молодежи, государственных и муниципальных служащих и других категорий населения.
- Эффективное раскрытие перечисленных содержательных направлений мониторинга осуществлялось на основе синтеза трех основных *функций мониторинговых процедур*:
- *констатирующей* (выявление целевых установок, ресурсной основы и используемых организационных механизмов реализации задач, связанных с обеспечением возможностей качественного повышения квалификации, по получению знаний и формированию необходимых и достаточных специальных компетенций в сфере противодействия идеологии терроризма и экстремизма);
 - *корректирующей* (выявление недостатков, рисков, противоречий и конфликтов, связанных с реализацией этих задач);

– *прогностической* (накопление и концептуальное обобщение информации, позволяющей выявлять наиболее эффективные и перспективные средства обеспечения возможностей получения качественного повышения квалификации молодежи, государственных и муниципальных служащих и других категорий населения).

Специфика целей мониторинга и ее содержательных направлений предопределила необходимость анализа широкой информационной базы, включающей несколько *типов информационных источников*: нормативные, концептуальные и программно-методические документы, обеспечивающие процесс патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях, в том числе [3]:

– Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;

– Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2006 года № 1474 «О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации» (в ред. Указов Президента РФ: от 06.12.2007 № 1643, от 04.12.2009 № 1382);

– Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»;

– Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»;

– Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»;

– Постановление Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 610 «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов»;

– Постановление Правительства РФ от 6 мая 2008 г. №362 «Об утверждении государственных требований к профессиональной переподготовке, повышению квалификации и стажировке государственных гражданских служащих Российской Федерации»;

– Постановление Кабинета Министров РТ от 17.06.2015 №433 «Об утверждении Стратегии развития воспитания обучающихся на 2015 – 2025 гг.»;

– Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»;

– Приказ от 5 декабря 2013 г. № 1310 «Об утверждении порядка разработки дополнительных профессиональных программ, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, и дополнительных профессиональных программ в области информационной безопасности»;

– Приказы Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 июля 2013 г. № 499 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам»;

– Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года (утв. Президентом Российской Федерации);

– Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации, одобренная на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (протокол № 2(12)-П4 от 21 мая 2003 г.);

– Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г.);

– Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537);

– Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212);

– Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р;

– Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013 – 2020 годы», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 792-р.;

– Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013 – 2018 годы;

– План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2012 г. № 2620-р;

– Опыт РФ по разработке и внедрению дополнительных образовательных программ, обеспечивающих качество оказываемых образовательных услуг в сфере патриотического

воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма;

– Мониторинговые, аналитические и полемические материалы, отражающие основные векторы и показатели уровня получения слушателями теоретических и практических знаний по вопросам обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности;

– Нормативные и программно-методические документы, отражающие специфику обучения молодежи, государственных и муниципальных служащих, других категорий населения.

К возможным *критериям*, указывающим на качество модульных программ, были отнесены:

– соответствие программы повышения квалификации регламентирующим документам;

– возможность обучения по программам индивидуальных траекторий;

– завершенность каждого модуля по содержанию и по форме;

– целостность программы, включающая инвариантную и вариативную составляющие в виде тематических модулей;

– диагностичность планируемых результатов.

В процессе реализации Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013 – 2018 годы, который предполагал в п.4.2 разработку долгосрочной программы подготовки (повышения квалификации) государственных и муниципальных служащих для работы в сфере патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях образовательными организациями были исследованы программы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих (учебно-тематические планы), находящиеся в открытом доступе и полученные от образовательных учреждений, реализующих данные программы.

Анализ проводился с целью определения уровня программ и их соответствия нормативным требованиям, которые призваны обеспечить формирование и развитие специальных компетенций государственных и муниципальных служащих в области патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

Анализировались следующие *характеристики* программ:

– *Общие*: цель и структура программы, продолжительность и формы обучения; целевая аудитория; планируемые результаты и формы итоговой аттестации.

– *Содержательные*: тематическое содержание программ и модулей.

Были выявлены определенные тенденции.

В большинстве программ целеполагания являются пространными, довольно общими, что практически не дает возможности разработать и использовать контрольно-оценочный механизм по результатам прохождения курсов слушателями.

Так, в некоторых программах в разделе «Цель и задачи» перечислены цели и задачи без разделения на категории.

При анализе структуры программ и детальном рассмотрении их основных элементов: *цель, планируемые результаты обучения, формы промежуточной и итоговой аттестации*, были выявлены определенные тенденции.

Как показал анализ, продолжительность большинства программ составляла 72 часа, меньшая часть из общего количества – 16 ч., и 108 ч. (в то время как 16 ч. – это минимальный допустимый срок освоения программ повышения квалификации в соответствии с Приказом Минобрнауки России от 01.07.2013 N 499).

Таким образом, реализуются программы: до 72 ч. – 39% программ, 72 ч. – 55,5%, 108 ч. – 5,5%.

При обучении используются различные *формы*: очная, очно-заочная, аудиторная работа, так и обучение с применением дистанционных образовательных технологий под руководством опытных организаторов и высокопрофессиональных преподавателей-тьюторов. В рамках дистанционного обучения слушатель обеспечивается полным комплектом электронных учебно-методических материалов по теме программы (электронные учебные пособия, методические рекомендации по организации обучения, тестовые комплексы, дополнительные материалы).

Кроме этого, при реализации программ используются различные *методы* обучения:

– коммуникативно-диалоговые (дискуссия),

– имитационно-игровые (ролевые игры),

– проблемно-поисковые (занятие-исследование, разработки и защита творческих проектов),

– рефлексивные (тренинги коммуникативного и рефлексивного характера) и инфокоммуникативные (электронные средства поддержки и развития образовательного процесса, цифровые образовательные ресурсы, электронные учебно-методические комплексы, слайд-лекции).

Как положительный пример можно привести программы, в которых определены результаты обучения в виде перечня компетенций, совершенствование которых достигается по окончании обучения. Необходимо описывать компетенции, которые приобретает слушатель по окончании обучения в соответствии с ФГОС ВПО по направлению подготовки 081100 «Государственное и муниципальное управление (квалификация (степень) «бакалавр»)), а также знания, умения, навыки.

Образовательные учреждения, реализующие программы, используют формы *итоговой аттестации*, такие как:

- контрольная работа (реферат), итоговый тест для программ 72 ч. и 108 ч.;
- экзаменационное тестирование в дистанционном режиме, тестовые комплексы;
- зачет в форме тестирования;
- экзамен в форме тестирования, конференция;
- устный экзамен и/или защита итоговой аттестационной работы.

В соответствии с п. 20 государственных требований к профессиональной переподготовке, повышению квалификации и стажировке государственных гражданских служащих РФ (Постановление Правительства РФ от 6 мая 2008 г. N 362) освоение краткосрочных программ повышения квалификации (72 ч.) должно завершаться итоговой аттестацией в виде экзамена в форме тестирования, а среднесрочных программ (108 ч.) – к тестированию добавляется защита итоговой работы.

Таким образом, не во всех программах вид итоговой аттестации соответствует предъявляемым требованиям.

В большинстве программ содержание включает общие *темы* для всех категорий слушателей без разделения на обязательную и вариативную части. В вариативной части должны предлагаться темы для разных категорий слушателей с учетом профессиональных интересов.

При обзоре названий программ обращает внимание достаточно широкий спектр формулировок, например:

1. Профилактика экстремизма и терроризма.
2. Противодействие терроризму и экстремизму.
3. Кросс-культурные коммуникации, межконфессиональные отношения и профилактика экстремизма в РФ.
4. Межэтнические и межконфессиональные отношения. Профилактика экстремизма.
5. Профилактика и предупреждение террористической деятельности.
6. Государственная национальная политика в РФ и УР. Опыт гармонизации этноконфессиональных отношений и вызовы современности. Профилактика экстремизма и терроризма.
7. Государственная национальная политика и практика регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений на региональном и муниципальном уровнях.
8. Национальная политика: межэтнические и межконфессиональные отношения, профилактика экстремизма.

9. Актуальные вопросы развития межэтнических и межконфессиональных отношений в современной России. Организация работы по профилактике экстремизма в муниципальном образовании.

10. Деятельность органов власти по гармонизации межкультурных, межэтнических, межконфессиональных отношений и профилактике экстремизма.

11. Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в деятельности органов государственной власти, региональных и муниципальных органов власти.

12. Комплексные меры по профилактике экстремизма и терроризма.

13. Организация деятельности региональных и муниципальных органов власти в сфере профилактики межэтнических конфликтов и другие.

Некорректное использование формулировок вносит бессистемный характер в процесс разработки и реализации содержания самих программ и не дает возможность определить суть предоставляемых материалов в период проведения занятий.

Можно отметить, что только в 30% программ использованы формулировки, касающиеся непосредственно профессиональной деятельности органов исполнительной власти с учетом указанной выше проблемы.

Кроме разработанных программ образовательными учреждениями реализуются программы (спецкурсы), которые включают только отдельные темы, касающиеся тематики экстремизма и терроризма в рамках более общей программы, например программы «Вопросы реализации государственной национальной политики», «Национальная безопасность Российской Федерации». Как следствие, время и объем материала для изучения данных тем в таких программах небольшой и рассматривается в контексте основных тем программы – «Национальная политика» и «Национальная безопасность». Такой подход не учитывает все разнообразие и многогранность проблемы экстремизма и терроризма, не обеспечивает форсированность специальных компетенций на необходимом и достаточном уровнях.

При рассмотрении целевой аудитории выяснилось, что часть программ разработана исключительно для государственных и муниципальных слушателей; другая – предназначена для других категорий слушателей без учета специфики деятельности каждой категории. Например, общие программы разработаны для:

- преподавателей высших учебных заведений, государственных и муниципальных служащих,

представителей общественных организаций, сотрудников правоохранительных и судебных органов, а также лиц, осуществляющих общественную и государственную профилактику экстремизма и терроризма:

- для государственных и муниципальных служащих, учителей, преподавателей учебных заведений;

- для государственных и муниципальных служащих или лиц, замещающих муниципальные должности, сотрудников организаций, учреждений и предприятий различных форм собственности, имеющих разный уровень образования: высшее, среднее профессиональное.

Таким образом, можно сделать вывод, что содержание таких программ не учитывает специфику и уровень базовой компетентности каждой категории слушателей, что дает основание усомниться в их эффективности.

Пакет специальных компетенций, которые необходимо сформировать и развивать для преподавателей высших учебных заведений, сотрудников правоохранительных органов и государственных служащих, требует разработки и реализации отдельных тематических модулей.

Следует отметить положительный опыт работы по разработке программ и реализации программ, которые предназначены для различных категорий муниципальных служащих:

- «специалисты» и группы должностей «старшая», «ведущая» – краткосрочный вариант программы (72 ч.);

- «руководители», «помощники» (советники) и группы должностей «главные», «высшие» – краткосрочный вариант программы дополнен учебными модулями по вопросам управления устойчивым развитием муниципального образования (108 часов).

Подобный подход позволяет учитывать особенности, специфику профессиональной деятельности и базовый уровень подготовки каждой категории слушателей.

Тематику всех анализируемых программ можно сгруппировать в разделы:

- Национальная политика и межнациональные отношения.

- Межконфессиональные отношения.

- Экстремизм и терроризм. Профилактика.

- Информационная политика и безопасность. СМИ.

- Деятельность органов государственной власти.

- Миграционная политика.

- Региональные вопросы.

- ОБЖ.

- Вопросы психологии.

- Культурные аспекты.

- Технологии социальных процессов и противодействия распространению идеологии терроризма.

- Другие.

Можно выделить направления, которые присутствуют практически во всех программах, например: национальная политика и межнациональные отношения; межконфессиональные отношения; экстремизм и терроризм; региональные вопросы; вопросы профилактики экстремизма и терроризма. К сожалению, психолого-педагогические, культурологические аспекты включены не во все программы. Необходимо отметить, что некоторые программы разработаны на региональном уровне и отражают особенности этноконфессиональной и межнациональной ситуации, в остальных программах включены лишь одна-две темы, посвященные рассмотрению региональных особенностей. В программах отдельных вузов региональные аспекты практически не рассматриваются.

Почти во всех программах темам, относящимся к профессиональным компетенциям, посвящена небольшая часть.

Стоит отметить Программу «Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в деятельности органов государственной власти, региональных и муниципальных органов власти», которая проводится с помощью ресурса для конкретной целевой аудитории (госслужащие). Объем общекультурных и профессиональных вопросов составляет 44% и 55% соответственно. Однако продолжительность данной Программы составляет всего 16 часов, что ставит под сомнение качество обучения и особенно степень форсированности специальных компетенций, необходимых для работы в данной сфере.

Практически во всех программах отсутствуют вопросы, освещающие состояние дел, концепцию развития патриотического воспитания и деятельность органов исполнительной власти по реализации Программы патриотического воспитания в РФ и в регионах.

На основании анализа программ повышения квалификации государственных и муниципальных служащих можно отметить следующее:

1. Программы имеют разную продолжительность обучения – от 16 ч. до 108 ч.

2. В процессе обучения используются разные формы обучения: очные, очно-заочные, в том числе с применением дистанционных образовательных технологий.

3. Программы разработаны для государственных и муниципальных служащих, а также и для других категорий слушателей в основном без учета их специфики профессиональной деятельности.

4. Не все программы имеют четкие формулировки, целеполагание, планируемые результаты с учетом компетентностного подхода (статья 2 Федерального закона № 73-ФЗ).

5. Не во всех программах вид итоговой аттестации соответствует требованиям (п. 20 Государственных требований к профессиональной переподготовке, повышению квалификации и стажировке государственных гражданских служащих РФ).

6. Практически во всех программах не отражена тематика по патриотическому воспитанию.

В целом, программы повышения квалификации не соответствуют нормативным требованиям; их содержание носит бессистемный характер; планируемые результаты и формы итоговой аттестации не содержат критерии, отвечающие требованиям регламентирующих документов.

С целью обеспечения качества подготовки государственных и муниципальных служащих для работы в сфере патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях, исходя из вышеизложенного анализа, можно сделать следующие рекомендации для разработки долгосрочной программы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих:

1. Формулировки названия программы, цели должны конкретно и четко отражать суть содержания и целевого предназначения программы по указанной выше теме.

2. Тематическое содержание должно отражать федеральный уровень проблемы и учет региональных особенностей.

3. Продолжительность программы должна составлять не менее 144 ч., а также содержать в себе набор законченных модулей для различных категорий слушателей, включая как инвариантную, так и вариативную части.

4. Формами обучения могут быть очная, очно-заочная с применением дистанционных образовательных технологий.

5. Описание планируемых результатов должно быть представлено в виде перечня специальных компетенций в рамках имеющейся квалификации.

Разработка и реализация системы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих в сфере патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях требует решения следующих задач:

– Создание кадрового потенциала образовательных организаций в целях реализации

дополнительной образовательной программы государственных и муниципальных служащих в сфере патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях в соответствии с требованиями регламентирующих документов. Квалификация профессорско-преподавательского состава является показателем потенциала образовательного учреждения и эффективности процесса обучения [4]. Преподаватели являются главным ресурсом образовательного процесса. Учреждение, реализующее программы дополнительного профессионального образования и входящее в региональное сетевое объединение, должно гарантировать, что преподаватели обладают полноценными знаниями и владеют современной методикой преподавания, необходимыми умениями и опытом для эффективной передачи знаний в рамках образовательного процесса, а также для организации обратной связи [5].

– Организация научно-методической и консультационной поддержки, развитие спектра основных и дополнительных услуг в области противодействия идеологии экстремизма и терроризма работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий с учетом специфики профессиональной направленности каждой категории.

– Создание и реализация эффективных механизмов оценки качества специальной профессиональной подготовки по организации деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

– Научно-методическое обеспечение разработки и реализации системы (модели) повышения квалификации всех категорий населения в сфере патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях на основе регламента координации и контроля деятельности по данному направлению.

– Реализация образовательной программы (в объеме 144 ч.) на основе внедрения модульного принципа обучения, дающего возможность широко использовать инвариантную и вариативную части программы и проводить обучение с учетом особенностей профессиональной деятельности слушателей и их базового уровня компетентности.

– Разработка рекомендаций по повышению квалификации работников образовательной

сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий по организации деятельности по противодействию идеологии экстремизма и терроризма.

– Создание единой экспертной группы с привлечением специалистов по указанному выше направлению деятельности.

– Разработка технологии проведения экспертизы дополнительных образовательных программ согласно регламентирующим документам.

– Выявление наиболее эффективных форм и методов промежуточной и итоговой аттестации слушателей курсов.

В целях разработки эффективной системы повышения квалификации различных категорий специалистов и обучающихся, призванных проводить работу в сфере патриотического воспитания молодежи, противодействия идеологии экстремизма и терроризма на федеральном и региональном уровнях необходимо рекомендовать к реализации те дополнительные образовательные программы, которые прошли и получили положительные заключения по результатам экспертиз: научной, педагогической, общественной, этнокультурной и региональной, что позволит оценивать качество программ с точки зрения их соответствия предъявляемым требованиям.

Литература:

1. Гильмеева Р.Х. Гуманитарные технологии формирования поликультурной компетентности как фактора обеспечения духовно-нравственной безопасности России / Р.Х. Гильмеева // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 2(109). – С. 19-23.

2. Гильмеева Р.Х. Формирование духовно-нравственного иммунитета молодежи как условие профилактики экстремизма в безопасной образовательной среде / Р.Х. Гильмеева // Казанский педагогический журнал. – 2015. – Т. 3. – № 6-3(113). – С. 56-61.

3. Информационный портал Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>

4. Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А. Концепция учебно-методического обеспечения подготовки педагога для профессиональной образовательной организации / Ф.Ш. Мухаметзянова, Г.А. Шайхутдинова // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2014. – № 2(14). – С. 64-69.

5. Мухаметзянова Г.В., Мухаметзянов И.Ш., Гильмеева Р.Х., Леухина Т.С., Фахрутдинов Р.Р., Мухаметзянова Л.Ю. Инновационные ресурсы системы дополнительного профессионального образования: научно-методическое пособие / Г.В. Мухаметзянова, И.Ш. Мухаметзянов, Р.Х. Гильмеева, Т.С. Леухина, Р.Р. Фахрутдинов, Л.Ю. Мухаметзянова. – Казань, 2014.

Сведения об авторах:

Мухаметзянова Фарида Шамилевна (г. Казань, Россия), член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования», e-mail: ippno-rao@mail.ru

Гильмеева Римма Хамидовна (г. Казань, Россия), доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования».

Data about the authors:

F. Mukhametzyanova (Kazan, Russia), corresponding member of Russian Academy of Education (RAE), doctor of education, full professor, head of the Institute of the Problems of National and Ungraded School of Russian Academy of Education, e-mail: ippno-rao@mail.ru

R. Gilmeeva (Kazan, Russia), doctor of education, full professor, lead research officer at the Institute of the Problems of National and Ungraded School of Russian Academy of Education.

УДК 37

РЕЛИГИЯ, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЭКСТРЕМИЗМА

И.П. Смирнов

Аннотация. Автор рассматривает новые формы взаимодействия религии, науки и образования, истоки формирования экстремизма и толерантности в современном мире, обосновывает роль религии в светском государстве. Автором раскрыта суть недавно принятого Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» (№ 314, поправки от 23.11.2015) и доказана необходимость признания теологии как предмета образования и научной дисциплины.

Ключевые слова: религия, наука, образование, экстремизм, толерантность, светское государство, теология.

RELIGION, SCIENCE, EDUCATION: THE ORIGIN OF TOLERANCE AND EXTREMISM

I. Smirnov

Abstract. The author investigates new forms of interrelation between religion, science and education, the origin of extremism development and tolerance in present-day world. The author also reasons the role of religion in secular state. The author reveals the essence of the Federal Law of Russian Federation № 314-ФЗ (314-FZ) “On Introducing Amendments to the Federal Law “On Countering Extremist Activities” that was adopted in November, 23, 2015 and proves the necessity of identifying theology as the education module and science discipline.

Keywords: religion, science, education, extremism, tolerance, secular state, theology.

После взорвавшего мир своим варварством расстрела в январе 2015 года редакции парижского журнала Charlie Hebdo в мировом сообществе обострилась дискуссия о миссии религии в современной цивилизации. Мнения, как водится, высказываются разные, нередко полярные, порою и эмоциональные. Организованный после событий в Париже марш единства с участием Оланда, Меркель и лидеров 40 других стран, в том числе и министра иностранных дел России С. Лаврова, глава Чечни Р. Кадыров назвал «уличным шоу в поддержку вседозволенности». И собрал митинг в Грозном, по численности практически равный взрослому населению всей Чечни. «Вездесущий» Роспотребнадзор вынес предупреждения ряду российских СМИ, опубликовавших карикатуры на пророка Мухаммеда [15]. На что «хитрые» журналисты, в свою очередь, смиренно попросили дать им список святынь, которые нельзя критиковать. Вопрос был задан в полной уверенности отсутствия на него адекватного ответа.

На удивление вопрошающих такой список вскоре появился. Президент РФ В. Путин подписал закон, согласно которому содержание и цитаты из таких священных религиозных книг, как: Библия, Коран, Танах (Священное писание в иудаизме) и Ганджур (собрание священных буддийских текстов), не могут быть признаны экстремистскими материалами. Согласно Конституции РФ (ст.28) каждому гарантируется

свобода вероисповедания, включая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. А Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» в своей преамбуле дополнительно поясняет, что именно христианство, ислам, иудаизм и буддизм составляют неотъемлемую часть исторического наследия народов России.

Есть и религиозное толкование неприкосновенности священных писаний. «Канон библейских книг не подлежит ревизии, – замечает автор книги «Как появилась Библия», писатель Конрад Эдель, – Бог так передал Свое Слово, что оно содержит ответы на все времена и остается актуальным во веки веков» [16].

Люди предупреждены, что не смеют ничего ни прибавлять к Слову Божьему, ни отнимать от него. «Предостерегающие знаки» расставлены в самом тексте Библии: «Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам заповедую» (Второзаконие 4:2). «Всякое слово Бога чисто; Он – щит уповающим на Него. Не прибавляй к словам Его, чтобы Он не обличил тебя, и ты не оказался лжецом» (Притчи 30:5 – 6). Потому священные писания и остаются сопровождающими всю историю человека заветами. Библия (или ее части), например, переведена на 1829 языков, а тиражи священных книг несравнимы с тиражами любых авторов.

Важно помнить и тот исторический факт, что образование изначально возникло как учение церковной грамоте и из десяти веков развития просвещения на Руси семь веков оно развивалось как просвещение церковное, а еще два – под глубоким, хотя и уменьшающимся с течением времени, воздействием Церкви. Вспомним слова раннего Л. Толстого: «Образование, имеющее свою основную религию, т.е. божественное откровение, в истине и законности которого никто не сомневается, неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насилие в этом, но только в этом случае законно» [1]. Религия была и во многом остается духовной скрепой общества, хотя и потеряла принудительный характер.

Две трети (66%) жителей планеты считают себя людьми религиозными, 6% – убежденными атеистами, 25% называют себя нерелигиозными людьми, точнее сказать, сомневающимися. Атеистов за последние годы потеснили сомневающиеся, что говорит в пользу религии.

Наиболее сильна вера на африканском континенте, где о приверженности к религии заявляют 91%, в Латинской Америке – 82%, в Западной Европе – 60%. Уровень религиозности колеблется не только между странами, но и внутри их. Из 57% верующих россиян самые высокие показатели у пенсионеров – 65%, а также лиц с низким или средним уровнем дохода (60%). Ниже средних – у жителей крупных городов (42%) и у мужчин.

В некоторых странах мира религия ослабила влияние на общество, при этом критике подвергаются все религии. Выдающийся британский историк Арнольд Тойнби верно заметил: «Богослужение превратилось в эзотерическое заклинание на литургическом языке, который давно уже перестал быть родным живым языком существующих общин» [2]. При посещении православной церкви в России также бывает трудно, а порой и невозможно, понять слова священнослужителя, излагающего молитву на старославянском языке. Назвать это проповедью («распространение каких-либо идей, учений или верований») никак нельзя. В таком исполнении она превращается в технический обряд. Католическая церковь, например, лишена такого недостатка, здесь идет интерактивное общение в понятных терминах и содержательных молитвах. Но становится очевидным одно: обряды церкви, как и светские традиции, нуждаются в развитии, ибо постоянно обновляется и весь мир.

Еще недавно казалось, что атеизм победоносно шествует по планете, тесня религию. Но в конце XX века неожиданно

появился новый вектор: ученые начали проявлять живой интерес к религиозно-духовным концепциям в попытках достигнуть более полного видения жизни и мира в целом и изменили отношение к религии и политике.

Многие годы обращения Папы Римского Иоанна Павла II с изъявлением готовности приехать в Белоруссию вызывали вежливые отказы по причине «несвоевременности» такого визита. Но закрытая для высоких визитов страна внезапно открылась, сразу по многим направлениям. Здесь проявил себя новый вектор в системе взаимоотношений «государство и религия». Президент А. Лукашенко неожиданно передал личное приглашение Понтифику посетить Белоруссию. Патриарший экзарх всея Белоруссии Филарет получил звание Героя Белоруссии. О себе «батька Лукашенко» выразился осторожно: «Я православный атеист». С трудом, но можно понять [3].

Странным и внешне противоречивым является тот факт, что именно современная наука стала побудителем более частого обращения к Богу. Некогда базовая эволюционная теория, отцом которой считается Чарлз Дарвин, сегодня подвергнута сомнению на том основании, что среди исторических окаменелостей до сих пор не обнаружено никаких последовательных серий переходных звеньев. Сам «Отец» эволюционной теории в работе «Происхождение видов» указывал на отсутствие таких четко постепенных цепочек, объясняя это крайним несовершенством геологических изысканий. Одновременно он признавал, что отсутствие таких доказательств может стать «роковым для моей теории». Сейчас, когда раскопаны все стоянки древнего человека, курганы, пирамиды и другие могильники, теория Ч. Дарвина и вовсе теряет доказательность. Любопытен и редко упоминаемый биографический факт отказа Дарвина в конце жизни от христианства и перехода к атеизму. Хотя он был воспитан в традициях Англиканской церкви и даже одно время хотел стать священником. Многие полагали, что Дарвин потерял веру из-за своей убежденности в эволюции. Но это не так. В конце своей жизни Дарвин настаивал на том, что теория эволюции полностью совместима с христианской верой.

Сегодня немало ученых, которые в эволюцию больше не верят. Этот новый вектор породил в естественных науках целое направление «Креационизм» (от лат. creatio – создание), которое возглавил автор книги о всемирном Потопе Генри Моррис. Оно объясняет происхождение мира актом

сверхъестественного творения. Его сторонники предлагают включить в программы учебных заведений теорию божественного сотворения мира как противовес теории эволюции. Правомерности такой точке зрения придает тот факт, что ни эволюционизм, ни креационизм не могут быть научно доказаны.

Наш великий современник, автор модели «ядерной зимы», академик Н. Моисеев настаивал на совместимости науки с религиозными убеждениями. Они не противоречат, а отражают сущности двух кардинальных вопросов, один из которых порождён практикой деятельности, другой – духовным миром, отражающим особенности феномена человека, нам пока ещё недоступные. За порогом рационального восприятия у человека однажды рождается вопрос: «Зачем существуют и небо, и земля, и вода, и я сам, наконец. Никакая логика, никакая наука не могут дать на этот вопрос какого-либо удовлетворительного ответа» [4].

Интереснее, пожалуй, даже вопрос не «зачем?», что еще можно как-то объяснить, а «откуда?» Сегодня, увы, происхождение материи можно объяснить только идеалистически – сотворением. Так же как нельзя понять бесконечность Вселенной, на чем настаивает наука. Вот уж истинно: умом Вселенную не понять! «Не существует умопостигаемого мира», говорил Ф. Ницше. Языком современной науки невозможно описать и механизм мышления, работы мозга человека. Многими учеными утверждается принципиальная невозможность создания искусственного интеллекта, равного человеческому.

В полный унисон этому прозвучал призыв Патриарха Кирилла на Рождественских образовательных чтениях (2015 г.) включить богословие и теологию в перечень научных дисциплин [18]. Логика в этом видна. Сейчас в России 36 вузов, в том числе 21 государственный, выдают дипломы бакалавров и магистров теологии. Приказом Минобрнауки РФ (№ 49, 17 января 2011 г.) утвержден федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 033400 Теология (квалификация (степень), магистр).

Бурная дискуссия развернулась вокруг вопроса о допустимости включения теологии в государственный перечень научных специальностей. Известно открытое «Письмо десяти академиков РАН» (Е. Александрова, Ж. Алфёрова, В. Гинзбурга и др.) «Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны?»,

выступивших против такого включения. Вначале их поддержало Минобрнауки РФ.

Однако 225 докторов и кандидатов наук выступили за официальное признание теологии, в том числе Президент Российского союза ректоров, ректор МГУ, академик В. Садовничий [19].

В поддержку признания в России на государственном уровне теологических дипломов, кандидатских и докторских диссертаций выступил ряд профессоров известных немецких университетов. В самой Германии на факультетах теологии обучаются 52 тысячи человек, при этом ежегодно защищается около 200 кандидатских и 50 докторских диссертаций по теологии.

Полезно помнить также, что и в России первые университеты рождались вокруг теологических факультетов, и именно богословие дало толчок для развития науки. Богословские факультеты до революции 1917 года существовали во всех университетах. Студенты-теологи могли не только получить диплом, но и продолжить научную карьеру.

После многолетней дискуссии теология как наука была признана и в России. По сути, ее научный характер исторически давно сформирован. Даже христианские богословы, хотя и не слишком охотно, признают Новый Завет как авторизованное откровение. Несомненно, что на его изложение повлияли различные взгляды евангелистов: их политические пристрастия, историческое мировоззрение, социальное положение, уровень образования. Библия давно очеловечена. «Про Сократа как прообраз Христа еще Гегель писал», – напоминает известный писатель Д. Быков (кстати, член Общественной комиссии при Минобрнауки РФ).

Исламские теософы отрицают какую-либо авторизацию Корана. По их мнению, Коран – это не регистрация откровения, сделанная человеком, пусть даже таким великим, как пророк Мухаммед, Коран – это само откровение во всей его полноте, и потому он не подлежит осмыслению, то есть каким-либо интерпретациям.

Свидетельством давно сложившегося научного характера богословия является и Папская академия наук (итал. Pontificia Accademia delle Scienze), основанная в 1936 году Римско-католической церковью. Ее цель – исследование математических, физических, естественных наук и связанных с ними богословских вопросов. Кандидаты в члены Академии выдвигаются Советом Академиков и выбираются из мужчин и женщин различных

вероисповеданий, с учётом их научных заслуг и морального состояния и официально назначаются Папой Римским. Среди членов Академии немало знаменитых учёных, например: Макс Планк, Нильс Бор, Поль Дирак, Эрвин Шрёдингер, Александр Флеминг... Их научные исследования накладываются на фундаментальные религиозные представления и позволяют глубже понять природу мироздания. А неизбежные при этом противоречия становятся предметом дальнейшего углубленного анализа.

Ныне здравствующий Папа Римский Франциск, выступая 28 октября 2014 года на заседании Папской академии наук, заявил: «Большой взрыв, который сегодня считается началом мира, не противоречит вмешательству божественного создателя, а скорее нуждается в нем. Эволюция в природе не противоречит понятию сотворения, потому что эволюция требует создания существ, которые развиваются». Понтифик добавил, что Бога довольно легко представить себе волшебником с палочкой, который творит все, что захочет, однако это не так. Другими словами, процесс сотворения мира тоже можно и даже нужно описывать языком науки [5].

Выходит, ситуация меняется? Появился новый вектор – совместного развития науки и религии, а также, как следствие, образования и религии. А ведь когда то мыслители утверждали: «Вера в бога и знания – все равно, что две чаши весов: когда одна поднимается, другая опускается» (А. Шопенгауэр).

В историко-педагогических исследованиях чаще всего утверждается, что ранее неизбежное единство школы и церкви было нарушено только в результате установления Советской власти, других исторических причин вроде бы и нет. Но очевидное – не всегда достаточное. Если вспомнить, что наиболее развитые государства в своих конституциях сегодня заявляют о светском характере, трудно поверить, что они тоже последовали за Советской властью. Процесс отказа общества и школы от религии был очень непростым. Общество как сложноорганизованная система обладает огромной инерционностью, оно не могло разом с «залпом Авроры» изменить свои вековые религиозные убеждения. За веру после революции страдали не только священнослужители, но и ее сторонники. Тем более, не мог резко поменять свою идеологическую сущность такой консервативный институт, как школа и «школослужители». Многие долго продолжали веровать и креститься тайно, и не только

рядовые учителя. Так, например, в исторической публицистике можно найти малоизвестный факт о религиозных пристрастиях первого советского наркома просвещения А.В. Луначарского. Будучи на людях воинствующим атеистом, нарком в то же время продолжал посещать спиритические сеансы, довольно популярные у кремлевской элиты, и регулярно совершал на могиле своей старшей дочери черную мессу. Однако все это было тайно. Для широкой публики Анатолий Васильевич был фанатик безбожия, чуждый всяким суевериям [6].

Начиная с XIX века в школе, и не только российской, постепенно все большее значение приобретало научное знание, которое стало теснить религиозное, не отрицая его полностью. Выживаемость и в определенной мере ренессанс религии в современном мире объяснимы не только тем, что она является частью культуры и истории народа, но и эффективной формой воспитания. Религия (если исключить фундаментализм) всегда противостояла губительным для человечества идеологическим принципам и установкам, например, экстремизму, а также служила помехой для тоталитарного режима. Немецкие историки пишут, что в узком кругу своих приближенных Гитлер не раз высказывал планы «окончательно покончить с церковью после завершения победоносной войны» [7]. Не успел, как и Сталин.

Конституирование теологии, включение в государственный перечень научных специальностей позволит ей участвовать в диалоге наук, а также в широких мировоззренческих дискуссиях. Весьма актуальным для теологии, например, является изучение природы религиозного фундаментализма (в том числе терроризма), сектантства, оккультизма.

Именно научный подход позволяет увидеть в религии не истоки экстремизма, а потенциал толерантности. Экстремизм – это не религиозная и не мусульманская проблема. В США, например, правые экстремисты убивают больше людей, чем радикальные исламисты. В 2011 году бойню на Утеге в Норвегии (77 жертв) устроил всего один ультраправый террорист Андерс Брейвик. С 2006 года на Западе более половины жертв терроризма были убиты «волками-одиночками» (не исламистами), которые в своем большинстве вдохновлялись ультраправой или националистической политикой. Буддисты тоже не все пацифисты: 23 октября 2012 года буддистские экстремисты устроили нападение на деревню в Бирме и убили там 70 человек, из них 28 детей [8].

При анализе терроризма необходима научная объективность и та же беспристрастность, что и при рассмотрении криминальных, подсудных деяний. Когда юристов спрашивают о причинах судебных ошибок, они чаще всего ссылаются не на текст закона, а на его неверную, порою и предумышленную трактовку. Так же неправомерно искать истоки терроризма в священных книгах. Они – в произвольном толковании текстов Библии или Корана.

Подобное случается и в научной среде при анализе юридических положений, требующих глубокого осмысления. «Достаточно просто помнить 28-ю статью Конституции РФ», – замечал на Рождественских образовательных чтениях (2012 г.) бывший тогда президентм РАО академик Никандров Н.Д., – «где каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право <...> распространять религиозные и иные убеждения». Положения о светскости нашего государства и многообразии идеологий никак не меняют этой фундаментальной свободы. И поскольку в статье нет каких-либо ограничений по месту и времени, это означает, что кто угодно, например школьный учитель, в любое время, например на уроке, может распространять свои религиозные убеждения [9].

Позицию известного, уважаемого и глубоко верующего ученого-педагога полезно разобратить более внимательно. При сделанной им ссылке на текст Конституции РФ следовало бы разделить право «распространять убеждения» личного характера и право «образовывать и обучать» согласно государственным образовательным стандартам. К тому же пропаганда одной религии в классе невозможна, потому, что учащиеся сегодня неоднородны по убеждениям и по вере.

Как известно, с 2012 года в большинстве российских школ введен курс основ религиозной культуры и светской этики. Школьники вместе с родителями должны выбрать один из предложенных модулей: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики». Но новый курс нацелен не на распространение личных убеждений, а на изучение существующих религий как части общечеловеческой культуры. Исследования показывают, что родители чаще всего выбирают для своих детей-школьников изучение светской этики (42,7%), а «Основы православной культуры» (несмотря на административное

давление, которое практикуют во многих регионах) – всего 31,7% [10].

Последние годы заставили мировое сообщество вздрогнуть и громко заговорить на тему религиозных отношений и конфликтов, особенно связанных с мусульманским радикализмом. Причем не только в обществах с государственной религией, но и в светских государствах. Так, например, пугающая история произошла на севере Пакистана. Главы местных племен приговорили шесть человек к смертной казни за пение и танцы во время свадебной церемонии в горной деревне Гада. Местные духовные власти вынесли такой приговор после того, как ознакомились с видеозаписью, сделанной на камеру мобильного телефона. На ней видно, как четыре женщины и двое мужчин развлекаются во время свадебной церемонии, в то время как местные законы предписывают мужчинам и женщинам находиться отдельно друг от друга и тем более запрещают женщинам танцевать. Радикализм в ряде стран уже замещает правовые нормы. По данным комиссии по правам человека Пакистана, около 950 женщин и девушек были казнены в прошлом году за нарушение исламских норм поведения.

Российские СМИ сообщали о принятом в Чечне решении разрушать дома террористов и изгонять из республики их семьи. Разночтения с федеральным законодательством здесь объясняют мусульманскими традициями, что не может быть принято в светском государстве.

Председатель Синодального отдела Московского патриархата (теперь уже – бывший), протоирей В. Чаплин призвал верующих к финансовой ответственности за церковь и предложил вернуться к «церковной десятине»: если ты христианин, то должен отдавать десятую часть дохода на церковь. Но современное государство так «обложило» своих граждан, что лучше к этой проблеме не возвращаться.

Далеко не все исторические траектории надо развивать в будущем.

В.Ф. Одоевский, П.А. Чаадаев, К.Д. Ушинский решительно выступали за национальные основы образования в школе, полагая, что на этих основах должно покоиться преподавание всех дисциплин, даже естественных и математических [11]. Русский народ, считали они, великий и мощный, должен вовсе не подчиняться воздействию других народов.

Посмотрим, есть ли «мостик в сегодня» от этой великорусской идеи и куда он ведет? Есть. В нашумевшей книге (учебное пособие) главного на сегодня геополитика А. Дугина

находим: «Битва за мировое господство русских не закончилась <...>. Русские должны осознать, что в первую очередь они являются православными, во вторую – русскими, и лишь в третью – людьми <...>. В конечном счете, должен быть выдвинут радикальный лозунг: «нация – все, индивидуум – ничто» [12]. Ну что тут скажешь? Только вспомнишь Гитлера. Такой вот получился мостик.

Н.И. Пирогов негативно относился к идее детских садов, пытающихся заменить органичное, народное и любовное семейное воспитание. Мостик «в сегодня» от этой идеи классика тоже не сложился. Новый Закон «Об образовании в РФ» провозгласил дошкольное образование самостоятельным и полноценным уровнем образования.

К.Д. Ушинский считал недопустимым раннее изучение иностранных языков: это ведет к рассеиванию внимания, нарушению логики мышления и в итоге наносит психике и мыслительным способностям ребенка непоправимый вред. А ЮНЕСКО во Всемирном докладе «К обществам знания» рекомендует в XXI веке развивать как минимум двуязычное образование и в тех странах, где на это есть средства, трехязычное. Министр Д. Ливанов в сентябре 2015 года объявил о введении в школе изучения второго иностранного языка.

Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский отвергали роль игры в процессе воспитания, призывали ограждать детей от лицедейства, начиная от поведения в обществе, дома и заканчивая театральными подмостками, которые считали недопустимыми в школе. Упрекали в «актерском двоедушии», губительном для ребенка. Учить изображать другого, фантазировать, говорить чужие слова – не дело детей. И иезуитские школы стали именем нарицательным не в последнюю очередь потому, что учили детей играть в театральные пьесы, то есть «казаться», а не «быть». В то же время игра стала сегодня одним из признанных и широко используемых дидактических методов обучения.

Изложение подобных высказываний уважаемых классиков педагогики без развернутых научных комментариев может дезориентировать педагогов. Ведь у нас до сих пор принято со святостью относиться к любому высказыванию классика, безотносительно к требованиям новой эпохи. Но можно и должно, сохраняя уважение к великому педагогическому наследию, преломлять их идеи через новую реальность, представить которую в их время было невозможно. И там, где можно, строить мосты на прочном фундаменте проверенных веками истин.

Так же и с религией. В светском понимании церковь отделена от государства, но религия становится ближе к обществу. Папа Римский Франциск выразил это словами: «Пришло время пройти часть пути вместе».

Понтифик так раскрывает свою мысль: «Христианская вера благодаря новизне и влиянию на жизнь человека на протяжении веков была символом света, а ее представили как темное суеверие, которое противостоит свету разума». От этого, как можно понять, и пролегал водораздел между религией и обществом, между образованием и верой. Сказанное можно отнести и к произвольной трактовке мусульманской веры.

Каждый верит в свою истину. Но на вопрос «Является ли греховой или ошибочной мысль о том, что не существует абсолютной истины?» Папа Франциск ответил: «Не стал бы утверждать, что существует «абсолютная» истина. Каждый из нас по-своему понимает истину, она дается нам для выбора жизненного пути. Нужно выйти из тупика <...> абсолютного, начать серьезный и конструктивный диалог».

В качестве готовности к новому диалогу Папа Римский изложил свою версию рождения Христа. Понтифик утверждает: многие атрибуты Рождества, которые католики используют для оформления, были придуманы только в VII веке после появления Спасителя на свет. Сцена Рождения Спасителя на самом деле была не такой, как ее принято изображать в рождественском вертепе. Обычно в преддверии праздника в западных странах очень популярно устанавливать фигурки младенца в яслях в окружении девы Марии и Иосифа. Здесь же изображаются и животные: осел, вол и овцы, которые якобы согревали новорожденного дыханием. Но в Евангелиях, замечает Папа Римский, никакого упоминания ни об осле, ни об овцах, ни о мычащем воле нет. И ангелы не пели пастухам песни, провозглашая рождение Иисуса. А значит, все традиционные песнопения, которые можно слышать во всех католических и англиканских храмах, не имеют никакого отношения к реально происходившему более 2000 лет назад.

Рассуждая о святых и ранее незыблемых легендах, Папа Римский дает понять, что возможен новый вектор отношений религии и науки, образования и веры, бога и человека. По мысли Понтифика, величие человека в том, что он может размышлять о Боге [13].

Истоки толерантности сегодня формируются на основе все более активного взаимодействия религии, науки и образования. Можно утверждать, что современное понятие

«общечеловеческие ценности» и его основное содержание стали продуктом их взаимодействия. Дискуссия о том, какая из религий гуманнее, не имеет смыслового содержания. В своей глубинной основе они базируются на общечеловеческих ценностях: честность, бескорыстие, неприятие насилия, семейные ценности, почитание старших, уважение труда. И каждая религия, доведенная до радикализма, может стать общественно опасной. В истории каждой из них есть постыдные страницы «крестовых походов», расправы с еретиками, террористические акты. «Печально, но это факт человеческой истории – религия была главным источником конфликтов», – пишет Далай-лама XIV в своей книге «Этика для нового тысячелетия».

«Я не сторонник суперрелигии или новой всемирной религии, – продолжает свою мысль он. – Она означала бы потерю уникальных особенностей различных вероучений. Мне кажется, что большую пользу могли бы принести периодические встречи религиозных лидеров, во время которых они молились бы о чём-то общем. Как было на встрече в Ассизах, в Италии, в 1986 году, когда представители всех мировых религий собрались, чтобы помолиться за мир».

Далай-лама считает весьма привлекательной идею мирового парламента религий. Начать с того, что само слово «парламент» несет в себе дух демократии, а множественное число слова «религия» подчеркивает важность принципа разнообразия религиозных традиций. Так можно было бы избежать крайностей религиозного фанатизма, с одной стороны, и уклона в ненужный синкретизм – с другой [14].

Новые традиции и уклады формируются трудно. Но важно видеть их обновляющиеся векторы, понимать природу и разьяснять тем, кому по ним предстоит жить. Именно поэтому тема «Религия, наука, образование» все более обретает педагогический характер.

Новый вектор в отношениях сообщества с религией стал одним из величайших следствий движения человечества по демократическому пути, оказывающим существенное влияние на образ мышления и поведения людей. Изменения видны и становятся все заметнее в России.

У религии есть чему учиться. Бертран Рассел, которого называют Вольтером двадцатого века, замечал: «Существует лишь одно сильное учреждение, которое никогда не имело никаких элементов наследственной власти, а именно католическая церковь. Мы можем ожидать, что диктатуры, если они выживут, постепенно разовьются в форму

правления, аналогичную правлению церкви» [17].

В январе 2015 года Патриарх Русской православной церкви Кирилл впервые выступил с трибуны Государственной Думы. Раньше обращения к Федеральному собранию считались прерогативой Президента России. Визит Патриарха и его публичную речь в Думе уже назвали историческими. Это так, но скорее не по содержанию речи, а по факту встречи. (Для справки: в 1990 году в Верховном Совете СССР выступал патриарх Алексей II при обсуждении проекта закона о свободе совести и религиозных организаций. Патриархи Пимен и Алексей II приглашались на заседания Генеральных Ассамблей ООН).

Но после визита Патриарха Кирилла в Государственную Думу возник шлейф проблем. И главная из них, беспокоящая другие религиозные конфессии, – православизация России. Об этом свидетельствуют дискуссии о внесении в Конституцию РФ Положения о государственном культурнообразующем значении православия. Возможно, политики не осознают реальные противоречия так остро, как их чувствуют педагоги, ежедневно погруженные в многоконфессиональные аудитории.

Будущее проблемы «Религия, наука, образование» формируется в современной школе, общеобразовательной и профессиональной. Тяжело переступив через порог принудительного атеизма, российское образование ищет себя в новых мировых векторах государственно-религиозных отношений.

Приходит понимание религии как основы мировоззрения не только прошлого, но и будущего как базиса духовного начала. «Религия есть только формула нравственности» (Ф. Достоевский). Мир без существующих веками религий был бы сильно обеднен. Вера наделяет человека представлением о трансцендентности, мотивирует толерантность, заботу о других. Почти все благотворительные организации в мире основаны на вере. Именно поэтому к религии поворачивается и наука, и образование, и все общество.

Статья 14 Конституции РФ определяет Россию как «светское государство». В нем не существует официальной религии, а выбор веры или отказ от нее являются личным делом каждого. Государственные лица своими действиями не вправе навязывать людям убеждения. Такая светская форма взаимоотношений государства и церкви установлена в США, Франции, Германии, всего – в 113 странах мира.

Тема «Религия, наука, образование» очень деликатная. За веру страдали и мучились, ненавидели и убивали. Возможно, поэтому в общепринятом международном стандарте этики, помимо двух традиционных вопросов, которые

нельзя задавать: «Сколько получаешь?» и «За кого голосуешь?», существует и третий: «Веришь ли ты в бога?».

Не будем и мы задавать друг другу последний вопрос.

Литература:

1. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. [Электронный ресурс]. – Москва. – 1978 – 1985. – Том 17. – С. 11. – Режим доступа: <http://rulitera.narod.ru>
2. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. – Москва. – Айрис-Пресс. – 2002. – С. 231.
3. Карней И. «Православный атеист» Лукашенко соскучился по папе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/453241.html>.
4. Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: fictionbook.ru/author/moiseev_nikita.../kak_daleko.../download.a6.pdf. – С. 571.
5. Минин С. Большой взрыв Папы Франциска / С. Минин. – Независимая газета, 30.10.2014.
6. Шишкин О. Красный Франкенштейн: Секретные эксперименты Кремля / О. Шишкин. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – С. 103.
7. Кноп Г. Дети Гитлера / Г. Кноп. – Олма-Пресс, 2004. – С. 164.
8. Брукс Р. Терроризм нельзя ликвидировать, а можно только сдерживать [Электронный ресурс] / Р. Брукс. – Slate_fr., 20.12.2015. - Режим доступа: <http://inosmi.ru/politic/20151220/234860805.html>
9. Никандров Н.Д. Выступление на XX Международных Рождественских образовательных чтениях / Н.Д. Никандров. – Интернет-журнал «Проблемы современного образования», 2012. – № 1. – С. 6.
10. Гонтмахер Е. Скрепки загнули не туда / Е. Гонтмахер. – Московский Комсомолец от 23 января 2014 г.
11. Беленчук Л.Н. История отечественной педагогики: учебное пособие / Л.Н. Беленчук. – М.: ФГНУ ИТИП РАО, Издательский Центр ИЭТ, 2013. – 120 с.
12. Дугин А. Основы геополитики: учебное пособие [Электронный ресурс] / А. Дугин. – Режим доступа: <http://tululu.org/b54722>. – С. 328,412,417.
13. Папа Римский изложил свою версию рождения Христа. – Передача радиостанции «Вести ФМ» от 22 ноября 2012.
14. Далай-лама XIV. Этика для нового тысячелетия. – Изд-во: Центр тибетской культуры и информации, 2001.
15. Роскомнадзор вынес предупреждения трем СМИ за карикатуры Charlie Hebdo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: polit.ru/news/2015/01/21/roskomnadzor/
16. Конрад Эдель. Как появилась Библия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: alleng.ru/d/relig/relig038.htm. – С. 39.
17. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. – Изд. 3-е, исправленное; науч. редактор издания профессор В.В. Целищев. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2001. – С. 412.
18. Кузнецов А. Патриарх Кирилл предложил запретить в России бесплатные аборт [Электронный ресурс] / РБК.ру от 22.01.2015. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/22/01/2015/54c0c3939a79478c66300635>
19. Теология - это наука: интервью с ректором МГУ Виктором Антоновичем Садовничим [Электронный ресурс] / Молодёжный интернет-журнал МГУ. - Режим доступа: taday.ru/text/32482.html

Сведения об авторе:

Смирнов Игорь Павлович (г. Москва, Россия), доктор философских наук, член-корреспондент РАО, e-mail: ips2@list.ru

Data about the author:

I. Smirnov (Moscow, Russia), doctor of philosophy, corresponding member of Russian Academy of Education, e-mail: ips2@list.ru

УДК 378

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БЕЗОПАСНОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

В.Ш. Масленникова¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы к разработке модели безопасной личности, отражающей ее свойства как субъекта безопасности, субъекта жизнедеятельности и саморазвития на основе опыта, психических свойств, личностных качеств, а также ценностно-смысловой сферы личности. В зависимости от понимания роли этих свойств все многообразие предложений по обеспечению безопасности личности можно объединить в четыре подхода. Первый – ограждающий подход, поскольку сама личность выступает как объект безопасности. Второй подход – образовательно-воспитательный, исходит из рассмотрения личности как субъекта собственной безопасности. Третий – проектно-развивающий подход, предполагает формирование личностных образований, позволяющих личности быть устойчивой к негативным воздействиям. Четвертый – созидательный подход, исходит из того, что основной причиной возникающих опасностей является сам человек – субъект собственного развития.

Ключевые слова: безопасная личность, модель безопасной личности, культура здоровья, ценностно-смысловая сфера личности, проектно-развивающий подход.

THEORETICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF STUDENT'S SAFE IDENTITY

V. Maslennikova

Abstract. In article theoretical approaches to development of model of the safe personality reflecting its properties as the subject of safety, the subject of activity and self-development on the basis of experience, mental properties, personal qualities, and also the valuable and semantic sphere of the personality are considered. According to the comprehension of the role of these properties the variety of suggests of personality protection can be united in four approaches. The first one is the barrier approach when the personality itself plays the role of the object of safety. The second approach is educational approach; it consists in treating the personality as the subject of its own safety. The third one is design developing approach that supposes the formation of personality units, which let the personality to be resistant to negative impacts. The forth one is the creative approach that proceeds from the fact that a human being the subject of self-development is the key reason of the menace arouse.

Keywords: safe personality, model of safe personality, culture of health, valuable and semantic sphere of the personality, design developing approach.

К существующим глобальным угрозам безопасности, таким как инфекционные болезни, экологическая деградация, распространение оружия массового поражения, транснациональная организованная преступность, добавились такие социально негативные явления, как терроризм и экстремизм.

В настоящее время экстремизм является одним из факторов, оказывающих негативное влияние на экономику, политику, правопорядок, социальную стабильность, будущее детей и молодежи. Экстремизм, являющийся одним из реальных способов установления тоталитаризма, перенял от него основную характерную черту – выдвижение упрощенных, элементарных вариантов решения сложнейших общественных проблем. Этим обуславливается рост популярности идей экстремизма в молодежной среде.

В молодежной среде, как правило, экстремизм проявляется в деформациях сознания, увлеченности националистическими, неонацистскими идеологиями, не традиционными для Российской Федерации новыми религиозными доктринами, в участии в деятельности радикальных движений и групп, совершении противоправных, а иногда и преступных, действий в связи со своими убеждениями.

Широкое распространение молодежного экстремизма – это свидетельство недостаточной социальной адаптации личности, развития асоциальных установок ее сознания, вызывающих противоправные образцы ее поведения [4].

Ибо «порой стремление уйти от реальности толкает молодежь, имеющую доступ к глобальному виртуальному пространству, к поиску новых, нередко агрессивных, идей и

стереотипов, характерных для сектантства, неформальных объединений и тайных организаций. Некоторые из них отличаются эмоциональной восприимчивостью (романтизмом, наивностью, конформизмом), другие же – депрессивной замкнутостью, негативным отношением к окружающей действительности. <...> В короткие сроки может сформироваться особенный социально опасный психотип, социально-психологический портрет которого имеет четко выраженную направленность личности на полное самоотречение и подвластность управлению извне. <...> В такой ситуации они готовы к активному противодействию всему, что находится за пределами их «нового состояния», воспринимая свое предыдущее существование как несправедливость и противоправность» [3].

Сказанное приводит к выводу о том, что сегодня на этапе становления находится не только обеспечение безопасности поликультурной образовательной среды, но и становление социальной личности самого обучающегося, который должен обладать эмоциональной устойчивостью, быть готовым и способным к конструктивному взаимодействию с окружающими в условиях культурного многообразия общества, осуществляемому как в социальной, так и в образовательной среде, обеспечивая тем самым свою безопасность [1].

Безопасность человека, являясь составляющей современных глобальных проблем, связанных с благополучием цивилизации и самим выживанием человечества, выходит сегодня на одно из первых мест по своей актуальности. В ее основе лежат противоречия между ростом потребностей людей и возможностями природы; между стремлением человека сохранить свою жизнь, здоровье, идентичность и принципиальной опасностью его жизнедеятельности. Эти противоречия постоянно обостряются в связи с технократической направленностью прогресса в ущерб гуманитарной, накоплением оружия, усилением глобальных экологических проблем, нарастанием социальной напряженности, увеличением количества видов насилия над личностью и т.п. Обусловленная не столько естественными природными процессами, сколько деятельностью самого человека, эта проблема возвращает его от обращения к внешним средствам защиты от опасностей к самому себе как их источнику. «Целью общества, всей

системы воспитания и обучения становится формирование личности, безопасной, прежде всего, для самой себя, окружающей среды обитания, ориентированной на добро, созидание и развитие, и способной к защите себя, социума и природы от внешних угроз на уровне высокоразвитых духовных качеств, навыков и умений» [5].

Однако теоретические и прикладные вопросы, рассматриваемые в русле отдельных свойств человека, не дают целостной картины соответствующего фрагмента педагогической реальности. Отсутствие единого концептуального базиса не позволяет даже упорядочить разнообразие целевых ориентиров, в качестве которых рассматриваются: знания и соответствующие умения, мышление, мировоззрение, эмоционально-ценностные отношения, установки, аспекты сознания, отраслевая культура. Формируемые в искусственно организованном образовательно-воспитательном, социокультурном процессе отношения, установки, аспекты сознания, зачастую, входя в противоречие с жизненными целями и ценностями растущего человека, не включаются в регуляторы его поведения, о чем свидетельствует, например, слабое продвижение в решении проблем формирования культуры здоровья.

Как показал теоретический анализ проблемы, безопасность человека может рассматриваться, во-первых, с точки зрения состояния его жизнедеятельности (актуальная или ситуативная безопасность), во-вторых, с точки зрения свойств личности, характеризующих ее возможности в обеспечении своей безопасности и тех систем, в которые она включена. Во втором случае безопасность соотносится с устойчивыми личностными структурами, что позволяет ввести понятие безопасной личности.

С позиции современной науки в качестве целевого базиса для проектирования психолого-педагогических процессов должна выступать целостная модель человека и производная от нее – модель безопасной личности. В противном случае цепочка зависимостей: «фрагментарная модель человека в педагогике – частичное образование, противоречащее целостности личности, – разрыв между целями и результатами образования» не позволит продвинуться в решении указанной проблемы.

Опираясь на фундаментальные работы отечественных ученых о сущности личности, ее структуре и закономерностях ее развития,

можно утверждать, что в модели безопасной личности необходимо отражать ее свойства как субъекта безопасности, субъекта жизнедеятельности и саморазвития, а значит, обращаться к уровням опыта, психических свойств, личностных качеств, а также ценностно-смысловой сфере личности.

Наполнение конкретным содержанием модели личности целесообразно осуществлять на основе анализа подходов к обеспечению безопасности человека [2]. В зависимости от понимания роли последнего все многообразие предложений в этой сфере можно объединить в четыре подхода. Первый предполагает устранение опасностей или перемещение человека в безопасную среду. Это ограждающий подход, поскольку сам человек выступает как объект безопасности, для которого создаются необходимые условия. Второй подход – образовательно-воспитательный, исходит из признания активности человека, рассмотрения его как субъекта собственной безопасности. В рамках этого подхода предлагается обучать его предвидению и распознаванию опасностей, способам поведения в опасных ситуациях (уклонению от опасностей и их преодолению), формировать готовность к обеспечению безопасности. В такой готовности как личностном образовании можно выделить:

– когнитивно-инструментальный аспект (определяющийся особенностями предмета деятельности) – знания об опасностях, умение их распознавать, владение способами действий по обеспечению безопасности, достаточный для осуществления этой деятельности уровень развития интеллектуальных, волевых и других качеств;

– интенциональный аспект (определяющийся потребностями и ценностями субъекта) – субъективная значимость безопасности, интенция на ее обеспечение, наличие соответствующих мотивов деятельности.

Третий – проектно-развивающий подход к обеспечению безопасности предполагает формирование личностных образований, позволяющих человеку быть устойчивым к негативным, в первую очередь информационно-психологическим воздействиям.

С этих позиций обеспечение безопасности человека включает поддержку формирования его личностной целостности (наличия собственного центра, интегрирующего все подструктуры «Я» и позволяющего выполнять управляющие функции) и субъектности (способности личности регулировать,

организовывать свой жизненный путь в соответствии со своими целями и ценностями). Здесь человек рассматривается не только как субъект безопасности, но и как субъект жизни. Его безопасность обеспечивается тем, что он, как целостная самоопределившаяся личность, устойчив к негативным информационно-психологическим воздействиям, как субъект жизни способен превращать опасности в фактор собственного развития, как внутренне непротиворечивая личность, обладающая опытом разрешения жизненных противоречий, минимизирует количество опасностей, создаваемых для самого себя.

Четвертый – созидательный подход к обеспечению безопасности исходит из того, что основной причиной возникающих опасностей является сам человек – субъект собственного развития, фактор прогресса человечества и эволюции мира. В этом подходе предполагается воспитание человека нравственного, реализующего себя в контексте единства с природой и человечеством.

Данные подходы «высвечивают» четыре ракурса безопасности (устранение опасностей, защищенность – готовность, устойчивость, минимизация создаваемых опасностей) и исходят из различных оснований: человек – объект безопасности (первый подход), субъект безопасности (второй), субъект жизни и развития (третий и четвертый). Формируя готовность к самообеспечению безопасности, мы переходим в обеспечении безопасности от оградительных мер к повышению защищенности субъекта, а заботясь о развитии личности – к профилактике (в отношении производимых опасностей) и созиданию (по сути).

Известно, что субъектностью характеризуются различные уровни свойств человека, а наивысший иерархический уровень в их системе занимает субъект жизни, интегрирующий, но не сводящийся к субъектам разных видов деятельности и отношений («парциальным» субъектам). Эти субъекты – «грань, срез или форма субъекта жизни» (В.А. Барабанщиков). В этой связи необходимо отметить иерархическую соподчиненность выделенных подходов, где каждый следующий, в определенной мере, предполагает и опирается на предыдущий. Так, субъект собственного развития немыслим без формирования субъекта жизнедеятельности, который, в свою очередь, есть интегральный субъект множества деятельностей: учебной, трудовой, культурно-досуговой, коммуникативной, необходимым

аспектом которых является деятельность по обеспечению безопасности. И, наконец, субъект деятельности и вообще человек возможен лишь при наличии вещественных, энергетических, информационных условий, не разрушающих целостность его соответствующих структур.

С другой стороны, каждый следующий подход, обращаясь к более «высоким» подструктурам человека, «вписывает» предыдущий в себя, придает ему определенное наполнение, ориентацию. Наличие качеств, характеризующих субъекта жизни и развития, является условием формирования субъекта деятельности по обеспечению безопасности. Развитие тех или иных инструментальных ресурсов, определяющих готовность к обеспечению безопасности, будет эффективным, если сам субъект, обладая ценностями познания и развития, понимает необходимость этого и способен на основе сформированной системы смысловой регуляции жизнедеятельности направлять свои усилия на достижение этой цели. Кроме того, продуктивное освоение знаний о безопасности предполагает наличие у студента определенного мировоззрения, которое, встраивая в себя элементы новых знаний, придает им системность, осмысленность и значимость (как известно, смысл выявляется в контексте жизненных целей и ценностей), а значит, делает их действенными. Человек, обладая знаниями и умениями предотвращения и защиты от опасности, должен еще стремиться защитить себя и других, видеть в этом определенный смысл, уметь регулировать свою деятельность в соответствии с «логикой жизненной необходимости» (Д.А. Леонтьев). Иными словами, интенция к обеспечению безопасности зависима от степени сформированности системы смысловой регуляции жизнедеятельности в целом.

Итак, безопасная личность концептуально может быть определена как человек, строящий свою жизнь в контексте единства с обществом и природой, реализующий свой потенциал, свои идеалы и стремления с помощью сформированной системы смысловой регуляции жизнедеятельности, а также обладающий готовностью к обеспечению безопасности и способный поддерживать свою безопасность за счет преобразования опасностей в фактор собственного развития.

Рассматривая развитие безопасной личности, в центр внимания поместим ее «высшие» подструктуры, соотносящиеся с ценностно-

смысловой сферой. Выбор такой доминанты обусловлен следующими обстоятельствами. Во-первых, именно устойчивые образования можно считать собственно личностными. Во-вторых, опираясь на иерархическую модель человека, можно говорить о том, что формирование «высших» структур (например, характеризующих субъекта жизни) позволяет управлять развитием иерархически более низких, частных (например, характеризующих субъекта действия или деятельности). С педагогической точки зрения, это является весьма важным моментом, поскольку такой подход позволяет передать управление развитием инструментальных ресурсов самому растущему человеку. В-третьих, проведенный анализ возможностей предметных отраслей образования и воспитания как средств развития безопасной личности позволяет говорить о том, что задачи, связанные с формированием инструментальных аспектов готовности, более широко ставятся и решаются в современной системе образовательно-воспитательной социокультурной деятельности. Этому способствует и закрепившаяся ориентация образования на знаниевый компонент, опыт, и широкое распространение соответствующих методов, приемов, средств обучения и воспитания. В то же время можно констатировать недостаточное внимание традиционного образования и воспитания к решению педагогических задач, обращенных к ценностно-смысловой сфере студентов.

Известно, что формирование и развитие ценностно-смысловой сферы личности происходит в процессе ее собственной внутренней активности, опосредованной взаимодействием с миром, другими людьми. Основой производства тех или иных смыслов являются объективные значения объектов и явлений, ценности малых референтных групп, включенных в деятельность субъекта, в сферу его жизни. На этом основании можно предположить, что эффективное решение проблем развития безопасной личности предполагает построение педагогического и социокультурного процессов в соответствии с культурной, социальной, духовной природой растущего человека, психологическими закономерностями его становления, на основе его субъективного опыта, с учетом его интересов, целей, ценностей.

Личностно развивающие возможности образования и воспитания связаны, в первую очередь, с коммуникативными особенностями образовательно-воспитательной, социокультурной среды (диалогическим характером

взаимодействия, созданием ситуаций личностного выбора и пр.) и с трансляцией педагогом своей субъектной (приобщением студентов к опыту собственного личностного самоопределения и самореализации). Таким образом, выделенная доминанта обуславливает целесообразность опоры в решении задач развития безопасной личности на гуманистические педагогические идеи, концепции личностно-ориентированного образования. Для разделения понимания термина «развитие» как естественного процесса психологических изменений в человеке и как педагогической деятельности используем понятия внутреннего и внешнего содержания развития. Под внутренним (психологическим) содержанием понимается сущность внутреннего становления качеств безопасной личности, под внешним (педагогическим) – направленность, общий характер педагогической деятельности по целенаправленному влиянию на указанный естественный процесс (по его усилению, поддержке и пр.). С позиций гуманистической образовательной парадигмы и гуманитарно-целостного подхода к воспитанию (Н.М. Борытко) проектирование педагогического процесса должно осуществляться в логике естественного становления тех или иных психологических образований человека, поэтому педагогическая деятельность должна иметь своей основой внутреннее содержание развития.

В связи с наличием возрастной специфики ценностно-смыслового развития личности необходимо рассматривать внешнее и внутреннее содержание развития безопасной личности на каждом этапе онтогенеза. Остановимся на этапе этого процесса, соответствующем юношескому возрасту, а именно периоду обучения в вузе.

На основе анализа характеристик ценностно-смысловой сферы и закономерностей внутриличностной смысловой динамики, представленных в работах А.Г. Асмолова, Б.С. Братуся, Т.М. Буякас, М.Р. Гинзбурга, Д.А. Леонтьева, Н.И. Непомнящей, В.В. Сталина и др. ученых, а также особенностей ценностно-смыслового развития в студенческом возрасте (М.В.

Гамезо, И.С. Кон, В.И. Слободчиков, А.А. Реан, С.Д. Смирнов и др.), сделан вывод о том, что у юношей и девушек студенческого возраста в целом сложились механизмы, позволяющие обеспечивать непрерывное личностное (ценностно-смысловое) развитие. Для студентов характерны достаточно сформированные мировоззрение и самосознание, являющиеся результатом активного поиска себя, установления ведущих смысловых ориентиров своей жизни (иерархии ценностей). Однако это вовсе не означает, что развитие ценностно-смысловой сферы на этом закончено. Самоопределение, переосмысление реальности, себя и своей жизни – постоянный процесс, суть развития человека (С.Л. Рубинштейн). В студенческом возрасте это переосмысление происходит на более высоком, чем ранее, уровне – в контексте «событийной общности» со всем человечеством (В.И. Слободчиков).

Соотнося эти выводы с моделью безопасной личности, можно представить внутреннее (психологическое) содержание развития безопасной личности в студенческом возрасте как переосмысление себя (переопределение своего места и роли) в системах «человечество» и «природа» с позиции безопасности (сохранения и развития) себя и этих систем.

Анализ показывает, что мы должны весьма позитивно оценивать влияние взаимодействия субъектов социально-культурной деятельности в профилактике экстремистского поведения в молодежной среде. Следует подчеркнуть, что содержание и структура взаимодействия, изменение позиции его участников способствуют дальнейшему развитию их воспитательного потенциала и повышению роли в решении воспитательных задач. В условиях значительных современных общественных изменений динамичная, вариативная, гибкая, открытая структура воспитательного пространства, сформированная на основе взаимодействия социокультурных институтов является реальным фактором профилактики экстремистского поведения в молодежной среде.

Литература:

1. Шершнева Л.И. Формирование личности безопасного типа как отражение потребности общества и времени / Л.И. Шершнева // Информационный сборник «Безопасность». – 1994. – № 7. – С. 12.

2. Лызь Н.А. Модельные представления о

безопасной личности / Н.А. Лызь // Известия ТРТУ: тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». – Таганрог, 2005. – № 7.

3. Мухаметзянов И.Ш., Холоднов В.Г., Нуриахметова Ф.М. Контртеррористическая направленность образовательного процесса в

высшей школе РФ / И.Ш. Мухаметзянов, В.Г. Холоднов, Ф.М. Нуриахметова // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6.

4. Мухаметзянова Ф.Ш. Профилактика межэтнических и межрелигиозных конфликтов среди молодежи в профессиональной образовательной организации / Ф.Ш. Мухаметзянова, Г.А. Шайхутдинова // Полиэтнический аспект этнокультурного образования как инструмент формирования толерантности в межкультурном взаимодействии

народов Республики Татарстан: материалы I научно-практической конференции 27 марта 2015 г. в 2-х ч.; сост. А.Р. Камалева. – Казань: Издательство «Данис», 2015. – 1 ч. – С. 5-11. – 300 с.

5. Доронин С.П., Шибанкова Л.А., Грузкова С.Ю. Проблема готовности педагога к обеспечению безопасности поликультурной образовательной среды / С.П. Доронин, Л.А. Шибанкова, С.Ю. Грузкова // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6.

Сведения об авторе:

Масленникова Валерия Шамильевна (г. Казань, Россия), доктор педагогических наук, профессор ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования», e-mail: maslennikova_valeriya@mail.ru

Data about the author:

V. Maslennikova (Kazan, Russia), doctor of education, professor at the Institute of Problems of National and Ungraded School of Russian Academy of Education, e-mail: maslennikova_valeriya@mail.ru

УДК 378.095

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ

Т.М. Трегубова¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. Раскрыты роль и возможности социально-педагогической работы в вузе, потенциал ее влияния на современную подготовку компетентных специалистов в условиях террористических угроз. Подчеркнута важность изучения международного опыта организации данной деятельности и возможностей его применения в российской высшей школе. Дана оценка деятельности специальных социально-педагогических служб вуза; выделена важность подготовки педагогов к реализации социально-педагогической деятельности как механизма противодействия терроризму. Статья написана в рамках Госзадания Российской академии образования.

Ключевые слова: социально-педагогическая деятельность, специальные службы вуза, террористические угрозы, социальный педагог (работник), советы-поучения.

THE MAINSTREAMING OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL WORK SITUATION IN HIGH SCHOOL THE TERRORIST THREAT

T. Tregubova

Abstract. The role and possibilities of development of socio-pedagogical work in higher education institution, its potential influence on training of competent experts in the conditions of terrorist threats are revealed. The importance of the international experience research in the sphere of the organization of this activity in higher education institution and the opportunities of its usage at the Russian higher school are emphasized. The assessment of activity of special social and pedagogical services of universities is given, the importance of teachers' training for the organization of a social and pedagogical actions as a mechanism of civil counteraction to terrorism is marked out. The article is written within the state task of the Russian Academy of Education.

Keywords: social and pedagogical activity, special services of higher education institution, terrorist threats, a social teacher (worker), councils-lectures.

Процессы глобализации и образовательной интеграции в контексте Болонского соглашения объективно воздействуют на высшее образование во многих странах, и Россия не является исключением. Национальная обособленность некоторых российских университетов, провоцирующая конфликт с последствиями и перспективами глобализации и интернационализации зоны высшего образования в Европе, ведет к непризнанию российских университетских дипломов и степеней, к сложностям в вопросах международной аккредитации образовательных программ, их аудита и др. Чтобы предложить реальные шаги по преодолению этих проблем и несоответствий, необходимо исследовать опыт реформирования и стратегические приоритеты модернизации высшей школы в странах с развитой рыночной экономикой, чтобы определить эффективное позиционирование российского высшего образования в едином международном образовательном пространстве [1;2].

Кроме того, в контексте изменившейся международной ситуации, в том числе, и

социокультурной гуманитарной обстановки, характеризующейся возрастанием террористических угроз, важно наметить шаги по обеспечению адекватного реагирования вуза на новые вызовы и организацию надлежащей готовности к ним, посредством формирования «иммунитета» от экстремизма и терроризма, а также системы ценностей, защищающей, прежде всего, студенческую молодежь от влияния деструктивных идеологий и философских течений [2;3].

Вступив в так называемую «эпоху знаний» и скопив богатейшую коллекцию разнообразных и полезных знаний, российское общество, однако, не всегда может использовать их для создания стойкого иммунитета против такой угрозы глобальной цивилизации, как терроризм-феномена, ставшего сегодня доминирующей проблемой всего мирового сообщества.

Соответственно с этим в нынешних условиях социально-педагогические функции учебного заведения расширяются, и актуализируется значимость социально-педагогической работы с субъектами образования, которая призвана сегодня не только поддерживать и социально их

защищать, но и способствовать эффективной социализации личности, формировать активную позицию по отношению к вызовам глобализации и реально защищать от террористических угроз.

Анализируя зарубежный опыт в этом направлении, мы, конечно, учитывали работу, сделанную большим коллективом авторов (N. Alexiadou, L. Garriott, A. Gornitzka, A. Hingel, B. Lagay, W. Pollard), хорошо с ней знакомы и высоко ее ценим [2;5]. Однако считаем, что сегодня требуются иные, нетрадиционные подходы в подобном анализе. Новые социально-экономические условия и напряженная обстановка требуют вести конструктивный поиск положительного российского и международного опыта, преодолевать представления о его полярности и уметь разумно вникать в логику и аргументы исследуемой проблемы.

Несомненно, цели воспитания, его сущность, содержание и технологии деятельности образовательной организации – социально обусловлены. Любая образовательная структура должна реализовать социальный заказ гражданского общества – формировать человека в соответствии с требованиями данного общества; обучать и воспитывать молодое поколение с максимальным учетом тех социокультурных условий, в которых они будут жить и работать. Однако нельзя формировать личность только педагогическими средствами, ибо жизнедеятельность любого человека проходит в условиях неповторимого, только ему свойственного социального окружения – его микросреды.

Что составляет микросреду студента вуза? Семья, учебный коллектив, студенческая группа, разнообразные общности людей, в рамках которых юноши и девушки объединены общими целями и интересами и постоянно общаются друг с другом. Именно в этой микросреде имеют место различные виды деятельности, и происходит столкновение интересов; и поскольку сегодня наблюдается дефицит социализации молодежи и опустошение смысла некоторых современных форм жизни, то вуз «изнутри» получает необходимые импульсы для преобразования жизни студентов в период получения ими высшего образования. Для этого принципиально важным является понимание того, что мир – не просто объективная реальность, а неделимая триада, состоящая из субъекта, объекта и происходящего между ними процесса интеракции.

В ряде вузов стран-участниц Болонского соглашения (Франция, Румыния, Норвегия, др.) продуктивно используется программа «активной

интегрирующей социализации», направленная на формирование личности молодого человека, способной к субъектному «социальному вхождению в общество», а именно к «воспроизводству господствующего образа жизни и системы ценностей, присущих данному обществу» [4].

«Закон о школах» в Дании признает необходимость подготовки молодежи к четырем жизненным сферам, в которых существует человек: профессиональной, семейной, культурно-досуговой, социальной. Есть и отдельные, заслуживающие внимание российских исследователей авторские программы зарубежных экспертов по социализации личности подрастающего поколения в современных условиях глобализации и интеграции. Например, немецкий педагог В. Брецико рекомендует воспитывать *жизнеспособность* молодого человека; и в это интегральное качество он включает формирование многоплановых навыков приспособления к жизни: воспитание воли и жизнерадостности; готовности к самосохранению путем самозащиты и мобилизации личностных сил [4;5].

Актуализация социально-педагогической работы в вузе вызвала также необходимость более строгого подхода к отбору и подготовке ее организаторов. Анализ конструктивного международного образовательного опыта свидетельствует, что наиболее эффективно занимаются данной деятельностью в европейских и американских вузах социальные педагоги (работники). Эта особая гуманитарная профессия возникла в начале XX столетия в Западной Европе, США и некоторых других странах, и сегодня специалисты в этой области широко используются в качестве экспертов при подготовке законодательства, а также при принятии решений муниципальными органами власти и общественными некоммерческими организациями.

В нашей стране данная профессия – сравнительно молодая. В апреле 2016 года в России состоится V Всероссийский Съезд социальных работников «Социальной работе в России 25 лет: вчера, сегодня, завтра», где будет отмечаться только 25-летие официального признания данной профессии. Несомненно, было бы ошибочным пренебречь универсальными ценностями профессии и богатым мировым опытом ее развития за более чем столетний период, который позволит найти и обосновать общие константы и базисные характеристики, определяющие социально-педагогическую работу как научное знание и как

профессиональную деятельность и, вычленив которые, можно продолжить поиск собственных, аутентично российских моделей поддержки и защиты субъектов образования, формирования у них готовности реагировать на новые вызовы «глобальной деревни».

Международный опыт показывает, что наши зарубежные коллеги в вузах не замыкаются на работе с исключительно маргинальными студентами, они постоянно стремятся расширить поле своей профессиональной деятельности. Услугами университетских социальных работников стали пользоваться другие студенты, более благополучные в материальном и социальном аспектах, то есть отмечен явный отход от проблем маргиналов в сторону средних слоев, которые стали покупать социальные услуги, точно так же как услуги зубного врача или услуги по ремонту автомобилей.

Социально-педагогические службы общинных колледжей США, например, включают в свои программы по работе со студенческим контингентом проблемы развития личности и содействия принятию решения относительно дальнейшего образования и трудоустройства. Направленность этих служб также различна: в одних – это психотерапия и противодействие психологическому давлению, в том числе как профилактика вовлечения студентов в различные секты и группировки, в других – профориентация, в третьих – наибольший вес имеют академические отделы. В любом типе учебного заведения и на любой стадии образования социальные работники в вузе выполняют тройную функцию: собственная работа (общение) со студентами; координация усилий всех лиц, оказывающих помощь студентам; советы и рекомендации администрации и преподавателям в отношении работы со студентами, включая разработку и экспертизу учебных курсов и образовательных программ; проведение экзаменов с отслеживанием содержания тестовых заданий на предмет присутствия элементов дискриминации, регулирование межличностных взаимоотношений.

Одним из важнейших элементов содержания социально-педагогической помощи студентам является работа с преподавателями, повышение их психологической культуры и компетентности в решении социально-педагогических задач. Путем проведения индивидуальных консультаций для преподавателей необходимо сделать привычной мерой обращение к университетскому социальному работнику (педагогу, психологу) для получения дополнительных сведений о студентах, выяснения, не попадают ли они в «группу

риска», каков потенциал духовно-нравственного иммунитета и вероятность реагирования студента на чужое влияние.

Несмотря на различие общих черт в характере студентов, схожих жизненных позиций, каждый конкретный случай является уникальным и единичным, поэтому основа взаимодействия социального педагога со студентами и преподавателями – это индивидуальный подход, индивидуальная траектория работы.

Наши исследования показали, что эффективным методом работы со студентами являются советы-поучения. Они достигают своего эффекта благодаря наличию во внутреннем мире нормального человека всеобщих механизмов и закономерностей психической жизни. При его использовании субъектам социально-педагогической работы давались следующие рекомендации: поверить, что перемены к лучшему возможны, но необходимы время и усилия, чтобы в жизни произошли перемены.

Подчеркнем, что консультативная практика в вузе отличается от работы психологов-консультантов, социальных педагогов при кабинетах психологической помощи или по месту жительства. Различие состоит, в первую очередь, в том, что консультация для студента проходит в учебном заведении, в том социуме, в котором вращается студент, и где зарождаются его основные конфликты, ведущие к разрушительным последствиям – одиночеству, сектантству, экстремизму.

Преимущество заключается и в том, что можно наблюдать студентов в момент их взаимодействия со сверстниками, педагогами, и получить информацию из бесед с родителями и преподавателями. В результате этого информация имеет более объективный и исчерпывающий, полный характер. Этого не всегда может достичь психолог-консультант, работающий в кабинете психологической помощи и имеющий дело только с одним студентом как клиентом. В вузе имеется возможность влиять на непосредственное окружение студента: группы сверстников, семью, преподавателей – с целью если не устранения, то хотя бы уменьшения конфликтного и враждебного воздействия.

Опрос студентов ряда вузов г. Казани, проведенный нами в 2015 году, показал, что свыше 75% заявили о пользе общения с психологом-консультантом и о необходимости такого специалиста в стенах высшего учебного заведения. Полученный эмпирический материал еще раз показал, что необходимость поделиться

с кем-то своими трудностями и печалью, посоветоваться при принятии важного решения существует в молодежной среде и беспокоит многих юношей и девушек. Мы убедились также в том, что большинство студентов стремится овладеть элементарными психологическими знаниями; желает приобрести навыки эффективного общения; познакомиться с технологиями преодоления трудных состояний и противодействия чуждому влиянию.

Таким образом, социально-педагогическая работа в вузе в условиях современного российского общества с использованием конструктивного международного опыта способствует созданию механизмов гражданского противодействия терроризму и увеличивает доверие к администрации вузов и, в целом, к органам государственной власти.

Литература:

1. Доэл М., Шадлоу С. Практика социальной работы / М. Доэл, С. Шадлоу; пер. с Ю. Шатуро. - М.: АО «Аспект пресс», 2005.
2. Мухаметзянова Ф.Ш., Трегубова Т.М. Адаптация международного опыта обеспечения безопасности студентов вузов в условиях глобализации и международной образовательной интеграции / Ф.Ш. Мухаметзянова, Т.М. Трегубова // Казанский педагогический журнал. – 2015. - № 6(113). - Ч 3. - С. 33-38.

3. Поликанов Д.В. Российское общественное мнение о проблеме терроризма / Д.В. Поликанов // Социологические исследования. - 2006. - № 2. - С. 57-61.
4. Социальная адаптация учащихся. - Ярославль, ЯГПУ – 2014. – 132 с.
5. Shehadeh A. Self-and other-initiated modified output during task-based interaction // TESOL Quarterly (Alexandria, VA, USA), 35, 3. 2001. P. 433-457.

Сведения об авторе:

Трегубова Татьяна Моисеевна (г. Казань, Россия), доктор педагогических наук, профессор, ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования», e-mail: tmtreg@mail.ru

Data about the author:

T. Tregubova (Kazan, Russia), doctor of pedagogical sciences, professor, FGBNU "Institute of the Russian Academy of National Education and small schools", e-mail: tmtreg@mail.ru

УДК 377:378

ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Г.А. Шайхутдинова¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении потенциала информационного пространства образовательной организации в сфере противодействия идеологии экстремизма в молодежной среде. Автором раскрыта структура информационного пространства (информационный ресурс, информационное средство, информационная инфраструктура) с позиций профилактики экстремизма. Показана роль информационного пространства образовательной организации; обозначены ведущие направления профилактической работы по противодействию внедрению идеологии экстремизма в молодежную среду.

Ключевые слова: противодействие идеологии экстремизма, образовательная организация, молодежная среда, информационное пространство, информационный ресурс, информационные средства, информационная инфраструктура.

INFORMATIONAL AND EDUCATIONAL ASPECTS OF COMBATTING THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE

G. Shaikhutdinova

Abstract. The article is aimed at the revealing of the potential of the informational space of the educational establishment in combatting the ideology of extremism among youngsters. The author reveals the structure of informational space (informational resource, informational means, informational infrastructure) from the perspective of the prevention of extremism. The author displays the role of informational space of educational establishment, denotes the leading preventive measures that help to combat the ideology of extremism among young people.

Keywords: combatting the ideology of extremism, educational establishment, young people, informational space, informational resource, informational means, informational infrastructure.

Проблема противодействия идеологии экстремизма в молодежной среде на современном этапе сохраняет свою безусловную актуальность не только вследствие тех политических процессов, которые происходят на мировой арене (в частности, борьба с терроризмом), но и в связи с печально известными случаями вовлечения в экстремистские и террористические организации российских граждан. Серьезную опасность представляет распространение экстремизма в молодежной среде. Все больше молодых людей вовлекаются в группы и объединения экстремистской направленности.

Очевидно, что на уровне государства, региональных и муниципальных органов власти проводится комплексная работа в этой сфере, однако, как показывает практика, этого недостаточно. Образовательные организации разного уровня обязаны проводить комплекс мероприятий профилактического характера, направленных на формирование у молодежи стойкого неприятия идеологии экстремизма и терроризма, создать на своих образовательных площадках «информационное пространство»

противодействия экстремизму и терроризму в процессе воспитания молодежи [2].

Согласно официальным словарям, информационное пространство включает в себя три важнейших компонента:

- информационные ресурсы;
- средства информационного взаимодействия;
- информационная инфраструктура.

Информационные ресурсы по законодательству РФ включают в себя документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах). Любой информационный ресурс обладает рядом характеристик:

– неисчерпаемость, т.е. информация имеет свойство расширения, дополнения, уточнения (если мы рассматриваем информационный ресурс в аспекте формирования базы данных в борьбе с идеологией экстремизма в образовательных организациях разного уровня, то он должен все время динамично наполняться новым контентом). Очевидно, что

информационный ресурс по мере развития непрерывно растет;

– имеет потенциальное значение, т.е. информационный ресурс выступает как движущая сила вкупе с другими ресурсами – человеческими, финансовыми, техническими (именно поэтому необходимо обучать субъектов образования работать с информационными ресурсами, например с видеороликами или с Интернет-сайтами и т.д.). Так, например, в Институте проблем национальной и малокомплектной школы РАО разработан алгоритм работы школьных учителей и преподавателей вузов с видеороликами экстремистского характера, который поэтапно объясняет, как нужно работать с такого рода материалами, с целью формирования готовности использования полученных информационно-теоретических знаний в области противодействия внедрению идеологии экстремизма среди разных категорий молодежи (студентов, учащихся, школьников) в учебно-воспитательном процессе образовательных организаций (школа, ссуз, вуз);

– адресность, направленность и эффективность использования, т.е. необходимо, чтобы знание, которое содержит в себе информационный ресурс, было доведено до тех, кому оно предназначено; создание информационного ресурса менее затратное действие, чем превращение его в актуально существующее знание у школьников и студентов, поэтому с любым информационным ресурсом необходимо проводить активную работу. Недостаточно того, что почти все образовательные организации имеют на своих сайтах информацию об экстремизме и терроризме, крайне важно, чтобы эта информация была доведена до каждого конкретного субъекта, и уже он выступал носителем знания;

– включение научного потенциала в производство информационного ресурса, т.е. научное сообщество сегодня активно включилось в решение проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма: юристы, социологи, философы, педагоги, психологи и др. Несомненно, что проблема противодействия идеологии экстремизма и терроризма должна рассматриваться представителями вышеназванных наук, т.к. знание причин, механизмов, технологий, методик и т.д. существенно обогащает содержание материалов, предназначенных для выстраивания информационных ресурсов,

направленных на противодействие данному ставшему уже привычным феномену;

– информационный ресурс как продукт возникает в процессе творчества, любой умственный труд, будь то наука или управление, включает две части: рутинную и творческую. Увеличение умственной работы за счет рутинной ее части не ведет к росту информационного ресурса. Следовательно, творческий подход – составляющая успеха для восприятия и использования информационного ресурса, особенно если информационный ресурс создается для детей и молодежи [4].

Очевидно, что создание информационного ресурса противодействия идеологии экстремизма в образовательной среде сегодня необходимо и должно включать ряд документов, например в вузе это могут быть рекомендации для кураторов студенческих групп по профилактике проявлений экстремизма в молодежной среде, памятки для студентов в случае возникновения террористических угроз, мультимедийная методическая библиотека по профилактике проявлений экстремизма в молодежной среде, комплекс диагностических средств по выявлению лиц, склонных или подверженных влиянию идеологии экстремизма, тематические видеоролики, направленные на информирование студентов о безопасном поведении в экстремальных ситуациях, в том числе и в ситуациях террористических угроз и др.

Средства информационного воздействия включают в себя множество составляющих: средства массовой информации, Интернет, телевидение и т.д. Все они могут выступать как средством противодействия идеологии экстремизма, так и средством вовлечения в ряды экстремистки настроенных организаций, террористических групп и т.д. россиян, в том числе и молодежь. Наиболее эффективным средством массового информационного воздействия террористов на молодежь в последнее время становится Интернет. Причины популярности Интернета – легкий доступ к аудитории, обеспечение анонимной коммуникации, недостаточное регулирование этого вопроса на государственном уровне, глобальное распространение, высокая скорость передачи информации, дешевизна и простота в использовании, мультимедийные возможности.

Экстремистские ресурсы широко используют средства психологической войны, в том числе дезинформацию, запугивание, манипуляцию общественным сознанием, подмену понятий и фактов. На интернет-

ресурсах террористических организаций освещается психологический ущерб, наносимый государствам – объектам атаки в результате терактов.

Известно, что широко используют Интернет террористические организации в целях вербовки новых членов. Кроме того, Интернет используется для формирования лояльно настроенной среды, играющей активную роль в поддержке террористических организаций.

В настоящее время во всемирной сети представлены практически все типы организаций, применяющих в своей деятельности экстремистские и террористические методы. Число сайтов, содержащих материалы экстремистского характера, превышает семь тысяч, в том числе более ста пятидесяти русскоязычных, и оно постоянно растет. Причем, как отмечают сотрудники спецслужб и правоохранительных органов, для вовлечения в экстремистскую деятельность и организации такого толка активно сегодня используют мобильную связь, электронную почту и другие возможности средств коммуникации [1].

Информационные ресурсы – это один из важнейших инструментов, с помощью которого необходимо проводить профилактическую работу, а также перестройку общественного сознания, воздействовать на восстановление позитивных ценностных ориентиров у молодых людей. Особая роль должна отводиться не формальной, а системной пропаганде правовых знаний на молодежных сайтах, в социальных сетях и т.д.

Автором предлагается следующее использование информационных ресурсов образовательной организации в целях противодействия идеологии экстремизма:

– Размещение на Интернет-сайте образовательных организаций информации, направленной на формирование у студентов чувства патриотизма, дружбы народов, интернационализма, а также информации этнокультурного характера.

– Использование, стендов, информационных табло, аудиторий, классов и т.д. для распространения информационных материалов, содействующих повышению уровня правового и толерантного сознания молодежи.

– Разработка и распространение брошюр, агиток, информационных листовок с освещением возможных угроз и последствий деятельности экстремистских организаций.

Все мы являемся свидетелями того, как разнообразные рекламные листки раздаются около метро, торговых центров и в других местах массового скопления людей. Такие информационные листовки могут распространяться таким же путем, в том числе и волонтерами непосредственно в самих образовательных организациях: школах, колледжах, вузах и т.д.

Информационная инфраструктура – это организация взаимодействия информационных потоков, включающая в себя совокупность информационных центров, банков данных и знаний, систем связи и обеспечивающая доступ потребителей к информационным ресурсам.

В нашем случае информационная инфраструктура необходима для организации информационных потоков антиэкстремистской и антитеррористической направленности в молодежной среде. Сегодня создан определенный массив информационных данных: интернет-ресурсы, учебно-методическая литература, газеты, журналы и т.д., необходимо обеспечение доступа к вышеназванным ресурсам, координация со стороны государства с целью обновления данных ресурсов [3].

Несомненно, что одну из ключевых ролей в профилактике проникновения идеологии экстремизма в молодежную среду должна играть система образования на всех уровнях – от дошкольного до послевузовского, дополнительного образования [5]. К информационному ресурсу относится и повышение квалификации педагогов в области формирования у них компетенции противодействия возникновению идеологии экстремизма в молодежной среде.

Для того чтобы образование эффективно выполняло данную задачу, необходимо стратегически определить:

1. Цели и задачи системы образования в противодействии внедрению идей экстремизма в молодежную среду.

2. Определить предмет и содержание образования в рамках данной тематики.

3. Технологически обеспечить данный процесс.

4. Определить ожидаемые результаты [2].

Кроме того, целесообразно научно-образовательному сообществу строго определить научное понимание идеологии экстремизма, выработать единые понятия, раскрыть адекватные образовательным институтам гражданского общества психолого-педагогические механизмы, формы,

средства, методы, способы, технологии противодействия идеологии и психологии экстремизма и терроризма.

Таким образом, очевидно, что работа в системе образования по противодействию идеологии экстремизма и терроризма требует проработки следующих существенных моментов: создание информационного

пространства; повышение квалификации педагогов, также необходимо разработать и внедрить в учебно-воспитательный процесс комплекс образовательных программ, которые будут направлены на профилактику терроризма и экстремизма, укрепление установок толерантного сознания и поведения молодежи.

Литература:

1. Кошевой И. Криминологические и психологические аспекты вовлечения молодежи в террористическую деятельность [Электронный ресурс] / И. Кошевой // Режим доступа: <http://www.law-n-life.ru>

2. Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А. Этнокультурное образование педагогов средней профессиональной школы: возможные подходы / Ф.Ш. Мухаметзянова, Г.А. Шайхутдинова // Казанский педагогический журнал. – 2015. - № 1. – С. 9-17.

3. Штейнбух А.Г. Интернет и антитеррор: научно-популярное пособие [Электронный ресурс]

/ А.Г. Штейнбух. – М., 2013. – Режим доступа: <http://scienceport.ru/>

4. Планета информатики: учебник по информатике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inf1.info/informationresource>

5. Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А. Проектирование деятельности образовательных организаций по профилактике вовлечения молодежи в экстремистские организации / Ф.Ш. Мухаметзянова, Г.А. Шайхутдинова // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6-3(113). – С. 48-52.

Сведения об авторе:

Шайхутдинова Галия Айратовна (г. Казань, Россия), кандидат педагогических наук, доцент, ученый секретарь ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы РАО», e-mail: us-ippro-rao@mail.ru

Data about the author:

G. Shaikhutdinova (Kazan, Russia), candidate of pedagogic sciences, docent, academic secretary at the Institute of Pedagogy and Psychology of Professional Education of Russian Academy of Education, e-mail: us-ippro-rao@mail.ru

УДК 37.01:39

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗРЕШЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ**А.А. Бороздин**

Аннотация. В статье отмечается, что столкновение культур, их взаимообмен, поглощение сильными более слабыми определяют облик будущего мира, что актуализирует значимость этнокультурного компонента в человеческих взаимоотношениях. Автор показывает, насколько важна роль образования в предотвращении и преодолении межэтнических кризисов. Отмечается, что процесс централизации должен строиться на этнокультурном образовании, на воспитании толерантности и межкультурном диалоге.

Ключевые слова: межкультурный диалог, толерантность, этнокультура, раса, национальность, культура, образование.

THE ROLE OF EDUCATION IN SOLUTION OF INTERETHNIC CRISES**A. Borozdin**

Abstract. In the article it is noted that the collision of cultures, their interchange, and absorption of the weaker by strong ones define the image of future world that staticizes the importance of an ethnocultural component in human relationship. The author shows an important role of education in prevention and overcoming of interethnic crises. The process of centralization should be based on ethnocultural education, tolerance education, and cross-cultural dialogue.

Keywords: cross-cultural dialogue, tolerance, ethnoculture, race, nationality, culture, education.

Реалии сегодняшних дней можно по праву считать тем вектором, который будет определять дальнейшее развитие цивилизаций. Столкновение культур, их взаимообмен или поглощение сильными более слабыми – все это определяет облик современного мира. Сегодня этнокультурный компонент играет особую роль в человеческих взаимоотношениях: любые нации, этносы стремятся не только к собственному сохранению, но и к доминированию над другими. И когда этническое меньшинство из «другого культурного» мира обосновывается на территории нации с доминирующей культурой, происходит сплочение вокруг того, кто объединяет. Естественная реакция «хозяев» территории в этом случае – либо открытая агрессия (погромы, депортация, этнический геноцид), либо пассивная (создание отдельных кварталов для этнического меньшинства, гетто). И те и другие будут видеть угрозу – как явную, так и мнимую, и при всех попытках «сблизиться» некоторая дистанцированность все же сохранится. Ни одна нация, этнос или этническое меньшинство не откажутся от своей этничности [5;6].

В качестве примера обратимся к проблематике межрасовых конфликтов и опыту их разрешения в США, Канаде и странах ЕС. Каждый из представителей «своей» расы или этнической культуры стремится селиться со «своими». Причем, если на территории одной этнической культуры появляются представители другой, первые либо покидают свою территорию (пассивное бегство), либо начинают отстаивать ее.

Эту специфику поведения объясняет Джаред Тэйлор [5]. Что происходит, когда в «белом» штате появляется большое количество представителей испаноязычного народа или афроамериканцев? Многочисленные исследования показывают, что большого культурологического разрыва между всеми ними нет; наблюдаются лишь этнокультурные различия, которые не всегда ярко выражены. Конфликтующими сторонами чаще всего оказываются испаноязычное население и афроамериканцы. Белые американцы и азиаты предпочитают покинуть свою территорию, перебравшись в более однородный штат. Главная же причина конфликтов – различие в этнокультурных составляющих наций и рас.

Программы по улучшению межрасовых взаимоотношений в образовательной среде также не дают положительных результатов, скорее, наблюдается обратный эффект: конфликты на почве расовых и этнокультурных различий вспыхивают в сотне школ. Причина этих конфликтов зачастую кроется в недостатке образования и в замалчивании проблемы. Администрация штатов, чиновники опасаются столкновений и провокаций, в которых их могут обвинить, и блокируют возможность по предотвращению межэтнических конфликтов. «Этнические праздники, которые, по идее, должны поддерживать мультикультурализм и совместно посещаться учащимися, часто проходят раздельно. Например, школьный округ Оушенсайд в Сан-Диего запретил американские флаги, используемые как мотив в одежде. Чиновники заявили, что флаги были использованы, чтобы насмехаться над другими

учащимися и провоцировать неприятности. Трудно думать об этническом разнообразии в ситуации, когда государственный флаг США воспринимается как цвета не нации, а определенной криминальной группировки. <...> Практически во всех случаях основной причиной конфликта представители рас считают расхождение в культурах» [5, с.213].

Очевидно, что одним из катализаторов возникновения конфронтации между разными нациями и расами является этнокультура и затрудненность интеграции одной в другую. Однако история знает и такие случаи, когда преимущества одной этнокультуры дополняли другую и наоборот; или даже «сильная» и распространенная этническая культура перенимала некоторые элементы из более слабых. Так, русские, проживая с киргизами на одной территории, совершенно «окиргизились» [3]. Нечто подобное наблюдалось и в Семиречье среди казаков, живших по реке Иртыш: «Почти все население говорит на киргизском языке, зачастую предпочитая его родному. Среди здешних казаков встречаются атаманы и другие служивые, которые пишут и докладывают о делах на киргизском. Киргизские привычки простираются и на одежду, и на пищу казаков. В местах, занятых самоедами и остяками, русские «осамоедились и обостячились» [3, с.292-293]. Для предотвращения дальнейшего «бегства» представителей одной этнической культуры, расы, религии необходимо сохранять баланс: заведомо враждующих между собой разделять численным большинством нейтральных рас, наций, соблюдая жесткую квотируемость населения по этническому и расовому принципу в конкретном регионе. Надлежит проводить работу по формированию надэтнической культуры региона через социально-экономические, юридические и общеобразовательные сферы.

В этом плане интересен опыт государственного устройства Сингапура, где проживают представители более двух десятков народов. Оно базируется на принципах многонациональности и равенства граждан, независимо от их этнической принадлежности, социального статуса и вероисповедания. Значительная роль отведена принципу интегрированной школы и жилищного строительства, направленному на рассредоточение и смешение малайцев, китайцев, индийцев и других национальностей, чтобы помешать их сосредоточению [7]. Немаловажное значение придается комитетам, управляющим многими сферами жизни, которые, в свою очередь, достаточно жестко

контролируются правящей партией «Народное единство» ПНД.

Несомненно, глобализация стирает все границы, и нации начинают чувствовать себя весьма неуютно, когда в их привычную среду вторгаются «чужие», зачастую не подготовленные к жизни по правилам, закону «хозяев». Одним из решений этой сложной проблемы на сегодня является консолидация нации путем растворения в ней всех членов чужой этнокультуры. Однако, как показывает опыт, этой меры недостаточно: процесс интеграции должен строиться на этнокультурном образовании, на создании национальных школ с идеологическим уклоном в пользу единства общества. Дистанцируемость от этнической культуры не должна осуществляться резко, в противном случае произойдет обратный эффект. Так, в некоторых странах Европейского союза (Великобритании, Германии и Норвегии) действуют программы по поддержанию этнокультурной идентичности и одновременно по интеграции в общество детей мигрантов. Так как дети переселенцев и беженцев плохо говорят не только на местном языке, но и на своем, то в связи с этим в ряде школ были созданы индивидуальные учебные программы для дополнительных занятий по арабскому и турецкому языкам, языку хинди и т.д. Во Франции, например, с 1973 г. существуют курсы «Обучение языкам и культурам стран происхождения иммигрантов (ELCO)». Сегодня в европейских странах практикуются семинары и коллоквиумы по вопросам содержания и корректировки методик преподавания для детей мигрантов и усовершенствования подготовки преподавателей. Упор делается, прежде всего, на преподавании титульных языков для мигрантов на уровне разговорных, что незамедлительно сказывается на их дальнейшем образовании. Результат подобных недочетов – разделение по статусу. Так не лучше ли сразу создавать национальные школы?

Каждый этап этнокультурной интеграции в общенациональное пространство должен строго контролироваться. И здесь образовательная система может служить той самой «мягкой силой», которая сумеет поспособствовать решению проблем, но не решить их полностью. Один из существенных недостатков современной системы образования в России – отказ от принципов воспитания и формирования национальной или национально-общественной идеологии. После разрушения советской системы – и образовательной, и идеологической – сложившийся вакуум не был заполнен, а

акцент делался исключительно на предоставлении пакета знаний ученикам. Сегодня мы вынуждены возвращаться к советскому опыту в надежде на решение проблемы сплочения наций. Помочь в этом может создание методик обучения, основанных на опыте существовавших до 24 января 1938 года «национальных школ» [6]. Это может стать первым шагом на пути укрепления межнационального единства.

Еще одним немаловажным фактором должно стать обучение представителей власти (чиновников среднего и высшего звена, администраторов, министров, работающих в национальных округах и регионах) национальным языкам титульных наций в регионах. Они обязаны знать особенности их культуры, традиций и обычаев; вести диалог на этническом языке. Администрации регионов должны формироваться с учетом этнического состава населения. Они должны тесно взаимодействовать с этнонациональными объединениями и обществами, которые, в первую очередь, заинтересованы в сохранении межнационального баланса.

Сегодня все еще не решена проблема организации этнокультурного образования и воспитания молодежи, особенно в регионах со смешанным этническим составом населения. Пока нет профессионально подготовленных учебников, ориентированных на формирование поликультурного и этнокультурного сознания у молодого поколения; не реализуются программы, направленные на поликультурное образование в многонациональном российском обществе; не проводятся занятия, раскрывающие этнокультурные особенности народов, этику межнационального общения [4]. Для эффективного межкультурного диалога с представителями других этнических культур необходимо чувствовать степень их

эмоциональности, знать традиции и обычаи, специфику религии. Интеграция в «чужую» культуру – длительный и сложный процесс, но для гармоничного существования культур он необходим [2;5].

В более упрощенной форме это может происходить для тех представителей этнических меньшинств, которые являются гражданами страны. Однако следует учитывать уровень социальной культуры в сельской местности и городской. Зачастую люди, прибывшие из других районов (со своими культурными устоями) в город, утрачивают свои традиционные ценности и стереотипы поведения, а приобретают городские, при этом не самые лучшие. Или обратный процесс, когда городские устанавливают свои порядки, не принимая во внимание местные обычаи. Этнокультуры народов могут быть равноправными, но они никогда не станут равными друг другу, что объясняется разной степенью эволюционной развитости и распространенности. Следовательно, налаживание межкультурного диалога всецело зависит от личности, от уровня ее образованности и интеллектуальной развитости. Считать собственную культуру уникальной, а образ жизни – единственно правильным – это глубочайшее заблуждение, имеющее тысячелетнюю историю.

По мнению Б.Л. Вульфсона, «провозглашение принципа толерантности – это и взаимоотношения разных этнических и социальных групп, и общение индивидов на личностном уровне, и их готовность сдерживать негативные эмоции при встрече с чем-либо незнакомым, непонятным, чужим» [1]. Однако сегодня необходим переход от «терпимости» к «взаимоуважению»: без такого подхода прогресс в разрешении межнациональных недопониманий невозможен.

Литература:

1. Вульфсон Б.Л. Аккультурация иммигрантов на европейском образовательном пространстве: учебное пособие / Б.Л. Вульфсон. – М.: Изд-во Московского психолого-социального университета, 2015. – 108 с.
2. Трегубова Т.М., Масалимова А.Р., Сахиева Р.Г. Исследования зарубежного опыта реформирования профессионального образования в условиях международной образовательной интеграции / Т.М. Трегубова, А.Р. Масалимова, Р.Г. Сахиева и др. // Казанский педагогический журнал. – 2008. – № 8. – С. 77-84.
3. Миропиев М.А. О положении русских инородцев / М.А. Миропиев. – СПб.: Синодальная типография, 1901. – 519 с.
4. Трегубова Т.М. Проект «Болонская тетрадь» как инновационный механизм модернизации высшего

- образования в условиях его глобализации и интернационализации / Т.М. Трегубова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2011. – № 4. – С. 166-173.
5. Тэйлор Дж. Белое самосознание: Расовая идентичность в XXI веке; пер. с англ. М.Ю. Диунова / Вступ. статья В.Б. Авдеева. – М.: Икс-Хистори; Кучково поле, 2014. – 496 с.
6. Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев. Проблема взаимодействия государства, церкви и общества: автореф. дисс ... канд. ист. наук / Черказьянова Ирина Васильевна. – СПб., 2004.
7. Lee Kuan Yen. The Singapore Story: 1965-2000. From third world to first. N.Y.: HarperCollins Publishers, 2000.

Сведения об авторе:

Бороздин Артем Алексеевич (г. Москва, Россия), аспирант кафедры педагогики и психологии Российской международной академии туризма, e-mail: Ranmor@mail.ru

Data about the author:

A. Borozdin (Moscow, Russia), postgraduate student at the Department of Pedagogy and Psychology of Russian International Academy of Tourism (Moscow), e-mail: Ranmor@mail.ru

УДК 371

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КОРРЕКЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Л.А. Шибанкова¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена усилением роли образовательных организаций в процессе взаимодействия представителей разных культур и религий. В связи с этим статья направлена на выявление педагогических условий, способствующих коррекции межэтнических отношений в образовательной среде. Автором проведена систематизация и дана характеристика педагогических условий по четырем уровням (концептуальный, содержательный, технологический и уровень кадрового потенциала).

Ключевые слова: поликультурная образовательная среда, педагогические условия, межэтнические отношения.

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF CORRECTION OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

L. Shibankova

Abstract. The research study is considered to be relevant due to the strengthening of the role of educational establishments as consequence of interaction between representatives of various cultures and religions during educational processes. The article is aimed at revealing the pedagogical conditions that contribute the correction of interethnic relations in the educational environment. The author systematizes and characterizes the pedagogical conditions according to four levels: conceptual, informative, technological and human resources.

Keywords: multicultural educational environment, pedagogical conditions, interethnic relations.

Одним из важнейших принципов, представленных в Законе «Об образовании в Российской Федерации», является принцип защиты системой образования национальных культур, традиций в условиях многонационального государства [6]. Перед отечественной системой образования возникают, с одной стороны, задачи возрождения и сохранения культурного потенциала каждого этноса, а с другой – формирование толерантности и общероссийской идентичности, преодоление ксенофобии, решение актуальной проблемы межэтнических отношений.

Сегодня мы можем говорить об усилении роли образовательных организаций как наиболее эффективного канала влияния на молодежь в условиях сложной геополитической ситуации, вследствие взаимодействия представителей разных культур и религий в ходе образовательных процессов; необходимости развития культуры межнационального и межконфессионального общения; активного личностного, информационного, и культурного развития.

В современных педагогических исследованиях, которые связаны с проблемами совершенствования функционирования педагогических систем, повышения эффективности образовательного процесса в

области межэтнических отношений; одним из аспектов, вызывающих достаточно большой интерес, являются выявление и характеристика педагогических условий, обеспечивающих успешность осуществляемой деятельности.

Остановимся на положениях, которые важны для нашего исследования:

– педагогические условия выступают как один из компонентов педагогической системы и отражают совокупность возможностей образовательной среды, которые воздействуют на личностный и процессуальный аспекты данной системы и обеспечивают, в нашем случае, ее эффективное функционирование в области коррекции межэтнических отношений;

– организационно-педагогические условия представляют собой совокупность сконструированных возможностей содержания, форм, методов целостного педагогического процесса, лежащих в основе управления функционированием и развитием процессуального аспекта педагогической системы [3;10].

Нами выявлена и проведена систематизация педагогических условий, способствующих успешной коррекции межэтнических отношений в образовательной среде в полиэтничном регионе, по четырем уровням: концептуальному,

содержательному, технологическому и на уровне кадрового потенциала.

Концептуальный уровень отражает создание толерантной поликультурной образовательной среды; благоприятный социально-психологический климат, который способен предупредить культурную депривацию; единство и целостность педагогической системы межкультурного образования, включающей взаимосвязанные компоненты, которые позволяют проектировать и корректировать межэтнические отношения учащихся общеобразовательных учреждений и учащейся молодежи в период профессиональной подготовки; культура межэтнических отношений – интегральное личностное качество, которое позволяет взаимодействовать с представителями другого этноса на основе учета их ценностей.

Как было отмечено выше, педагогические условия формирования и коррекции межэтнических отношений предполагают создание толерантной поликультурной образовательной среды. Необходимо отметить, что новые целевые установки государственной политики сформулированы в ст. 12 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: «Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать развитие способностей каждого человека, формирование и развитие его личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными социокультурными ценностями» [6].

Политические и социально-экономические преобразования в России, а также становление новой системы образования, предусматривающей вхождение в мировое образовательное пространство, актуализирует вопрос формирования межэтнической толерантности обучающихся в поликультурной образовательной среде. Особая значимость данного вопроса заключается в том, что формирование толерантности и национально-гражданской идентичности является важным этапом становления социальной личности, способной конструктивно взаимодействовать с окружающими в условиях культурного многообразия общества, обладающей развитым

чувством эмпатии, эмоциональной устойчивостью и т.д.

Формирование же такой социальной личности особенно актуально в современной поликультурной образовательной среде, ключевыми функциями которой отмечаются:

- развитие (реализация потенциала каждого субъекта и учреждения в целом; содействие личностному развитию; приобретение статуса субъекта собственного развития в многокультурном мире);
- выбор ценностей (выработка личностного ценностно-смыслового контекста восприятия действительности);
- регуляция (регулировка деятельности субъектов на основе выработанных общих норм и правил организации жизнедеятельности);
- безопасность (благоприятное существование обучаемого; механизм защиты субъектов от деструктивных тенденций);
- облегчающее взаимодействие (согласование интересов и ценностей её субъектов; комфортное взаимодействие между её субъектами как внутри образовательного учреждения, так и вне его) [2].

Таким образом, *создание поликультурной образовательной среды*, в которой реализуются представленные функции, будет способствовать формированию толерантной личности обучающегося, коррекции межэтнических отношений.

Необходимо отметить, что культурная самобытность личности является значимой для поликультурной среды современной образовательной организации. Создание *благоприятного социально-психологического климата* должно способствовать формированию социокультурной и жизненной установки обучающегося, стремящегося к самосовершенствованию и самодостаточности. Социально-психологический климат в образовательной среде должен создавать комфорт бытия и, в итоге, предупредить культурную депривацию.

Мы являемся приверженцами позиции Е.А. Конопацкой в том, что поликультурная образовательная среда, представляющая собой систему межкультурных социальных и образовательных взаимоотношений по интериоризации национальной культуры, способствует формированию мировоззрения личности обучающегося, его культурной идентичности, эмоционально-ценностному отношению к представителям других народов и культур [8].

Выполняя функции социализации личности, социально-психологической адаптации и

социальной защиты, благоприятный социально-психологический климат поликультурной образовательной среды способствует формированию у обучающихся высокого уровня гражданственности, самоуважения, уважения мнения представителей других этносов, способность ориентироваться в мире духовных ценностей и т.п.

Единство и целостность педагогической системы этнокультурного образования обеспечиваются вариативностью и многофункциональностью структуры, которая включает в себя такие компоненты, как цель, принципы, содержание, средства, методы. Данные компоненты являются взаимосвязанными и позволяют проектировать и корректировать процесс формирования межэтнических отношений учащихся общеобразовательных учреждений и учащейся молодежи в период профессиональной подготовки.

Этнокультурное образование является частью меж/поликультурного образования; они соотносятся между собой как часть и целое. Поликультурное образование учитывает поликультурность современного общества, разнообразие и этнических культур, и социальных субкультур.

Педагогическая проблема заключается в том, что необходима гармонизация полиэтнического и моноэтнического подходов в процессе образования. Опираясь на исследования А.Б. Афанасьевой, мы считаем, что идеальная модель этнокультурного образования должна строиться на понимании единства в многообразии и таким образом, чтобы гармонически развитая личность вбирала в себя этническое и полиэтническое начало, с одной стороны, а также российское начало как суперэтническое и региональное как субэтническое начало [1].

Современной образовательной среде присуща социальная неоднородность, что заостряет проблему межэтнических отношений. Также педагоги в поликультурной образовательной среде решают проблему формирования одновременно и этнической идентичности, которая отличает обучающегося одной этнической принадлежности от других, и российской идентичности, выполняющей объединяющую функцию.

Решение вышеуказанных проблем напрямую связано именно с содержанием образования. Таким образом, мы переходим к следующему уровню педагогических условий коррекции межэтнических отношений в образовательной среде – *содержательному уровню*.

Общей для всего содержания основной является наша концептуальная идея, связанная с необходимостью формирования культуры межнациональных отношений обучающихся в поликультурной образовательной среде, формирования социальной личности обучающегося, готового к конструктивному взаимодействию с окружающими в условиях культурного многообразия общества [4].

Исследуя проблемное поле этнокультурного образования, а именно содержания этнокультурного образования, следует обратиться к шестикомпонентной структуре содержания этнокультурного образования, представленной А.Б. Афанасьевой. В структуре содержания этнокультурного образования представлены такие компоненты, как: этнокультурологический, лингвистический, полиэтнический, историко-культурный, культурно-региональный, этнопсихолого-педагогический [1].

Причем в основании системы находится этнокультурологический компонент, отражающий внутреннюю структуру этнокультуры. Данный компонент определяется входящими в содержание образования элементами этнокультуры. Здесь важно отметить, что структура содержания этнокультурного образования исходит из структуры самой этнокультуры. Речь идет о таких областях, как этнофилологическая, этнохудожественная, поведенческая, которая проявляется в обычаях, традициях, нормах этноэтикета, и мировоззренческая область, которая наиболее полно проявляется в эмпирических представлениях об отношении человека к природе, человеку, социуму, основам воспитания и морали, что представляется важным для нашего исследования. Так как в современном поликультурном пространстве особо актуализируется поведенческая область, что и определяет важнейшей целью освоение личностью нормы культуры, формирование установок толерантного поведения с сохранением духовно-нравственных ценностей.

Лингвистический компонент вычленяется из этнокультурологического как самый важный для коммуникации. Полиэтнический компонент представляет совокупность знаний об этносах в этнологическом и этногеографическом плане и этнических ценностях. Историко-культурный – это область знаний об историческом развитии этнокультуры, о вхождении ее в национальную и мировую культуру. В культурно-региональном компоненте отражается этнокультурный материал в конкретном регионе. Этническую идентичность обучающихся, менталитет,

процесс аккультурации и инкультурации, а также освоения ценностей этнокультуры учитывает компонент этнопсихолого-педагогический.

В сегменте учебного предмета/дисциплины педагогические условия коррекции межэтнических отношений на содержательном уровне отражают:

а) необходимость интеграции содержания межкультурного аспекта с содержанием дисциплин общего и профессионального образования на основе межпредметных связей;

б) введение поликультурных доминант в содержание общего и профессионального образования;

в) необходимость этнопедагогического просвещения подрастающего поколения и учащейся молодежи с целью расширения и углубления этнокультурных знаний, ознакомление с этнокультуроведческим материалом, интегрированным в дисциплины общеобразовательного цикла;

г) введение в содержание образования национально-регионального компонента;

д) введение спецкурсов, отражающих национальную духовную культуру и историю представленных в образовательной организации этнических групп;

е) расширение этнокультурологического содержания в вариативно-дополнительные формы внеучебной образовательной деятельности;

ж) обеспечение деятельности системы дополнительного образования детей в образовательном учреждении.

Технологический уровень предполагает системность и поэтапность установки на формирование межэтнических отношений. При этом необходимо:

– оптимальное сочетание аудиторной и внеаудиторной работы;

– использование многообразных форм и интерактивных методов формирования межэтнических отношений;

– включение учащейся молодежи в активное межкультурное взаимодействие;

– проведение коррекции межэтнических отношений на основе технологии воспитания у учащейся молодежи межнационального взаимодействия.

Одним из условий формирования таких качеств, как понимание и принятие другой культуры, национальное и гражданское сознание, эмпатия, интеркультурное миропонимание, является *введение инновационных технологий*, что способствует повышению уровня информированности

обучающихся о существенных и содержательных характеристиках толерантности; формированию толерантности в личной сфере ценностей подрастающего поколения и ее превращению в регулятивный принцип их профессиональной и непрофессиональной деятельности. При этом и процесс воспитания базируется на учёте культурных и воспитательных потребностей национальных и этнических меньшинств, на взаимосвязи культур и предусматривает межнациональное и межэтническое взаимодействие, развитие чувства солидарности и взаимопонимания между субъектами. Согласно исследованию Н.Д. Колетвиновой, субъектам поликультурного воспитания могут быть присущи три основные характеристики: культурная общность; языковая общность; статус национального меньшинства или большинства [7]. В поликультурном воспитании задействованы два субъекта: ведущий и малый этносы, непременным свойством которых является культурное взаимодействие. Необходимо отметить, что основной функцией поликультурного воспитания, прежде всего, является устранение противоречия между системами и нормами воспитания и обучения доминирующих наций, с одной стороны, и этнических меньшинств – с другой. Необходима взаимная адаптация этнических групп, отказ этнического большинства от культурного диктата.

Уровень кадрового потенциала определяется условиями, связанными с совершенствованием кадрового обеспечения педагогов общего и профессионального образования; развитием компетентности и готовности педагога реализовать концепцию поликультурного образования; углублением профессионального сознания с учетом особенностей профессиональной деятельности по поликультурному воспитанию; расширением профессиональных знаний, умений и навыков; развитием способности к преодолению различных барьеров в восприятии учащегося.

Важность роли педагога в современной поликультурной образовательной среде заставляет задуматься о наличии у педагога необходимых знаний, навыков, умений, установок и поведенческих ориентаций, а также поликультурной образованности в качестве составляющей профессиональной компетентности. Актуальным стал вопрос подготовки, профессиональной переподготовки, повышения квалификации специалистов, работающих с учащейся молодежью, в соответствии с экстремистскими проявлениями в молодежной среде [9].

Мы считаем крайне важным в процессе образовательной деятельности соблюдение педагогом профессионально обоснованной дистанцированности, недопущение им крайних взглядов и проявления радикального настроения.

В современной образовательной организации педагог должен быть:

- готовым к толерантному восприятию культурных различий;

- готовым к конструктивному взаимодействию с окружающим миром независимо от признаков принадлежности к той или иной социальной группе;

- способным профессионально взаимодействовать с участниками культурно-просветительской деятельности, использовать возможности региональной культурной образовательной среды.

Это в целом свидетельствует о необходимости наличия у педагога профессиональных, когнитивных и эмотивных компетенций, которые позволят ему быть готовым к работе в поликультурной образовательной среде и содействовать реализации ее функций:

- помогать обучающемуся обрести способность становиться и быть субъектом собственного развития в многокультурном мире;

- способствовать выработке общего ценностно-смыслового контекста восприятия действительности;

- регулировать деятельность субъектов на основе выработанных общих норм и правил организации жизнедеятельности;

- служить механизмом защиты субъектов от деструктивных тенденций;

- вести к согласованию интересов и ценностей её субъектов и т.д.

Формирование данных компетенций можно осуществлять на нескольких уровнях. А именно: при подготовке педагогических кадров в соответствующих профильных образовательных организациях; при подготовке по программам дополнительного профессионального образования (повышение квалификации); на институциональном уровне; при подготовке по программам дополнительного профессионального образования (профессиональная переподготовка) [5].

Таким образом, реализация совокупности педагогических условий позволит сформировать позитивные межэтнические отношения в образовательной среде, культуру понимания и восприятия различных этносов, межнационального взаимодействия. Образовательная организация, в которой будет создана поликультурная образовательная среда, создаст благоприятные возможности для межкультурной рефлексии, социальной активности и вступления в конструктивный межкультурный диалог и межэтнические отношения.

Литература:

1. Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование в России: теория, история, концептуальные основы // А.Б. Афанасьева. – СПб.: Университетский образовательный округ СПб и ЛО, 2009.
2. Башмакова Н.И., Рыжова Н.И. Поликультурная образовательная среда: генезис и определение понятия / Н.И. Башмакова, Н.И. Рыжова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2.
3. Беликов В.А. Педагогические условия как цель педагогических исследований / В.А. Беликов // Проблемы образования и развития личности учащихся. – Магнитогорск: МаГУ, 2001. – С. 69-73.
4. Гутман Е.В., Шибанкова Л.А., Захарова П.И. Формирование толерантности в поликультурной образовательной среде вуза / Е.В. Гутман, Л.А. Шибанкова, П.И. Захарова // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 1(108). – С. 57-62.
5. Доронин С.П., Шибанкова Л.А., Грузкова С.Ю. Проблема готовности педагога к обеспечению безопасности поликультурной образовательной среды / С.П. Доронин, Л.А. Шибанкова, С.Ю. Грузкова // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6. – С. 61-65.
6. Закон об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/>
7. Колетвинова Н.Д., Габдулхаков В.Ф. Об особенностях поликультурного языкового образования в России и Татарстане / Н.Д. Колетвинова, В.Ф. Габдулхаков // Поликультурное образовательное пространство Поволжья: интеграция регионального и международного опыта: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции; под ред. Г.Ж. Фахрутдиновой. – Казань: Отечество, 2014. – С. 150-158.
8. Конопацкая Е.А. Формирование общекультурных компетенций студентов-бакалавров в поликультурном образовательном пространстве ВУЗа (на примере профессиональных дисциплин гуманитарной направленности): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Конопацкая Екатерина Александровна. – Казань. - 2015. – 226 с.
9. Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А. Проектирование деятельности образовательных организаций по профилактике вовлечения молодежи в экстремистские организации / Ф.Ш. Мухаметзянова, Г.А. Шайхутдинова // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6. – С. 48-51.

10. Сверчков А.В. Организационно- педагогические условия профессионально-педагогической культуры будущих спортивных педагогов / А.В. Сверчков // Молодой ученый. – 2009. – № 4. – С. 279-282.

Сведения об авторе:

Шибанкова Люция Ахметовна (г. Казань, Россия), кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы РАО», e-mail: luz7@yandex.ru

Data about the author:

L. Shibankova (Kazan, Russia), candidate of pedagogic sciences, associate professor, senior research officer at the Institute of the Problems of National and Ungraded School of Russian Academy of Education, e-mail: luz7@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Л.Ю. Мухаметзянова¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. Цель данной статьи заключается в решении задачи формирования гражданской идентичности российской молодежи с использованием средств литературы и искусства в поликультурном образовательном пространстве. Формирование гражданской идентичности рассматривается как условие, определяющее обеспечение консолидации различных слоев гражданского общества и способствующее противостоянию идеологии экстремизма и терроризма. Содержательной установкой статьи является поручение В.В. Путина от 16 декабря 2014 года Общероссийскому общественному движению «Народный фронт «За Россию» подготовить предложения по формированию российской гражданской идентичности. Системообразующим компонентом в структуре гражданской идентичности рассматривается толерантность в качестве важнейшего мировоззренческого принципа, необходимого для гармонизации отношений «Я» – «Другой» в гражданском обществе. Автор рекомендует в поликультурном образовательном пространстве использовать духовно-нравственный потенциал лучших образцов литературы и искусства как средства формирования гражданской идентичности и активной гражданской позиции российской молодежи на образно-художественной основе поликультурного толерантного личностного выражения. Данная статья предназначена для педагогов, исследователей, руководителей образовательных учреждений, занимающихся вопросами формирования гражданской идентичности российской молодежи.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданская позиция, поликультурная толерантность, духовно-нравственный потенциал литературы и искусства, образовательное пространство.

THE FORMATION OF THE CIVIL IDENTITY OF YOUTH IN RUSSIA THROUGH THE SPIRITUAL AND MORAL POTENTIAL OF LITERATURE AND ART

L. Mukhametzyanova

Abstract. The article is aimed at the solution of the problem of formation of civil identity of the youth in Russia by means of literature and art in multicultural educational area. The formation of civil identity is considered to be the condition that provides the consolidation of various layers of civic society and favors the terrorism and extremism ideology combat. The content is determined by the message of Vladimir Putin of December 16, 2014 to the All-Russia civic movement “National Front “For Russia” to draft the project of the formation of civic identity in Russia. The system forming component in the structure of civic identity is the tolerance as the most important worldview principle that is necessary for the harmonization of the relations “Me – Another” in civic society. The author recommends to use the spiritual and moral potential of the best specimens of literature and art in the multicultural educational area to form the civil identity and social activism of the youth of Russia on the descriptive and artistic base of multicultural tolerant self-expression. The article will be useful for educators, researchers, heads of educational establishments that deal with the issues of civic identity of the youth in Russia.

Keywords: civil identity, social stand, multicultural tolerance, spiritual and moral potential of literature and art, educational area.

Президент РФ В.В. Путин в своем обращении к Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. подчеркнул: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все исторические времена делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – не набор

услуг, а прежде всего пространство для формирования *нравственного*, гармоничного человека, ответственного *гражданина России*».

16 декабря 2014 г. В.В. Путин поручил Общероссийскому общественному движению «Народный фронт «За Россию» подготовить предложения по формированию российской гражданской идентичности «Провести с участием представителей общественности и профессионального сообщества обсуждение вопросов, касающихся *духовно-нравственного воспитания* личности и создания условий для

ее развития, а также формирования *единого образовательного пространства* Российской Федерации и формирования российской *гражданской идентичности*».

Все эти компоненты, отмеченные В.В. Путиным: духовно-нравственное воспитание, образовательное пространство, российская гражданская идентичность, взаимосвязаны между собой. Мы раскроем содержательные и технологические характеристики этой взаимосвязи в процессе формирования гражданской идентичности и гражданской позиции российской молодежи в поликультурном образовательном пространстве с привлечением духовно-нравственного потенциала литературы и искусства.

Ориентация образования на формирование общероссийской гражданской идентичности – способности обучающегося соотносить себя с гражданской общностью, с её ценностями и нормами, осознавать свою принадлежность к ней, видеть в себе гражданина своей страны – определяет достижение основного результата современного образования: воспитания ответственного гражданина России, способного противостоять идеологии экстремизма и терроризма.

Отечественные исследователи А.Г. Асмолов, И.И. Антонова, И.В. Калиш [2,3,4,10] определяют гражданскую идентичность личности как сущностный компонент гражданской общности, обеспечивающий интеграцию населения страны и являющийся залогом стабильности государства. В исследованиях А.С. Гаязова, Л.М. Семешок, В.К. Шамановой, М.А. Юшип, Д.С. Лихачева [7,12,15,16,12] формирование гражданской идентичности рассматривается как развитие осознания индивидом своей принадлежности к какому-либо сообществу граждан.

Исследователи в целом отдают предпочтение целенаправленному формированию гражданской идентичности как предпосылке, способствующей обеспечению консолидации различных слоев гражданского общества, уменьшению социальной напряженности между представителями различных конфессий и национальных культур.

Актуальной проблемой российского образования является так называемый кризис идентичности, идентичности гражданской, религиозной, социальной. Для современной молодежи характерно непонимание смыслообразующей роли духовно-нравственных ценностей лучших образцов культуры и искусства в процессе формирования их гражданской позиции.

Одним из условий преодоления кризиса гражданской идентичности выступает гуманитаризация современного образования. Гуманитаризация по мнению исследователей Р.Х. Гильмеевой, Л.Ю. Мухаметзяновой, Л.П. Тихоновой, Г.А. Шайхутдиновой – это процесс целенаправленного развития личности, формирование ее способности определять свою гражданскую идентичность и проявлять ее в активной гражданской позиции [8,9,11]. Недооценка гуманитарной составляющей в образовании приводит к расовой и национальной нетерпимости.

Основой формирования гражданской идентичности на основе гуманитаризации образовательного пространства послужили представления современных исследователей: С.К. Бондыревой, В.С. Кукушина, Г.У. Солдатовой [5,6,14], о том, что системообразующим компонентом в структуре гражданской идентичности личности является *толерантность* – важнейший мировоззренческий принцип нравственной направленности, необходимый для гармонизации отношений «Я» – «Другой» в гражданском обществе.

Толерантность как духовно-нравственная готовность к терпимости во имя взаимопонимания между этносами и социальными группами определяет необходимость поликультурного взаимодействия между людьми разной национальной и религиозной принадлежности.

Во главу угла формирования поликультурной толерантности как гражданской позиции обучаемого мы поставили изучение им произведений литературы и искусства, в частности, художественный текст, который способен затронуть его глубокие гражданские струны.

В глубине души люди – просто люди, и это способно разрушить стену отчуждения. Все народы сталкиваются с одними и теми же житейскими проблемами: правом на любовь, ненависть, счастье, надежду и мечту. Богатство художественного произведения способно формировать толерантную культуру и гражданскую позицию личности обучаемого в процессе поликультурного текстового диалога.

Идея поликультурного художественного текстового диалога как основы формирования толерантности в контексте развития гражданской позиции легла в основу построения ценностных блоков-модулей разработанного пособия-хрестоматии по зарубежной литературе. Они связаны, говоря словами Д.С. Лихачева, с «возвращением к

Человеку-гражданину», к общечеловеческим поликультурным толерантным ценностям, одинаково важным для людей всей земли. Мысли Лихачева о путях развития человечества, его культуры, о формировании планетарного толерантного мышления по-новому прозвучали в 21 веке. Самым мощным объединяющим фактором, фактором толерантного гражданского мира ученый назвал «высокий гуманитарный уровень окружения каждого человека». «Меняя все, меняя нас», пришел новый век. Пути «возвращения к Человеку-гражданину» видятся нами как интерес к судьбе человеческой личности – самой большой ценности; чувствам, способным ее преобразить; острой тревоги за человека, за утрату духовно-нравственных ценностей» [12, с.11].

Возвращение к Человеку-гражданину определило и структуру блоков учебника-хрестоматии: «Литература как способ выживания человечества», «Родина», «Семья», «Любовь», «Природа и человек», «Вера», «Надежда», «Труд и талант», «Найди свою суть», «Искусство и человек», «Я – человек-

гражданин». Внутри этих блоков расположены художественные тексты авторов из самых разных стран мира (нет деления по странам). Это дало возможность сделать соседями по книге писателей маститых и начинающих: Гарсиа Маркеса и Милорада Павича, Понтера Грасса и Андрея Вознесенского, Акиру Курасаву и Орхана Памука, Марка Шагала и Сальвадора Дали, Ромена Гари, Нину Федорову и Рустема Кутуя, Мусу Джалиля и Уильяма Стайрона, Кафку и Басе.

Работа над художественными текстами, их анализ и оценка помогают учащимся, гражданам России, почувствовать себя еще и гражданами мира. Сохраняя верность национальным корням, они открываются духовно-нравственному опыту мира, всему ценному, что есть в культуре других стран и народов. В соответствии с этим каждый обучаемый выстраивает свою художественно-личностную траекторию, способствующую развитию его толерантной духовно-нравственной системы ценностей, формированию гражданской идентичности и гражданской позиции.

Литература:

1. Аналитический обзор зарубежного и российского опыта реализации гражданского образования / Гражданское образование в российской школе; сост. Т.И. Тюляева. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.

2. Антонова И.В. Проблема личностной идентичности: хрестоматия / И.В. Антонова. – Самара: Изд. Дом «БАХРАХ-М», 2003. – 656 с.

3. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» / А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. – 2001. – № 1. – С. 8-18.

4. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества / А.Г. Асмолов // Вопросы образования. – 2008. – № 1. – С. 65-85.

5. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Толерантность (введение в проблему) / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 240 с.

6. Воспитание толерантной личности в поликультурном социуме: сборник авторских и адаптированных программ; под ред. В.С. Кукушина. – Ростов-н/Д: ГинГо, 2004. – 271 с.

7. Гаязов А.С. Образование и образованность гражданина в современном мире / А.С. Гаязов. – М.: Наука, 2003. – 255 с.

8. Гильмеева Р.Х. Компетентностный подход в преподавании гуманитарных дисциплин в ССУЗ (концептуальные идеи) / Р.Х. Гильмеева, Л.П.

Тихонова, Л.Ю. Мухаметзянова. – Казань: Издательство «Данис» ИПП ПО РАО, 2008. – 23 с.

9. Гуманитарная образованность студентов в системе учреждений СПО-ВПО: монография / Р.Х. Гильмеева, Л.Ю. Мухаметзянова, Л.П. Тихонова, Г.А. Шайхутдинова; под научной ред. академика РАО Г.В. Мухаметзяновой. – Казань: Изд-во «Данис» ИПП ПО РАО, 2011. – 136 с.

10. Калиш И.В. Гражданское воспитание молодежи – приоритет современной российской стратегии образования: сборник Гражданское образование в российской школе; сост. Т.И. Тюляева. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.

11. Концепция модернизации содержания и технологий формирования и развития культуры и гуманитарной образованности студентов профессиональной школы, ориентированной на российско-европейское партнерство / Р.Х. Гильмеева, Л.П. Тихонова, Л.Ю. Мухаметзянова, Г.А. Шайхутдинова; под ред. академика РАО Г.В. Мухаметзяновой. – Казань: Издательство «Данис» ИПП ПО РАО, 2011. – 37 с.

12. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачев; сост., общ. ред. Г.А. Дубровской. – 2-е изд., доп. – М.: Дет. лит., 1988. – 238 с.: илл.

13. Семешок Л.М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития / Л.М. Семешок. – М.: МПСИ; Воронеж: «МОДЭК», 2006. – 352 с.

14. Солдатова Г.У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия / Г.У. Солдатова // Век толерантности. – М., 2001. – Вып. №1.

15. Шаманова В.К. Воспитание гражданственности школьников в учреждениях системы дополнительного образования: дис. ...

канд. пед наук: 13.00.01 / Шаманова Виктория Казбековна. – Пятигорск. – 2005. – 173 с.

16. Юшин М.А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Юшин Михаил Анатольевич. – Тула. – 2007. – 24 с.

Сведения об авторе:

Мухаметзянова Лариса Юрьевна (г. Казань, Россия), кандидат педагогических наук, ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования», e-mail: lar_ur@list.ru

Data about the author:

L. Mukhametzyanova (Kazan, Russia), candidate of pedagogic sciences, Institute of Problems of National and Underfilled School of Russian Academy of Education, e-mail: lar_ur@list.ru

УДК 159.9

МЕДИАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА И КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ

И.С. Бубнова, В.И. Рерке

Аннотация. Статья посвящена роли медиативных технологий в профилактике экстремизма и конфликтов в образовательной среде школы. Школьная медиация – это новый подход к разрешению и предотвращению спорных и конфликтных ситуаций на всех уровнях системы российского образования. В статье показаны возможности школьной службы медиации в профилактике конфликтов и экстремизма. Данная статья будет интересна специалистам в различных отраслях психологии и социальной педагогики.

Ключевые слова: медиация; конфликт; экстремизм; профилактика; подросток; школа.

MEDIATION TECHNOLOGIES IN THE PREVENTION OF EXTREMISM AND CONFLICTS IN THE CONDITIONS OF POLYETHNIC ENVIRONMENT OF THE SCHOOL

I. Bubnova, V. Rerke

Abstract. This article is devoted to the problem of the role of the mediation technologies for the purpose of prevention different kinds of extremism and conflict situations in the educational environment of the school work. School mediation is a new approach to resolving and preventing disputes and conflict situations at all levels of the Russian educational system. This article shows the possibility of school service of mediation in preventing cases of conflicts and extremism. To our mind, this article may be interesting for professionals in different fields of psychology and social pedagogics.

Keywords: mediation; conflict; extremism; prevention; teenager; school.

На территории Иркутской области проживают представители более 130 национальностей. Есть места компактного проживания бурят, татар, чувашей, украинцев, белорусов, поляков, эвенков, тофов. Создано и действует более 100 национально-культурных объединений (80 – зарегистрированных), более 400 религиозных объединений (307 – зарегистрированных) управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Иркутской области). Религиозные объединения региона относятся к 22 конфессиям и деноминациям [6].

В настоящее время в связи с тенденциями глобализации и интеграции, изменением геополитической картины мира активизируется процесс миграции населения. Появление больших групп населения мигрантов в разных странах, в том числе в России, обострило проблемы их адаптации в новой социокультурной среде, внося существенные изменения в социум страны, принимающей мигрантов. Дети всегда участвовали в процессе миграции, которая протекает не безболезненно. В миграционной ситуации поиск средств гармоничного вхождения в новую культурную среду и бесконфликтного существования детей-мигрантов необходим. Этот аспект представляется весьма актуальным для

изучения как в педагогической науке, так и для практической жизни современного общества. Мигранты и их дети являются представителями различных национальностей, государств с разными культурными традициями, разными социальными характеристиками, что и определяет множество проблем как социального, педагогического, так и экономического уровней.

Обострение межэтнических отношений, пренебрежительное отношение к представителям других культур, отсутствие целевых программ по оптимизации межнациональных отношений, социальная нестабильность, криминализация и маргинализация социума углубляют ситуацию национальной нетерпимости и разобщенности.

Правительством Иркутской области осуществляется регулярный мониторинг состояния межнациональных (межэтнических) отношений на территории Иркутской области, включающий взаимодействие с региональными управлениями федеральных органов власти (управление Федеральной миграционной службы по Иркутской области, управление Министерства юстиции Российской Федерации по Иркутской области, управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по

Иркутской области, главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Иркутской области), муниципальными образованиями, общественными национально-культурными объединениями.

Демографическая и миграционная ситуации, сложившиеся в Иркутской области, как и по России в целом, по-прежнему остаются достаточно сложными: наблюдается устойчивая тенденция ежегодного сокращения населения. В последние годы за счет отрицательного сальдо миграции из Иркутской области ежегодно выбывает 5 – 7 тысяч человек.

Деструктивное влияние на состояние межнациональных отношений в Иркутской области оказывают также современные миграционные процессы. Мигранты с низким уровнем образования, знания русского языка, общероссийских социально-культурных ценностей и правил общественного поведения порождают мигрантофобию. В свою очередь, мигрантофобия приводит к обострению этнического экстремизма, негативным тенденциям в социально-культурной сфере, росту националистических настроений в обществе.

Социологические исследования, проведенные в Иркутской области показали, что вероятность возникновения в регионе конфликтов на национальной почве между коренными жителями и мигрантами разной национальности оценивалась в 2009 году как «высокая» и «скорее высокая» [6]. Эти процессы ставят новые задачи в сфере государственной национальной политики, обуславливают необходимость системной работы в этой области. В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и другими нормативно-правовыми актами федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские, меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности» [6].

Однако, в настоящее время не существует системного видения данной проблемы и, к сожалению, не существует системной технологии сопровождения детей-мигрантов в условиях образовательного учреждения. Именно поэтому образование столь остро нуждается в теоретическом и практическом анализе тех технологий социально-педагогической деятельности, которые и должны помочь детям-мигрантам менее болезненно адаптироваться к новой социокультурной среде, гармонично существовать и развиваться в этой среде, уметь решать конфликты.

Многообразное по вариантам общение детей, подростков и молодежи в целом, как между собой, так и с представителями других возрастных групп в условиях общеобразовательной школы часто приводит к столкновению интересов. Значимой педагогической проблемой сегодня выступает проблема адаптации к социокультурным условиям нового региона детей разных возрастов. Если у младших школьников эта проблема связана, преимущественно, с незнанием языка, непониманием и неумением общаться на языке, то в подростковом и юношеском возрасте адаптация осложняется специфическими возрастными проблемами [2].

В силу возрастных, социальных и психологических особенностей, критичности данного возрастного периода подростки – мигранты в наиболее полной мере подвержены эмоциональному переживанию ситуации социальной нестабильности и испытывают психологический кризис. Одним из проявлений этого кризиса является дезадаптация, дезориентация в построении Я – концепции, мировоззрения, вхождении во взрослую жизнь [1]. Подростки-мигранты – это особая социальная и возрастная категория населения, которая нуждается в специальных условиях адаптации к изменившимся условиям жизнедеятельности. Поэтому данная категория семей, равно как и все семьи динамического наблюдения нуждается в проведении работы, направленной на профилактику и коррекцию конфликтов в подростковой среде с участием подростков-мигрантов [1].

Школьная медиация подразумевает, что мы можем сократить количество подобных столкновений и облегчить их последствия. Навыку мирно разрешать конфликтные ситуации и уметь их предотвращать можно обучить. В подростковом возрасте спектр необходимых навыков для обучения поведению в конфликте и его превенции

становится гораздо шире, чем в младшем школьном возрасте. Появляется возможность обучать подростков для работы в качестве школьных медиаторов или их помощников (в тех случаях, когда начинающему «медиатору» необходима поддержка со стороны взрослых или более опытных учащихся). Именно в эти годы подростку необходимо научиться осознавать себя как самоценную и развивающуюся личность, которая на основании своих внутренних критериев способна совершать свободный и ответственный выбор. И этот выбор касается не только собственного времяпрепровождения, интересов и пристрастий. Ребенок самостоятельно определяет свое место в жизни, определяет круг своих идеалов.

Школа является мини-социумом, и от того, как научатся дети взаимодействовать с ровесниками и представителями других поколений на территории школы, зависит, как они смогут это делать в реальном взрослом социуме. Если конфликты будут играть разрушительную роль в жизни ребенка – их негативные последствия скажутся и спустя десятилетия [3]. Если же конфликтное взаимодействие в школьные годы научит его относиться к конфликту как к точке сборки, как к возможности выйти на уровень глубинного понимания своего оппонента; то такой позитивный опыт может быть плодотворно использован в дальнейшем. Коммуникация не будет представлять для такого человека опасности, что значительно расширит его возможности и в профессиональной деятельности, и в личной жизни.

Школьная медиация – это новый подход к разрешению и предотвращению спорных и конфликтных ситуаций на всех уровнях системы российского образования. Особенно важной становится внедрение данной инновации при работе с подростками, так как именно в этом возрасте у него происходит пересмотр ценностей, а вместе с тем, и поиск новых авторитетных фигур, новых кумиров, новых видов деятельности. Школьная медиация позволяет вплотную заниматься проблемами ребенка, так как она ставит в центр внимания именно потребности личности.

Обучение школьной медиации полезно и родителям, так как помогает им наладить общение со своими детьми. Семья – первая социальная общность, которая закладывает основы личности качеств ребенка. Семейное воспитание должно помочь ребенку изначально усвоить нормы поведения в

обществе, коллективе, во взаимоотношениях с людьми, то есть воспитание в современном обществе рассматривается не только как сугубо семейное дело, но и как социальная обязанность родителей.

Безусловно, успешность адаптации детей мигрантов в культурное пространство можно гарантировать только тогда, когда создано единое воспитательно-образовательное пространство «семья – образовательное учреждение». Опыт показывает, чем теснее осуществляется связь семьи и учреждения образования, тем эффективнее педагогический результат.

Для успешной адаптации детей мигрантов и детей вынужденных переселенцев необходима систематическая работа всего педагогического коллектива образовательного учреждения с семьей, которая включает в себя:

- планирование содержания общения с каждой семьей, сочетание индивидуальных и групповых форм работы;
- обеспечение ежедневного информирования родителей о жизни ребенка в образовательном учреждении, а также передачу каждому из родителей позитивной информации о его ребенке;
- определение «проблемных зон» развития ребенка и путей их решения;
- установление требования всестороннего обсуждения и коллегиальной выработки конструктивных предложений в создавшейся конфликтной ситуации;
- повышение психологической культуры взаимодействия всех участников педагогического процесса – педагогов, родителей, детей;
- совершенствование стиля общения с родителями, принятого в образовательном учреждении;
- обеспечение защиты прав детей в образовательном учреждении и семье.

Ведущими направлениями взаимодействия образовательного учреждения и семьи мигрантов и вынужденных переселенцев могут быть:

- изучение семьи, ее проблем и потребностей (анкетирование, мониторинг, собеседования и т.д.);
- информирование родителей (родительские собрания, дни открытых дверей, родительские конференции, дискуссии, родительские вечера и т. д.);
- психолого-педагогическое просвещение родителей (родительский лекторий, материнская школа, семейная гостиная,

консультационная служба, проведение и практикумов и тренингов с родителями);

- совместная деятельность родителей и детей (организация семейных конкурсов, рассказ о семейных традициях, увлечения, проведение совместных мероприятий, праздников и дел, творческие встречи с родителями, презентация семейных династий, создание тематических фотоальбомов и т.д.).

Привлечение родителей к совместной деятельности решает ряд воспитательных задач:

- установление дружеских отношений, сотрудничества, формирование опыта творческой деятельности;

- формирование межпоколенной трансмиссии, укрепление традиций, передача навыков и умений в разнообразных видах деятельности: интеллектуальной, общественно полезной, художественно-творческой, игровой, свободном общении;

- налаживание теплых отношений между детьми, родителями и педагогами за счет совместного позитивного переживания [4].

На данный момент существует три организационные модели школьной службы примирения. К ним относятся: «профилактическая» модель; «воспитательная» (педагогическая) модель; «сервисная» модель.

В рамках первого, «профилактического» подхода, служба примирения призвана декриминализовать подростковую среду, содействовать устранению причин противоправного поведения школьников. Центр школьной медиации, в этом варианте, работает в единой системе с советом профилактики, социальным педагогом, психологом и другими школьными специалистами, занимающимися проблемами отклоняющегося поведения. Эффективность работы службы оценивается в рассматриваемом контексте по количеству и сложности проведенных программ и по снижению «уровня конфликтности» в школе.

В рамках «воспитательного» («педагогического») подхода создание службы рассматривается как проявление детской активности, способ самореализации детей в позитивном ключе. Организация программ примирения выступает в качестве коллективной социально-значимой деятельности, которая формирует «воспитательный коллектив» детской службы. Он и считается наибольшей ценностью, ценится не столько сам продукт, который производит служба (программы примирения),

сколько появление в школе объединения, воспитывающего у своих членов высокие нравственные и деловые качества через привлечение к добровольчеству.

Таким образом, при описании «профилактического» и «педагогического» подходов мы увидели два варианта организационного оформления службы: в качестве структурного подразделения социально-педагогического блока школьной администрации и в качестве «воспитательного коллектива» (организационно, это может быть клуб, детская организация, объединение дополнительного образования и пр.).

Третий подход – «сервисный», отличается от «профилактического» и «воспитательного» тем, что он не направлен на видоизменение детской среды. Он не сориентирован ни на задачу профилактики, ни на задачу воспитания. Его задача – удовлетворить запрос ребят предоставлением соответствующих услуг. В центре внимания подхода – фигура клиента, заказчика, которым является конкретный ученик или взрослый.

Как видим, интересы заказчика являются определяющими для характера деятельности службы. Вследствие этого, появляются различные варианты целеполагания, комплектования и организации работы службы, сформированной в качестве органа самоуправления. Юным миротворцам приходится сталкиваться с различными ситуациями: от классического обзывания до серьезных межнациональных конфликтов, в которые могут быть втянуты как ученики, так педагоги и родители.

Таким образом, школьная служба примирения – это еще один путь решения конфликтов и профилактики экстремизма в школьной среде [5]. Основополагающими для службы являются следующие моменты:

- решение о том, как будет выглядеть «мир», принимают сами конфликтующие стороны;

- ответственность за предотвращение и поведение в конфликтной ситуации в будущем опять же берут на себя сами конфликтующие стороны;

- ребята учатся сами и показывают другим, какие стили и способы поведения в конфликтной ситуации помогают общаться лучше, легче (компетентнее и эффективнее как сказали бы взрослые);

- путь, благодаря которому педагоги и родители осваивают способы и модели конструктивного и взаимоприемлемого взаимодействия, поскольку если разобраться,

то цель и у тех, и у других одна – что бы дети хорошо учились, с интересом относились к школе и учебе в целом, радовались сами и радовали своих учителей и родителей.

Служба примирения – это хороший путь, хотя и незнакомый, который учит уважать себя

и других и брать ответственность за свои поступки и за их последствия. Путь, который не все взрослые (которые в сущности те же дети) готовы пройти без сомнений и колебаний.

Литература:

1. Бубнова И.С., Рерке В.И. Специфика современных условий семейного воспитания подростков и ее влияние на формирование их Я-концепции / И.С. Бубнова, В.И. Рерке // Вестник Иркутского государственного университета. - 2013. - № 3. - С. 211-214.

2. Дудко С.А. К проблеме социально-педагогической интеграции детей мигрантов в России / С.А. Дудко // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. - № 28.

3. Леонов Н.И. Конфликты и конфликтное поведение / Н.И. Леонов. - СПб: Питер, 2005. – 78 с.

4. Наумчик В.Н. Социальная педагогика. Проблема трудных детей. Теория. Практика.

Эксперимент: пособие для учителей, воспитателей, студентов, аспирантов пед. высш. учеб. заведений / В.Н. Наумчик, М.А. Паздников. – Минск, 2005. – 400 с.

5. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство; под ред. И.А. Басовой. – СПб.: Речь, 2006. – 288 с.

6. Постановление Правительства Иркутской области от от 30 декабря 2013 года N 628-пп «Об утверждении государственной программы Иркутской области «Укрепление единства Российской нации и этнокультурное развитие народов Иркутской области» на 2014 – 2020 годы».

Сведения об авторах:

Бубнова Ирина Сергеевна (г. Иркутск, Россия), кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет», e-mail: irinaz-bubnova@yandex.ru

Рерке Виктория Игоревна (г. Иркутск, Россия), кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет».

Data about the authors:

I. Bubnova (Irkutsk, Russia), Candidate of Psychological Sciences, associate professor of Irkutsk state University, e-mail: irinaz-bubnova@yandex.ru

V. Rerke (Irkutsk, Russia), Candidate of Psychological Sciences, associate professor of Irkutsk state University.

УДК 377:378

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Е.Н. Прокофьева¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. В условиях многочисленных угроз социальной и личностной безопасности в современном мире необходимо обеспечить безопасность в реальных условиях функционирования образовательных организаций. В статье представлены приоритетные направления деятельности образовательной организации в области обеспечения комплексной безопасности. Автором выявлены компоненты процесса управления комплексной безопасностью образовательной организации, основу которой составляет процессный подход.

Ключевые слова: комплексная безопасность, образовательные организации, управление, результативность процессов.

THE MODEL OF MANAGEMENT OF THE COMPLEX SAFETY OF THE EDUCATIONAL INSTITUTIONS

E. Prokofieva

Abstract. Today's world is full of various threats of social and personal safety. That's why it is necessary to guarantee safety in the modern world in the conditions of functioning of educational institutions. This article shows the prior directions of activity of the educational organization. The author depicted the components of the process of management of the complex safety in the educational organization, the basement of which is the process approach.

Keywords: complex safety, educational institutions, management, the effectiveness of processes.

Образовательные организации обладают собственной спецификой, обуславливающей и особенность управления их безопасностью [1]. Прежде всего, российская образовательная система включает в себя всех детей и подростков, молодежь страны; в рамках образовательных организаций подрастающее поколение проводит значительную часть своего времени в ходе реализации процессов обучения и воспитания, подготовки профессионалов. Именно поэтому уровень ответственности образования перед обществом, в том числе, и в вопросах безопасности, невозможно переоценить. Вопросы комплексной безопасности, то есть рассмотрение всех видов безопасности в рамках деятельности образовательных организаций, должны охватывать все компоненты образовательной среды – социальный, субъектный, инфраструктурный.

При решении задач обеспечения безопасности образовательных организаций нужно ориентироваться на допустимые уровни риска, рассматривать которые необходимо как наиболее допустимые в современных тенденциях социального и технико-технологического состояния общества. В данной позиции, критерием качества обеспечения комплексной безопасности мы считаем степень снижения уровня риска опасности образовательной организации во всех ее аспектах.

Непрерывное совершенствование требований законодательства Российской Федерации в области обеспечения комплексной безопасности привело к необходимости создания единого подхода и систематизации работы по комплексному исполнению норм федеральных законов о противодействии терроризму; защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, пожарной безопасности и гражданской обороне с учетом специфики деятельности образовательных организаций.

В последние годы в научной литературе рассматриваются отдельные вопросы обеспечения безопасности жизнедеятельности, такие, как: профилактика угроз терроризма, профилактика чрезвычайных ситуаций, пожарной безопасности, информационной безопасности, безопасности в дорожно-транспортной среде и прочее. Однако, рассмотрение системы управления комплексной безопасностью, решение спектра проблем формирования методик оценки состояния комплексной безопасности в образовательной организации, поиск способов снижения риска опасности в образовательной среде не получили должного научного освещения.

Комплексная безопасность образовательных организаций и разработка системы управления ею рассмотрены нами с позиции всеобщего

управления качеством в рамках действия системы менеджмента качества образовательной организации, позволяющей обеспечить результативность процессов и их непрерывное совершенствование.

Комплексная безопасность образовательной организации – это состояние защищенности образовательной организации от возможных и прогнозируемых угроз социального, техногенного и природного характера, которые обеспечивают ее безопасное функционирование. Она может быть достигнута путем реализации комплексной системы мер и мероприятий правового, организационного, технического, кадрового, финансового характера, таких как:

- организация мероприятий по гражданской обороне;
- организация пожарной безопасности самой образовательной организации и прилегающей к ней территории [2];
- организация инженерно-технической укрепленности (ограждения, металлические двери, решетки и т.п.) и инженерно-технического оборудования (охранная сигнализация, «тревожные» кнопки, видеонаблюдение, ограничение и контроль за доступом, пожарная сигнализация);
- обеспечение антитеррористической защиты образовательной организации;
- организация контрольно-пропускного режима, исключающего несанкционированное проникновение на территорию образовательной организации посторонних лиц;
- организация мероприятий по соблюдению норм охраны труда;
- организация взаимодействия с правоохранительными органами и другими структурами, вспомогательными службами и общественными организациями в плане борьбы с криминальными правонарушениями (хулиганство, кражи, грабежу, применение насилия), экстремистскими проявлениями, массовыми беспорядками, распространением наркотиков;
- включение в образовательный и воспитательный процессы формирование мультикультурной безопасности личности [3].

Для формирования системы управления комплексной безопасностью образовательных организаций с технологических позиций нами использован процессный *подход*, рассматривающий управление комплексной безопасностью как систематическое осуществление ряда согласованных между собой видов деятельности и единых функций

управления и ориентированный на качественный результат, рациональное использование ресурсов, непрерывность и постоянное совершенствование деятельности образовательной организации в сфере безопасности жизнедеятельности. Процессный подход в образовательной организации позволяет регулировать управление комплексной безопасностью на основании оценивания его состояния по специально определенным критериям качества для всех компонентов самого процесса, а также факторов, оказывающих влияние на конечный результат.

Результативностью системы управления комплексной безопасностью является удовлетворенность заинтересованных сторон в безопасных условиях функционирования образовательной организации; для этого расходуются ресурсы, необходимые для выполнения каждого из процессов. Заинтересованными сторонами являются образовательная организация и все, кто связан с ее деятельностью во внешней среде – социальные институты (государство, общество, профилирующие ведомства и др.). Можно также говорить (на основе процессных моделей систем менеджмента качества) о разделении процессов на процессы жизненного цикла, управления ресурсами, мониторинга, измерений и улучшения, а также процессах деятельности высшего руководства образовательной организации [4]. Если в образовательной организации реализована система менеджмента качества, то управление процессами обеспечения комплексной безопасности будет являться основой ресурсов образовательной организации и позволит выстроить цепочку (ландшафт) остальных процессов [5].

В процессе управления комплексной безопасностью в рамках заданных границ образовательной организации должны быть определены показатели, которые характеризовали бы ход процесса и его результаты; определена ответственность за каждый процесс. Основными характеристиками процесса управления комплексной безопасностью образовательных организаций является его повторяемость и стабильность выходных характеристик при заданном входе, параметрах и имеющихся ресурсах процессов.

Приведенная автором схема, см. рис. 1 позволит произвести идентификацию процессов комплексной безопасности образовательной организации любого уровня.

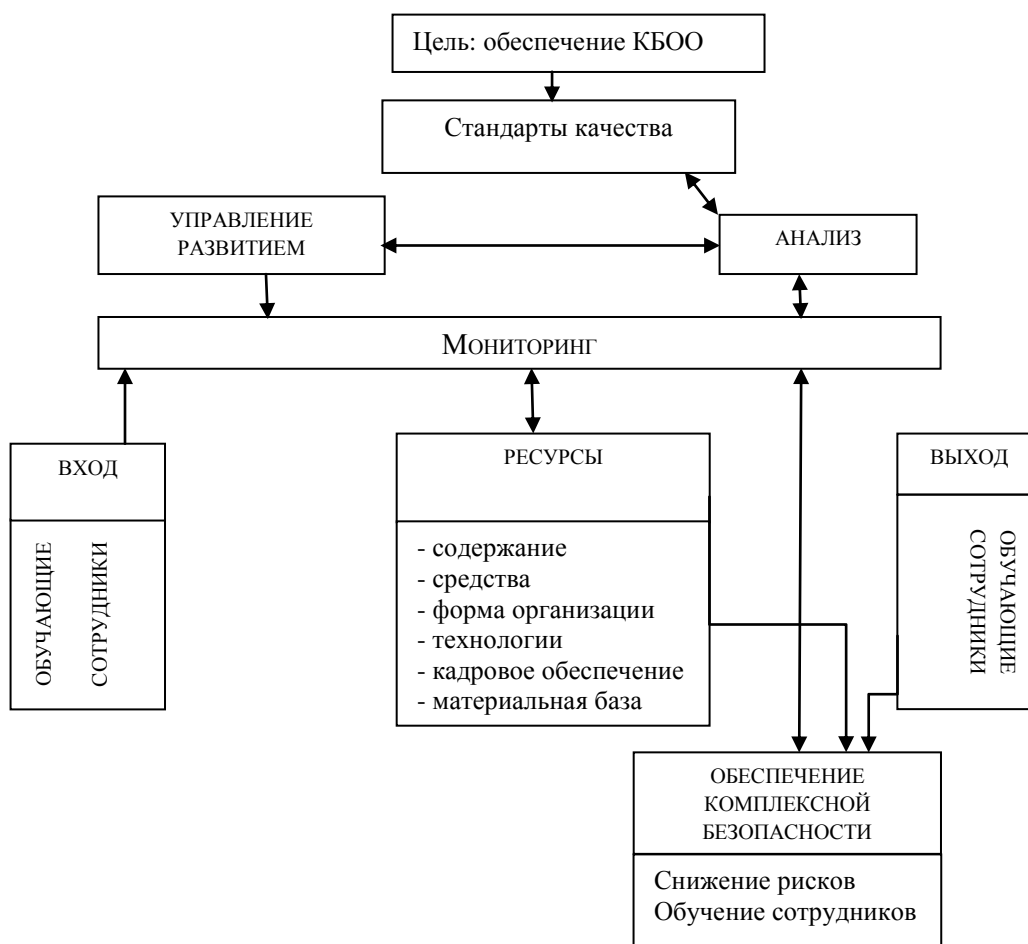

Рисунок 1. - Модель управления комплексной безопасностью образовательной организации

Нами предлагается следующий алгоритм деятельности образовательной организации по обеспечению комплексной безопасности:

1. Определение перечня основных процессов обеспечения комплексной безопасности образовательной организации и их документирование.
2. Проведение комплексного анализа качества безопасности при реализации основных процессов обеспечения комплексной безопасности.
3. Осуществление прогнозной деятельности сфере управления комплексной безопасностью с учетом факторов внешней среды образовательной организации и использование ее результатов при управлении процессами обеспечения комплексной безопасности.
4. Разработка научно-педагогических, производственных, организационных и хозяйственных способов достижения поставленной цели - непрерывного улучшения качества процессов обеспечения комплексной безопасности образовательной организации.
5. Оценка необходимого и располагаемого ресурсного обеспечения процессов обеспечения комплексной безопасности при реализации

основных (образовательных) процессов образовательной организации.

6. Осуществление мониторинга процессов управления и обеспечения комплексной безопасности образовательной организации.

На основе анализа текущего состояния образовательных организаций в области обеспечения безопасности жизнедеятельности и изучения возможных угроз безопасности нами установлены следующие приоритетные направления деятельности на текущий момент времени:

- анализ требований к обеспечению безопасности участников образовательного процесса и самих образовательных организаций, как технических объектов (зданий);
- совершенствование нормативно-правового обеспечения комплексной безопасности;
- совершенствование системы управления комплексной безопасностью образовательных организаций, в том числе, разработка эффективных механизмов управления комплексной безопасностью и распределение функций, обеспечивающих отдельные аспекты комплексной безопасности между должностными лицами образовательных организаций;

- планирование организационного и финансового обеспечения комплексной безопасности;

- совершенствование учебно-методического и научно-методического обеспечения комплексной безопасности с психолого-педагогических позиций;

- совершенствование технического обеспечения комплексной безопасности, в том числе, внедрение современных технических средств и систем обеспечения комплексной безопасности (таких как: средства наблюдения, средства служебной связи, сигнализационные средства оповещения, средства обнаружения несанкционированного проникновения нарушителей или заноса запрещенных предметов на территорию образовательного учреждения и т.п.);

- организация информационно-технологического обеспечения комплексной безопасности, где ведущая роль принадлежит автоматизированным электронным системам, обеспечивающим высокую степень надежности;

- определение показателей и организация системного мониторинга комплексной безопасности образовательных организаций.

Разработка модели управления и компонент процесса управления комплексной безопасностью образовательных организаций, построенных с позиции достижения качества, позволяет постоянно совершенствовать процесс

безопасности жизнедеятельности. Разработанные авторами компоненты, ландшафт процессов, модель управления применяются не только в интересах антитеррористической защищенности, но и для обеспечения комплексной безопасности образовательных организаций от всех видов реальных угроз социального, антропогенного и природного характера.

Необходимым условием организации комплексной безопасности образовательной организации представляется разработка не только системы обеспечения, совершенствования управления и мониторинга, но и понимание всеми участниками образовательных организаций необходимости смены подхода к личной и общественной безопасности, формирование культуры безопасности, важнейшим фактором которого является обучение. Современный мир не признал концепцию абсолютной безопасности, но принял на вооружение новую философскую концепцию приемлемого риска, в том числе и в области создания безопасных условий функционирования [6]. Риск при этом является контрольно-измерительным инструментом для определения уровня безопасности. Следовательно, готовность к риску будет свидетельствовать о возможности принятия решений и реализации действий в условиях субъектной неопределенности.

Литература:

1. Загребина Е.И. К вопросу комплексной безопасности образовательных учреждений / Е.И. Загребина // Казанский педагогический журнал. - 2015. - № 1(108). - С. 97-103.

2. Загребина Е.И. Вопросы обеспечения пожарной безопасности в образовательных учреждениях / Е.И. Загребина // Вестник НЦБЖД. - 2014. - № 4(22). - С. 119-125.

3. Прокофьева Е.Н. Мультикультурная безопасность как социальный феномен / Е.Н. Прокофьева // Современные проблемы социально-гуманитарных наук: сборник докладов I Всероссийской научно-практической заочной конференции (с международным участием); научный ред. А.В. Гумеров. - 2015. - С. 18-21.

4. Мухаметзянова Ф.Ш., Левина Е.Ю. Типология управления развитием образовательных систем и структур // Ф.Ш. Мухаметзянова, Е.Ю. Левина // Теория и практика общественного развития. - 2015. - № 19. - С. 201-203.

5. Левина Е.Ю. Процессный подход к формированию системы менеджмента качества высшего профессионального образования / Е.Ю. Левина // Человек и образование. - 2011. - № 3. - С. 53-56.

6. Прокофьева Е.Н. Характеристика безопасности и риска: аспекты понимания / Е.Н. Прокофьева // Казанский педагогический журнал. - 2015. - № 1(108). - С. 71-76.

Сведения об авторе:

Прокофьева Елена Николаевна (г. Казань, Россия), кандидат педагогических наук, заведующая аспирантурой ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования», e-mail: elena-kzn@list.ru

Data about the author:

E. Prokofieva (Kazan, Russia), Ph.D., Head of Graduate School FGBNU "Institute of the Russian Academy of Education issues of national and small schools", e-mail: elena-kzn@list.ru

УДК 378.1

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРАКЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА КАК ПУТЬ ПРОТИВОСТОЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

Н.П. Ячина, Т.З. Мухутдинова

Аннотация. В настоящее время проблема международного терроризма представляет планетарную угрозу для всего мирового сообщества. Целью настоящего исследования являлось теоретическое обоснование методов противостояния международному терроризму в аспекте формирования интеракционной компетенции. В статье рассматриваются понятия «интеракционная компетенция», «кросс-культурная коммуникация», проектно-целевой метод как способ формирования интеракционной компетенции будущего специалиста. Авторы подчеркивают, что противостоять терроризму можно, воспитав у молодежи патриотизм и сформировав умение взаимодействовать на международном уровне с людьми разных стран и национальностей, с представителями разных этнических культур и профессий, вести гармоничный диалог и добиваться успеха в процессе коммуникации.

Ключевые слова: интеракционная компетенция, кросс-культурная коммуникация, взаимодействие, анализ разговора, проектно-целевой метод, противодействие терроризму.

CREATING OF INTERACTIVE COMPETENCE OF RISING SPECIALIST AS A WAY OF CONFRONTATION INTERNATIONAL TERRORISM

N. Yachina, T. Mukhutdinova

Abstract. Relevance of the research lies in the fact that at present the problem of international terrorism brings a planetary threat to the entire world community. The aim of the study was a theoretical justification of methods of opposition to international terrorism in the aspect of the formation of interactional competence. The article discusses the concept of "interactive competence", "cross-cultural communication", design-oriented method as a method of forming interactional competence of the rising expert. The authors emphasize that methods of combatting terrorism include the instilling of the youth patriotism and forming of the ability to interact with the representatives at the international level, with people from different countries and nationalities, with different ethnic cultures and professions, as well as leading of harmonious dialogue and succeeding in the communication process.

Keywords: interactive competence, cross-cultural communication, interaction, conversation analysis, design-oriented method, combating terrorism.

Международный терроризм, порожденный не разрешенными в минувшем веке проблемами, в начале XXI века заявил о себе наиболее яростно. Распад СССР сопровождался жестокими конфликтами во многих регионах бывшей державы. Миграционные процессы или, как их называют, «великое переселение народов» затронуло практически всю Европу, страны бывшего социалистического лагеря и такие государства, как Сирия, Ливия, Ирак. Это те страны, в которых по сей день льется кровь мирных граждан. Желание бизнеса обогатиться за счет других народов не знает границ. Человеческая жизнь во всем мире потеряла ценность. Погоня за деньгами обесценила её. В XXI веке мы наблюдаем девальвацию духовных ценностей, снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения, нравственную деградацию, рост духовной агрессии и этноэгоизма, снижение образовательного уровня, несоответствие качества профессионального образования решаемым задачам, уменьшение потенциальной способности овладения знаниями мировой цивилизации, утрата смысла жизни [1].

В настоящее время угроза международного терроризма и экстремизма носит интернациональный характер и серьёзно затрагивает и нашу страну. Если раньше мы говорили, что борьба идёт за умы и души молодежи, то сегодня видим, как безжалостно в этой борьбе используют детей. Наступление идет по всем направлениям: в социальных сетях, вовлечение молодежи в различные секты, приучение к употреблению наркотиков, предложения за короткое время заработать крупную сумму денег и т.д.

Как распознать собеседника, как прочесть ход его мыслей? Комплекс мер и методов предотвращения терроризма весьма разнообразен.

Мы рассматриваем формирование интеракционной компетентности у студентов как одно из эффективных направлений формирования умения взаимодействовать с собеседником. В современном глобализирующемся мире задача преподавателя вуза – подготовить не только специалиста, но и патриота своего государства.

Реалии нового тысячелетия требуют постоянной модернизации российской системы образования с целью формирования нового поколения специалистов, умеющих работать на международном уровне, взаимодействовать с людьми разных стран и национальностей, разных этнических культур и профессий, вести гармоничный диалог и добиваться успеха в процессе коммуникации.

Совместная деятельность людей в различных областях осуществляется с помощью контактов, различных видов общения. В сложных процессах общения можно выделить три его стороны: коммуникативную (передача информации, обмен информацией), интерактивную (взаимодействие) и перцептивную (взаимовосприятие).

Изменения, происходящие в российском обществе, бизнесе, образовании, способствуют появлению новых понятий, новой лексики. Так, знакомство с понятием «кросс-культурные коммуникации» произошло не так давно. Под кросс-культурными коммуникациями мы понимаем общение и взаимодействие представителей различных культур. Можно встретить следующие определения, выражающие суть кросс-культурных коммуникаций: интернациональные, международные, межкультурные, межэтнические, межнациональные, мультикультурные. Общепринятая практика употребления этих понятий пока еще не сложилась. Термин «кросс-культура» (в переводе с английского языка «Cross Culture») можно перевести как «пересечение культур». Общение преподавателя и студента – кросс-культурная коммуникация. Взаимодействие начальника и подчинённого также попадает в рамки кросс-культурного общения, поскольку можно достаточно свободно выделить культуру начальника и культуру подчинённого с их уникальными и общими характеристиками. В этом отношении кросс-культурный подход к деловым коммуникациям может быть с успехом применен и к любому другому общению [2].

Наряду с кросс-культурной коммуникацией в общении между людьми появляются понятия интерактивного взаимодействия, интеракционной компетенции. В работах R. Young (Young R., 2011) находим, что понятие интеракционной компетенции впервые ввел Kramsch [3]. Мы считаем, что интеракционная компетентность включает в себя знание и использование в основном неписаных правил взаимодействия в различных ситуациях, общении в рамках какого-либо конкретного речевого (языкового) коллектива и культуры. На наш взгляд,

интеракционная компетентность – это умение начать общение и управлять разговором, вести переговоры и поддерживать общение с другими людьми, правильно подобрать лексику в разговоре с собеседником, установить зрительный контакт, выбрать эффективную дистанцию между собеседниками при переговорах.

Ориентация на новые цели в образовании – формирование компетенций – требует не только изменение содержания изучаемых предметов, но и методов, и форм организации образовательного процесса, активизацию деятельности обучающихся в ходе занятия, приближение изучаемых тем к практике, к реальной жизни и поисков путей решения возникающих проблем.

Ученые с разных позиций рассматривают понятия «компетенция» и «компетентность». Мы воспользовались подходом С.Е. Шишова, который определяет компетенцию как способность, основанную на знаниях, опыте, ценностях, склонностях, которые приобретаются благодаря обучению. Компетенции рассматриваются в виде направлений, аспектов, умений, специфических знаний профессиональной компетентности как интегративного состояния. Такая позиция широко распространена у педагогов (особенно у специалистов в области иностранного языка).

Другой аспект в понимании компетенции (а значит, и компетентности) состоит в том, что «компетенция» – это то, чем человек обладает (способности, умения, круг вопросов). В то время как компетентность обозначает характеристику человека (обладающий компетенцией, знающий, сведущий, полноправный и т.д.). Компетентность может включать в себя набор компетенций, которые обнаруживаются в различных сферах деятельности [4].

Именно поэтому формирование интеракционной компетенции у студентов в вузе так важно для формирования умения действовать в рамках согласованных целей и задач; умения согласовывать свои действия с действиями партнера; формирования мировоззрения противостояния терроризму.

Модель интеракционной компетентности включает единство трех компонентов: мотивационно-ориентационного, содержательного и операционно-деятельностного, см. схему 1. Также R. Young указывает, что ученые по-разному рассматривают дефиницию «интеракционный»; некоторые связывают понятие «интеракционная компетентность» с социальной компетентностью.

Схема 1. – Модельные компоненты формирования интеракционной компетентности (ИК) будущего специалиста

Социальная компетентность характеризует интеракционные способности работника, культуру делового общения как по вертикали – «руководитель – подчиненный», так и по горизонтали – «работники одного уровня», а также «клиенты предприятия».

В русском языке чаще встречается понятие интерактивный (интерактивность – от англ. interaction – «взаимодействие»). Но в работе Е.В. Руденского мы встречаем понятие «интеракционный конструкционизм». Он предлагает провести методологическую переориентацию психологической теории профессионального образования с адаптивной методологии образования на методологию интеракционного конструкционизма [5].

Для того, чтобы научить студентов общаться и взаимодействовать с собеседником, преподавателю вуза необходимо модернизировать методы и формы проведения учебных занятий. Использование на занятиях *проектно-целевого метода* позволит решить задачу формирования интеракционной компетенции. Так, З.С. Сазонова и Е.В. Кудрявцева считают [6], что проектно-целевой метод является структурным компонентом технологии активного взаимодействия коллективов разных социальных структур, системно ориентированного на получение

общего результата и представляющего собой ценность для каждого из них.

Основные требования к использованию метода проектов:

- наличие значимой проблемы (задачи), требующей интегрированного знания, исследовательского творческого поиска для ее решения;
- использование исследовательских методов;
- практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов;
- самостоятельная индивидуальная, парная или групповая деятельность студентов;
- структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов).

Л.Д. Беднарская указывает, что организовать проектную деятельность на каждом занятии для преподавателя довольно сложно [7]. Решать эту задачу можно, включая элементы проектной деятельности в разные виды работ, например поставить проблемный вопрос, дать небольшое творческое задание на каком-либо этапе занятия. Работая в группе или в паре, будущий специалист осваивает социальные нормы, определяя свою позицию, имеет возможность её скорректировать. В процессе подготовки и презентации проекта студенты общаются, формулируют оценки группы и свою работу в

толерантном режиме. Преимущество проектного метода заключается в том, что формулируется общая проблема, решение которой мотивированно создает общую цель. Затем идёт осознание и корректировка задач, их распределение и решение в зависимости от индивидуальных способностей участников в группе. Это двусторонний процесс: самостоятельное добывание знаний и постоянная корректировка их с другими участниками, которых сплотило общее дело.

Главное в этой работе – совпадение индивидуального и общего интересов, понимание важности и ценности собственной деятельности для достижения общей цели. Интерактивность становится естественным условием предъявления результатов общей работы.

Реализация проекта на всех его этапах сопровождается рефлексией, развитием навыков самоанализа. Более важной становится не сама презентация, а процесс совместной деятельности. Импульсом к реализации проекта выступает правильно сформулированная проблема, что вызывает необходимость проанализировать саму проблему и причины ее возникновения. Проекты могут быть краткосрочными, недельными, годичными, многолетними.

Результаты проектов могут быть двух типов:

1) результаты-продукты в виде новых материальных объектов: модель, алгоритм, книга, фильм, методическая разработка, выставка, новая образовательная программа и т.д.; 2) результаты-эффекты: социальные, культурные, психологические изменения, которые произойдут в случае реализации проекта.

Учебное занятие, формой проведения которого является тренинг, также способствует формированию интеракционной компетенции студента. Использование метода включенного наблюдения дает возможность изучить по вербальным и невербальным (по сигналам глаз, по мимике, жестам, позе) ключам доступа ведущую репрезентативную систему собеседника, его доминирующий тип мышления. Владение и умение пользоваться такой информацией позволяет «подстроиться» под партнера, наладить эффективное взаимодействие и взаимопонимание и достигать поставленных целей. От того, насколько сформирована интеракционная компетенция специалиста, будет зависеть эффективность его будущей работы. Неверно подобранные формы и виды речевого воздействия, недостаточная выразительность речи, неточно выражающие

мысль слова часто приводят к взаимному непониманию, негативным всплескам, конфликтам, неприязни среди работающих, что несомненно отрицательно влияет на результативность их труда, приводит к ослаблению и даже к разрушению творческого начала в коллективе и у отдельных личностей.

Современный специалист должен быть социально компетентен, иметь развитые презентационные умения и навыки, позволяющие эффективно взаимодействовать как с отдельным человеком, так и с группой, грамотно построить любое публичное выступление, адекватно используя модели и стили общения, вербальные и невербальные средства коммуникации. Поэтому формирование интеракционной компетенции представляет собой одно из важных направлений компетентностного подхода в подготовке будущего специалиста.

Нам представляется, что проектно-целевой метод позволит эффективно формировать интеракционную компетентность специалистов. Характерной особенностью проектирования является не только изучение того, что уже существует, но и создание новых продуктов и одновременно прогнозирование того, что лишь может возникнуть. Этот тип научности не противостоит исследованиям, а охватывает и изменяет его согласно требованиям развития практики. Метод проектирования – совокупность последовательных исследовательских, поисковых, проблемных методов – необходимо использовать и при подготовке к коммуникационным процессам в различных ситуациях. При этом необходимо научить студентов строить прогностические модели планируемых и предстоящих результатов, событий, изменений с учётом возможных воздействующих факторов [8;9;11].

Этнические, религиозные конфликты, неконтролируемые миграционные процессы ведут к утрате культуры, самобытности и традиций целых народов [10;11;12]. В последние годы мы наблюдаем возникновение «горячих точек», осуществление террористических актов и угроз различного характера. Эти явления затронули множество стран мира.

Мы понимаем, что система образования способна и должна формировать у студенческой молодежи знания, умения и навыки, чувство ответственности и активной гражданской позиции, которые позволят в условиях нестабильности противостоять таким негативным проявлениям, как терроризм и экстремизм.

Наши исследования позволяют сделать вывод, что в сложившихся условиях нестабильного окружения важнейшими задачами педагога выступают: подготовка обучающихся к правильному использованию методов социальной адаптации и выбору наиболее эффективных способов

психологической и физической защиты в зависимости от обстоятельств жизни, формирование правильного мировоззрения и интеракционной компетенции будущего специалиста с целью предупреждения и противостояния терроризму.

Литература:

1. Андреев В.А. Педагогическая эвристика для творческого саморазвития многомерного мышления и мудрости / В.А. Андреев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2015. – 288 с.
2. Кузнецова С. Кросс-культурные коммуникации [Электронный ресурс] / С. Кузнецова // Сайт Светланы Кузнецовой. – Режим доступа: <http://crossculture.ru/ru/publications/whatis/>
3. Young Richard F., University of Wisconsin USA. What is international competence? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsmanager.commpartners.com/tesolalis/print/2014-08-27/8.html>
4. Ячина Н.П. Формирование мониторинговой компетентности учителя в условиях общеобразовательного учреждения: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Ячина Надежда Петровна. – Казань. – 2008. – С. 28.
5. Руденский Е.В. Интеракционный конструкционизм как методология компетентностной парадигмы психологии профессионального образования [Электронный ресурс] / Е.В. Руденский // Справочник Психологи России. – 2014. – Режим доступа: http://psychology-guide.ru/specialists/publications_text.php?id=4992
6. Сазонова З.С., Кудрявцева Е.В. Проектно-целевой метод как структурный компонент инновационных технологий активного взаимодействия / З.С. Сазонова, Е.В. Кудрявцева // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота. – 2015. – № 2(32).
7. Беднарская Л.Д. Проектная деятельность на каждом уроке / Л.Д. Беднарская // Русский язык в школе. – 2015. – № 4. – С. 6.
8. Мухутдинова Т.З. Прогностическая модель непрерывного регионального экологического образования / Т.З. Мухутдинова // Кирсановские чтения; сборник научных статей, выпуск II. – Казань: Отечество, 2013. – 488 с. – С. 88-95.
9. Мухутдинова Т.З., Храпаль Л.Р. Организационно-педагогические основы модернизации экологического образования в национальных исследовательских университетах в современных социокультурных условиях / Т.З. Мухутдинова, Л.Р. Храпаль // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 8. – С. 298-307.
10. Ячина Н.П. От качества образования к качественному менеджменту / Н.П. Ячина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – № 1. – С. 74-78.
11. Мухутдинова Т.З., Ячина Н.П., Хазиева Н.Н. Проблемы нравственного воспитания педагога / Т.З. Мухутдинова, Н.П. Ячина, Н.Н. Хазиева // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – № 10. – С. 348.
12. Храпаль Л.Р., Камалева А.Р., Грузкова С.Ю., Доронин С.П. Научно-методическое обеспечение реализации идей противодействия терроризму и экстремизму в молодежной среде / Л.Р. Храпаль, А.Р. Камалева, С.Ю. Грузкова, С.П. Доронин // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 1. – С. 33-41.

Сведения об авторах:

Ячина Надежда Петровна (г. Казань, Россия), кандидат педагогических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: nadegda_777@mail.ru

Мухутдинова Тамара Загирзяновна (г. Казань, Россия), доктор педагогических наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности Казанского национального исследовательского технологического университета, e-mail: tamara@kstu.ru

Data about the authors:

N. Yachina (Kazan, Russia), candidate of pedagogic sciences, associate professor at Kazan (Volga region) Federal University, e-mail: nadegda_777@mail.ru

T. Mukhutdinova (Kazan, Russia), doctor of education, corresponding member of Russian Academy of Natural Sciences, professor at the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, e-mail: tamara@kstu.ru

УДК 377

ВОЗМОЖНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Р.Г. Галихузина

Аннотация. Статья посвящена механизмам профилактики экстремизма и терроризма среди учащихся, использование которых позволит сохранить безопасную социокультурную среду в образовательных учреждениях. Проанализирована нормативно-правовая база, обеспечивающая основы профилактической деятельности образовательного пространства Татарстана по сохранению гражданского согласия и мира. Выделены основные направления в работе педагогического сообщества, препятствующие распространению деструктивных настроений среди молодёжи. Делается вывод о необходимости гражданского противодействия и использования потенциала науки.

Ключевые слова: экстремизм, профилактика, идеология, противодействие, межконфессиональный диалог, национальное согласие.

THE OPPORTUNITIES OF EDUCATIONAL SPACE IN THE PREVENTION OF MANIFESTATIONS OF EXTREMISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT (ON THE DATA OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

R. Galikhuzina

Abstract. The article is devoted to the mechanisms of prevention of extremism and terrorism among the students, the use of which will allow to maintain a safe social and cultural environment in educational institutions. The author analyzed legal framework that provides the basis of preventive activities of the educational space of Tatarstan on the preservation of civil harmony and peace. The main directions in the work of the teaching community against the spread of destructive attitudes among young people are mentioned. The conclusion about the necessity of civil resistance and the use of the potential of science is made.

Keywords: extremism, prevention, ideology, opposition, inter-religious dialogue, national accord.

Молодежь представляет собой социальную группу, на которую возложена функция сохранения и развития культурного и исторического наследия и приумножения национального достояния. Распространение в молодежной среде установок близких к экстремистским объясняется ее психоэмоциональной неустойчивостью, поиском идеалов справедливости, низкой правовой информированностью.

В начале нового столетия российское общество столкнулось с такими новыми вызовами, как межэтническая напряженность, незаконная миграция, экспансия международного терроризма.

Экстремистская идеология и различные формы ее проявлений являются угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Идеи насилия, ненависти и вражды используются националистическими, псевдорелигиозными силами в качестве средств дестабилизации общественного развития, что приводит к обострению межнациональных и межконфессиональных отношений. Деструктивные взгляды создают

угрозу сохранению основ конституционного строя, нарушению гражданского согласия.

Специфика современных способов коммуникации (информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, месенджеры), используемых подростками, – становится «инструментом» распространения экстремистских настроений. В этой связи возникает необходимость создания в образовательном пространстве системы, позволяющей оградить учащихся от опасности принятия ими экстремистских установок, что приобретает особую значимость на фоне вовлечения молодежи в организации экстремистской направленности.

Согласованность действий государственных органов и органов местного самоуправления в противодействии экстремизму, взаимодействие с институтами гражданского общества в области предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, работа с различными категориями учащихся создает условия для укрепления общественной безопасности.

Укрепление общероссийской гражданской идентичности, сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России, эффективная реализация социокультурной адаптации и интеграции мигрантов выступают мерами по профилактике проявлений экстремизма. В полиэтническом и многоконфессиональном российском обществе данные направления входят в число приоритетных в сфере государственной национальной политики.

Институтом конструирования гражданского сознания подростков, площадкой для межнационального диалога выступает система образования. Система идеологического противодействия деструктивным движением, которая начинает выстраиваться в различных ступенях обучения, уже сейчас формирует у подрастающего поколения уважение к нормам российского законодательства и его соблюдение, способствуя передаче знаний о духовном и культурном потенциале представителей различных национальностей.

Появление новых рисков в сфере духовной безопасности подрастающего поколения актуализирует необходимость выявления содержания форм профилактики экстремизма, осуществляемые ступенями образования.

Рассматривая меры по предупреждению, противодействию и профилактике экстремизма, дадим определение данных понятий. Согласно ст. 3 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ основными направлениями противодействия экстремистской деятельности являются:

- принятие профилактических мер по предупреждению экстремистской деятельности в обществе;

- принятие профилактических мер, таких как выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности, как отдельных социальных групп, так и личностей.

Противодействие экстремистской деятельности является более широким понятием, включающим в себя ее профилактику, предупреждение и пресечение. «В отечественной практике правоприменения понятие «профилактика» содержательно раскрывается в принятии мер, которые представляют собой:

1. Выявление – мониторинг и анализ ситуации по экстремистским проявлениям в определенной среде.

2. Предупреждение – недопущение возникновения любых форм проявления экстремистской деятельности.

3. Пресечение – подключение силового воздействия, направленного на устранение воздействия субъекта экстремистской деятельности на объект. Пресечение, как правило, основывается на результатах мероприятий по выявлению экстремистских проявлений» [3, с.172].

Отметим, что применительно к системе профилактики экстремизма среди подростков мы будем рассматривать возможные направления в деятельности образовательного (педагогического) сообщества по выявлению и предупреждению экстремизма.

Среди нормативно-правовых документов, координирующих деятельность органов власти и управления в сфере гармонизации межнациональных отношений и формирования общероссийской гражданской идентичности выделим Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Президентом Российской Федерацией 19 декабря 2012 года (далее Стратегия).

Анализ содержания позволяет выделить направления, призванные формировать у молодых людей чувство сопричастности и к прошлому и настоящему своего Отечества, уважения чести и национального достоинства.

В Стратегии в качестве форм по воспитанию чувства российского патриотизма были указаны такие мероприятия, как «посещение молодежью городов-героев и городов воинской славы, объектов культурного наследия Российской Федерации <...>, воспитание культуры межнационального общения <...>, вовлечение молодёжных и детских общественных объединений в проведение мероприятий по профилактике проявлений межнациональной нетерпимости либо вражды в детской и молодежной среде, развития добровольческого движения, в сфере сохранения культурного наследия...» [6, с.41].

Особое место в Стратегии уделяется необходимости разработки, введения, совершенствования образовательной (учебной) литературы и программ обучения, направленных на популяризацию культурных ценностей и национальных традиций, раскрытие истоков общероссийского единства и солидарности с целью формирования у подрастающего поколения общероссийского гражданского самосознания.

В содержании Указа Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия» от 7 мая 2012 года также предложен механизм, направленный на создание единого социокультурного пространства для школьников, основанного на образах мировой и отечественной культуры. В частности, в нем был заложен посыл, обращенный в частности к Российской академии наук, заинтересованным общественным объединениям, религиозным организациям о необходимости формирования перечня книг, в том числе по истории, литературе и культуре народов Российской Федерации, рекомендуемых школьникам для самостоятельного прочтения (перечень «100 книг») [7].

Таким образом, образовательные учреждения в рамках учебного процесса распространяют знания об истории и культуре народов Российской Федерации, создают организационные условия для повышения уровня толерантности и понимания этнокультурной самобытности народов, проживающих на территории Российской Федерации. Формирование неприятия к идеям агрессии; отрицания культа насилия; формирование «иммунитета к национализму» должно войти в состав образовательных требований государственного образовательного стандарта, стать частью систематической работы общеобразовательных учебных заведений, ориентированной на восприятие и понимание культурного многообразия и нацеленной на культурную интеграцию» [1, с.10].

Педагогическое сообщество в ходе поиска эффективных технологий снижения агрессии у молодежи, выбора ею оптимальных моделей поведения в конфликте должно в своей деятельности «распространять и повышать конфликтологическую культуру общества в целом и, прежде всего, целевых, проблемных, с точки зрения угрозы распространения террористической идеологии, групп населения» [4, с.4].

Инструментом предотвращения конфликтов, выявления факторов напряженности, причин экстремистских проявлений среди молодежи является мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений, социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях.

Объектом анализа состояния межнациональных отношений являются подростки как носители ценностей той или

иной национальной культуры. Мониторинг их социального самочувствия позволит определить потенциальные точки напряженности, существующие в регионе и динамику положительных изменений, происходящих в молодежной политике.

Результаты подобных исследований, проводимых в образовательных учреждениях, могут быть использованы при принятии решений органами управления образования.

Научно-прикладным исследованиям в области дискредитации идеологии экстремизма уделяется большое внимание в работе Республиканского центра молодежных, инновационных и профилактических программ, созданного в Татарстане в 2006 году.

При содействии Министерства по делам молодежи, спорту и туризму Республики Татарстан на базе центра осуществляется мониторинг состояния молодежной среды. За период 2006 – 2012 годы центром в рамках профилактики экстремизма были изучены проблемы предупреждения негативных явлений в молодежной среде (2006 г.), проанализировано социальное самочувствие студенчества, молодежи в республике (2007 г.), оценена молодежная политика в Приволжском Федеральном округе (2007 г.). Специалистами центра были проведены исследования в области трудового становления молодых специалистов – трудовая адаптация работающей молодежи в рамках отраслевых кластеров (2008 г.), профессионального самоопределения старшеклассников (2007 – 2009 гг.), поддержания здорового образа жизни – развития студенческого спорта (2009 г.), современных форм организации физкультурно-оздоровительной работы с населением Республики Татарстан (2009 г.).

Процесс формирования антиэкстремистского поведения у молодежи был исследован в рамках изучения проблемы патриотизма и ценностей молодежи, форм профилактики экстремизма (2010 г.), молодежных волонтерских движений в республике (2010 г., 2011 г.).

Анализ результатов социологического опроса по изучению проблемы профилактики экстремизма среди молодежи, проведенного центром в 2013 году, позволяет говорить о востребованности мероприятий, ориентированных на развитие физической и творческой активности подростков (51,6%); не менее результативной, по мнению опрашиваемых, «является работа государства по трудоустройству молодежи (37,1%)» [5,

с.41]. В опросе приняли участие 1000 человек в возрасте от 14 до 29 лет; среди респондентов были представители учащейся (школьники, студенты вузов, ссузов) и рабочей молодежи.

Отметим, что, по мнению школьников, действенной мерой является активная работа правоохранительных и судебных органов, однако доля студентов и работающей молодежи, считающей эту меру эффективной, существенно ниже» [5, с.42].

Среди мер профилактики экстремизма результативными, по мнению опрошенных, могли бы быть: «привлечение молодого поколения к деятельности молодежных общественных организаций – 26,5%; пропаганда гражданско-патриотического воспитания – 20,5%; проведение фестивалей, телевизионных и радиопрограмм антиэкстремистской направленности – 16,1%; активная работа правоохранительных и судебных органов – 26,6%; пропаганда здорового образа жизни, физической культуры и спорта – 32,2%; ориентация на досуговую деятельность молодежи – 17,6%; вовлечение молодежи в научную и инновационную деятельность – 14,5%; проведение молодежных форумов и других мероприятий с участием представителей различных национальностей и субкультур – 14,3%; создание Интернет-порталов для пропаганды веротерпимости и профилактики экстремистских идей в молодежной среде – 7,9%; создание новой государственной идеологической политики – 11,6%; усовершенствование нормативно-правовой базы Республики Татарстан по профилактике терроризма и экстремизма – 13,0%» [5, с.43].

Выделение приоритетных социально-демографических групп молодежи продиктовано необходимостью предупреждения проявления радикальных настроений. В ходе осуществления системной работы по вовлечению подростков в проекты просветительского, образовательного и культурного характера особое внимание требуется уделить подросткам, наиболее подверженным влиянию экстремистских идей.

Выявление на ранних стадиях подростков, подверженных воздействию идеологии экстремизма, либо уже попавших под данное влияние, подростков из семей, чьи родители отбывают наказания, позволит, применяя индивидуальный подход, адаптировать данную категорию в социокультурное пространство, из которого они на некоторое время выпали. Интерактивные формы, практикумы, ролевые игры с различными

возрастными группами школьников, группами риска позволяет получить представление о процедурах выявления, диагностики и культуре управления конфликтами, с которыми сталкивается подросток в семье, социальном окружении.

Информационно-пропагандистское сопровождение борьбы с экстремизмом в молодежной среде является приоритетным направлением в системе профилактики.

Особое значение в профилактике экстремизма имеет учебно-методическое обеспечение реализации государственной молодежной политики.

Примером использования методической продукции в образовательных учреждениях может служить документально-художественный сборник для школьников среднего и старшего возраста «Герои мирного времени. История подвига. Открытый дневник», вышедший в свет в серии Антитеррор. Дневник содержит материалы воспоминаний участников, пострадавших от террористического акта, военных компаний, собранных и обработанных молодыми людьми. В работе представлены результаты поисковой деятельности школьников, где зафиксирована «память о воинах: солдатах и офицерах, опытных и совсем молодых, почти наших ровесниках, которые в кровопролитной борьбе против террора и бандитизма не пожалели себя» [2, с.55]. Данный проект стал результатом усилий представителей силовых ведомств, молодежных общественных организаций, непосредственно школьников, которые участвуют в продвижении идей о разрушительности и пагубности идеологии насилия.

Угрозой духовной безопасности в социальных сетях является пропаганда культа насилия, национальной и религиозной ненависти. Создание системы информирования через СМИ и Интернет-пространство идей о пагубности противоправных деяний будет способствовать повышению правовой грамотности подростков.

Информационное противодействие экстремизму включает в себя создание в педагогическом коллективе фонда монографий, периодических изданий по проблемам укрепления общегражданской российской идентичности. Формирование электронных баз данных нормативно-правовой, статистической, аналитической и справочной информации о формах работы по предупреждению проявлений экстремизма в

молодежной среде может стать мощным средством в выработке антитеррористических ценностей и повышении правосознания подростков.

Такие порталы, как Национально-антитеррористический комитет, Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, «Наука и образование против террора» и др., становятся площадкой для координации и объединения активности силовых структур, научного сообщества, преподавателей образовательных учреждений, студенчества в области гражданского противодействия идеологии насилия и террора.

Контент, представленный на многочисленных информационных ресурсах, может быть использован при проведении тематических бесед, где обсуждались бы истоки и причины экстремизма в молодежной среде.

Совместная деятельность педагогов, креативных групп из числа подростков в области информационной безопасности заключается в выявлении и обезвреживании страниц в социальных сетях, призывающих к противоправным действиям.

Одним из инструментов создания системы профилактики деструктивных явлений служит поддержка социально ориентированных молодежных инициатив с использованием инновационных программ и проектной деятельности. Проведение республиканских конкурсов, слетов подростковых клубов, создание условий для развития молодежной инициативы, внедрения молодежных добровольческих программ является приоритетным направлением молодежной политики в республике.

Эффективными методами работы по развитию межнационального и межконфессионального диалога могут стать встречи с руководителями национальных общественных организаций, представителями национально-культурных автономий.

Подводя итоги, отметим, что основные направления профилактики экстремизма в молодежной среде, осуществляют как гражданские, так и государственные структуры. Профилактическая работа в образовательном пространстве должна включать такие ключевые направления, как информационно-пропагандистские меры; взаимодействие с гражданским обществом; переподготовка педагогических кадров; мониторинг социального самочувствия подростков и информационного поля, в которое они включены.

Профилактика экстремизма не может строиться без тесного взаимодействия социальных служб, организаций, советов, клубов в школах, по месту жительства, добровольческих движений. Системное взаимодействие сотрудников МВД, ФСБ, педагогов, актива школьников позволит выявлять и предотвращать распространение идей насилия в подростковой среде.

Распространение среди молодежи идей мира и согласия с использованием сети Интернет, реализация в образовательном учреждении при участии школьников эффективной системы информационно-пропагандистских мероприятий об этноконфессиональном многообразии, продвижение антиэкстремистских ценностей позволит укрепить гражданское согласие и повысить правовое сознание учащихся.

Таким образом, проведение в рамках учебного заведения своевременного анализа, прогнозирования, профилактики конфликтных ситуаций, в том числе в сфере межнациональных отношений, популяризация традиций многонационального народа, обеспечение взаимодействия местных органов власти, правоохранительных структур, общественных объединений по противодействию идеологии насилия позволит сохранить безопасную социокультурную среду и снизить риски распространения деструктивных настроений среди подростков.

Литература:

1. Гражданские инициативы в сфере этнической политике. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов; под ред. Зорина Ю.В., Степанова В.В. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 215 с.
2. Леднев А.Г. История подвига. Открытый дневник № 3. Документально-художественный сборник для школьников среднего и старшего

- возраста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scienceport.ru/images/books/New/3.pdf/>
3. Маврин О.В., Виноградова Ю.В., Храмова Е.В. Профилактика экстремизма в молодежной среде / О.В. Маврин, Ю.В. Виноградова, Е.В. Храмова // Профилактика экстремизма и терроризма: учебное пособие; под ред. А.Г. Большакова. – Казань: Казан. ун-т, 2015. – 270 с.
4. Основные идеологические установки религиозно-экстремистских организаций,

действующих в Приволжском федеральном округе. Формирование информационного контента в целях дерадикализации молодежи: материалы региональной научно-практической конференции. – Нижний Новгород. – 2013. – 135 с.

5. Профилактика экстремизма в молодежной среде Республике Татарстан: материалы социологических исследований / Министерство по делам молодежи, спорту и туризму РТ, Республиканский центр молодежных инновационных и профилактических программ. – Казань: РЦМИПП, 2010. – 40 с.

6. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года утвержденной президентом Российской федерацией 19 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://http://government.ru/media/files/41d47a99d97a4ea0ebf3pdf>

7. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170940>

Сведения об авторе:

Галихузина Резеда Гильмутдиновна (г. Казань, Россия), кандидат исторических наук, доцент кафедры конфликтологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций К(П)ФУ (ИФСН КФУ), e-mail: garezeda@yandex.ru

Data about the author:

R. Galikhuzina (Kazan, Russia), candidate of historical sciences, associate professor at the Department of Conflictology, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan (Volga region) Federal University, e-mail: garezeda@yandex.ru

УДК 377

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РАБОТЫ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА

Н.М. Угарова¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. В современных условиях высокого риска террористических угроз формирование гражданской позиции молодежи является приоритетной задачей. В статье обобщен региональный опыт общеобразовательных школ Российской Федерации в сфере профилактики идеологии экстремизма и терроризма, позволяющий оценить преимущества и выявить недостатки организации системы воспитания молодежи в данном направлении. Автором предлагается технология разработки комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде, позволяющей на уровне муниципальных образований реализовать единую систему мероприятий и контроля деятельности.

Ключевые слова: общеобразовательные организации, воспитание, профилактика идеологии экстремизма и терроризма, комплексная программа, технология, проектирование.

REGIONAL EXPERIENCE OF WORK IN A SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS ON A PREVENTION OF EXTREMISM IDEOLOGY

N. Ugarova

Abstract. In modern conditions of high risk of terroristic threat the upbringing of youth and the formation of civil position of youth is considered to be the prior goal. The author of this article summed up the positive experience of secondary schools in Russian Federation in the sphere of prevention the ideology of extremism and terrorism, which gives an opportunity to estimate all advantages and to pick up all disadvantages of the organization of the system of upbringing. The author offers technology of development complex programme on prevention the ideology of extremism and terrorism in the educational sphere, which allows to realize on the level of municipal institutions the unified system of activities and activity control.

Keywords: secondary institutions, upbringing, the prevention of ideology of extremism and terrorism, complex programme, technology, design.

В Концепции противодействия экстремизму приведены основные проявления современного терроризма: увеличение количества террористических актов и пострадавших от них лиц; расширение географии терроризма, интернациональный характер террористических организаций, использование международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора; усиление взаимного влияния различных внутренних и внешних социальных, политических, экономических и иных факторов на возникновение и распространение терроризма; повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой; усиление взаимосвязи терроризма и организованной преступности, в том числе транснациональной; повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций; стремление субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового

поражения; попытки использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств; разработка новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших.

Основными внутренними факторами, обуславливающими возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации, и способствующими ему причинами и условиями, являются: межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия; наличие предпосылок для деятельности экстремистки настроенных лиц и объединений; недостаточная эффективность правоохранительных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму; ненадлежащий контроль за распространением идей радикализма, пропагандой насилия и жестокости в едином

информационном пространстве Российской Федерации [4].

19 января 2016 года на расширенной коллегии прокуратуры РТ заместитель генерального прокурора России Сергей Зайцев указал на то, что прокуратуре Татарстана в 2016 году необходимо уделять пристальное внимание вопросам сохранения межнационального мира и согласия народов, проживающих в республике, а также жестко пресекать проявления экстремизма и терроризма, поскольку «сегодня мы видим многочисленные попытки запрещенных в России террористических организаций расширить свою зону влияния далеко за пределы Ближнего Востока» [1].

Наиболее рискованной группой в этих условиях является молодежь, что обусловлено социально-экономическими, этнорелигиозными факторами; общим снижением образовательного и культурного уровня молодых людей; используемыми экстремистски настроенными радикальными, политическими и религиозными силами. В связи с обозначенными факторами возникает необходимость изучения и распространения опыта работы по профилактике идеологии экстремизма, в том числе и в общеобразовательных организациях (школах).

Проектирование деятельности общеобразовательных организаций по профилактике идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде необходимо начинать с разработки комплексной программы, которая будет включать в себя все необходимые составляющие: от целей и задач до обеспечения ее реализации путем подготовки кадров соответствующей квалификации и привлечения достаточных материально-технических ресурсов. Согласно проведенному Ф.Ш. Мухаметзяновой, Г.А. Шайхутдиновой анализу [5] комплексная программа может базироваться на двух основных теоретических моделях:

1) Традиционная модель, строится на усилении роли традиционных институтов в социализации (семья, школа, ссуз, вуз и т.д.).

2) Синтетическая модель, связанная с созданием в образовательной среде альтернативных площадок для реализации потенциала молодежи через социально одобряемые проекты.

Проведем анализ реализуемых моделей комплексных программ противодействия экстремизму в образовательной среде на примере нескольких школ Российской Федерации.

В Акбаишской общеобразовательной школе (Ютазинский муниципальный район, Республика Татарстан) разработана «Программа противодействия экстремизму и профилактики терроризма». Основными целями и задачами программы выступили: утверждение основ гражданской идентичности; воспитание культуры толерантности и межнационального согласия; достижение необходимого уровня правовой культуры учащихся как основы толерантного сознания и поведения; формирование в молодежной среде мировоззрения и духовно-нравственной атмосферы этнокультурного взаимоуважения, основанных на принципах уважения прав и свобод человека, стремления к межэтническому миру и согласию, готовности к диалогу; общественное осуждение и пресечение на основе действующего законодательства любых проявлений дискриминации, насилия, расизма и экстремизма на национальной и конфессиональной почве; разработка и реализация образовательных программ, направленных на формирование у подрастающего поколения позитивных установок на этническое многообразие.

Определены основные мероприятия программы:

- последовательное обеспечение конституционных прав, гарантирующих равенство учащихся любой расы и национальности, а также свободу вероисповедания;

- утверждение общероссийских гражданских и историко-культурных ценностей, поддержание российского патриотизма и многокультурной природы российского государства и российского народа как гражданской нации;

- последовательное и повсеместное пресечение проповеди нетерпимости и насилия;

- утверждение в школе концепции многокультурности и многоукладности российской жизни;

- развитие воспитательной и просветительской работы с детьми и родителями о принципах поведения в вопросах веротерпимости и согласия, в том числе в отношениях с детьми и подростками;

- реагирование на случаи проявления среди детей и молодежи негативных стереотипов, межэтнической розни и личностного унижения представителей других национальностей и расового облика;

- пресечение деятельности и запрещение символики экстремистских групп и организаций в школе;

- индивидуальная работа с теми, кто вовлечен в деятельность подобных групп или разделяет подобные взгляды;

- оказание всемерной поддержки средствам массовой информации, адресованным детям и молодежи и ставящим своей целью воспитание в духе толерантности и патриотизма.

Основанием для выполнения мероприятий по обеспечению антитеррористической защищенности школы, противодействию терроризму и экстремизму является приказ директора. Организация противодействия терроризму регламентируется основными законодательными актами и иными нормативными правовыми документами:

- Закон Российской Федерации от 05 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности»;

- Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

- Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 года № 116 «О мерах по противодействию терроризму»;

- Постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 1999 года № 1040 «О мерах по противодействию терроризму»;

- и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, приказы Департамента образования, приказы Управления образования.

Опираясь на выделенную авторами программы нормативную базу, в школе разработан пакет документов по организации работы по антитеррористической защищенности образовательного учреждения: паспорт безопасности образовательного учреждения и пакет памяток и инструкций. Авторы программы, очевидно, используют синтетическую модель комплексной программы безопасности.

В ООШ №1 г. Лениногорск (Лениногорский район, Республика Татарстан) разработана и внедрена «Программа профилактики терроризма и экстремизма». В ходе реализации данной программы решались следующие задачи:

1. Совершенствование системы профилактических мер, направленных на противодействие терроризму.

2. Устранение предпосылок и условий возникновения террористических и экстремистских проявлений.

3. Вовлечение учащихся и родителей в процесс участия в противодействии

террористическим и экстремистским проявлениям.

4. Совершенствование информационно-пропагандистской и воспитательной работы, направленной на профилактику и предупреждение террористических и экстремистских проявлений.

Авторы программы делают основной упор на организацию превентивных мер по борьбе с терроризмом и экстремизмом, которые заключаются в выявлении, устранении, нейтрализации, локализации и минимизации воздействия тех факторов, которые либо порождают терроризм, либо ему благоприятствуют. Для этого силами учителей школы ведется разъяснительная работа среди учащихся и родителей [2], то есть используется традиционная модель комплексной программы.

В СОШ № 3 г. Мамадыш (Мамадышский муниципальный район, Республика Татарстан) в начале учебного года в школе был разработан и утвержден план по профилактике экстремизма; мероприятия по безопасности и антитеррористической защищенности (приказы директора). Особенности данной школы проявляются в ее многонациональном составе: татары – 165, русские – 177, армяне – 3, таджик – 1, мари – 1, удмурты – 2, украинец – 1, дагестанцы - 2, башкиры - 2.

Работа по профилактике экстремизма в школе строится следующим образом:

- совместные мероприятия для учащихся (конкурсы «Моя семья», «Традиции моей семьи» и др., где учащиеся знакомят своих сверстников с трудовыми, культурными традициями своей семьи в виде рассказов, презентаций;

- для 1 – 4 классов разработаны мероприятия «Добро и зло или твой нравственный выбор»;

- для 5 – 7 классов проходят внеклассные мероприятия «Основы гражданского самосознания молодежи», «Что такое толерантность?»

- 8 – 10 классы совместно с классными руководителями проводят акции «Профилактика экстремистских настроений среди молодежи», «Формирование основ толерантного сознания».

В рамках тематических классных часов учителя уделяют особое внимание тематике межэтнических отношений и формированию толерантности, проблеме влияния экстремистских течений и вопросам противостояния вербовке.

Работа по профилактике антитерроризма проводится также и с родителями учеников,

так, в начале года был проведен родительский всеобуч, где подробно были рассмотрены все аспекты противодействия религиозному экстремизму. На родительском собрании был представлен доклад педагога-психолога школы Г.К. Шагивалеевой на тему: «Осторожно, терроризм!». В школе оформлен уголок противодействия экстремизму «Антитеррор»; его информация регулярно обновляется [2]. Используемая в данной школе модель носит традиционный характер.

Другой пример Республики Татарстан – реализация синтетической модели комплексной программы безопасности в рамках целого района - в Зеленодольском муниципальном районе постановлением Исполнительного комитета разработана и внедрена в образовательные школы Муниципальная программа профилактики терроризма и экстремизма на 2015 – 2017 годы. Данная программа использует разработки учебно-методическом центра Общественной палаты РТ - технологии профилактики негативных явлений экстремизма в молодежной среде РТ [3]. На базе этих программ разрабатывается спектр мероприятий для каждой школы района.

Проведенный нами анализ опыта работы по профилактике терроризма и экстремизма в общеобразовательных организациях (рассмотрено более 70 школ различных районов РФ) показал следующее:

- разрабатываемые программы, планы противодействия идеологии экстремизма и терроризма не имеют единой структуры;
- в планируемых воспитательных, организационных мероприятиях не прослеживается алгоритм реализации; не выделены этапы формирования безопасной жизнедеятельности, основанные на психолого-педагогических составляющих;
- несмотря на то, что создаются паспорта безопасности образовательной организации, разрабатываются памятки, инструкции для учащихся и их родителей, работа ведется дискретно, отсутствуют должная систематичность и отчетность;
- практически отсутствует диагностическая работа среди учащихся по выявлению их приверженности к крайним экстремистским взглядам;
- не везде разработано нормативно-правовое обеспечение превентивной деятельности по профилактике приверженности к крайним экстремистским взглядам, в частности, локальные акты;
- практически отсутствует анализ поведения личности в конфликте; анализ системы

ценностей учащихся; мониторинг культуры межнационального общения;

- не разрабатывается научно-методическое обеспечение воспитательной деятельности по профилактике идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде;

- не ведется повышение квалификации учителей и руководителей общеобразовательных организаций в сфере профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде.

Процедура разработки региональных программ профилактики приверженности к крайним экстремистским взглядам сложна, многопланова и состоит из целого ряда звеньев: анализ исходного состояния, проблематизация, целеполагание, прогнозирование, проектирование, адаптация технологий реализации, разработка диагностического инструментария анализа эффективности.

Традиционно составление программы рассматривается как алгоритмический процесс. Однако особенности социальных процессов, их стохастический характер, сложная связь детерминированных и индетерминированных процессов, многообразие и неопределенность составляющих, необходимость принятия решений в условиях неполной информации и ее разнородности заставляют подойти к составлению комплексной программы по профилактике идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде как к творческому процессу. В общем виде процедура составления программы, как решения творческой задачи целенаправленного преобразования педагогической (социально-педагогической) действительности включает следующие этапы (звенья):

- тщательный анализ социальных, исторических, культурных, демографических, экономических характеристик региона, оказывающих влияние на межнациональное состояние и общение, распространение идеологии экстремизма и терроризма;
- анализ генезиса и современного состояния педагогической системы, ее состоятельности, готовности решать современные и перспективные задачи образования, ее потенциала, достижений и резервов в сфере противостояния идеологии экстремизма и терроризма. Вычленение и фиксация ведущих фактов, характеризующих состояние системы образования в сфере воспитания и профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде (фактологическая база программы);

- выявление и формулирование подлежащих разрешению проблем развития социальной сферы и образования в сфере профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде, построение их иерархии («дерева проблем и ценностей»), составление прогноза изменения воспитательно-образовательной ситуации. Желательно прогнозирование развития образовательной системы в двух вариантах: а) при сохранении существующих условий и тенденций, б) с учетом возможных положительных влияний и коррекций (на основе экстраполяции тенденций, экспертных оценок, мысленного моделирования и экспериментирования);

- моделирование потребного, желаемого и реально достижимого будущего в профилактике идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде с учетом ресурсов, запросов и временного интервала, что также желательно сделать в двух вариантах — максимальном и минимальном;

- определение общих ориентиров и закономерностей с учетом региональных условий и проблем, и на этой основе — формирование и формулирование исходных (отправных) положений концептуальной основы поиска способов преобразований системы воспитания в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма;

- определение стратегических задач формирования единого, но дифференцированного психолого-педагогического пространства профилактики идеологии экстремизма и терроризма, создающего условия для самореализации личности (координация деятельности социальных институтов, имеющих образовательный потенциал или причастных к управлению или обеспечению образования и его внешней среды); именно на этом этапе возможно составление синтетической модели комплексной программы;

- вовлечение всех участников образовательного процесса и социальных институтов в преобразование в сфере профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде;

- конкретизация компонентов комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде, оценка их реалистичности, конструктивности, эффективности, коррекция сделанного ранее прогноза (собственно проектирование);

- разработка отдельных этапов и конкретных мероприятий по профилактике

идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде; включение в программу мер в области подготовки, совершенствования квалификации, социальной защиты педагогов; разработка мер социальной защиты и социальной адаптации воспитанников (учащихся);

- определение возможных препятствий, помех и факторов риска, мер по их преодолению, возникающих при реализации комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде;

- определение необходимого ресурсного обеспечения выполнения программы комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде (кадрового, материально-технического, инфраструктурного);

- разработка четких критериев оценки эффективности воспитательной работы по профилактике идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде (образовательных, социальных, валеологических и психологических критериев развития личности);

- разработка организационных условий реализации комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной (функций, структуры управления, исполнителей, точек контроля, нормативного обеспечения, способов конкретизации положений программы в текущем планировании, способов проверки исполнения и др.);

- разработка научно-методического обеспечения и психолого-педагогического сопровождения комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде.

Технология составления комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде может быть единой для всех регионов и авторских коллективов. Предлагаемый нами алгоритм действий является обобщенным и не должен восприниматься как единственно возможный.

Организационный аспект разработки комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде включает в себя следующие элементы (шаги): 1) разработка технологического задания для исполнителей; 2) формирование группы составителей программы (психологов, педагогов, управленцев, экономистов, юристов и др.); 3) обсуждение

концептуальных основ комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде. В ходе этой работы происходит уточнение концепции, смена членов группы (уход несогласных, приход желающих и др.), распределение заданий и сроков выполнения; 4) независимое обсуждение и экспертиза программы (желательно опубликовать и привлечь к обсуждению как можно большее число педагогов-профессионалов, представителей общественности, независимых экспертов); 5) доработка комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде в соответствии с вынесенными замечаниями; 6) утверждение комплексной программы управлением образования и администрацией как документа, регулирующего деятельность по профилактике идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде; 7) разработка научно-методического обеспечения комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде (методология, технологии, методики); 8) обеспечение психолого-педагогического сопровождения программы (подготовка кадров, разработка подпрограмм, поэтапный анализ и коррекция ее разделов, обмен опытом и др.); 9) разработка диагностического инструментария оценки эффективности комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде.

Разработка критериальных показателей реализации комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде, охватывает все направления в системе профилактической деятельности. В основе разработки оценочных критериев лежат следующие компоненты:

- нацеленность на создание целостной картины состояния общеобразовательной организации в сфере профилактики идеологии экстремизма и терроризма;
- возможность централизованного сбора информации по определенным в программе показателям;
- возможность совершенствования, дополнения, изменения самих критериев;
- возможность компьютерного накопления и обработки данных.

В соответствии с требованиями целостности, удобства и централизации сбора информации можно выделить следующие

группы критериев эффективности реализации комплексной программы профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде:

- *общесистемные критерии*, включающие в себя показатели *целостного воспитательного пространства учебного заведения, в том числе показатели комплексной безопасности общеобразовательной организации (паспорт безопасности)*;

- *критерии результативности* охватывающие важнейшие показатели обученности, воспитанности, развитости и сохранения здоровья учащихся;

- *критерии оценки мероприятий*, нацеленных на профилактику идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде и их периодичность;

- *критерии оценки технологий и методик* профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде;

- *критерии эффективности управления* отображают выполнение принятых решений, упорядоченность действий, качество системы информации и др.

Безусловно, для успешной реализации программы необходима организация системы непрерывного мониторинга состояния общеобразовательной организации с позиции профилактики идеологии экстремизма и терроризма. Процедура создания системы мониторинга включает в себя, на наш взгляд, следующие важнейшие этапы: составление по каждому из показателей форм сбора информации; подбор диагностических методик для определения количественного выражения показателей; составление и описание способов обработки данных и сведение их к единым основаниям (стенам); установление периодичности сбора информации по каждому из показателей; определение ответственных за сбор информации по выделенным критериям; отработку ответственными каналов и способов сбора информации: форм подачи информации, периодичности сбора данных исполнителями, способов их обработки и периодичности предоставления ответственным; составление формы сводных сопоставимых (приведенных к единым основаниям) данных по критериям; определение способов анализа и обобщения данных; составление аналитических отчетов и выдача рекомендаций по дальнейшей работе над программой и совершенствование практики профилактики идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде.

Предлагаемая авторская структура комплексной программы профилактики

идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде является универсальной, технологичной, легко адаптируемой под региональные условия, состояние образовательной организации и их ресурсные

возможности. Авторские технология и алгоритм позволят разработать комплексную программу и план мероприятий по профилактике идеологии экстремизма и терроризма в образовательной среде.

Литература:

1. ИА Татар-информ. РИА новости от 19 января 2015 г.

2. Сайт Министерства науки и образования РТ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://edu.tatar.ru/mamadish/s3.mamadish/page1409649.htm>

3. Будем толерантны: учебно-методическое пособие; под общ. ред. М.В. Семина. - Казань: Юниверсум, 2014. – 174 с.

4. Концепция противодействия терроризму в РФ / Утв. Президентом РФ Д. Медведевым от 5.10.2009 г. // Российская газета. – Федеральный выпуск № 5022(198) от 2009 года.

5. Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А. Проектирование деятельности образовательных организаций по профилактике вовлечения молодежи в экстремистские организации / Ф.Ш. Мухаметзянова, Г.А. Шайхутдинова // Казанский педагогический журнал. – 2015. – 6(3). – С. 48-51.

Сведения об авторе:

Угарова Наталья Михайловна (г. Казань, Россия), кандидат педагогических наук, доцент, ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования», e-mail: sentibrina21@mail.ru

Data about the author:

N. Ugarova (Kazan, Russia), Candidate of Pedagogical Sciences, associated professor, FGBNU "Institute of the Russian Academy of National Education and small schools", e-mail: sentibrina21@mail.ru

УДК 317.5

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В.А. Горбунов, В.Г. Холоднов

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования гражданской идентичности как фактора противодействия идеологии экстремизма в учебных заведениях Республики Татарстан. Авторами рассмотрено понятие «идентичность» с различных научных позиций; показаны ее позитивные и негативные проявления. Раскрыта актуальность формирования гражданской идентичности учащейся молодежи в Российской Федерации в целом и в Республике Татарстан в частности. Приведены основные направления государственной политики по противодействию экстремизму в сфере образования в Российской Федерации и Республике Татарстан.

Ключевые слова: гражданская идентичность, противодействие идеологии экстремизма, образование, образовательные организации, государственная политика.

THE FORMATION OF CIVIL IDENTITY AS A FACTOR OF COUNTERACTION TO EXTREMIST IDEOLOGY IN HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

V. Gorbunov, V. Kholodnov

Abstract. The article is devoted to the process of formation of civic identity as a factor of counteracting the extremist ideology in the education system of the Republic of Tatarstan. The authors pay attention to the notion “identity” from the different points, to its positive and negative displays. The authors also touch upon the relevance of the formation of civic identity of young students in the Russian Federation and Tatarstan. The main directions of state policy concerning counteraction to terrorism in the field of education of Russia and Tatarstan are stated.

Keywords: civil identity, combatting the ideology of extremism, education, educational establishments, state policy.

В современном российском обществе экономический кризис социальной системы ставит перед научным и педагогическим сообществом задачи нового понимания феномена идентичности, ее структуры, видов и условий становления в системе образования. Важно отметить, что данная проблема рассматривалась с позиции разных наук: философии, психологии, антропологии, социального знания, а также профессиональной, половой, индивидуальной и этнической идентичности.

Категория «идентичность» известна со времен Аристотеля, но и в наши дни ведутся споры о её фундаментальности. Если первоначально «идентичность» рассматривалась как характеристика всеобщности бытия, исключающая различия, то в XX в. появились противоположные философские взгляды (Делез и Деррида), которые поставили под сомнение исходную позицию трактовки идентичности. На защиту прав «неидентичности» встали Адорно и Хоркхаймер, которые доказали различия идентичности по направлениям и содержанию.

Идентичность изначально рассматривалась как социальное образование: индивид видит себя таким, каким его видят другие. Работы Мида и Кули легли в основу концепции символического интеракционизма, в которой «Я» – идентичность

рассматривается и как результат социальной интеракции, и как фактор, обуславливающий социальную интеракцию, что дало толчок к разработке теории ролей. Иными словами, у индивида не одна, а несколько идентичностей. Встает проблема, как привести идентичность к тождеству с самим собой? Благодаря работам Э. Гоффмана, создавшего так называемую драматическую модель социального взаимодействия, в научный оборот вошли такие метафоры, как «сцены», «инсценирование», «самоопределение», «команды», «ролевая дистанция». Э. Гоффману же принадлежит и описание способности индивида к рефлексии на собственные социальные роли, «самонаблюдению», дистанцированию от тех ролей, которые он играет.

В современных условиях значительное расхождение существует между понятиями «идентичность» и «национализм». В интервью академика РАН В. Тишкова отмечается, что в головах людей сейчас полная путаница из старых и новых понятий. Одно понимание – нация – это россияне, гражданская идентичность; другое – нация – это этническая идентичность: русские, татары, якуты и т.д.

Первая идентичность человека характеризуется половыми признаками, потом идут гражданская и этническая идентичность. С

1990 г. в России доминирующими в изучении были проблемы этнической и региональной идентичности. Например, в Москве до сих пор 60% населения ощущают, прежде всего, свою связь с городским пространством, что они – москвичи, лишь потом россияне и русские. В Томске, Екатеринбурге, Воронеже российская идентичность обогатила региональную идентичность. Очень высока региональная идентичность в Татарстане, здесь даже проживающее русское население считает себя, прежде всего, татарстанцами.

Согласно Конституции РФ: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [1, ст.28].

В российском законодательстве действия, подпадающие под определение экстремистских, содержатся в статье 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Экстремистская идеология – система взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов [2, с.1].

Идентичность может выражаться в ее позитивных и негативных проявлениях. Это предопределяет внимание общества к проблемным ситуациям с целью предупредить развитие ксенофобии и экстремизма среди учащейся молодежи. В 2000-е годы идентичность граждан в российском обществе находилась в состоянии кризиса. Менялись базовые представления о её структуре; снижалось значение приоритета федеральной компоненты в сравнении с региональной и этнической составляющими в структуре идентичности. Большинство людей активного возраста в Российской Федерации и Республике Татарстан болезненно пережило изменение границ государства с распадом СССР и утрату единого культурного пространства, смену общественных отношений, изменение представлений о месте государства в мировом сообществе. Изменилось представление о роли религий; появилась необходимость включения в образовательный процесс предметов «Религиоведение» и «История мировых религий», что высветило новые проблемы конфессиональной идентичности среди молодежи и студентов. Поэтому одной из

важнейших задач сегодня становится формирование гражданской идентичности учащейся молодежи в Российской Федерации, в целом и в Татарстане, в частности. От того, кем себя чувствуют молодые россияне – гражданами своего государства в мировом сообществе, людьми, ответственными за свое Отечество, готовыми воспринимать изменения рыночной экономики или маргиналами, остающимися в лоне националистических предрассудков, зависят самооценка состояния общества и имидж российского государства за рубежом, определяющий развитие партнерских отношений с другими странами.

Многоаспектное исследование специфики современной молодежи, проживающей в различных регионах России, позволяет прогнозировать будущее состояние общественного сознания. Понимание реальных трендов становления и развития гражданской и этнической идентичности студенческой молодежи важно потому, что они определяют стратегию демократических преобразований гражданского общества и всей политической системы Российской Федерации. Выбор пути модернизации страны требует объективного осмысления новых стандартов образовательного и воспитательного процессов. На передний план выходит приоритет сложной проблематики формирования политического и правового сознания молодежи как наиболее энергичной и дееспособной социальной силы, от которой зависит стабильность государственного и экономического развития и конкурентоспособность Российской Федерации на мировой арене.

Здесь особенно значимую роль играет культурно-религиозный фактор. Невежество, неправильное понимание подрастающим поколением мировых религий очень часто для многих семей оборачивается трагедией. Отдельные молодые люди подвергают себя риску тяжких испытаний, покидают Россию, Республику Татарстан и принимают участие в деятельности террористических организаций, действующих на Ближнем Востоке. Среди них есть и те, кто имеет за плечами высшее образование, тесные семейные и социальные связи, однако, поддавшись изощренным вербовщикам, они встали на путь преступной террористической деятельности.

Официальная статистика, в силу латентности экстремистской деятельности, не отражает реального положения дел в этой сфере. В последнее время наметившаяся в России тенденция деформации группового сознания молодежи привела к росту агрессивных

противоправных и даже преступных проявлений, способствующих созданию ситуаций с элементами террористической направленности.

Отдельные молодые люди фигурируют в статистике преступлений, которые при определенных обстоятельствах могут квалифицироваться как подготовка теракта, например, изготовление самодельных взрывных устройств. С несовершеннолетними молодыми людьми обычно проводится такой вид профилактики, как прокурорское предостережение. С начала 2012 года количество предостережений о недопустимости нарушений Закона о противодействии экстремистской деятельности возросло. Религиозная ситуация в Республике Татарстан стабилизирована благодаря роли Духовного управления мусульман Республики Татарстан, митрополита Казанского и Татарстанского Феофана, Управления по взаимодействию с религиозными организациями Департамента внутренней политики Аппарата Президента РТ, правоохранительных органов в профилактике экстремизма и терроризма среди молодежи с активным участием в этой работе образовательных учреждений. Но необходимо разработать превентивную систему более тесного сотрудничества органов государственной власти, религиозных объединений и студенческого актива для проведения упреждающих мероприятий в молодежных группах риска.

В Республике Татарстан признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [4, ст.12].

Совет ректоров высших учебных заведений Республики Татарстан вышел с предложением разработать доступные для молодежи методические материалы, посвященные теме профилактики экстремизма, а также предусмотреть возможность, чтобы молодые люди смогли напрямую общаться с сотрудниками правоохранительных органов через телефоны экстренной связи и активно содействовать выявлению фактов подготовки теракта или демонстрационных акций. Это необходимо, потому что молодежь зачастую получает одностороннюю информацию только через СМИ и сети Интернет [6, с.9].

У молодежи и студенчества растет понимание расширения объема экономической самостоятельности Республики Татарстан и формирования цивилизованных федеративных отношений в России, соблюдения межэтнического и межконфессионального

баланса интересов, признания юридических норм соблюдения прав и обязанностей гражданина Российской Федерации [5, с.18].

Среди основных направлений государственной политики по противодействию экстремизму в сфере образования и формированию активной гражданской позиции молодежи наиболее значимыми представляются следующие:

- осуществление мер государственной поддержки системы воспитания молодежи на основе традиционных для российского общества духовных, нравственных и патриотических ценностей;

- включение в региональные и муниципальные программы по развитию образования и воспитанию несовершеннолетних мероприятий по формированию у подрастающего поколения уважительного отношения к различным этносам и религиям;

- организация досуга детей, подростков, молодежи за пределами семейного круга; обеспечение доступного для населения отдыха на объектах культуры и спорта, создание условий для реализации творческого потенциала и культурного роста молодых граждан;

- проведение в образовательных организациях занятий по воспитанию патриотизма, толерантного поведения, взаимоуважительных межнациональных форм бесконфликтного общения, защиты чести и достоинства единой общности граждан Российской Федерации;

- создание системы противодействия социальному радикализму, включающему вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность с использованием психологических и возрастных особенностей молодежи;

- включение в учебные планы, учебники, учебно-методические пособия тем, направленных на воспитание традиционных для российской культуры ценностей, с учетом региональных, языковых, этнических и религиозных различий;

- повышение профессионального уровня педагогических работников; разработка и внедрение новых образовательных стандартов и педагогических методик, направленных на противодействие экстремизму;

- совершенствование нормативно-правового обеспечения органов управления образовательными организациями в профилактике экстремизма среди учащихся и студентов. Повышение роли педагогических, попечительских и научных советов, профсоюзных, молодежных организаций и органов самоуправления учебных заведений в

предупреждении проявлений радикализма и экстремизма;

– проведение социологических исследований социальной обстановки и морально-психологического климата в образовательных организациях, мониторинга девиантного поведения молодежных групп, в том числе и так называемых ОПГ, в целях выявления фактов распространения экстремистской идеологии и подготовки терактов;

– повышение престижности различных форм и уровней образования, полученного в российских образовательных организациях, а также осуществление мер государственной поддержки системы общественной аттестации граждан, получивших образование в зарубежных учебных центрах и религиозных организациях;

– включение в федеральный государственный образовательный стандарт по специальности «журналистика» образовательных программ по информационному освещению вопросов противодействия экстремизму;

– усиление роли общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в деятельности по воспитанию патриотизма и формированию гражданского самосознания у молодежи [3, гл.3. п.«д»].

Таким образом, показателями сформированности гражданской идентичности студентов как фактора противодействия экстремизму выступают такие интегративные качества личности, как гражданственность, патриотизм и социально-критическое мышление, обеспечивающие когнитивную основу свободного жизненного выбора личности. Соответственно, необходимо обеспечить формирование гражданской идентичности студентов в учебных заведениях Татарстана в единстве ценностно-смыслового, исторического, патриотического и правового контекстов; формирование социально-критического мышления как основы свободного выбора и самоопределения личности; развитие толерантного сознания и коммуникативной компетентности в общении и сотрудничестве. Воспитание толерантности как моральной ценности и социальной нормы складывающегося в Татарстане гражданского общества, понимание и уважение иного образа мыслей и образа жизни являются необходимым условием развития личности в поликультурном и поликонфессиональном обществе, формирования у нее гражданской идентичности как важнейшего фактора противодействия идеологии экстремизма в учебных заведениях Республики Татарстан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. – Казань, ЗАО «Алгоритм». – 2014. – Ст. 28.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 26.06.2006 № 148-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». – М., 2006. – Ст. 1.

3. Указ Президента РФ от 29.01.2016 «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». – М., Пр. 2753.

4. Конституция Республики Татарстан. – Казань. – Изд. ЗАО «Алгоритм». – 2014. – Ст. 12. п. 1.

5. Минниханов Р.Н. Президентскими маршрутами / Р.Н. Минниханов // Право и жизнь. – Казань. – 2010. – № 4. – С. 18.

6. Гарин А.Н. Профилактика преступлений, административных правонарушений и экстремизма среди студентов вузов / А.Н. Гарин. – Казань. – 2012. – С. 9.

Сведения об авторах:

Горбунов Виктор Алексеевич (г. Казань, Россия), доктор педагогических наук, доцент, ЧОУ ВО «Академия социального образования», e-mail: vik.gorbunow2016@yandex.ru

Холоднов Владимир Григорьевич (г. Казань, Россия), кандидат юридических наук, доцент, ЧОУ ВО «Академия социального образования», e-mail: Vladimir.Kholodnov@gmail.com

Data about the authors:

V. Gorbunov (Kazan, Russia), doctor of education, associate professor at the Academy of Social Education, e-mail: vik.gorbunow2016@yandex.ru

V. Kholodnov (Kazan, Russia), candidate of legal sciences, associate professor at the Academy of Social Education, e-mail: Vladimir.Kholodnov@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ МНОГОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ КАЗАХСТАНА

А.Н. Алишариева, Е.Ю. Протасова

Аннотация. В настоящей статье приводятся некоторые данные относительно самосознания и самоопределения казахстанских студентов, обучающихся в Алма-Ате. В исследовании применяется метод авторефлексии и языковой биографии. На основе рассмотрения демографической и социолингвистической ситуации, программы обучения в университете и коммуникативного окружения студентов делаются выводы о роли различных языков в жизни молодежи, об интеркультурном общении и транскультурном взаимодействии в современном Казахстане.

Ключевые слова: многоязычие, языковая биография, студенческая молодежь Казахстана, интеркультурное общение, транскультурное взаимодействие

LINGUISTIC SELF-CONSCIOUSNESS OF THE MULTILINGUAL STUDENTS IN KAZAKHSTAN

A. Alishariev, E. Protassova

Abstract. The article presents some data about self-consciousness and self-determination of the Kazakhstan university students studying in Almaty. The investigation uses the methods of self-reflection and language biography. The conclusions about the role of different languages in the life of the youth, about intercultural communication and transcultural interaction in modern Kazakhstan are based on the analysis of the demographic and sociolinguistic situation, the university curriculum and the language communicative surroundings of the students.

Keywords: multilingualism, language biography, young university students in Kazakhstan, intercultural communication, transcultural interaction.

Социолингвистическая ситуация Казахстана являлась объектом постоянного мониторинга ученых из разных научных центров республики [1,2,5,6]. Было показано, что владение языками в целом подвижно, что у многих городских жителей, более пожилых и живущих ближе к северу, преобладает в общении русский, тогда как в остальных частях страны становится все больше тех, у кого доминирует казахский. Более того, если долгое время языком межнационального общения был в основном русский, то теперь часто ему на смену приходит казахский. Связано это во многом с программами обучения, в которых основное внимание все чаще уделяется именно государственному языку, с установкой на государственное трехязычие (третий язык – английский), с оттоком носителей русского языка. Согласно статистике на начало 2013 г. казахи составили 65% населения, русские – 22%, узбеки – 3%, украинцы – 2%, уйгуры, татары, немцы, корейцы, турки, азербайджанцы, белорусы, дунгане, курды, таджики, поляки и др. – около 1% и менее. При этом детей в возрасте до 14 лет среди казахов 28,4%, а среди русских – 17,0%, среди узбеков – 33%, среди украинцев – 14,0%, среди уйгуров – 27,6%, среди татар – 17,3%, немцев – 22,3%. Возрастная группа от

15 до 64 у всех этносов примерно одинакова – около 67 лет (чуть меньше у узбеков и чуть больше у немцев). Больше всего пожилых людей среди украинцев, татар и русских, меньше всего среди узбеков, казахов и уйгуров [4]. Таким образом, тенденция такова, что представителей титульной нации становится больше, и они сравнительно молодые. В связи с особым вниманием руководства Казахстана к воспитанию и образованию молодежи представляет значительный интерес то, как сами студенты позиционируют и оценивают свое многоязычие. При этом оказываются очень важными аспектами транскультурная и интеркультурная функции языков [3], а именно, на каком языке, с кем и когда происходит общение и взаимодействие. В прошлом Казахстан – это не только часть центрально-азиатского региона с типичными для этих краев большими и малыми коренными национальностями, но и место встречи репрессированных народов, энтузиастов-просветителей, покорителей целины, и до сих пор это наследие влияет на те языковые судьбы, с которыми мы имеем дело сегодня.

Настоящая статья посвящена самоанализу студентами Казахского национального университета им. аль-Фараби в Алма-Ате

(Казахстан) своего мультилингвизма в связи с отношениями с семьей, друзьями, преподавателями, однокурсниками и т.п. Преподавание на казахском занимает все большее место в стране; хотя некоторые дисциплины еще читаются на русском, большинство преподавателей свободно говорят и пишут по-казахски, а студенты отправляют зачетные работы все чаще на казахском языке. Метод языковой биографии широко используется в социолингвистике [7–13]. В таких исследованиях обращают внимание, прежде всего, на факты жизни, контакты с разными языками, языки окружения и обучения (семья, двор, школа, профессиональное образование, работа, развлечения). Существенна также самооценка индивидуумом уровня владения соответствующими языками и их значения в собственной жизни. В обычном случае к исследованию языковой биографии привлекаются также различные свидетельства и материалы, которые позволяют документально подтвердить сказанное информантом. Поскольку мы опрашивали студентов, магистрантов и докторантов гуманитарных дисциплин, им было предложено написать самоанализ в форме авторефлексии. Испытуемые были ознакомлены с методом языковой биографии и знали, на какие пункты следует обратить внимание. В разных вариантах опросов участвовало несколько сотен человек в течение пяти лет, но свои биографии написали не все, а только те, кто хотел опробовать предложенный метод.

Характерно, что многие тексты начинались с описания роли языка в обществе: «Язык есть один из важнейших компонентов человеческой жизни. И если нашим предшественникам вполне хватало одного, так сказать «материнского» языка, то нам, современникам, порой необходимо знать не два и не три языка, а намного больше»; «Каждый человек в этом мире передает свои мысли и желания разными способами. Наиболее удобным способом передачи является язык»; «Язык способствует формированию характера человека, его принципов и стремлений»; «Можно долго говорить и спорить о том, какой язык является твоим родным: тот, с которым ты родился, твой наследственный или тот, который не является твоим этническим, но именно на нем ты учился, общался, воспринимал окружающий мир»; язык – это «способ восприятия окружающего мира, осознания происходящего, это то, что объединяло и сеяло рознь среди

народов, гибкий и восприимчивый, он развивается вместе со своими обладателями, это культура и наследие каждого человека». Рассуждают и о языковой ситуации в целом: «Мир и созидание – это краеугольные камни внешней политики нашего государства». В таких рассуждениях, отчасти стереотипных, отчасти нарочито правильных, видна установка на рассмотрение казахского языка в мировом контексте.

Студентка первого курса пишет, что свободно владеет тремя языками и не намерена ими ограничиваться: она казашка по национальности, родным языком всегда считала русский, это язык ее мышления, на котором основывается ее сознание. На казахском языке она смогла заговорить только в 15 лет: ее родители его не знают, в советское время казахский язык практически не употреблялся, но все же не исчез. До сих пор в казахстанских школах с русским языком обучения он преподается плохо: учебные пособия недостаточно хороши по содержанию, системы нет, мало квалифицированных учителей, только в городе есть возможность делить учеников по подгруппам в зависимости от уровня владения языком. Информантка считает, что статус государственного языка низок, «пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем на казахском языке заговорит большая часть населения страны. А пока большинство моих сограждан будет думать и общаться на русском языке». Не вполне хорошо поставлено и преподавание иностранных языков, хотя руководство заявляет о своем стремлении к многоязычию. Английский она выучила довольно быстро, начав изучать его в 9 лет, интересуется немецким, который учили ее родители, пользуясь домашней библиотекой, причем хочет учить не классический литературный, а приоритетный баварский; мечтает овладеть турецким – иностранные языки даются ей довольно легко и быстро. Далее рассматривается вопрос о переходе страны на латинскую графику в попытке «угнаться за окружающим миром»; отмечается, что мероприятие не подготовлено и было бы болезненным, языковой корпус отсутствует, будут потеряны бесценные труды предков. Статус русского языка неясен: официально это язык международного общения, но процесс «национализации» общества усиливается, русскоязычные сограждане отстраняются, а языки национальных меньшинств и этнических диаспор поддерживаются плохо. Как видно из текста, его создательница –

активная молодая женщина, критически мыслящая и умеющая, видимо, работать и принимать решения самостоятельно. Получая удовольствие от изучения языков, оптимистически относясь к своему будущему, она хочет и может овладевать ими. Каждый язык вызывает разное к себе отношение, и подгонка образовательной системы под индивидуальные нужды необходима, если думать о масштабах страны в целом. Патриотизм молодого поколения выражается в переживаниях за возможность качественного обучения для всех, а опыт подсказывает, какие учебные траектории лучше выбрать, на что обратить особое внимание. Нам представляется, что стремление оценить свои способности на фоне меняющихся потребностей весьма многообещающе и позитивно.

У другой студентки 18 лет семья и окружение многоязычные. Ее конкретное сегодняшнее положение нельзя понять, если не рассматривать его в контексте истории всей ее семьи. Потерянные языки можно оживить, от отказа от публичной демонстрации собственного мультилингвизма можно перейти к сбалансированному самопризнанию и самоутверждению: помимо русского, в атмосфере которого она живет с рождения, английского и казахского языка, она знает наследственные курдский и турецкий, но испытывает внутренние противоречия по поводу своего многоязычия. «Пока был жив мой дедушка, в семье мы старались говорить только на курдском языке, чтобы сохранить его. Но со смертью дедушки мы стали общаться только на русском языке». Здесь нет литературы и фильмов на курдском языке. Мало кто знаком с историей этого народа, уходящей в глубину веков. Ее родные из Грузии в Казахстан были депортированы. Старшее поколение с легкостью переключалось с одного языка на другой, не заимствуя слова, но письму на курдском и турецком не училось; однако «удалось сохранить и передать устное наследие курдского языка: песни, стихи, легенды и притчи». Число исконных носителей курдского языка уменьшается, хотя в Казахстане действуют различные культурные центры и ассоциации курдов. Язык теряется, а это часть ее жизни, быта и культуры. Здесь примечательны выводы, которые автор делает на основе самоанализа: следует искать и находить пути совершенствования и использования своего языка. Помимо объективных обстоятельств, связанных с

перипетиями существования в СССР и последующим развитием постсоветского пространства, есть и субъективные обстоятельства и возможности для сохранения и поддержки языка и культуры. Перелом в сознании может происходить не обязательно по подсказке откуда-то, но иногда это именно так: глядя на пример другого человека, можно решить, что делать с собственным многоязычием.

Следующий личный пример дает нам идеальную картину многоязычия, причем и русский язык автора безупречен: речь идет об уйгурке, с детства и до 6 лет воспитанной на этом языке и в этой культуре. Она училась в русской школе, и ей было трудно, но дома продолжала пользоваться первым языком. Потом прибавились казахский, что было проще, т.к. он родственен уйгурскому, а также английский и французский. Для изучения другого языка, считает студентка, нужны сила воли, настойчивость и любовь к языкам. «Изучение другого языка – это перестройка не только речевого аппарата, а также мышления, мировоззрения и понимания этого мира. Изучать другой язык – это изменить себя и привести изменения в изучаемый язык». Предложенная схема – от дошкольного погружения в язык меньшинства к обучению на языке большинства и государственном языке в школе, глубокое овладение двумя иностранными языками в университете – это именно тот путь, который рекомендуется мировыми экспертами. К сожалению, мы не знаем, на каком уровне владеет участник исследования каждым из упомянутых языков, но если основа достаточно прочная, то достичь более высоких результатов в принципе обычно удается и позже, если оказывается, что этот язык нужно знать.

Итак, рассмотрев три конкретных примера многоязычных языковых биографий казахстанских студентов, мы можем сделать вывод, что мультилингвизм присущ этой стране, и что образовательные траектории, выстраиваемые в рамках языковой политики, могут опираться на лучшие образцы уже сформированного многоязычия. Молодежь не боится ставить перед собой сложные цели и понимает, как к ним приблизиться. Изменившаяся демографическая ситуация, показывающая, что больше всех детей рождается у представителей титульной нации, заставляет видеть будущее страны как преимущественно казахоязычной. Пока же роль русского языка велика, о чем, например,

свидетельствуют признания некоторых студентов, которые овладевают русским языком именно в процессе учебы в университете, а не в семье и не в школе (оттуда – и русский, и английский, но не всегда на достаточном уровне). Тот, кто знает несколько языков с детства, легче выучивает и другие языки (в частности, близкородственные), а также приобретает вкус к овладению новыми языками. Авторефлексия по поводу удачных способов продвижения в языке была бы полезной обществу.

Обследованная молодежь однозначно ставит свою казахстанскую идентичность на первое место, а казахский язык считает символом страны и неоспоримой ценностью, однако в самопознании есть место и другим языкам, другим культурам. Проявляется уважение к прошлому и страны, и семьи. Владение русским языком выглядит как неизбежность и большое преимущество. Пока еще по образцу предшествующих поколений студентам удается свободно переходить с языка на язык в общении, причем они овладевают и иными языками – других этнических меньшинств, соседей, иностранными европейскими и азиатскими. Удастся также получать помощь от товарищей по курсу, если есть трудности в каком-то из языков. Все три языка, упоминаемые в Государственной программе функционирования и развития языков в Казахстане на 2011 – 2020 годы – казахский, английский и русский, – выглядят как хорошо освоенные, удобные инструменты транскультурного взаимодействия и

интеркультурной коммуникации, и не только в самой стране, но и за ее пределами. Одна из студенток пишет по поводу направлений Закона о «Триединстве языков»: «В области применения казахского языка: расширение сферы применения государственного языка, обеспечение унификации норм современного литературного языка, усовершенствование и систематизация лексического фонда, внедрение полноценной терминологической системы, решение вопросов компьютеризации языка, улучшение методики преподавания. По отношению к русскому языку: сохранение общекультурных функций русского языка, обеспечение функционирования в области науки и образования, создание новых программ дистанционного обучения, учебно-методической литературы, электронных интерактивных учебников. Деятельность в сфере английского языка включает: расширение международного сотрудничества в целях взаимодействия с иноязычной культурой, обеспечение доступной учебно-методической литературой для коллективного и самостоятельного обучения, ревизия учебных программ, усиление требований к системе и процессу обучения будущих преподавателей иностранного языка, подготовка преподавателей для обучения естественным наукам и математике на английском языке». Такого рода задачи могут решаться, только когда сама молодежь осознает особенности владения несколькими языками и использования их в разных сферах жизни.

Литература:

1. Алтынбекова О.Б. Русский язык в диаспорах Казахстана / О.Б. Алтынбекова // Русскоязычный человек в иноязычном окружении; под ред. А. Мустайоки и Е. Протасовой. – Helsinki: University of Helsinki. – 2004. – С. 82–96.
2. Баяндина С.Ж. Государственный язык – компонент двуязычия в социально-коммуникативном пространстве Республики Казахстан / С.Ж. Баяндина // Вестник Кокшетауского государственного университета. – 2013. – № 1–2. – С. 38–43.
3. Протасова Е.Ю., Родина Н.М. Интеркультурная педагогика младшего возраста / Е.Ю. Протасова, Н.М. Родина. – М.: Форум, 2011. – 400 с.
4. Смаилов А.А. Этнодемографический ежегодник Казахстана / А.А. Смаилов // Статистический сборник на казахском и русском языках. – Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2013. – 466 с.

5. Сулейменова Э.Д. Русский язык в образовательном пространстве Казахстана / Э.Д. Сулейменова // Вопросы преподавания и статуса русского языка в государствах – членах ЕврАзЭС. – СПб. – 2005. – С. 93–103.
6. Шайбакова Д.Д. Русский язык в функциональных вариантах / Д.Д. Шайбакова // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 27–30 июня 2012 г.). – Казань: Отечество, 2012. – С. 194–197.
7. Busch B. Language biographies – approaches to multilingualism in education and linguistic research // Praesa: Occasional Papers. – 2006. – No. 24. – Pp. 5–17.
8. Franceschini R., Miecznikowski J. (eds.) Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien = Vivre avec plusieurs langues: biographies langagières. Bern: Lang, 2004.

9. Grosjean F. *Bilingual: Life and Reality*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. – 304 pp.

10. Meng K. *Russlanddeutsche Sprachbiographien*. Tübingen: Narr, 2001. – 549 s.

11. Nekvapil J. *Language biographies and the analysis of language situations: towards the life of the German community in the Czech Republic* //

International Journal of the Sociology of Language. – 2003. – No. 1(62). – Pp. 63–84.

12. Verschik A. *Linguistic biographies of Yiddish speakers in Estonia* // *Folklore*. – 2002. – Vol. 20. – Pp. 38–52.

13. Watkins-Goffman L. *Lives in Two Languages: An Exploration of Identity and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. – 152 pp.

Сведения об авторах:

Алишариева Акбота Нагашыбековна (г. Алма-Ата, Казахстан), докторант, кафедра общего языкознания и иностранной филологии, Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби, e-mail: bota_inyaz@mail.ru

Протасова Екатерина Юрьевна (г. Хельсинки, Финляндия), доктор педагогических наук, доцент, лектор, отделение современных языков, Хельсинкский университет, e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Data about the authors:

A. Alisharieva (Almaty, Kazakhstan), doctoral candidate, the Department of General Linguistics and Foreign Philology, Kazakh National al-Farabi University, e-mail: bota_inyaz@mail.ru

E. Protasova (Helsinki, Finland), doctor of education, docent, lecturer, the Department of Modern Languages of the University of Helsinki, e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

УДК 37

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

К.Х. Валиуллин

Аннотация. В статье рассматривается проблема внедрения компетентностного подхода в системе среднего профессионального религиозного мусульманского образования РТ. Внедрение компетентностного подхода в религиозное мусульманское образование, с одной стороны, основывается на традиционном для татар Среднего Поволжья направлении суннитского ислама, а с другой, обеспечивает переориентацию религиозных образовательных программ и методики преподавания для более полного учета условий жизнедеятельности мусульманина в поликультурном российском обществе и необходимости противодействия проникновению идеологии религиозного экстремизма и радикализма. Компетентностный подход впервые отражен в «Образовательных стандартах среднего профессионального религиозного мусульманского образования», утвержденных в ноябре 2014 года Духовным управлением мусульман РТ и введенных в действие в мусульманских образовательных учреждениях РТ с 2015/2016 учебного года. Этими стандартами предусмотрено 7 групп компетенций, которые учитываются при разработке рабочих программ дисциплин. В статье описаны трудности, с которыми сталкивались разработчики программ в связи с реализацией компетенций в рамках традиционной методики преподавания религиозных дисциплин, показаны примеры их преодоления. Для систематического внедрения компетентностного подхода рекомендовано оказание методической и консультативной помощи преподавателям медресе, проведение круглых столов по актуальным вопросам преподавания исламских дисциплин, курсов повышения квалификации и др.

Ключевые слова: компетентностный подход, образовательные стандарты, религиозное мусульманское образование, рабочая программа, традиционный ислам, противодействие религиозному экстремизму.

THE REALIZATION OF COMPETENCE APPROACH IN THE SYSTEM OF MUSLIM RELIGIOUS EDUCATION OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

K. Valiullin

Abstract. The article considers the problem of introducing of the competence approach in the system of vocational education of the Muslim religious Republic of Tatarstan. The introduction of competence-based approach in Muslim religious education involves learning, based on the traditional Tatar Middle Volga direction of Sunni Islam, provides orientation training programs (teaching methods) to prepare Muslim religious leaders, focused on work among the Russian Muslims, taking into account the peculiarities of Muslim life in the multicultural Russian society able to apply the rules of Islamic law within the framework established by the Russian legislation, helps counter the penetration of the ideology of religious extremism and radicalism. Competence approach is reflected for the first time in the "educational standards of secondary vocational Muslim religious education", approved in November 2014 and entered in Muslim educational institutions of the Republic of Tatarstan with the 2015/2016 school year. Standards are 7 groups of competencies that have been taken into account when designing programs. The main problem in this case was the realization included in the program competencies. The problem requires methodical and advisory assistance to teachers madrasahs, round tables on topical issues of teaching Islamic subjects, training courses and others.

Keywords: competence approach, educational standards, Muslim education, work program, traditional Islam, religious extremism.

Идея компетентностного подхода в образовании в российской педагогике начала обсуждаться в начале 80-х годов прошлого века, когда в журнале «Перспективы. Вопросы образования» была опубликована статья В. Ландшеер «Концепция «минимальной компетентности» [5]. Масштабному внедрению компетентностного подхода в образование также способствовало присоединение Российской Федерации в сентябре 2003 года к Болонской декларации (1999 г.), что предусматривало кардинальное изменение подходов оценки профессиональных качеств работника, перенос

акцентов с содержания образования на результаты обучения, описываемые с помощью компетенций; использование компетентностного подхода, представляющего собой совокупность знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств, которые студент должен продемонстрировать после завершения обучения. Л.Н. Боголюбов отмечает, что компетентностный подход предполагает «усиление практической направленности образования» [1, с.24], по мнению И.А. Зимней, усиление «как собственно прагматической, так и

гуманистической направленности образовательного процесса» [3, с.17].

Среди российских ученых нет единого мнения относительно содержания и структуры компетенций/компетентностей, хотя во многих случаях присутствует разделение на два основных класса. Например, А.Б. Звездова [2, с.3] подразделяет компетенции на две группы: «общекультурные (универсальные, надпредметные) и профессиональные. Первые – общекультурные – являются переносимыми и менее жестко привязанными к объекту и предмету труда. Вторые – профессиональные – отражают профессиональную квалификацию. Сходные категории выделяет также И.А. Зимняя [3, с.26-27]: ключевые, профессиональные и социальные (в узком смысле слова) компетентности.

Учитывая многомерность и неоднозначность трактовки понятия «компетентностный подход», разнообразие мнений относительно содержания и структуры компетенций становится понятной сложность применения компетентностного подхода к мусульманскому образованию, относительно недавно начавшему свое возрождение в регионе (в Татарстане начало возрождения мусульманского образования относится к началу 90-х годов прошлого столетия). Тем не менее, ключевые категории компетенций прослеживаются и при обучении религии. В данной статье автор предпринял попытку рассмотреть реализацию компетентностного подхода применительно к мусульманскому образованию в Республике Татарстан, показать сделанные шаги в этом направлении, осветить проблемы, требующие своего решения на данном этапе развития системы мусульманского образования.

Внедрение компетентностного подхода в мусульманское образование Республики Татарстан предполагает обучение, основанное на традиционном для татар Среднего Поволжья направлении суннитского ислама (а именно ханафитская богословско-правовая школа и матуридитское вероучение), обеспечивает направленность образовательных программ (и соответственно, методики преподавания) мусульманских профессиональных образовательных учреждений на подготовку мусульманских религиозных деятелей, ориентированных на работу среди российских мусульман. Будущий специалист, помимо собственно религиозных компетенций, должен учитывать специфику жизнедеятельности мусульманина в поликультурном российском обществе, быть способным применять нормы исламского права в рамках, установленных

российским законодательством и с учетом культурных традиций российского общества, участвовать в деятельности по противодействию проникновению идеологии религиозного экстремизма и радикализма.

2014 – 2015 годы ознаменовались важными и востребованными для мусульманского сообщества Татарстана событиями: были разработаны «Образовательные стандарты среднего профессионального религиозного мусульманского образования» (далее – ОС СПРМО) [6] с применением компетентностного подхода (при участии в его разработке Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан). С 2015/2016 учебного года всеми образовательными организациями среднего профессионального религиозного мусульманского образования, учрежденными Духовным управлением мусульман Республики Татарстан, начата подготовка по образовательным программам, отвечающим требованиям данных стандартов. ОС СПРМО включают в себя начальную, базовую и повышенную подготовки: для каждой из них были определены виды деятельности, в которой будет работать выпускник и для осуществления которых он должен иметь соответствующие компетенции, такие как, например: «способность разъяснять применение догматических положений исламских наук в повседневной жизни мусульманина», «наличие общих представлений о региональных особенностях обрядовой практики у поволжских татар-мусульман», «способность к применению норм исламского права в различных контекстах современного общества России с использованием методологии исламского права в рамках, установленных законодательством Российской Федерации» и др. Всего предусмотрено 7 групп компетенций, каждая из которых включает компетенции, реализуемые в тех или иных дисциплинах [6, с.10-17, 37-46, 72-84]:

1) Общерегиональные компетенции (сокр. – ОРК) обеспечивают подготовку руководителя мусульманской религиозной общины в соответствии с требованиями ханафитского мазхаба суннитского ислама и классическими традициями мусульманского образования, определяют базовые знания в области исламских наук, направлены на формирование мусульманского мировоззрения.

2) Регионально-религиозные компетенции (сокр. – РПК) дополняют общерегиональные компетенции с учетом особенностей бытования среди поволжских татар исламских традиций. Регионально-религиозные компетенции

способствуют эффективной деятельности выпускника в качестве руководителя мусульманской религиозной общины поволжских татар-мусульман, успешной его интеграции в местное религиозное мусульманское сообщество.

3) Национально-региональные компетенции (сокр. – НРК) обеспечивают возможность осуществления выпускником профессиональной деятельности в мусульманском сообществе поволжских татар, направленной на сохранение и развитие татарской национальной культуры.

4) Общегражданские компетенции (сокр. – ОГК) отражают сформированность у выпускника общегражданской российской идентичности, обеспечивают способность выстраивать толерантные отношения с представителями различных социальных групп; формирование у выпускника общегражданских компетенций имеет целью интеграцию мусульманского сообщества в современную общественную структуру России на основе равенства всех перед законом и уважения прав человека.

5) Компетенции в области арабского языка (сокр. – АЯК) включают в себя формирование представления о фонетической, лексической и грамматической системе арабского языка, навыков аудирования, чтения и понимания текстов, устной и письменной речи на арабском языке, навыки перевода, знание основной классической религиозной исламской терминологии, формирование у учащихся мотивации к дальнейшему, более углубленному изучению арабского языка и т.д.

6) Общие педагогические компетенции (сокр. – ОПК) основаны на знаниях об общих закономерностях процесса обучения и воспитания с учетом принципов обучения и воспитания личности мусульманина в исламе и обеспечивают способность участия выпускников в организации образовательной деятельности в мусульманской религиозной организации по основной образовательной программе.

7) Специальные педагогические компетенции (сокр. – СПК) обеспечивают способность выпускника осуществлять образовательную деятельность по конкретным дисциплинам образовательных программ по основной образовательной программе религиозного образования с использованием современных и традиционных для религиозного мусульманского образования методов обучения и воспитания.

По дисциплинам, предусмотренным ОС СПРМО, была организована работа по разработке рабочих программ дисциплин (далее

– РП). Разработка РП осуществлялась ведущими преподавателями средних профессиональных мусульманских образовательных учреждений (медресе) Республики Татарстан.

ОС СПРМО предписывает, какие группы компетенций должны быть реализованы в той или иной дисциплине. Разработчик РП из перечня компетенций каждой группы должен был отобрать те, которые могут быть реализованы в конкретной религиозной дисциплине. Все выбранные компетенции должны были найти отражение в РП, например, в целях и задачах дисциплины, перечне тем, методических рекомендациях (материалах) для преподавателя, методических указаниях для студентов, перечне вопросов для зачета/экзамена, темах контрольных работ, рефератов.

Центром исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан был проведен анализ РП; для этого была разработана методика анализа РП на соответствие требованиям образовательного стандарта с точки зрения внедрения указанных в образовательном стандарте компетенций.

В качестве образца для преподавателей медресе по реализации компетентностного подхода автором разработана рабочая программа дисциплины «Методика преподавания исламских наук», которая обобщает методические вопросы по преподаванию религиозных дисциплин. Согласно данной программе, в рамках предмета «Исламское вероучение (ақыда)» реализуется ряд компетенций:

– *Общерелигиозные компетенции.* Выбранная компетенция «Способность разъяснять применение догматических положений исламских наук в повседневной жизни мусульманина» может быть сформирована путем приведения примеров проявления положений исламского вероучения в размышлении (например, размышление об окружающих человека творениях Всевышнего Аллаха: вселенная, человек, растения), поведении (например, уважительного отношения к старшим, вежливого обращения с людьми), образе жизни (постоянное упоминание Всевышнего, соблюдение пятикратного намаза, питание халяльной пищей, совершение ритуального омовения) верующего мусульманина.

– *Национально-региональные компетенции.* Для формирования компетенции «Осознание самоценности татарской национальной культуры и необходимости ее сохранения и развития» предлагается рассматривать влияние положений

исламского вероучения на народное творчество татарского народа (мунаджаты, байты и т.д.), на отдельные жанры татарской письменной литературы (например, «Мөхәммәдия», «Бәдәвам», «Ахырзаман»), творчество татарских поэтов и писателей (Мухамадъяр, М. Кулый, Ахмадбек, А. Кандалий, Ш. Заки, А. Каргалый, И. Салихов, Г. Тукай, М. Гафури, Дәрдемнд и др.), искусство каллиграфии (на примере шамаилей); ознакомить с ключевыми трудами татарских богословов по исламскому вероучению (например, труд Ш. Марджани «Аль-хикма аль-балига аль-джаниййа фи шарх аль-акаид аль-ханафиййа»); факультативно использовать традиционные учебники по исламскому вероучению, которые применялись в дореволюционных татарских медресе (например, «Аль-Акыда ан-насафиййа»).

– *Общегражданские компетенции.* Формирование компетенции «Толерантное отношение к различным культурам, религиям и умение работать с представителями культур и религий, чье мировоззрение отличается от догматов исламского вероучения» предлагает обсуждение примеров из жизни пророков, Пророка Мухаммада с.г.в.с., сподвижников, богословов, праведных людей, из истории взаимоотношений татар с другими народами Поволжья. Следует подчеркивать важность уважительного отношения ко всем людям, стремления совершения благородных поступков; целесообразно проведение ролевых игр, обсуждение возможных конфликтных ситуаций с указанием путей выхода из них.

Анализ рабочих программ показал, что основная часть разработчиков адекватно выбирали из образовательного стандарта и включили в РП компетенции будущего имама-хатыйба и преподавателя основ ислама, а также отразили реализацию данных компетенций в РП. К примеру, в РП по дисциплине «Чтение Корана (тилява)» разработчик выбрал и включил компетенцию «Способность сочетать современные и традиционные для религиозного мусульманского образования методики и технологии, в том числе и информационные, для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса по дисциплине (образовательному модулю) «Чтение Корана (тилява)». Пути реализации данной компетенции разработчик отразил в РП следующим образом: в начале каждого нового семестра повторение и закрепление пройденного материала предлагается проводить студентами в форме «мини-урока» по пройденным сурам, чем достигается как повторение пройденного материала, так и выработка умений и навыков

передачи своих знаний другим; в «Методических рекомендациях (материалах) для преподавателя» в группах с большим количеством обучающихся (более 10 – 12 человек) даются рекомендации по проверке усвоения материала преподавателем у наиболее успевающих студентов, а они, в свою очередь, проверяют более слабых студентов. Данная методика является во многом традиционной для мусульманского образования.

Основной проблемой при разработке РП явилось то, что включенные разработчиками компетенции не всегда находили дальнейшее отражение в содержании РП. Наибольшие проблемы были с реализацией общегражданских компетенций, религиозно-региональных и специальных педагогических компетенций. Также некоторые разработчики, по каким-то причинам, не включали в программу компетенции, которые имели к ней непосредственное отношение. Можно сделать предположение, что применяемая во многих рабочих программах методика преподавания ориентирована на формирование у будущего имама-хатыйба и преподавателя основ ислама традиционалистского мусульманского мировоззрения, в методике преподавания требования поликультурного российского общества учитываются спорадически, в зависимости от имеющегося материала и представлений о дисциплине у преподавателя. В большинстве случаев темы, особенно по традиционным исламским дисциплинам, рассматриваются в аспекте «для мусульман в целом», без учета региональных особенностей. Так, например, в РП по дисциплине «Основы поклонения», которая формирует знания и умения в области намаза, мусульманского поста, закята и хаджа, не учитываются региональные особенности исполнения данных видов поклонения (к примеру, распространенность ханафитского мазхаба среди поволжских татар-мусульман, особенности чтения ночного намаза в летний период, причины обращения внимания на чтение намаза в головном уборе, сложившиеся традиции посещения мест ритуального омовения и другие).

Таким образом, нередко региональные традиции ислама (например, традиция проведения коранических собраний, обрядовая практика, посещение кладбищ и их содержание и другие), особенности российских мусульман (например, мусульмане являются коренным населением России, наличие богатого богословского наследия, проживание российских мусульман в многонациональной и многоконфессиональной стране, необходимость

религиозного диалога с представителями иных конфессий и другие) в РП не находят достаточного отражения. Причина такого подхода кроется в недостаточном развитии российской мусульманской методической школы из-за утери в советский период сложившихся традиций преподавания, а также зависимости от зарубежной методики преподавания, разработанной для мусульман в арабских странах с учетом иной ментальности.

Переход к компетентностному подходу в религиозном мусульманском образовании подразумевает под собой длительный процесс исследований и осмысления [4]. Для этого при сотрудничестве преподавателей медресе и светских профессиональных учебных заведений необходимо разработать методические рекомендации по реализации компетенций по ключевым исламским дисциплинам. Также необходима методическая и консультативная помощь преподавателям медресе в реализации компетентностного подхода, например, следует регулярно организовывать мастер-классы преподавателей, успешно внедряющих компетентностный подход в рамках собственной

дисциплины, круглые столы по актуальным вопросам преподавания исламских дисциплин. Необходимо разрабатывать и издавать учебную литературу, освещающую вопросы влияния ислама на культуру татар Поволжья, русскую и европейскую культуру, особенностей региональных традиций преподавания исламских наук, соотношения российского законодательства и требований шариата в жизнедеятельности обычного мусульманина и др. Важно проводить курсы повышения квалификации для преподавателей медресе по методике преподавания религиозных дисциплин, стимулировать методическую работу, публикацию и обнародование результатов работ и исследований. Целесообразно издание специализированного регулярного журнала (сборника), посвященного вопросам преподавания в российских медресе. Следует вести широкое обсуждение вопросов совершенствования методики преподавания в российских медресе, разрабатывать и совершенствовать данное направление деятельности.

Литература:

1. Боголюбов Л.Н. Базовые социальные компетенции в курсе обществоведения / Л.Н. Боголюбов // Преподавание истории и обществознания в школе. – Москва. – 2002. – № 9. – С. 24.

2. Звездова А.Б. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании [Электронный ресурс] / А.Б. Звездова, В.Г. Орешкин // Евразийский научный форум 2010. – Режим доступа: http://www.miep.edu.ru/uploaded/zvezdova_oreshkin.pdf

3. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И.А. Зимняя. – Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 42 с.

4. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании: хрестоматия-путеводитель; автор-составитель: А.В. Коваленко; под научной редакцией проф. М.Г. Минина. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – 117 с.

5. Ландшээр В. Концепция «минимальной компетентности» / В. Ландшээр // Перспективы. Вопросы образования. – Москва. – 1988. – № 1. – С. 24-26.

6. Образовательные стандарты среднего профессионального мусульманского образования. Утверждён приказом Председателя Централизованной религиозной организации – Духовное управление мусульман Республики Татарстан, Муфтия от 12.11.2014 № 74. – Казань: ЦРО – ДУМ РТ, 2014. – 108 с.

Сведения об авторе:

Валиуллин Камиль Хамзович (г. Казань, Россия), научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук РТ, e-mail: pateev@bk.ru

Data about the author:

K. Valiullin (Kazan, Russia), researcher of Center for Islamic Studies Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: pateev@bk.ru

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

И.В. Арябкина, Е.Н. Елисеева

Аннотация. В статье авторы доказывают актуальность проблемы в современной ситуации кризиса межкультурного диалога, дают определение понятию «культурно-эстетическая толерантность»; представляют программу формирования культурно-эстетической толерантности младших школьников в процессе изучения английского языка. Приобщение обучающихся к культуре своего и других народов и знакомство с произведениями искусства разных народов должно обеспечить достижение такой цели, как формирование у школьников представления о диалоге культур как безальтернативной философии жизни в современном мире.

Ключевые слова: межкультурный диалог, толерантность, культурно-эстетическая толерантность, младший школьный возраст, искусство, культурно-эстетическая образовательная среда, культурологический, полихудожественный и выразительностный подходы.

TO THE QUESTION OF TOPICALITY OF UPBRINGING CULTURAL AND AESTHETIC TOLERANCE IN THE ELEMENTARY SCHOOL IN THE PROCESS OF LEARNING ENGLISH

I. Aryabkina, E. Petrakova

Abstract. In the article the authors prove the topicality of the problem in the present-day crisis situation of intercultural dialogue; give the definition of the notion “Cultural and Aesthetic Tolerance”; present her author’s program of upbringing cultural and aesthetic tolerance in the elementary school in the process of learning English. The inclusion of the pupils into their national culture and cultures of other nations and accustom to works of art of different nations is supposed to ensure the achievement of such goal as forming schoolchildren’s conception about intercultural dialogue as about philosophy of life without an alternative in the modern world.

Keywords: intercultural dialogue, tolerance, cultural and aesthetic tolerance, elementary school age, art, cultural and aesthetic educational environment, culturological, polyartistic and expressive approaches.

Последние события в Украине, Сирии, в Европе и России свидетельствуют о том, что мировое сообщество претерпевает значительные перемены социально-политического и социально-экономического характера, которые сопровождаются такими негативными проявлениями, как национализм, терроризм, вооруженное противостояние. Все это представляет реальную угрозу мирного сосуществования народов, стран, культур, представители которых не хотят услышать и понять друг друга.

Одержимые целью мирового господства, желанием обладать как можно большим количеством материальных благ, религиозным фанатизмом, лидеры стран, сообществ и различных организаций игнорируют, часто безнаказанно, права человека, международные соглашения и договоры. Сегодня как никогда остро перед мировой общественностью встала проблема налаживания межкультурного диалога, основанного на уважении и понимании каждого из его участников.

Все вышесказанное актуализирует проблему формирования толерантности личности. На наш

взгляд, все современные системы образования в разных странах должны принять данную проблему в качестве приоритетной, разрабатывать образовательные программы, направленные на преодоление межнациональной вражды и формирование правильного отношения к разным культурам, основанного на понимании и уважении их особенностей.

В своей работе мы рассматриваем формирование толерантности младших школьников, опираясь на идеи педагогики искусства. Именно теперь, в третьем тысячелетии, с особой остротой встал вопрос о восполнении духовной составляющей личности, то есть «назрела необходимость через искусство влиять на духовное начало Человека» [1, с.7]. Чтобы раскрыть понятие культурно-эстетической толерантности, необходимо более подробно остановиться на понятии толерантности в целом, о котором сейчас так много говорят и пишут. На наш взгляд, в свете последних событий оно требует переосмысления и переоценки его содержания. Рассмотренные ниже определения толерантности наиболее близки к нашему пониманию этого понятия.

Согласно Декларации принципов толерантности, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО (1995), «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности <...>, это гармония в многообразии, это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира...» [3].

По мнению С.Л. Кагановича, «понятие толерантности несет в себе идеи многообразия, равенства, отказа от доминирования и насилия одного над другим, касается ли это отдельных людей, групп людей или целых народов и государств» [4].

Представитель философского крыла рассматривания понятия толерантности Владислав Лекторский предлагает четыре возможных способа понимания толерантности. Первый, толерантность как безразличие, предполагает существование мнений, истинность которых никогда не может быть доказана (религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения и т.д.). Второй, толерантность как невозможность взаимопонимания, ограничивает проявление терпимости уважением к другому, которого вместе с тем понять невозможно и с которым невозможно взаимодействовать. Толерантность как снисхождение подразумевает привилегированное в сознании человека положение своей собственной культуры, поэтому все иные оцениваются как более слабые: их можно терпеть, но при этом одновременно и презирать. И, наконец, терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою в результате критического диалога [5, с.4,5]. На этот подход к толерантности и указывает автор в качестве желаемого для современной ситуации.

Таким образом, чрезвычайно актуальным в современных условиях становится формирование у младших школьников способности понимать, принимать и руководствоваться в своей деятельности идеями многообразия и равенства культур, отсутствия доминирования и насилия, межкультурного критического диалога.

В контексте нашего исследования мы ставим задачу формировать у младших школьников толерантность к культурному наследию разных народов, населяющих нашу область, нашу страну, нашу планету через формирование у них эстетического к нему отношения, через

приобщение к искусству своего и других народов.

Культурно-эстетическую толерантность мы понимаем как одну из важнейших ценностно-смысловых диспозиций личности, которая обуславливает понимание, уважение и принятие ею иной культуры, отличной от своей, или, по крайней мере, отсутствие отрицательного отношения к проявлениям иной культуры.

Толерантность, в том числе культурно-эстетическая, не является врожденным качеством личности. Она формируется в процессе ее становления. И очень важно начать работу по формированию толерантного сознания в младшем школьном возрасте, поскольку именно в этом возрасте формируется отношение ребенка к миру и происходит развитие сущностных качеств будущей личности. Младший школьный возраст является самым благоприятным периодом для эмоционального общения с миром культуры и искусства, «едва ли не самым решающим с точки зрения эстетического воспитания и формирования нравственно-эстетического отношения к жизни» [6, с.35]. В этом возрасте ребенок открыт для творчества, он воспринимает мир эмоционально и с интересом познает его. Учитывая эту особенность младших школьников, взрослые способны через эстетическое воспитание заложить подлинное мировоззрение человека.

Значение искусства в формировании личности младших школьников трудно переоценить. Б.Т. Лихачев подчеркивает, что именно в этом возрасте «осуществляется наиболее интенсивное формирование отношений к миру, которые постепенно превращаются в свойства личности» [6, с.35]. «То, что упущено в детстве, очень трудно, почти невозможно наверстать в зрелые годы, – предупреждал В.А. Сухомлинский [10]. – <...> Если в раннем детстве донести до сердца красоту музыкального произведения, если в звуках ребёнок почувствует многогранные оттенки человеческих чувств, он поднимется на такую ступеньку культуры, которая не может быть достигнута никакими другими средствами. Чувство красоты музыкальной мелодии открывает перед ребенком собственную красоту – маленький человек осознает свое достоинство» [8, с.52].

Таким образом, формирование толерантного сознания необходимо начинать в как можно более раннем возрасте. Для получения лучших результатов в своей работе с младшими школьниками мы знакомим их с языком, культурой и искусством англоговорящих стран, сравниваем их с явлениями своей культуры. При

этом мы учитываем многонациональный состав классов. В многонациональном Поволжье Ульяновская область занимает исключительное место. Уникальной особенностью нашего края является его промежуточное положение между территориями с выраженной моноэтничностью – Татарстаном, Чувашией и Мордовией – республиками с преобладающим в них населением коренной национальности и южнорусскими территориями Саратовской и Волгоградской областей. Регион имеет сложный национальный состав: его население разделено на четыре основные группы – русские, татары, чуваша и мордва. «История края – это замечательный пример мирного сосуществования не только двух мировых религий и цивилизаций, но и различных языковых групп и культурных традиций» [7, с.3]. Многовековое межэтническое сожительство народов нашего края есть замечательный опыт развития и взаимодействия.

Результатом теоретического осмысления проблемы формирования культурно-эстетической толерантности младших школьников в процессе изучения английского языка явилась программа, целью которой является развитие у учащихся понимания культурного многообразия окружающего мира, интереса к проявлениям иных культур, положительного отношения к языку, культуре и искусству других народов.

Задачи:

1. Знакомить учащихся с языком, произведениями искусства, проявлениями культурной жизни англичан, а также национальностей, представители которых обучаются в классе.

2. Сравнивать произведения искусства своего и других народов. Находить общее.

3. Расширять лексический минимум, которым необходимо овладеть учащимся на уроках английского языка.

4. Вовлекать младших школьников в эстетическую деятельность на английском языке: разучивание стихотворений, подготовку и исполнение песенок на английском языке, разучивание ролей из небольших инсценировок; конкурсы на лучшее прочтение стихотворения, лучший перевод, лучший рисунок или иллюстрацию, лучшее исполнение песни группой, лучшее выразительное чтение и др.; театрализованные постановки сказок.

Программа основана на следующих принципах:

1. Гуманизации (признание личности ребёнка высшей ценностью воспитания). Принцип гуманистической направленности

педагогического процесса требует подчинения обучения и воспитания задачам формирования и развития всесторонне развитой личности. «Принцип гуманизации образования реализуется через соблюдение следующих правил педагогической деятельности: педагогический процесс и воспитательные отношения в нем строить на полном признании гражданских прав воспитанника; постоянно осуществлять гуманистическое просвещение учащихся и достаточное их гуманитарное образование; обеспечивать привлекательность и эстетичность педагогического процесса и комфортность воспитательных отношений его участников» [2, с.763].

2. Культуросообразности. Этот принцип означает, что воспитание основывается на общечеловеческих ценностях, строится в соответствии с ценностями и нормами национальной культуры и региональными традициями, не противоречащими общечеловеческим ценностям.

3. Эстетизации обучения и воспитания (формирование у воспитанников эстетического отношения к действительности позволяет развить у них высокий художественно-эстетический вкус; дать им возможность познать подлинную красоту общественных эстетических идеалов).

Работу по формированию культурно-эстетической толерантности учащихся мы осуществляем как на уроках английского языка, так и во внеурочной деятельности. *Урочная деятельность* включает знакомство с образцами произведений искусства разных народов (это может быть демонстрация репродукций картин при введении новой лексики или показ презентации, которая сочетает в себе изобразительное и музыкальное искусство); обмен культурным опытом между учащимися разных национальностей (через составление диалогов на заданную тему, например «Как отмечают Новый год в России и Англии»).

Внеурочная деятельность дает больше возможностей для организации творческой и исполнительской деятельности учащихся (рисование, разучивание и декламирование детских стихов на английском языке, исполнение детских песен, театрализованные постановки английских сказок и русских народных сказок на английском языке).

В рамках представленного исследования были разработаны и апробированы педагогические условия, которые делают процесс формирования культурно-эстетической толерантности младших школьников более эффективным: создание особой культурно-

эстетической образовательной среды; применение единства культурологического, полихудожественного и выразительностного подходов; создание и реализация модели формирования культурно-эстетической толерантности младших школьников в процессе изучения английского языка.

Создание особой культурно-эстетической образовательной среды осуществляется через включение детей в художественно-образную систему культур народов, населяющих Ульяновскую область, и англоговорящих стран с целью овладения ее нормативно-ценностными категориями. В основе методики приобщения к разным культурам: игра; наглядность как ведущий педагогический метод; традиционные методы народной педагогики (подражание, копирование, совместные действия, диалог, побуждение к самостоятельным и творческим проявлениям детей); детское творчество как важнейший этап процесса усвоения традиции, способ самореализации ребенка.

Успешности педагогического процесса способствуют также следующие условия: создание атмосферы большой дружной семьи; организация уютного обучающего пространства с элементами традиционного быта и детскими поделками; активное участие родителей: совместные с детьми подготовка к праздникам и их проведение, а также встречи поездки, чаепития, выполнение творческих работ, домашних заданий. *Культурологический подход* реализуется через приобщение учащихся к традициям, произведениям искусства своего народа, народов, проживающих на территории Ульяновской области, к общероссийскому культурному наследию и культуре и языку англоговорящих стран. При этом основной задачей знакомства младших школьников с миром искусства разных народов мы видим в том, чтобы найти в нем общее, похожее, близкое. На этой основе и формируется

культурно-эстетическая толерантность личности.

Приобщая младших школьников к искусству разных народов, мы исходим также из идей *полихудожественного подхода*: знакомство с произведениями разных видов искусства [9]. Кроме того, одним из направлений нашей работы является развитие творческих способностей младших школьников: конкурсы рисунков, исполнение песен и декламрование стихов на родном и английском языках, инсценирование сказок.

Формирование культурно-эстетической толерантности школьников невозможно без использования идей *выразительностного подхода*: ориентирование личности на объекты и критерии не только эстетического совершенства, красоты, но и эстетической и художественной выразительности, многообразия и ценности их сочетания.

Итак, формирование культурно-эстетической толерантности сегодня – актуальнейшая проблема, от решения которой зависит, выйдет ли мировое сообщество из кризисной ситуации, в которой оно сейчас находится. Реализация в системе образования и воспитания детей, молодежи, взрослых программы укрепления культурно-эстетических диалогических толерантных отношений во всех возможных формах (основных и дополнительных) – это один из способов решения данной проблемы. Большую роль в формировании культурно-эстетической толерантности играет искусство, поскольку подлинное искусство не имеет национальности, несет в себе общечеловеческие ценности, понятные любому народу, и воспитывает человека, обладающего толерантным сознанием, готового вступить в межкультурный диалог с целью обогащения своего внутреннего мира.

Литература:

1. Алексеева Л.Л. Теоретические предпосылки педагогики искусства (литературная деятельность В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова) / Л.Л. Алексеева // Научные школы в педагогике искусства; под ред. Л.Г. Савенковой. – М.: ИХО РАО, 2008. – С. 7-15.
2. Арябкина И.В. Формирование культурно-эстетической компетентности учителя начальной школы на основе личностно-ориентированного подхода: теоретические аспекты: монография / И.В. Арябкина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. – 184с.
3. Арябкина И.В., Марковцева О.Ю. Ценностные смыслы подготовки будущих учителей начальной школы к культурно-эстетическому

взаимодействию с младшими школьниками в условиях педагогического вуза / И.В. Арябкина, О.Ю. Марковцева // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2014. – № 2. – С. 191-197.

4. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В.С. Безрукова. – Екатеринбург, 2000. – 937 с.
5. Декларация принципов толерантности (Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года).
6. Каганович С.Л. Пути формирования толерантного сознания в российской школе [Электронный ресурс] / С.Л. Каганович. – Режим

доступа: <http://www.tolerance.ru/Puti-formirovaniya.php?PrPage=Deti>

7. Лекторский В.А. Культура, культурология и образование (материалы «круглого стола») / Выступление В.А. Лекторского. – М. – 2002.

8. Лихачев Б.Т. Теория эстетического воспитания школьников / Б.Т. Лихачев. – М.: Просвещение, 1985. – 175 с.

9. Лосева В.И. Народный женский костюм Симбирской губернии / В.И. Лосева. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – 12 с.

10. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям / В.А. Сухомлинский. – Кишинев: Лушина, 1978. – 239 с.

Сведения об авторах:

Арябкина Ирина Валентиновна (г. Ульяновск, Россия), доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры дошкольного и начального общего образования, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, e-mail: ar_irina@rambler.ru

Петракова Елена Николаевна (г. Ульяновск, Россия), учитель английского языка МАОУ «Средняя школа № 21» г. Ульяновск.

Data about the authors:

I. Aryabkina (Ulyanovsk, Russia), doctor of education, docent, professor of the Department of Preschool and Primary Education, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov, e-mail: ar_irina@rambler.ru

E. Petrakova (Ulyanovsk, Russia), teacher of English at the Secondary School № 21 of Ulyanovsk.

НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА КАК УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

А.И. Мартынова

Аннотация. В статье рассматривается нравственно-патриотическое воспитание детей дошкольного возраста в проектной деятельности на примере двух детских садов из разных регионов России как условие профилактики экстремизма. Раскрываются воспитательные возможности методики содружества по приобщению детей к базовым национальным ценностям и ценностям отечественной культуры. Уточняется содержание и сущность понятия «нравственно-патриотического воспитания», описываются показатели и уровневые характеристики владения детьми старшего дошкольного возраста патриотическими ценностями.

Ключевые слова: новые формы, проектная деятельность, патриотическое воспитание, профилактика экстремизма, нравственное воспитание дошкольников.

MORAL-PATRIOTIC UPBRINGING OF PRE-SCHOOL CHILDREN ON THE BASIC OF PROJECT APPROACH AS A CONDITION OF EXTREMISM PREVENTION

A. Martynova

Abstract. The author touches upon the issue of a new approach to moral and patriotic education of preschool children in the field of the prevention of terrorism in the project activity on the example of two kindergartens of different regions of Russia. The author discloses methods of community educational opportunities for initiation of children to basic national values and the values of national culture. The author also clarifies the content and essence of the concept of “moral and patriotic education” and presents the performance characteristics of mastering the patriotic values by children of preschool age.

Keywords: new forms, project work, patriotic education, prevention of extremism, moral education of preschool children.

Международное сообщество сегодня несет коллективную ответственность за то, чтобы каждый ребенок в мире имел возможность учиться. «Образование – самый эффективный инструмент борьбы с глобальными угрозами. Нет более мощной силы против воинствующего экстремизма, чем девочка с книжкой...», – сказал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, выступая 7 июля 2015 г. в Осло на Саммите по образованию и развитию, он подчеркнул, что образование – это мощный двигатель устойчивого развития, что именно оно должно привести к обеспечению достойной жизни для всех людей на земле. По данным ЮНЕСКО, в мире примерно 58 миллионов детей в мире остаются вне стен школы, около 100 миллионов детей лишены возможности получения законченного начального образования и 781 миллион взрослых не умеют читать и писать.

Экстремизм – явление сложное и многогранное, которое берет свое начало еще с середины XIX в. Наибольший пик развития экстремизма приходится на этапы развития стран, характеризующиеся политической нестабильностью. Экстремизм, как показывает практика, за достаточно короткий срок

превратился в одну из глобальных проблем современности. Экстремизм как явление связан не только с политикой, он распространяется на все виды человеческой деятельности.

В разных странах и в разные времена было дано много различных научных определений понятию «экстремизм». Например, доктор Питер Т. Коулман и доктор Андреа Бартоли в своей работе «*Addressing Extremism*» раскрывают это понятие как сложное явление, сложность которого часто бывает трудно увидеть и понять. Они определяют понятие экстремизма как действия (убеждения, отношение к чему-то, чувства, действия, стратегии) личности, далёкие от обычных общепринятых [1].

Резолюция 1344 (2003 г.) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» содержит следующее определение: «экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости,

отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра-национализма».

В России юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Экстремистская нетерпимость отрицает этническое и религиозное многообразие, составляющее важнейший фактор исторического развития России, подрывает принципы демократии, ведет к нарушению прав человека, угрожает стабильному сосуществованию народностей и социальных групп в российском обществе, препятствует достижению гражданского согласия [16].

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств мира. На ее территории проживают представители 193 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан). Многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации [14].

Достаточно много преступлений экстремистской направленности совершается несовершеннолетними. В молодежной среде, под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов, легче формируются радикальные взгляды и убеждения. Одной из главных причин того, что ребята дают себя обмануть и вовлечь в террористическую деятельность, является низкий уровень их образования. При этом те, кто вербует, являются психологами – они выбирают слабохарактерного человека, которого легко обратить в свою веру. Экстремизм проявляется чаще в тех обществах и группах, в которых наблюдается низкий уровень самоуважения личности, комплекс социальных проблем, включающий в себя проблемы уровня и качества образования, социального неравенства; низкий уровень развития национальной культуры или разорванности культуры – деформированной,

не представляющей собой единое целое достижение [3].

Поэтому государство с каждым годом предъявляет все большие требования к образовательным структурам общества в воспитании подрастающего поколения, как одного из факторов единения нации, по развитию патриотического сознания и морально-нравственного облика молодежи, полностью исключая саму возможность развития экстремистских взглядов. На всех этапах образования представляется целесообразным усилить профилактическую работу среди подрастающего поколения путем проведения мер воспитательно-образовательного характера и внедрения системы идейных проектов. Такой системой проектов в пределах своей компетенции в приоритетном порядке могут и должны стать институты гражданского общества, научного и бизнес-сообщества, образовательные учреждения различных уровней и средства массовой информации [16, ст.5]. В современных условиях глобализации, интеграции языков и культур, мировых военных действий организация патриотического воспитания на ранних этапах детства встает на первую ступень государственной значимости.

Многие ученые, проводившие исследования аксиологических основ российского патриотизма, вынуждены констатировать тот факт, что в последние десятилетия ценностный багаж молодежи претерпел серьезные изменения как по своему содержанию (обеднение правовых, нравственных, социальных ориентиров), так и по форме проявления – на первый план вышли индивидуалистические и материальные ценности [12, с.115].

Поэтому уже с детского сада детям необходимо прививать основы толерантности, уважение прав и свобод человека, любовь к Родине. Во-первых, потому что у подрастающих поколений нет единого для всех образца «гражданина России». Во-вторых, у самих граждан появилось желание сделать что-то полезное для формирования у детей основ нравственности и духовности: проводятся фестивали художественного творчества, конкурсы и выставки; используется потенциал центров традиционной народной культуры, театров, библиотек и музеев для совместной проектной деятельности.

В концепции Государственной целевой программы развития образования на 2016 –

2020 годы (от 29 декабря 2014 г. № 2765-р, г. Москва) предусматривается обновление содержания образования: реализация инновационных технологий проектного обучения, создание новых моделей, развитие и совершенствование существующих моделей, механизмов, образовательных программ, технических средств и технологий в области образования и молодежной политики.

Сегодня в полной мере можно говорить о наличии социального заказа на воспитание высоконравственной, образованной, предприимчивой личности, готовой к сотрудничеству и межкультурному взаимодействию, обладающей активной гражданской позицией и чувством патриотизма по отношению к своему государству. Одной из основных задач ФГОС ДО является объединение обучения и воспитания в целостный образовательный процесс на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей; принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества. Нравственно-патриотическое воспитание – одно из важнейших звеньев всей системы воспитательной работы и требуют от педагога профессиональной компетентности [11]. Именно педагоги организуют процесс формирования гражданских и патриотических чувств через взаимодействие с детьми и их родителями. Ребенку необходимо с рождения объяснять, что такое хорошо и что такое плохо, сосредотачиваться на определенном наборе базовых ценностей, касающихся семьи, детей и Родины.

Патриотизм – важнейшее нравственное качество. Кто же такой «патриот» и что такое «патриотизм»? Толковые словари по-разному трактуют данный вопрос. Философский словарь показывает, что «патриотизм» – это нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины [10].

В словаре Т.Ф. Ефремовой «патриотизм» – это любовь к своему Отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины [7]. В толковом словаре В.И. Даля понятие «патриот» – это любитель Отечества, <...> отчизнолюб, отечественник или отчизник, а «патриотизм» – это любовь к Отчизне [5].

Все эти определения объединяет главная и общая позиция, что патриотизм –

высоконравственное и духовное достояние личности, выражающееся в любви, преданности, уважению к своей Отчизне, своей Родине, своему народу с его традициями и своей семье.

В разное время проблеме патриотизма и воспитанию личности подрастающего поколения уделяли внимание выдающиеся педагоги и общественные деятели прошлого: К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, Я.А. Коменский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский. Они указывали на необходимость воспитания сознательных граждан, способных отстаивать интересы государства и любящих своё Отечество.

К.Д. Ушинский очень мудро подметил, что у каждого народа свои сказки, которые передают от поколения к поколению основные нравственные ценности: добро, дружбу, взаимопомощь, трудолюбие. Он подчеркивал, что это первые и блестящие попытки воспитания в русской народной педагогике, и они не будут бессильными, если они будут народными. Именно он ввел в русскую педагогическую литературу термин «народная педагогика», видя в фольклорных произведениях национальную самобытность народа, богатый материал для воспитания любви к Родине [15, с.261].

В.В. Сухомлинский утверждал, что детство – это каждодневное открытие мира и поэтому надо сделать так, чтобы оно стало, прежде всего, познанием человека и Отечества, их красоты и величия. Он считал, что формирование любви к Родине нужно начинать с раннего детства: с картинки в букваре, с песни мамы. Очень важно с малых лет воспитывать чувства ребенка, учить его соотносить собственные желания с интересами других. Нельзя пробудить чувство Родины без восприятия и переживания окружающего мира, без воспоминаний о маленьком уголке далекого детства [13, с.245].

Сегодня очень современно звучат слова Н.А. Добролюбова о том, что разумное воспитание требует, чтобы уже в самом раннем возрасте, еще прежде, чем дети станут хорошо сознавать себя, внушалось им стремление ко всему доброму, истинному, прекрасному и благородному. Тогда они будут исполнять свой долг как образованные люди, по собственному убеждению, по любви, по свободному расположению. Ранние привычки смогут служить основанием, на котором держится жизненное знание нравственности и благородства, они как бы инстинктивно должны формироваться в младшем возрасте

ребенка и приучать его к нравственной жизни [6].

Образование должно идти в ногу со временем. Новые подходы к организации патриотического воспитания подрастающего поколения продиктованы актуальностью выполнения поставленных перед всеми ступенями образования задач. Отечественные и зарубежные психологи (А.В. Запорожец, А.Н. Монтоев, М. Дьяченко, Н.Н. Поддъяков) отмечают, что ребёнка воспитывает та деятельность, которая доставляет ему радость, но самостоятельно организовать такую деятельность ребёнок не может. Это должен сделать взрослый, используя современные гуманитарные технологии, одной из которых является проектная технология, ориентированная на отношения «ребёнок – взрослый», и построенная на соучастии в деятельности. Использование проектных технологий позволяет развивать у ребенка поисковое поведение, сотрудничество, созидание, диалог, дружбу, толерантность и т. д. Актуальность проектной деятельности подтверждается в научных статьях современных ученых. Так, В.Ф. Шкель утверждает, что метод проектов очень эффективен, он даёт ребёнку возможность экспериментировать, развивать творческие способности и коммуникативные навыки, что позволяет ему успешно адаптироваться в изменившейся ситуации [9].

Воспитательный эффект перехода менталитета населения к законопослушному поведению, толерантности является достаточно длительным и может быть лишь результатом постоянной и планомерной работы всех государственных структур. Начинать эту работу нужно с детского сада, так как период младшего дошкольного возраста, по своим психологическим характеристикам, наиболее благоприятен для восприятия нравственности и красоты окружающего мира, языка культуры своего народа [11].

Маленький ребёнок всегда отвечает доверием взрослому, ему свойственно подражательное поведение, эмоциональная отзывчивость, искренность чувств, вера в безусловность и постоянно растущий интерес. Полученные в детстве знания, пережитые глубокие эмоции и яркие впечатления детства остаются с человеком на всю жизнь [18].

Автором статьи, совместно с педагогами подготовительной к школе группы детского сада Центрального административного округа города Москвы, была проведена беседа с

воспитанниками ДОУ о заслугах и достижениях старшего поколения, родных и близких, об истории России, ее достопримечательностях и знаменательных датах, а также анкетирование родителей воспитанников по данной тематике. Беседа показала, что дети, начиная уже с дошкольного возраста, испытывают дефицит знаний в этой области: 8% детей – высокий уровень, 65% дошкольников – средний уровень, у 27% детей отмечается низкий уровень знаний. Слабо развит у старших дошкольников интерес к особенностям национальных и региональных традиций; утрачена историческая преемственность поколений. По результатам анкетирования было выявлено, что 62% родителей не имеют возможности посещать культурные учреждения города из-за высокой занятости; 25% родителей затрудняются в знании истории города, края; 13% родителей не знают историю города и края, так как являются приезжими гражданами. В опросе участвовали две подготовительные к школе группы и родители воспитанников – всего 134 человека.

Проведенный анализ опроса родителей воспитанников, уровня образовательной деятельности и теоретический анализ литературы на предмет имеющихся в детском саду комплексных педагогических условий для духовного и патриотического воспитания детей показал ряд противоречий: 1) между необходимостью формирования нравственно-патриотических качеств дошкольников и недостаточной организацией социально-значимой образовательной среды детского сада; 2) между проявляющимся интересом старших дошкольников к народной культуре, к ее традициям, к путешествиям в разные города и страны, к поиску неизведанного и загадочного во вселенной и ограниченной насыщенностью тематического пространства рекреаций ДОУ; 3) между необходимостью вовлечения дошкольников в проектную деятельность и устаревшими, однообразными видами развивающих технологий.

Для решения поставленных задач и выявленных противоречий старшим воспитателем детского сада Центрального административного округа города Москвы, при поддержке городского методического центра была разработана и апробирована структурированная система проектной деятельности «Содружество» по формированию нравственных и социальных ориентиров дошкольников.

Новизна проектного опыта заключается в использовании инновационных педагогических технологий на основе требований ФГОС, когда сочетаются возможности педагогического процесса и социально-значимые проекты, коммуникативные технологии и тесное сотрудничество педагогов, родителей и детей. Поэтапная реализация блоков системы проектной деятельности рассчитана на три-четыре года и является законченным циклом методики воспитания нравственно-патриотических качеств дошкольников как профилактики экстремизма в России на уровне дошкольного образования.

На первом этапе системы проектной деятельности «Содружество» в соответствии с разработанными заранее эскизами в ДОУ было организовано в каждой возрастной группе, на специально выделенной территории спальной комнаты, индивидуальное эксклюзивное развивающее пространство (с учетом психологических особенностей детей). Особенностью организации данного образовательного пространства является его доступность в любое время дня, что позволяет организовывать индивидуальную работу с детьми, проводить практические занятия специалистов, экспериментировать в различных видах творческой деятельности с привлечением родителей воспитанников как художников-декораторов или создателей эксклюзивного уголка.

Например, для воспитания у ребенка любви к родной семье, близким людям, своему дому, формирования бережного и заботливого отношения к природе и всему живому, в группе детей трех-четырех лет используется оборудованный мини-театр «Сказка» в трехмерном исполнении. Правильно подобранные программные занятия в процессе образовательной и досуговой деятельности позволяют маленьким детям знакомиться и восхищаться различными жанрами народного художественного творчества, видеть и познавать окружающий мир в доброй сказке-спектакле, слушать и изучать фольклорные традиции нашего народа.

В группе детей среднего возраста (четырёх-пяти лет), стимулируя интерес к государственной символике, родному краю, своей земле и ее обитателям, в групповом пространстве работает большой интерактивный корабль. В виде занимательных путешествий фрегат позволяет «отправляться» в путешествия по разным странам и континентам, узнавать о других

народах и народностях, «заплывать» в любой уголок нашей страны, знакомиться с достопримечательностями нашей Родины, с истоками ее культуры, народными традициями и творчеством.

В группе детей старшего возраста (пять-шесть лет) для формирования толерантности, чувства уважения и симпатии к другим людям, народам, их особенностям, традициям создан прообраз деревенской избы с настоящими старинными атрибутами и музейными реликвиями: прялкой, лаптями, плетеными корзинами, сундуком, печью, чугунной посудой и многим другим. Особое внимание в интерьере избы уделяется коллекциям рукотворных кукол и игрушек, истории их возникновения. Совместно с родителями и педагогами в процессе занятий дети участвуют в русских народных обрядах, изготавливают тряпичных кукол, бережно передавая тепло своей души и своих рук каждой игрушке, что позволяет самим почувствовать атмосферу теплой доброй русской избы с ее многовековыми уникальными традициями.

В подготовительной к школе группе (шесть-семь лет) для воспитания нравственно-эстетических и моральных норм поведения ребенка с целью развития чувства ответственности и гордости за достижения России основан мини-планетарий. Объемное пространство мини-планетария развивает способность у детей ставить проблемы и находить их решение, обретать не только естественные и научные знания, но и умения проектировать космические корабли и космические станции, гордиться новыми открытиями во Вселенной.

Учитывая, что немаловажная роль в процессе формирования всесторонне развитой, гармоничной, духовной личности отводится эстетическому воспитанию, в частности, декоративно-прикладному искусству, потенциал создания второго блока системы проектной деятельности «Содружество» был направлен на организацию интерактивного образовательного пространства в свободных рекреациях ДОУ.

Учитывая, что образный язык декоративно-прикладного искусства наиболее близок детскому мышлению и эмоционально-чувственной сфере ребенка, в развивающих рекреациях второго блока проектной деятельности проводятся тематические занятия с элементами продуктивной деятельности по изготовлению макетов, рисованию атрибутов, проектированию объектов, конструированию предметов.

Благодаря свободной территориальной доступности рекреаций, такие занятия сопровождаются не только наглядными материалами, художественной литературой, иллюстрациями или плакатами, но и объемными атрибутами-орудиями труда, быта и национальными костюмами.

На третьем этапе, завершающем систему проектной деятельности «Содружество», была разработана абсолютно новая социально значимая самостоятельная модель виртуального взаимодействия двух детских дошкольных учреждений разных регионов России: детского сада города Москвы и детского сада города Находка Приморского края (разница во времени с Москвой восемь часов). Тематика и содержание третьей ступени проекта «Содружества» как итога проведенной работы рассчитаны только на детей старшего дошкольного возраста.

Доминирующие методы (игровые, творческие, познавательные), составляющие основу проекта, должны быть яркими, образными, запоминающимися, поэтому содружество детских садов разных регионов России было построено на основе личного проявления любви каждого ребенка к родному городу, особенностям его истории, истокам и традициям в видеотрансляции детям другого региона России. Первоначальный обмен видеописьмами дружественных детских садов города Москвы и города Находки в стиле экскурсии по достопримечательностям своего детского сада познакомили детей друг с другом, с традициями родного края.

Учитывая важность тактильной памяти детей-дошкольников, между двумя детскими садами состоялась передача творческих посылок: с поделками детей и их родителей; с историческими книгами о наших городах и их достопримечательностями; с уникальным видеописьмом о дружбе, о гордости за родной город с его славной историей, сделанным самими дошкольниками далеких субъектов

Российской Федерации.

Понимая важность обмена знаниями в форме диалога, учитывая живой познавательный интерес каждого ребенка к своей семье, дому, улице, на которой он проживает, городу, где родился, между двумя содружественными детскими садами был организован видеомост в режиме реального времени с использованием современных компьютерных технологий. Когда содружество принимает открытую форму общения, когда дети задают любые вопросы друг другу и тут же получают на них ответы; и все это транслируется в режиме реального времени на большом экране «глаза в глаза», тогда это сопровождается искренним восхищением, радостью и закрепляется внутренним сближением далеких друг от друга и разных по традициям детских садов с их художественной литературой, классической музыкой, изобразительной деятельностью. Дети хотят знать не только свою историю и традиции своего города, они стремятся познавать весь мир, в котором живут, проявляют интерес ко всему окружающему (природному и социальному) под названием Родная Земля.

Система проектной деятельности «Содружество» имеет положительный воспитательный и познавательный результат, формирует картину человеческого мира, при опоре на которую у дошкольника все известные образы и понятия объединяются в единый глобальный образ. Такое содружество дает возможность дошкольникам обдуманно ставить акценты не только на общепринятом бережном отношении к памятникам архитектуры, но и научиться ценить свой собственный дом, двор, улицу, район, свою малую Родину, потому что любовь к Родине начинается с проявления себя в этом мире.

Литература:

1. Coleman Peter T.; Bartoli Andrea. Addressing Extremism. The International Center for Cooperation and Conflict Resolution (ICCCR), Teachers College, Columbia University // The Institute for Conflict Analysis and Resolution (ICAR), George Mason University).
2. Бородина Е.Н. Модель нравственно-патриотического развития детей старшего дошкольного возраста в условиях дошкольной образовательной организации [Электронный ресурс] / Е.Н. Бородина // Современные проблемы

- науки и образования. – 2015. – № 3. – Режим доступа: www.science-education.ru/123-20011.
3. Быков А.К. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации: на стыке двух государственных программ / А.К. Быков // Педагогика. – 2011. – № 1.
4. Гаранина Н.К. Роль семьи в приобщении дошкольников к народной культуре / Н.К. Гаранина // Управление дошкольным образовательным учреждением: научно-практический журнал. – 2014. – № 8. – С. 110-115.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – СПб. – С. 1863-1866.
6. Добролюбов Н.А. По поводу педагогической деятельности Пирогова. О значении авторитета в воспитании / Н.А. Добролюбов. – СПб.: [б.и.], 1918. – 33 с.
7. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь / Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000.
8. Иваниченко И.Н. Национальное воспитание по И.А. Ильину / И.Н. Иваниченко // Педагогика. – 2008. – № 8.
9. Ильина О., Шкель В.Ф. Управление проектами: ориентация на устойчивое развитие / О. Ильина, В.Ф. Шкель // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 1. – С. 106-109.
10. Ильичёв Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалёв С.М., Панов В.Г. Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 840.
11. Лыкова И.А. Ребёнок и культура: смысловое общение на языке художественных образов, знаков и символов [Электронный ресурс] / И.А. Лыкова // Электронный научный журнал «Педагогика искусства» <http://www.art-education.ru/AE-magazine>. – 2013. – № 2, 1 п.л. – Режим доступа: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/rebyonok-i-kultura-smyslovoe-obshchenie-na-yazyke-hudozhestvennyh-obrazov-znakov>
12. Савотина Н.А. Научное осмысление Российского патриотизма / Н.А. Савотина // Педагогика. – 2011. – № 1.
13. Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека / В.А. Сухомлинский // Педагогическое наследие; сост. О.В. Сухомлинская. – М.: Педагогика, 1990. – 288 с.
14. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] / Система ГАРАНТ. – Москва, Кремль, 19 декабря 2012 г., № 1666. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810/#friends#ixzz3yVzbsV3T>
15. Ушинский К.Д. Избранные труды: в 4 кн. / К.Д. Ушинский. – М., 2005. – Кн. 4.
16. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ [ред. от 29.04.2008] «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – № 138-139 от 30.07.2002.
17. Хайнц Р., Бюринг О. Молодежь в центре внимания / Р. Хайнц, О. Бюринг // Борьба с насильственным экстремизмом. – Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла. – Т. 4. – № 1. – С. 29–33.
18. Школяр Л.В., Савенкова Л.Г. Преемственность эстетического воспитания дошкольников и младших школьников [Электронный ресурс] / Л.В. Школяр, Л.Г. Савенкова // Электронный научный журнал «Педагогика искусства» <http://www.art-education.ru/AE-magazine>. – 2013. – № 2, 1 п.л. – Режим доступа: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/preemstvennost-esteticheskogo-vospitaniya-doshkolnikov-i-mladshih-shkolnikov>

Сведения об авторе:

Мартынова Алия Ирфановна (г. Москва, Россия), старший воспитатель государственного бюджетного образовательного учреждения города Москвы детский сад, Центральный административный округ, высшая квалификационная категория, e-mail: mai70alia@mail.ru

Data about the author:

A. Martynova (Moscow, Russia) senior tutor of the highest qualification category at the kindergarten of Moscow, Central Administrative District, e-mail: mai70alia@mail.ru

УДК 378.048.2

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ИЗУЧАЮЩИХ МУСУЛЬМАНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Р.Л. Саяхов

Аннотация. Накопленный опыт классических наук оказывается недостаточным для решения отдельных возникающих проблем, особенно в сфере этноконфессиональных взаимоотношений. Это обуславливает необходимость научного изучения религиозных первоисточников. Являясь ценным культурным наследием человечества, они содержат богатые потенциалы для расширения перспектив развития общечеловеческого знания. Однако специфичность подобных источников затрудняет научные исследования и ведет к необходимости разработки новых методологических решений. В статье обобщен опыт изучения потенциала мусульманских религиозных первоисточников в педагогической науке за последние двадцать лет.

Ключевые слова: мусульманские религиозные первоисточники, Коран, хадисы, корановедение, хадисоведение, алгоритм исследования первоисточников, педагогические исследования.

PECULIARITIES OF TEACHING THE THEORETICAL STUDIES INVESTIGATING MUSLIM RELIGIOUS PRIMARY SOURCES

R. Sayakhov

Abstract. The experience of classical science is insufficient to solve specific problems encountered, particularly in the field of ethno-confessional relations. This necessitates the scientific study of religious primary sources. As a valuable cultural heritage of humanity, they provide rich potential for the expansion of the development prospects of human knowledge. However, the specificity of these sources makes it difficult to research and leads to the need of development of new methodological solutions. The article summarizes the experience of exploring the potential of Muslim religious primary sources in teaching science in the last twenty years.

Keywords: Muslim religious primary sources, Quran, Hadith, study of Quran, Hadith, Quran studies, hadith studies, algorithm of the research of sources, pedagogical research.

Современные мировые процессы объективно порождают множество новых проблем. Одной из них является вопрос взаимопонимания и мирного взаимодействия представителей различных этноконфессиональных сообществ [3]. Когда подходы и накопленный потенциал классических наук оказывается недостаточным [4], исследователи ищут новые, альтернативные источники и пути, среди которых и обращение к опыту мировых религий. Последнее обуславливает необходимость научного исследования религиозных первоисточников. Вместе с тем поскольку столь специфичные материалы не отвечают отдельным критериям научности, их изучение сталкивается сегодня с рядом затруднений. В статье приведены некоторые обобщения относительно степени разработанности потенциала мусульманских религиозных первоисточников в педагогической науке, отмечены ключевые особенности их исследования и дан оригинальный алгоритм для работы с ними. Считаю, что подобного рода рекомендации

будут способствовать формированию новых методологических возможностей [5] при изучении и использовании столь специфичных с точки зрения науки источников.

Мусульманскими религиозными первоисточниками являются священный текст – Коран, а также своды особых преданий – хадисы (сунна). Они выступают первоисточниками в том смысле, что именно из них черпают сведения по ключевым вопросам мировоззрения, практике поклонения, правовым вопросам, по вопросам нравственного и этического характера. О месте и соотношении Корана и хадисов (суннов) российский востоковед Д.В. Фролов отмечает, что Коран для мусульманской общины есть источник всякого знания, а сунна – это разъяснение Корана [11].

Известный британский востоковед-арабист Уильям Монтгомери Уотт (1909 – 2006 гг.) сказал, что «в этом странном мире, мире конца XX века <...> все острее ощущается потребность в изучении Корана, в том числе и новыми научными методами; эта работа может быть проделана как мусульманами, так и

приверженцами других религий» [6].

Для ведения исследований, претендующих на адекватное понимание, анализ и выводы, необходима осведомленность об особенностях их научного изучения. Эти особенности, прежде всего, заключены в необходимости работы с первоисточниками посредством особых разделов знаний, именуемых корановедением (коранистикой) и хадисоведением.

Среди специалистов, оставивших значительный вклад в развитии западного корановедения, упоминают известных востоковедов Фридриха Швалли (1863 – 1919 гг.), Г. Бергштрассера, Теодора Нельдеке (1836 – 1930 гг.), Отто Претцеля (ум. 1941 г.), Артура Джеффри (ум. 1959 г.), Ричарда Белла (1876 – 1952), Джона Эдварда Уонсбро (1928 – 2002 гг.), Уильяма Монтгомери Уотта (1909 – 2006 гг.). В становление отечественной школы корановедения внесли свой вклад советские востоковеды А.Е. Крымский (1871 – 1942 гг.), И.Ю. Крачковский (1883 – 1951 гг.), Б.Я. Шидфар (1928 – 1993 гг.), А.А. Долинина (1923 г.р.), О.Б. Фролова (1926 г.р.). В постсоветский период российское корановедение развивается трудами видных арабистов М.Б. Пиотровского, В.Д. Ушакова, Е.А. Резвана, А.Р. Гайнутдиновой, М.Ф. Муртазина [15] и др.

Под корановедением понимают комплекс знаний, помогающих понимать Коран, раскрывая его слова и смыслы. По мнению современных востоковедов (Д.В. Фролов, М.С. Мейер, Г.М. Габучан, А.Б. Куделин), ключевой фигурой корановедческих исследований являлся египетский ученый-энциклопедист Джалал ал-Дин ал-Суйути (1445 – 1505 гг.), которого Е.А. Резван назвал выдающимся экзегетом мусульманского средневековья [12]. Его фундаментальный труд «Совершенство в коранических науках» представляет по выражению Д.В. Фролова своего рода подведение итогов всего классического периода развития классического мусульманского корановедения в течение восьми веков (VII – XV вв.). Данный труд является одним из самых авторитетных для мусульманской традиции трактатов по корановедению [9], без знания которого невозможно глубоко изучить смысл и историю Писания ислама [10]. Согласно этому труду классическое корановедение включает в себя учение о толковании Корана – экзегетику, учение о его ниспослании, учение о его своде, учение о понимании его смыслов, учение о его

неподрожимости и достоинствах.

Что касается учения о толковании Корана, то, по мнению востоковедов, «пока наша читательская аудитория знает о мусульманской экзегетике намного меньше, чем об экзегетической составляющей иудаизма и христианства» [9, с.8]. Вместе с тем, современный исследователь должен быть осведомлен хотя бы о ключевых ее составляющих.

Что касается правил толкования, то в самом общем виде они заключены в следующем. Сначала толкование ищется в самом Коране, ведь изложенное в одном месте писания сжато может быть растолковано в другом месте более развернуто. Когда исследователь исчерпает этот метод, он обращается к сунне (сводам хадисов), которая разъясняет и проясняет Коран. Если комментатор-толкователь не находит ответа и в сунне, он обращается к высказываниям сподвижников Пророка, которые были более всех после Пророка сведущи в толковании, поскольку знали ситуации и обстоятельства, в которых ниспосылался Коран [9, с.60].

Относительно ниспослания Корана исследователи должны быть осведомлены, что оно осуществлялось последовательно в течение двадцати трех лет пророчества (610 или 612 – 632 гг.). Особенностью процесса откровения является его соотнесенность с обстоятельствами пророческой миссии. Как пишет Д.В. Фролов, «отдельные фрагменты – единичные айаты, группы айатов, части сур или даже целые суры часто ниспосылались в связи с каким-то событием в истории ислама, обстоятельством жизни Пророка ислама, в ответ на сомнения, вопросы обратившихся в ислам, на вопросы или полемические возражения оппонентов ислама из числа язычников или «людей писания»: иудеев и христиан» [10, с.10]. В связи с этим невозможно толковать айат, не узнав связанной с ним истории и не выяснив о его ниспослании.

Весьма важным обстоятельством рассмотрения группы айатов, посвященных одной теме, является необходимость учета хронологии их ниспослания. Это позволяет установить временное соотношение между разными суждениями по одной и той же теме, что встречается в Коране неоднократно. Такая ситуация разрешается согласно принципу «последнее слово – верное» и связывается со специфическим учением об «отмене», когда более поздняя версия «отменяет» все, что не соответствует ей в ранних версиях.

Хронология и связанная с ней периодизация коранического текста сопряжена с понятиями «мединский» и «мекканский» период.

Осведомленность о своде Корана подразумевает знакомство с историей его письменной комплектации, с его структурой и композицией, а также со сложением традиции канонических чтений Корана [10]. Данный раздел корановедческих знаний, кроме перечисленных выше, связан с рассмотрением вопросов об именах Корана и сур; о порядке сур; о количестве сур, аятов, слов и харфов в Коране; о хранителях и передатчиках; о зачинах и концовках сур; о соответствиях в аятах; о неочевидных (неоднозначных) аятах.

В учение о понимании смыслов Корана входит знание так называемых бесспорных и неочевидных мест в Коране, а также знакомство с указателями к кораническому тексту, «позволяющими точно установить, кто или что имеется в виду в том или ином аяте, или к кому он обращен» [10, с.14].

Раздел о неподражаемости и достоинствах Корана чрезвычайно важен и, как отмечает Д.В. Фролов, недостаточно изучен в европейском корановедении [11]. Специалисты отмечают, что неподражаемость Корана коренится, прежде всего, в его языке и стиле. Как замечает Е.А. Резван, «язык Корана уникален, в ряде позиций он принципиально несопоставим с абсолютным большинством современных ему языковых материалов, которые дошли до нас» [12]. В этой связи для исследователя совершенно необходима осведомленность о формах коранического стиля, среди которых – притчи, клятвы, логическая аргументация.

Учение о достоинствах Корана, как пишет Д.В. Фролов, – «не менее важная часть мусульманской корановедческой науки, чем учение о его неподражаемости» [11, с.12]. Данный вопрос, прежде всего, связан с проблемой возможности превосходства одних структурных частей Корана (суры или аяты) перед другими.

В дополнение к приведенным выше разделам знаний, необходимым исследователю для работы с Кораном, нужно отметить еще одно обстоятельство, естественным образом осложняющее работу со столь специфичным первоисточником. Это проблема языка и, соответственно, проблема перевода на русский язык. Данная проблема связана не только со знанием арабского языка Корана, но и со знанием специфики арабской культуры времен ниспослания. Как отмечает У.М. Уотт,

будущность Корана арабским подразумевает, не только то, что он ниспослан на арабском языке, но и то, что в нем представлены понятия, близкие арабам» [6, с.212], того времени в частности.

Исследователи отмечают, что на сегодняшний день существует 18 полных и более 10 фрагментарных переводов Корана на русский язык [15].

Относительно переводов Корана на русский язык мы согласны с позицией Э.Р. Кулиева. Ни один из переводов не в состоянии полноценно передать содержание и смыслы религиозных откровений вообще и Корана в частности. Данный источник специфичен, содержит множество иносказательных значений, не имеет единой сюжетной линии (за редким исключением), множество фрагментов связаны с конкретными обстоятельствами их ниспослания. Эти обстоятельства затрудняют знакомство и работу со Священным Писанием ислама, поскольку предполагают, как пишет М.Б. Пиотровский, «наличие у слушателей и читателей некоторого предварительного знания предмета».

Таким образом, мы считаем, что вести первоначальное знакомство с содержанием Корана возможно посредством прямых его переводов. Однако анализировать текст и осуществлять научные изыскания (как в подлиннике, так и в переводе) возможно лишь посредством знакомства с его толкованиями.

Хадисоведением называют науку, которая занимается исследованием содержания хадисов, а также определением степени достоверности хадисов и их передатчиков. Хадисы представляют значительно большую по объему информацию, чем Коран. Очевидно, именно объем и разнородность второго по значимости мусульманского религиозного первоисточника и являются причиной его меньшей изученности со стороны западных и российских востоковедов. Среди западных востоковедов – исследователей хадисов XIX – XX веков упоминают венгерского исламоведа Игнаца Гольдциера (1850 – 1921 гг.) и немецкого арабиста и исламоведа Йозефа Шахта (1862 – 1969 гг.). Современными западными специалистами по хадисоведению считаются Джон Бёртон (Эдинбургский университет), Герберт Берг (Университет Северной Каролины Уилмингтон) и др. [7]. Малоизученность данной области у нас накладывает на отечественных исследователей, занимающихся анализом мусульманских религиозных первоисточников,

особую ответственность и требует тщательной подготовки.

Наряду с термином «хадис», определение которого дано выше, используется термин «сунна». Их отличие состоит в том, что хадисом именуют сообщение как таковое, а сунной – правило (или свод правил), описанного в этом сообщении (или хадисах). Подлинность происхождения каждого хадиса в отдельности подтверждается перечнем имен передатчиков (от более позднего к более раннему), сообщавших информацию друг другу из поколения в поколение. Эта цепочка передатчиков называется иснад. Иснад берет начало от пророка ислама, его сподвижника или последователя и следует до ученых, составивших сборники хадисов. Основной частью хадиса является так называемый «матн». Он представляет собой непосредственную информацию о том, что говорил и совершал пророк.

По степени достоверности хадисы делят на «достоверные», «хорошие» и «слабые».

Знатоками хадисов были составлены шесть сводов, которые пользуются наибольшим авторитетом и приобрели известность в мусульманском мире. Приведем их перечень и краткие характеристики.

1) Сборник хадисов «Ал-Джами' ал-сахих» Мухаммада ибн Исма'ила ал-Бухари (810 – 870 гг.), известного как имам ал-Бухари. Данный сборник считается самым надежным источником, поскольку он содержит только достоверные хадисы. Данный сборник состоит из 7563 хадисов, некоторые из которых в той или иной форме повторяются (без повторов – 4000), объединенных в 97 глав – «книг».

2) Сборник хадисов «Ал-Джами' ал-сахих» Муслима ибн ал-Хаджжадж ал-Найсабури (821 – 875). Он считается вторым по надежности сборником хадисов. Он включает 12000 хадисов (без повторов – 3033), в то время как по Джону Бёртону – около 4000, объединенных в 54 главы – «книги».

Относительно них Джон Бёртон пишет: «за исключением Корана, ни одна другая книга на арабском языке не удостоивалась таких похвал, как эти два сборника».

3) Сборник хадисов «Сунан» Абу Дауда ал-Сиджистани (817 – 888 гг.). Он состоит из 5274 сообщений (по Джону Бёртону – около 4800), среди которых есть не только хадисы пророка ислама, но и высказывания сподвижников и их учеников. В данный сборник автор включил не только достоверные, но и «почти достоверные», а также слабые, объединенных в 36 глав –

«книг».

4) Сборник хадисов «Ал-Джами' ал-сахих» (известен как «Сунан») Мухаммада ибн 'Исы ал-Тирмизи (824 – 892 гг.), в который вошли 3956 хадисов, объединенных в 47 глав – «книг». В данный сборник вошли достоверные, хорошие, слабые и даже так называемые «не признаваемые» большинством специалистов по хадисам.

5) Сборник хадисов «Сунан» Ахмада ибн Шу'айба ал-Насаи (830 – 915 гг., у Бёртона: 829 – 915 гг.), содержащий 5758 хадисов, объединенных в 51 главу – «книгу». Этот свод считается самым достоверным после сборников ал-Бухари и Муслима.

6) Сборник хадисов «Сунан» Мухаммада ибн Йазида (824 – 887 гг.), известного как Ибн Маджа, содержащий 4341 хадис, объединенных в 37 глав – «книг», среди которых немало недостоверных. По своей надежности сборник Ибн Маджа не может сравниться с предыдущими, однако он приобрел большую популярность.

К сожалению, ни один из приведенных сборников до настоящего времени не был подвергнут полному переводу на русский язык отечественными востоковедами. Исключение могут составлять лишь фрагментарные переводы, выполненные в ходе каких-либо специализированных исследований, где отдельные хадисы используются в качестве обоснования определенных точек зрения.

Следует отметить, что, подобно Корану, при изучении хадисов необходимо учитывать обстоятельства запечатленных высказываний или событий, а также хронологию материала. Выделив несколько хадисов, объединенной одной тематикой, они должны сопоставляться по степени достоверности и рассматриваться в хронологической перспективе. Только в этом случае исследователь может претендовать на получение адекватных результатов.

Таким образом, с какой бы отраслью знания не было связано научное исследование мусульманских религиозных первоисточников, оно непременно должно опираться на осведомленность об особых правилах, изучаемых корановедением и хадисоведением, а алгоритм исследования может быть представлен следующим образом:

- 1) Формулировка проблемы исследования.
- 2) Постановка цели и задач исследования.
- 3) Изучение взглядов современных ученых на сформулированную проблему, в том числе и в свете исследования мусульманских религиозных источников.
- 4) Исследование содержания Корана и

определение фрагментов, которые имеют прямое или косвенное отношение к проблеме исследования.

5) Выстраивание выделенных фрагментов в соответствии с хронологией их ниспослания (насколько это возможно). Определение «исключающих» и «исключаемых» фрагментов.

6) Исследование выделенных фрагментов на предмет выяснения обстоятельств их ниспослания.

7) Работа с толкованиями (тафсирами) с целью определить все известные смыслы выделенных фрагментов.

8) Изучение всего комплекса выделенных коранических фрагментов с целью определить их общую логику по рассматриваемой проблеме. Возможно, выстроить логику формирования конечного суждения.

9) Исследование хадисов во всех шести классических источниках и отбор тех из них, которые имеют прямое или косвенное отношение к проблеме исследования.

10) Если возможно, то выстраивание отобранных хадисов в соответствии с их хронологией. Определение «исключающих» и «исключаемых» хадисов.

11) Исследование отобранных хадисов на предмет истории обстоятельств их появления и запечатления.

12) Исследование отобранных хадисов на степень их достоверности.

13) Рассмотрение классических комментариев к отобранным хадисам.

14) Изучение всего комплекса отобранных хадисов с целью определить их логику по рассматриваемой проблеме. Возможно, выстроить логику формирования конечного суждения.

15) Сопоставление логики коранических фрагментов с логикой отобранных хадисов по рассматриваемой проблеме.

16) Подведение итогов, выдача заключений.

Для исследования уровня изученности мусульманских религиозных первоисточников с точки зрения педагогической науки было рассмотрено более 1000 разнообразных научно-исследовательских (диссертационных) работ, так или иначе связанных с религиозной (мусульманской) тематикой. Анализу были подвергнуты диссертации, защищенные за последние 20 лет, которые прямо или косвенно связаны с мусульманскими религиозными первоисточниками. Педагогических исследований подобного плана оказалось совсем немного. Среди них были выделены

десять работ, являющихся, на наш взгляд, наиболее типичными:

1. Использование общечеловеческих ценностей Корана в формировании нравственной культуры студентов высшей технической школы [13].

2. Использование нравственного потенциала ислама в воспитании учащихся подросткового возраста [1].

3. Педагогические условия ответственности родителей за воспитание детей в исламе, созвучные современным нравственным нормам светского общества [19].

4. Педагогический потенциал ислама в светских образовательных практиках [14].

5. Использование духовно-нравственного потенциала монотеистических религий в профилактике девиантного поведения подростков [8].

6. Религиозно-культурологические традиции как средство нравственного воспитания младших школьников [20].

7. Формирование толерантности у будущих психологов в процессе изучения основ традиционных религий [16].

8. Воспитание духовной культуры старших школьников [18].

9. Формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций старшеклассников на основе этнокультурных традиций [2].

10. Национальные и общечеловеческие ценности и их роль в нравственном воспитании подрастающего поколения [17].

С целью выявить особенности исследования мусульманских религиозных первоисточников были изучены списки литературы и их основное содержание. Анализу было подвергнуто наличие в них ссылок как непосредственно на Коран и хадисы, так и на источники по корановедению и хадисоведению.

В работе Р.И. Зинуровой из 229 источников 69 связаны с исламской тематикой. В основном это взгляд на ислам с точки зрения этики, эстетики, культурологи, истории, арабистики, социологии. Непосредственно к мусульманским первоисточникам относятся 6 источников, лишь 2 из которых считаются известными – это переводы Корана И.Ю. Крачковского и В.М. Пороховой. Вместе с тем в списке литературы присутствуют 7 источников по коранистике. Это работы по таджвиду, научным знакам, неподражаемости, сказаниям, преданиям и притчам, по вопросам эстетики и проблеме русского перевода Корана. Данный перечень не охватывает весь

комплекс коранических проблем, но осведомленность автора с частью из них значительно укрепляет работу. Ссылки на хадисы незначительны, а работы по хадисоведению отсутствуют.

В работе А.И. Халил из 133 источников 40 связаны с исламской тематикой (этика, философия, социология). При этом автор использует только 2 перевода первоисточников, из которых лишь перевод Корана И.Ю. Крачковского можно отнести к фундаментальным научным работам. Вместе с тем автор приводит два источника, связанных с коранистикой. Ссылки на хадисы незначительны, а работы по хадисоведению отсутствуют.

В работе Ф.А. Ходжиевой из 188 источников 45 связаны с исламской тематикой (мусульманская педагогическая мысль), основная часть которых изданы не на русском языке. В списке литературы присутствует 1 перевод первоисточника.

Работа А.А. Койчueva основана на проработке 190 источников, 57 из которых связаны с исламской тематикой. Несмотря на прямую связь темы исследования с исламом (Педагогический потенциал ислама в светских образовательных практиках), в списке литературы присутствуют лишь два источника по хадисам неизвестных изданий. Две упомянутые в списке работы по корановедению не затрагивают ключевых проблем предмета. Сам Коран среди источников не приведен.

В списке литературы работы М.М. Гильманова приведено 290 источников, 22 из которых связаны с исламской тематикой (вопросы исламского права, нравственности, воспитания). Первоисточники приведены двумя переводами Корана – И.Ю. Крачковского и В.М. Пороховой.

Р.И. Шаяхметова использовала в своей работе 227 источников, 62 из которых связаны с исламской тематикой (история, философия, социология, экономика, педагогика, межконфессиональные отношения, обряды, корановедение). Мусульманские религиозные первоисточники представлены 5 книгами. Это переводы Корана И.Ю. Крачковского, В.М. Пороховой, Г.С. Саблукова, толкование Корана «ал-Мунтахаб», а также некоторыми хадисами.

Т.В. Кутурга использовала в своей работе 261 источник, 5 из которых связаны с исламской тематикой (сопоставительное религиоведение, исламоведение, исламское право). Ссылка на первоисточник лишь одна –

перевод Корана Г.С. Саблукова.

В работе Н.М. Романенко представлен список из 342 источников, 5 из которых связаны с исламской тематикой (жизнеописание пророка ислама, коранистика, исламоведение). Несмотря на то, что работа связана с воспитанием духовной культуры, в работе присутствует лишь одна ссылка на христианский религиозный первоисточник и ни одной ссылки на мусульманские религиозные первоисточники.

Н.Т. Абидова использовала в своей работе 242 источника. Несмотря на то, что работа посвящена формированию духовно-нравственных ценностных ориентаций, в ней присутствует лишь одна ссылка на мусульманские религиозные первоисточники – перевод Корана И.Ю. Крачковского.

А. Нуров использовал в своей работе 208 источников, 3 из которых связаны с исламской тематикой. Среди ссылок на мусульманские религиозные первоисточники – перевод Корана И.Ю. Крачковского и две некорректные ссылки на хадисы на иностранном языке.

Таким образом, количество современных научно-исследовательских работ по педагогике, изучающих мусульманскую культуру, весьма незначительно. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что подобные работы подразумевают проведение, наряду с педагогическими, еще и специализированных религиоведческих изысканий, что требует знания особых дисциплин – корановедения и хадисоведения.

Анализ списков литературы показал, что в указанных диссертационных исследованиях мусульманские религиозные первоисточники использованы весьма ограниченно (не более 2% от указанных источников). В основном это переводы Корана на русский язык (наиболее часто встречается перевод И.Ю. Крачковского). Среди ссылок на хадисы академические востоковедческие издания отсутствуют. Книги по хадисоведению не приведены, работы по корановедению весьма ограничены, разнородны и не отражают знания ключевых проблем предмета, позволяющих рассчитывать на обоснованность выводов. Работы современных западных и отечественных ученых-корановедов и хадисоведов практически не отражаются. Такие разделы корановедения, как правила чтения Корана, неподражаемость Корана (в работе Р.И. Зинуровой), научные знаки в Коране (в работе Р.И. Шаяхметовой), несомненно, входят в прикладные его разделы,

но их, с одной стороны, нельзя считать ключевыми, а с другой – достаточными для заявленной тематики.

Таким образом, в имеющихся исследованиях непосредственно мусульманские религиозные первоисточники рассмотрены весьма ограниченно и без учета особенностей их научного исследования. Об этом говорит, в частности, отсутствие либо ограниченность в перечне источников специализированной литературы по корановедению и хадисоведению. Ссылки на первоисточники представлены одиночными, вырванными из контекста фрагментами; делать всеобъемлющие выводы на базе которых не вполне корректно. Такие работы не

могут обеспечить полноту охвата рассматриваемых проблем в свете религиозных первоисточников.

Учитывая важность религиозного фактора и возрастающее внимание к исламской культуре, в том числе и с педагогических позиций, вполне очевидным представляется необходимость продолжать исследования заключенных в мусульманских религиозных первоисточниках потенциалов. Расширение педагогических изысканий с учетом особенностей данных источников, несомненно, послужит обогащению педагогических знаний и дальнейшему развитию педагогики.

Литература:

1. Абед Халил А.И. Использование нравственного потенциала ислама в воспитании учащихся подросткового возраста: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Ибрагим А. И. Абед Халил. – Казань. – 1996. – 196 с.
2. Абидова Н.Т. Формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций старшеклассников на основе этнокультурных традиций: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Абидова Нелля Тафаровна. – Владикавказ. – 2010. – 214 с.
3. Аминов Т.М., Аминова Л.Я. Мусульманское педагогическое образование в дореволюционной Башкирии / Т.М. Аминов, Л.Я. Аминова // Педагогика. – 2002. – № 1. – С. 89-93.
4. Аминов Т.М. Теоретические и методологические основы историко-педагогического исследования / Т.М. Аминов // Педагогический журнал Башкортостана. – 2007. – № 2. – С. 42-62.
5. Аминов Т.М. Развитие системы профессионального образования в Башкирии (начало XVII века – до 1917 года): дис. ... доктора пед. наук: 13.00.01 / Аминов Тахир Мажитович. – Уфа. – 2012. – 447 с.
6. Белл Р., Уотт У.М. Коранистика: введение: пер. с англ. / Р. Белл, У.М. Уотт. – СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2005. – 256 с.
7. Бёртон Дж. Мусульманское предание: введение в хадисоведение: пер. с англ. / Дж. Бёртон. – СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2006. – 304 с.
8. Гильманов М.М. Использование духовно-нравственного потенциала монотеистических религий в профилактике девиантного поведения подростков: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Гильманов Мухамат Мухаматюнович. – Казань. – 2004. – 192 с.
9. Джалал ад-Дин ас-Суйути. Совершенство в коранических науках / Джалал ад-Дин ас-Суйути // Учение о толковании Корана. – М.: ИД «Муравей», 2000. – Вып. 1. – 240 с.
10. Джалал ад-Дин ас-Суйути. Совершенство в коранических науках / Джалал ад-Дин ас-Суйути // Учение о ниспослании Корана. – М.: ИД «Муравей», 2001. – Вып. 2. – 272 с.
11. Джалал ад-Дин ас-Суйути. Совершенство в коранических науках / Джалал ад-Дин ас-Суйути // Учение о неподражаемости и достоинствах Корана; под общ. ред. Д.Ф. Фролова. – М.: Муравей, 2006. – Вып. 5. – 192 с.
12. Резван Е.А. Коран и его толкования: тексты, переводы, комментарии / Е.А. Резван // Серия «Культура и идеология мусульманского Востока», I. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. – 208 с.
13. Зинурова Р.И. Использование общечеловеческих ценностей Корана в формировании нравственной культуры студентов высшей технической школы: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Зинурова Раушания Ильшатовна. – Казань. – 1996. – 265 с.
14. Койчуев А.А. Педагогический потенциал ислама в светских образовательных практиках: дис. ... доктора пед. наук: 13.00.01 / Койчуев Айтек Алим-Джашарович. – Ставрополь. – 2008. – 326 с.
15. Кулиев Э.Р., Муртазин М.Ф. Корановедение: учебное пособие / Э.Р. Кулиев, М.Ф. Муртазин; под общей ред. М.Ф. Муртазина. – М.: Агентство печати «Столица», 2011. – 528 с.
16. Кутурга Т.В. Формирование толерантности у будущих психологов в процессе изучения основ традиционных религий: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Кутурга Татьяна Валерьяновна. – Чебоксары. – 2010. – 227 с.
17. Нуров А. Национальные и общечеловеческие ценности и их роль в нравственном воспитании подрастающего поколения: дис. ... доктора пед. наук: 13.00.01 / Нуров Абдулбоки. – Душанбе. – 2004. – 328 с.
18. Романенко Н.М. Воспитание духовной культуры старших школьников: дис. ... доктора пед. наук: 13.00.01 / Романенко Надежда Михайловна. – Москва. – 2003. – 337 с.

19. Ходжиева Ф.А. Педагогические условия ответственности родителей за воспитание детей в исламе, созвучные современным нравственным нормам светского общества: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Ходжиева Фируза Абдукодировна. – Душанбе. – 2009. – 169 с.

20. Шаяхметова Р.И. Религиозно-культурологические традиции как средство нравственного воспитания младших школьников: дис. ... канд пед. наук: 13.00.01 / Шаяхметова Роза Искандаровна. – Казань. – 2003. – 206 с.

Сведения об авторе:

Саяхов Руслан Линицевич (г. Уфа, Россия), аспирант кафедры педагогики Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа), заместитель председателя-муфтия по вопросам образования, внешних связей и связей с общественностью Централизованной религиозной организации Духовное управление мусульман Республики Башкортостан, e-mail: ruslan030271@hotmail.com

Data about the author:

R. Sayakhov (Ufa, Russia), postgraduate student at the Department of Pedagogy of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (Ufa), deputy mufti-chairman for the issues of education, external and public relations of the Central Spiritual Board of Muslims of the Republic of Bashkortostan, e-mail: ruslan030271@hotmail.com

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.6

АНАЛИЗ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПОДВЕРЖЕННОСТИ ВЛИЯНИЮ (ВЕРБОВКЕ) УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

И.Ш. Мухаметзянов, С.В. Хусаинова¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. В статье рассмотрены особенности проявления характеристик личности и свойств нервной системы у группы лиц (учащиеся), склонных к конформному поведению и (или) склонных к изменению своего мнения под влиянием других лиц. Представлены эмпирические данные исследования психофизиологических характеристик: свойства нервной системы, типы личности. Проанализированы результаты исследования личностных характеристик учащихся и особенностей, свойств их нервной системы, а также деятельностной тревожности в условиях ситуации изменения. Разработана анкета «Подверженность внешнему влиянию». Результаты анкетирования учащихся по подверженности внешнему влиянию рекомендуется использовать при анализе возможного воздействия на учащихся экстремистской идеологии.

Ключевые слова: психофизиологические характеристики, молодежь, деятельностная тревожность, тест, вербовка, влияние, антиэкстремизм.

THE ANALYSIS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DOMINANCE SUBMISSIVENESS (RECRUITMENT) OF THE STUDYING YOUTH

I. Mukhametzyanov, S. Khusainova

Abstract. In the article the emphasis lays on the features of manifestation of characteristics of the personality and properties of nervous system of group of persons (students), apt to conformal behavior or to the changing of the mind under the other persons' opinions. The empirical data of the study of psychophysiological characteristics such as the attributes of the nervous system and type of identity is presented. The results of personal characteristics of pupils and the features of nervous system and activity uneasiness under the changing situation are analyzed. The form "The susceptibility to the external influence" is developed. The results of questioning of students on the studying of susceptibility to external influence are to be used in the analysis of the possible influence of extremism ideology on the students.

Keywords: psychophysiological characteristics, youth, activity uneasiness, test, recruitment, influence, anti-extremis.

Наиболее важными демографическими характеристиками, связанными со вступлением в террористическую организацию, являются пол и возраст. Существует связь между этими факторами и людьми, приходящими в террористическую организацию. Большинство из них – молодежь (14 – 29 лет), в основном мужчины.

Это обусловлено возрастными особенностями, которые отличаются специфическими личностными характеристиками, привлекающими к себе как представителей преступного образа жизни, так и вербовщиков в террористические организации. Интерес к этой возрастной группе обусловлен повышением её уязвимости и неустойчивости к внешним манипулятивным воздействиям. Вербовщики используют особенности данного возраста, их контактность, склонность к героизации и приключениям, интерес к оружию и преодолению всевозможных преград.

Применительно к системе образования необходимо отметить, что низкий уровень образования является одним из значимых элементов в структуре провоцирующих экстремизм и терроризм причин и условий. Необразованный человек не получает культурно-образовательной «прививки» от пропаганды терроризма и становится к ней уязвим. В ситуации получения учащимися меньшего внимания и снижения воспитательных воздействий со стороны родителей, педагогов и государства происходит их дезориентировка в части идеологии и духовных ценностей. Эти факторы влияют на уязвимость современной молодежи к пропаганде терроризма.

Порождаемый терроризмом эффект распространяется с помощью механизмов психологического воздействия, в том числе и через СМИ. Главное средство терроризма – воздействие на чувства больших масс людей, устрашение населения, создание страха, утрата людьми таких базовых понятий, как «цель

жизни», «смысл жизни», «жизненные ценности».

Экстремисты и террористы действуют, используя информацию как оружие, и силовые меры, которые они применяют, не имеют столь достаточной силы и не являются приемлемыми, то есть в настоящее время назрела необходимость в развитии информационного антиэкстремизма [1]. Многие исследователи и эксперты, проводившие научный анализ терроризма, считают информационный экстремизм еще одним видом психологической войны. Ее основным атрибутом является информационно-психологическое воздействие, которое в условиях глобальной информатизации может повлиять на большую аудиторию без значительных финансовых вливаний. Относительно идеи «сражаясь за умы людей» создается определенное общественное мнение, которое можно контролировать в информационном пространстве [1].

Чтобы противодействовать информационно-психологическому воздействию, необходимо разрабатывать комплекс мероприятий, направленный на нейтрализацию пропагандистского и психологического воздействия, с целью достичь таким образом нравственной, моральной, психологической устойчивости, способности к сопротивлению. Вербовка – это один из способов привлечения людей к сомнительной, но хорошо оплачиваемой деятельности. Наша цель – не только определить учащихся, подверженных вербовке, но и показать особенности их личностных характеристик и слабые стороны их нервной системы.

Человека, обладающего способностями к противодействию информационно-психологическому воздействию, необходимо рассматривать как успешную личность с устойчивыми характеристиками свойств нервной системы. Действительно, сопоставление типологических различий по свойству силы у различных авторов [4] выявляет особенности проявления детерминант и индивидуальные особенности поведения в наиболее общих его проявлениях и чертах, которые связаны с регулирующей системой мозга.

Структуры, составляющие этот комплекс, В.Д. Небылицин [4] рассматривал как единую мозговую систему, выполняющую функции регуляции и управления всеми процессами, протекающими в организме: от низших биологических до самых высших психических, таких как потребности и мотивация, эмоции и темперамент, программирование движений и действий, интеллектуальное планирование и

оценка результатов. Важными являются связи свойств этой системы со многими общеличностными характеристиками – моторной активностью, интеллектуальной активностью и с особенностями установки личности. Интерпретация этих свойств как общих оправдана только тем значением, которое имеют образования регуляторной системы для психической жизни и поведения всего организма [4].

В лаборатории Б.М. Теплова была выявлена большая чувствительность лиц со слабой нервной системой по сравнению с лицами, имеющими сильную нервную систему. Поскольку исходный уровень активации у субъектов со слабой нервной системой выше, чем у субъектов с сильной нервной системой, явление суммации возбуждения и связанное с ним увеличение реагирования (при постоянной силе раздражителя) у них быстрее достигнет предела реагирования, тем самым быстрее наступит тормозной эффект, то есть снижение эффективности реагирования. У лиц с сильной нервной системой из-за более низкой активации покоя имеется больший «запас прочности», и поэтому суммация у них может продолжаться большее время без достижения предела реагирования. Поскольку величина суммации возбуждения определяется длительностью действия раздражителя, сильная нервная система оказывается более выносливой. Это значит, что при многократных предъявлениях сигналов снижение эффекта реагирования на эти сигналы (величина или быстрота реакций) у «слабых» произойдет быстрее, чем у «сильных».

Изучение взаимосвязи между этими проявлениями быстроты функционирования нервной системы позволило выделить два главных фактора: легкость переделки значения условных раздражителей и быстроту возникновения и исчезновения нервных процессов. За первым фактором Б.М. Теплов оставил название «подвижность», а второй фактор обозначил как «лабильность». Другие показатели быстроты функционирования нервной системы не относятся в настоящее время к двум названным свойствам.

Изучение данных характеристик свойств нервной системы и особенностей личности обуславливает возможность проведения исследований в рамках конформного поведения учащейся молодежи. Тема формирования механизмов зависимого поведения, особенно психологических, недостаточно исследована. При психологическом подходе к вопросу о причинах становления зависимых форм поведения внимание обращается, как правило,

на совокупность черт, делающих личность уязвимой, неустойчивой.

Сотрудниками ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования» было проведено изучение психофизиологических характеристик подверженности влиянию

(вербовке) учащейся молодежи. В исследовании принимали участие 162 человека. Для изучения подверженности влиянию были использованы методики Кеттелл 13PF, Леонгад-Шмишек, ИТО Собчик, теппинг-тест, опросник Стреляу, тест «Деятельная тревога» (Хусаинова С.В.), анкета «Подверженность внешнему влиянию».

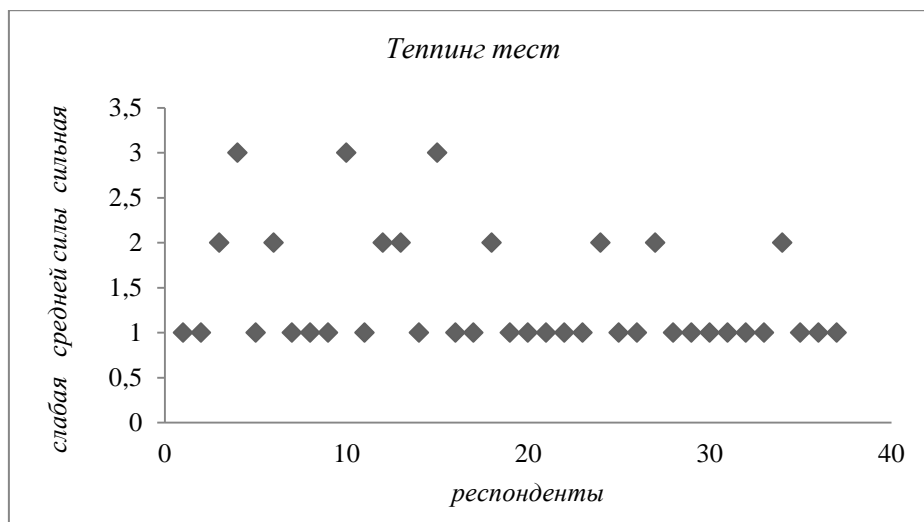

Рисунок 1. – Результаты тестирования студентов при изучении свойства нервной системы: 1 – слабая нервная система; 2 – нервная система средней силы; 3 – сильная нервная система

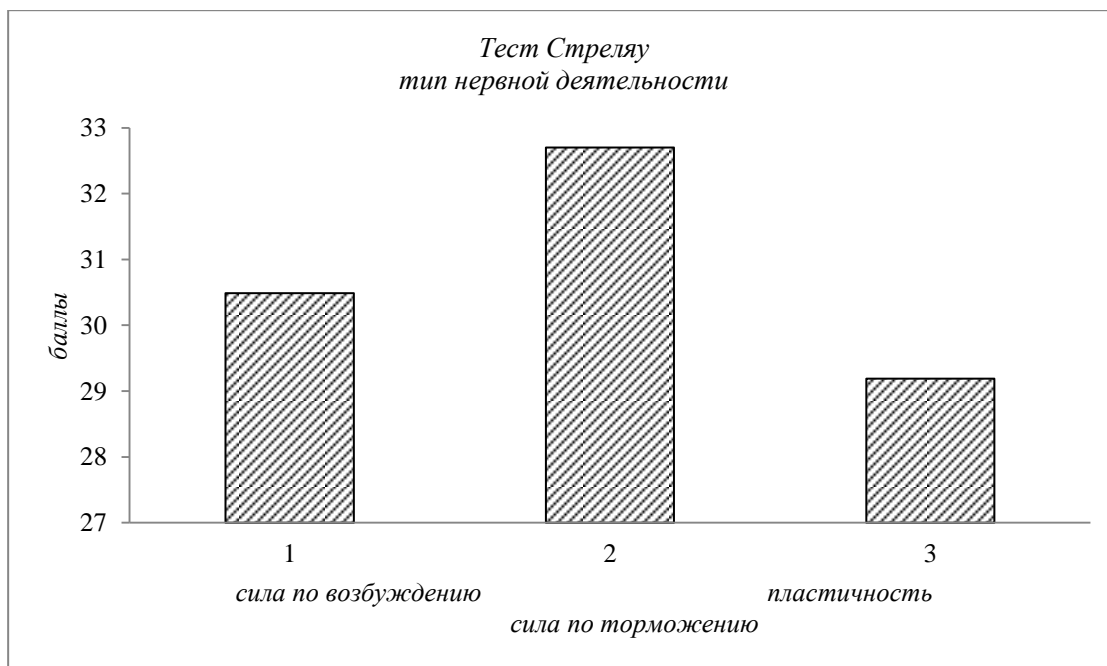

Рисунок 2. – Результаты тестирования студентов для определения типа нервной деятельности: 1 – сила процессов возбуждения; 2 – сила процессов торможения; 3 – подвижность нервных процессов

Результаты использованных методик показали следующее:

1. *Индивидуально-типологические и личностные особенности.*

По средним данным теппинг-теста у большинства опрошиваемых студентов «средне-слабая нервная система».

По результатам опросника (Стреляу), у студентов выявлены средние баллы, определяющие темперамент, что важно при адаптации человека к окружающей среде, и, таким образом, можно сказать, что на основе понятия оптимального уровня возбуждения выделяются реактивность (чувствительность

индивида и его выносливость или способность к работе) и активность, которая обнаруживается в объеме и охвате предпринимаемых действий (целенаправленных поведенческих акций) при данной величине стимуляции. Нами получены средние баллы по всем шкалам, но ведущим выявлен процесс торможения, определяющий: импульсивность в ответных действиях на стимул, средний самоконтроль в поведенческих

реакциях, определенную расторможенность, нетребовательность и снисходительность к себе; среднее, иногда запоздалое реагирование ответными действиями на простые сигналы; неровное реагирование, адекватные реакции, склонность к истерии.

Средние результаты ответов студентов по индивидуально-типологическому опроснику [2] показали следующее, см. рис. 3.

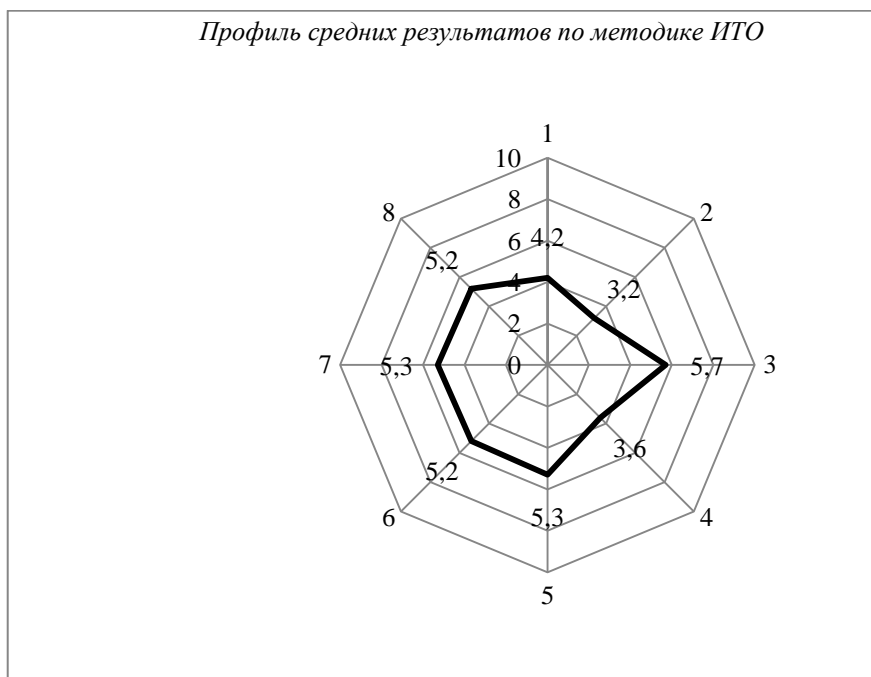

Рисунок 3. – Индивидуально-типологический портрет при следующих количественных показателях шкал опросника: 1) тревожность – 4 балла; 2) лабильность – 3,2 балла; 3) экстраверсия – 5,7 балла; 4) спонтанность – 3,6 балла; 5) стеничность 5,3 балла; 6) ригидность – 5,1 балла; 7) интроверсия – 5,2 балла; 8) сензитивность – 4,2 балла. Показатели 0 и 1 балл указывают на гипомотивность, низкое самопонимание и неоткровенность. Показатели: лжи – 4 балла, аггравации – 3,5

По результатам сочетания шкал опросника выявлено, что для испытуемых характерны такие черты, как мнительность, чувствительность, ориентированность на более сильную личность, «слабый» тип поведения, подвластность воздействию среды.

Студентам свойственны неуверенность в себе, избыточная ориентация на общепринятые нормы поведения, компромиссность, стремление к самоутверждению и избеганию внешних контактов с интересующей группой, уход в идеализацию, некоторая сензитивность и ранимость к ситуации изменения, выраженная потребность привязанности к авторитетной личности. Поведение испытуемых направлено на избегание конфликта, поиск щадящей социальной ниши (ИТО).

Все средние значения результатов теста обнаружили показатели ниже 7 баллов по

методике, что демонстрирует: недостаток ресурсов для активной деятельности; – отсутствие реакций на развивающуюся ситуацию, это в основном приводит к уходу от контактов с окружающими.

По результатам опросника Леонгарда-Шмишека, для испытуемых характерны низкая контактность, пониженный фон настроения, дружелюбие, самокритичность, исполнительность, серьезность, высокая нравственность, добросовестность, справедливость, пассивность, замедленность мышления, инертность психических процессов.

У студентов выявлена неуверенность, пассивность в отстаивании своей позиции; они уходят от конфликта, и в то же время, не принимают навязываемую позицию. Это свидетельствует об отсутствии у них повышенной внушаемости и низком потенциале противодействия давлению со стороны.

Рисунок 4. – Результаты по методике Леонгарда-Шмишека. Шкалы: 1. Демонстративный тип. Характеризуется повышенной способностью к вытеснению. 2. Педантичный тип. Лица этого типа отличаются повышенной ригидностью, инертностью психических процессов, неспособностью к вытеснению травмирующих переживаний. 3. Застревающий тип. Характерна чрезмерная стойкость аффекта. 4. Возбудимый тип. Повышенная импульсивность, ослабление контроля над влечениями и побуждениями. 5. Гипертимический тип. Повышенный фон настроения в сочетании с оптимизмом и высокой активностью. 6. Дистимический тип. Сниженный фон настроения, пессимизм, фиксация теневых сторон жизни, заторможенность. 7. Тревожно-боязливый. Склонность к страхам, робость и пугливость. 8. Циклотимический тип. Смена гипертимических и дистимических фаз. 9. Аффективно-экзальтированный. Легкость перехода от состояния восторга к состоянию печали. Восторг и печаль – основные сопутствующие этому типу состояния. 10. Эмотивный тип. Родственен аффективно-экзальтированному, но проявления не столь бурны. Лица этого типа отличаются особой впечатлительностью и чувствительностью

2. Анкетирование на выявление группы «риска».

Далее на основании полученных результатов по методикам, описанным выше, нами была разработана и апробирована анкета «Подверженность внешнему влиянию», в которой имеются пять типов вопросов, направленных на изучение личностных характеристик приближенных к портрету лиц конформного, виктимного и манипулятивного воздействия, а также на выявление социального механизма конформного поведения, проявляющегося в способности личности следовать стандартам поведения и активной ориентации на мнение других. В выборке участвовали ученики общеобразовательных

учреждений РТ (11 классы) в возрасте 16 – 18 лет. Общее количество респондентов 150 человек, см. рис. 5.

По данным анкетирования выявлено, что большинство школьников представляют себя в соответствии со своим возрастом развития. В юношеском возрасте формируется активная жизненная позиция и приходит осознание собственной значимости. Этому возрасту свойственно утверждение в социуме, что проявляется в некоторой агрессивности, в отстаивании своих взглядов, а иногда грубоватости и недоступности, что проявляется в недостаточно самостоятельной адаптированности.

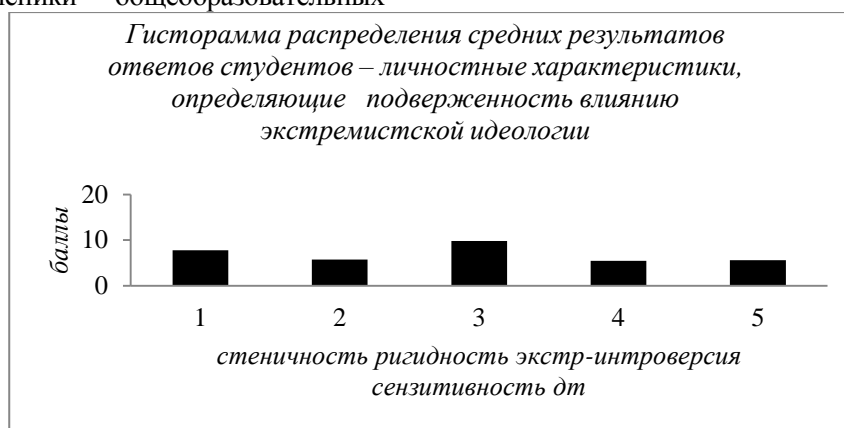

Рисунок 5. – Средние результаты студентов по проведению анкеты «Подверженность внешнему влиянию».

Тенденций к конформному поведению не обнаружено, но выявлено, что некоторые учащиеся находятся в группе риска как такового колеблющегося типа поведения (42,2%).

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению. Студенты, склонные к подверженности внешнему влиянию, показывают средний уровень лабильности по опроснику Кеттелла. К внутренним факторам относятся присущие студентам: тормозимый тип высшей нервной деятельности, инертность психических процессов, подвластность воздействию среды, средний уровень личностной тревожности, избыточная ориентация на общепринятые нормы поведения, компромиссность, тенденция рассчитывать на помощь извне в затруднительных ситуациях, низкий потенциал противодействия давлению извне (Теппинг-тест, Стреляу).

Выявлен высокий уровень деятельностной тревожности (ДТ) [3], который показывает состояние внутреннего напряжения в ситуации изменения. Деятельностная тревожность – психическое состояние, которое переживается субъектом перед началом новой деятельности, при построении алгоритма выбора способа действия, направленного на преодоление внутреннего напряжения этого периода [5]. При длительном переживании тревоги у субъекта вырабатывается личностное качество, называемое «резистентность». Резистентность (от англ. resistance – сопротивление) – личностное качество, появляющееся в ситуации изменения, выражающееся в отказе субъекта приступить к деятельности и

проявляющееся в его представлениях о множестве предыдущих незаконченных дел, уводящих субъекта в иррациональную деятельность.

Выявлено, что у студентов преобладает незрелость психических реакций на внешнее воздействие; присутствует механизм противостояния повышенной внушаемости. Вызывает некоторую настороженность низкий потенциал противодействия давлению со стороны.

При изучении конформности полученные результаты нашего исследования могут быть использованы специалистами с учетом результатов психофизиологических особенностей проявлений индивида. Данные особенности проявляются как индивидуально-психологические – устойчивость реагирования на задачу, степень внушаемости, личностной и деятельностной тревожности, потребности в самоуважении и т.д., а также как микросоциальные характеристики – роль в группе, статус, значимость для группы и т.д.

Кроме того, большую роль играют ситуации изменения, в которых личность проявляется на уровне проблем, компетентностей, принятия решений и т.д.

Альтернативой конформизму будет выступать коллективизм – поведение, которое основано на осознанном определении человека в навязываемых ему коллективом мнениях. Самоопределение человека, связанного с внутренними устойчивыми личностными характеристиками, будет сдерживать влияние противопоставляемой ему идеологии, в данном случае экстремистской.

Литература:

1. Мирошниченко А.В. Психологические аспекты информационной безопасности. Терроризм как угроза информационной безопасности страны: сборник статей международной научно-практической конференции / А.В. Мирошниченко. – Уфа. – 2014. – Ч. 6. – С. 210-211.
2. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики / Л.Н. Собчик. – М.: Институт прикладной психологии, 1998.
3. Грязнов А.Н., Хусаинова С.В., Храпаль Л.Р., Чеверикина Е.А. Деятельностная тревога аддиктивной личности как элемент дестабилизации безопасности жизнедеятельности / А.Н. Грязнов, С.В. Хусаинова, Л.Р. Храпаль, Е.А. Чеверикина. –

Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 1(108). – С. 115-120.

4. Теплов Б.М. Новые данные по изучению свойств нервной системы и их психологических проявлениях / Б.М. Теплов; отв. ред. Э.А. Голубева, Е.П. Гусева. – М.: Наука, 2004.

5. Хусаинова С.В. Теоретическое обоснование феномена тревоги новой деятельности / С.В. Хусаинова // Реалии и перспективы психологической науки и практики в российском обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции; отв. ред. Р.А. Ахмеров, Г.С. Прыгин. – Набережные Челны: ИУ, 2005. – С. 74-79.

Сведения об авторах:

Мухаметзянов Искандар Шамилевич (г. Казань, Россия), доктор медицинских наук, профессор, ректор ЧОУ ВО «Академия социального образования».

Хусаинова Светлана Владимировна (г. Казань, Россия), кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы РАО», e-mail: sv_husainova@mail.ru

Data about the authors:

I. Mukhametzyanov (Kazan, Russia), doctor of medicine, full professor, principal of the Academy of Social Education.

S. Khusainova (Kazan, Russia), candidate of psychological sciences, senior research associate at the Institute of the Problems of National and Ungraded School of Russian Academy of Education, e-mail: sv_husainova@mail.ru

УДК 159.923

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

А.Ш. Гусейнов

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления генезиса экстремистского мировоззрения молодежи. В связи с этим, данная статья направлена на выявление факторов чувствительности молодежи к террористической идеологии. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является субъектно-бытийный подход, категориально-понятийный аппарат которого позволяет рассмотреть проблему комплексно с учетом духовного бытия личности, ее субъектного позиционирования, а также подчеркнуть процессуальность изучаемого явления. В статье рассмотрены особенности мировосприятия, составляющие картину мира, конструирование которой имплицитно сопряжено с экзистенциальным самоопределением, характер которого определяется через способы удовлетворения экзистенциальных потребностей.

Приводятся результаты эмпирического исследования, в котором повреждение мировоззренческой структуры рассматривается сквозь призму неконструктивного разрешения противоречий во всех бытийных сферах личности. В качестве критериев неэффективного решения возникающих проблем и противоречий в деструктивных формах протестной активности рассматриваются примитивные психологические защиты, порождающие бегство от реальности, ее значительное искажение, нарушающие баланс в системных позициях «личность - личность», «личность - общество», «личность - государство». Продемонстрировано, что интенсивное использование защит, ригидность личностных свойств, дефицит духовных ценностей, отказ от проблематизации собственного существования становятся фактором зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения.

Ключевые слова: деструктивная протестная активность личности, экзистенциальное самоопределение, экстремистское мировоззрение, бытийные противоречия, психологические защиты.

PSYCHOLOGICAL BACKGROUND OF GENESIS AND MAINTENANCE OF EXTREMIST WORLDVIEW OF YOUTH

A. Guseinov

Abstract. The thematic justification of the research work is determined by the necessity of scientific understanding of the problem of genesis of extremist worldview of youth. In this context, this article aims to identify susceptibility factors of terrorist ideology among youth. The leading approach to the question- study of this problem is the subject-existential approach, categorical and conceptual apparatus of which allows us to consider the issue in a comprehensive manner, taking into account the spiritual life of the personality and its subjective position, as well as emphasizing on the procedure of the phenomenon under study. The article examines features of the worldview of life that forms the whole picture of the world. The construction of this picture implicitly involves the existential personal identity, the nature of which is determined by the ways of repletion of existential wants. The author gives results of empirical research, in which damage of the worldview structure can be clearly seen through the prism of unconstructive conflict resolution in all existential spheres of personality. In the capacity of the criteria of inefficient problem solving and contradiction in destructive forms of protest activity psychological defenses are considered; they formulate an escape from reality, its substantial distortion that violates the balance in the system positions «personality-personality», «personality-society», «personality-state». The article exposes that intensive use of psychological defenses, constriction of personality, lack of spiritual values, rejection of problematics of personal existence, that become the major factor of world genesis and maintenance of extremist ideology.

Keywords: destructive protest activity of personality, existential personal identity, extremist worldview, existential conflicts, psychological defenses.

Становление субъектности подростков и молодежи сопряжено с осознанием и преодолением разноуровневых бытийных противоречий. В условиях социальных потрясений, неопределенности и растущих процессов отчуждения возрастают трудности нахождения своего места в социуме, в связи с чем молодые люди выбирают экстремальные формы защиты, проявляющиеся в деструктивной протестной активности личности.

Социологи считают экстремальность имманентным свойством молодежи, социальное положение которой характеризуется неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций [6, с.37]. Экстремальность – явление, имеющее сложный и противоречивый характер, обусловленное рядом факторов: современный социокультурный контекст с особой конфигурацией культурных феноменов

(глобализация, неопределенность), особенности личности субъекта, характер социального взаимодействия. Авторы особо выделяют в качестве значимых факторов, обуславливающих экстремальный тип сознания и поведения, субкультурные факторы, неустойчивость и размытость ценностно-смысловых установок на уровне личности и группы, особенности восприятия и понимание чужого как врага, активное распространение посредством средств массовой информации и Интернета манипулятивных технологий [1;5;6;8;12;14]. Очевидно, что экстремистское мировоззрение не формируется внезапно. Предпосылки этого мировоззрения, считает М.М. Решетников, находятся в подростковом периоде, когда после предшествующего периода идентификации с родителями переживается кризис переоценки и самоутверждения в сочетании с юношеской агрессивностью, и личность испытывает склонность подвергать сомнению все устоявшиеся нормы и правила [12, с.143-144].

Острота террористической угрозы во всем мире ставит задачу раскрытия предикторов экстремистского мировоззрения, а также источников его поддержки через определение характера и способов взаимодействия человека с миром. Следует отметить, что в других наших работах доказана связь деструктивной протестной активности личности с экстремизмом молодежи [2;3].

Целью данной статьи является выявление факторов чувствительности молодежи к экстремистской идеологии.

1. Защитные процессы как важный аспект типологизации протестной активности личности.

Впервые мы обратились к понятийному конструкту «мировоззрение» в работах, посвящённых осмыслению протестной активности личности, структура которой полностью отвечает структуре модусов бытия. Конфигурация модусов личностной бытийности предполагает учёт типа личностной субъектности и особенностей экзистенциального самоопределения в сочетании с ценностно-смысловым позиционированием, спецификой аффективно-потребностной сферы и конструирования образа мира, способом организации личностной активности и спецификой разрешения разноуровневых противоречий [13;14]. Содержание каждой формы протеста, деструктивной (*негативный эскапизм, негативизм, нигилизм, оппозиция*) и

конструктивной (*эмансипация, высший эскапизм*) раскрывается нами через анализ взаимосвязи указанных структурных составляющих модуса бытия личности [3].

Важным аспектом типологизации протестной активности личности является классификация людей в соответствии с характерными для них защитными навыками – *индивидуальными способами борьбы с трудностями, тревогой*. В настоящей статье возникает необходимость рассмотрения специфики функционирования защитных механизмов в различных формах протестной активности, действие которых определяет характер противоречий и способы их разрешения, особенности субъектного позиционирования, в целом степень конструктивности взаимодействия личности с социумом.

Необходимо отметить, что взгляды исследователей на защитные механизмы и их функционирование поляризованы. Конструкт защиты описывается авторами в разных проблемных и теоретических контекстах, обсуждается широкий спектр их функций: от полезных (творчество, продуктивная адаптация) до недостаточных или неадекватных ответов, связанных с отказом от реальности, деформирующих личность и препятствующих ее конструктивному взаимодействию с социумом. Весьма детально и относительно непротиворечиво проработано разделение психологических защит по типу зрелости: на зрелые защиты *высокого уровня* (продуктивные, невротического уровня) и низкоуровневые *незрелые защиты* (психопатического, пограничного уровня) [9;10]. Вместе с тем, несмотря на более чем вековой опыт продуктивного и всестороннего исследования защитных механизмов, исследователи остановились перед задачей создания непротиворечивой, системной концепции бессознательной защитной активности. Кратко остановимся на близких нам позициях ряда исследователей по проблеме защитного поведения.

В психоаналитической традиции конструкт «защита» используется для общего обозначения всех приемов, используемых Эго в тех конфликтах, которые могут привести к неврозу. Соответственно выделяется главная функция защиты – предохранение Эго от различных угроз [11, с.46.]. Создавая метапсихологическую теорию защиты, З. Фрейд дифференцировал патологическую форму защиты от нормальной, предполагающей способность «Я» справляться

с тревогой и внутренней агрессией. Заметим, что в одной из поздних работ («Торможение, симптом, страх») З. Фрейд выводит на первый план «страх перед реальностью», помещая невротический страх перед влечениями на второе место. Данные положения З. Фрейда важны для нас в подтверждении наших воззрений о присущей деструктивной протестной активности искажению и отвержении существующей реальности.

В *эгопсихологии* психологическая защита рассматривается как средство поддержания непротиворечивого, позитивного чувства собственного «Я», самоуважения [11]. О. Кернбергом подчеркивается важная роль Эго в процессе развития личности, которая отражена в понятиях «слабость Эго» и «сила Эго». *Слабость Эго* проявляется в неспособности переносить тревогу, отсутствию контроля над импульсом, а также в неспособности личности к зрелым способам сублимирования. *Сила Эго* предполагает хорошую толерантность к тревоге, в способности переносить эмоциональное напряжение, превосходящее привычный для субъекта уровень, в контроле импульсов, в способности к сублиматорной деятельности. *Сила Эго* проявляется в способности личности к восприятию реальности, даже когда она чрезвычайно неприятна, без привлечения защит низшего уровня, таких как расщепление, отрицание, всемогущество, обесценивание, примитивная идеализация, проективная идентификация [9, с.33-34]. Мы согласны с мнением А.Н. Исаевой о том, что продуктивный генез сознательного-бессознательного личности возможен в тех случаях, когда «Я» обладает достаточной силой и устойчивостью для того, чтобы психологические защиты не являлись его преимущественной активностью [7, с.210-211].

Следует отметить, что объектами психологической защиты являются высокоуровневые личностные образования («Я-концепция», самооценка, мироощущение), составляющие стержень ценностно-смысловой сферы и базис самоидентификации личности. Используя защиты, субъект стремится сохранить собственные представления о себе и своём месте в упорядоченном и предсказуемом мире [13].

Соответственно, проблемы личности появляются тогда, когда интенсивное использование защитных механизмов приводит к отвергающему и разрушающему жизненному курсу во всех сферах личностной бытийности. По мнению Г.Ю. Фоменко,

доминирование в адапционном процессе психологических защитных механизмов способствует фиксации неконструктивных форм поведения, препятствует их осознанию и лежит в основе неаутентичного, условного существования личности. Экзистенциальные понятия «аутентичный» и «неаутентичный» используются в глубинной психологии для различения человеческих действий, которые оказываются истинными или ложными по отношению к самому себе, к самости [13].

Согласно Э. Фромму, задача личности и общества заключается не в вытеснении, а в нейтрализации разрушительных импульсов, преобразовании их с помощью прогрессивной активности, создании условий для позитивной самореализации [15].

На наш взгляд, психологические защиты целесообразно рассматривать в качестве критерия успешного/неуспешного решения возникающих проблем и противоречий, влияющего на формирование протестной активности личности и содержание ее системообразующих компонентов.

Перейдем к эмпирическому анализу преобладающих механизмов психологической защиты в деструктивных формах протестной активности личности, обращение к которым позволит определить особенности сдвига динамического равновесия в системных позициях «личность – личность», «личность – общество», «личность – государство». Для исследования выбраны жители Краснодара и Краснодарского края, находящиеся в процессе экзистенциального самоопределения и становления субъектности (подростки и молодежь), средний возраст респондентов $M=21,3$ года. Объем выборочной совокупности варьировал, преимущественно от $n=2600$ до $n=300$. В процессе исследования решались следующие задачи: выявление преобладающих разновидностей механизмов психологической защиты у лиц, склонных к деструктивным формам протестной активности; определение индивидуального стиля борьбы с трудностями, совладающего поведения; субъективного контроля, выяснение особенностей самосознания, картины мира, приоритетных ценностей; уяснение тенденций самоактуализации; выявление внутриличностных конфликтов и экзистенциальных вакуумов в ценностно-смысловой системе, способов разрешения проблем и противоречий в аспекте выраженности агрессивных форм реагирования. Были использованы корреляционный, дисперсионный и

регрессионный виды анализа; применялись психодиагностические методики: авторский многошкальный опросник протестной активности личности (ПАЛ); методика А. Басса и А. Дарки; опросник Мини-мульти; опросник Р. Келлермана – Г. Плутчика; шкала копинг-стратегий С. Хобфолла (SACS); базисные убеждения личности (Р. Янов-Бульман); опросник 16PF (Р. Кеттелл); методика СПА; Самоактуализационный тест (адаптация опросника Э. Шострома); Тест жизнестойкости С. Мадди (Д.А. Леонтьев); Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И.Г. Сенина; методика В. Шутца FIRO.

Как и предполагалось, во всех *деструктивных формах* протеста прослеживается *преобладание защит низшего уровня*. Об этом, в частности, свидетельствуют тесные связи шкалы *Эскапизм* методики ПАЛ со шкалами психологических защит: отмечены значимые корреляции шкалы *Эскапизм* с шестью шкалами и двумя индексами методики ИЖС ($p < 0,05-0,01$). Максимальная напряженность защитных механизмов обнаружена в сопряжении со шкалами *замещение, вытеснение, регрессия*, заметная связь наблюдается и со шкалой *компенсация*. У *эскаписта* преобладают *примитивные защиты*, в совокупности усиливающие друг друга. Заметно слабее выражены защиты высокого уровня. Раскрытый паттерн связей свидетельствует о преобладании у представителей данной типологии защитного поведения по типу замещения – регрессии, порождающего избегание любых ситуаций, усиливающих тревогу. Актуализация и высокая степень выраженности указанных защит повреждает целостность личности, нарушает ее идентичность, способствует фиксации непродуктивных способов поведения. Боязнь всего, что связано с изменениями проявляется в связях шкалы *эскапизм* со шкалой *избегание*, избираемой в качестве доминирующей копинг-стратегии ($r = 0,076$; $p > 0,1$).

Также обнаружены значимые связи *эскапизма* со всеми основными шкалами методики Мини-мульти. Отмечены положительные корреляции *эскапизма* со шкалами: *сверхконтроль, пессимистичность, эмоциональная лабильность, импульсивность, ригидность, тревожность, индивидуализм, гиперактивность* ($p < 0,01$). Эти показатели указывают на высокую степень дезинтеграции в мотивационно-потребностной сфере.

Определены высокозначимые положительные корреляции *эскапизма* со

шкалами методики А. Басса и А. Дарки *Обида, подозрительность, индекс враждебности* ($p < 0,01$). Отмечено преобладание *неконструктивные копинг-стратегии*, о чем свидетельствуют отрицательные корреляции *эскапизма* со шкалой *поиск поддержки, осторожность* ($p < 0,05$). Выявленные качества можно рассматривать как симптомокомплекс: *ригидность (паранояльность) – подозрительность – обида – враждебность и нежелание искать у других поддержки*. Все описанные выше корреляции свидетельствуют о личностных деструкциях подростков и молодежи с выраженным *эскапизмом*.

Трудноразрешимые внутриличностные противоречия сильно искажают *картину мира* и создают серьезные трудности в общении. Выявлена значимая отрицательная связь *эскапизма* со шкалой *справедливость* ($r = -0,238$; $p < 0,05$) согласно методике базисных убеждений личности. Сформирована убежденность личности в том, что хорошие поступки по отношению к другим, благородство не гарантируют встречного вознаграждения и удачи во взаимоотношениях. Мир представляется закрытым, враждебным и несправедливым, в связи с чем усилия, направленные на выстраивание хороших отношений с окружением, кажутся представителям этого типа излишними.

Выявлены негативные связи шкалы *Эскапизм* со шкалами методики Р. Кеттелла ($p < 0,05-0,01$): *общительность, нормативность, тревожность; робость; подозрительность; дипломатичность; самоконтроль*, характерна *высокая социальная тревожность* (фактор О), определяющая склонность к беспокойству, неприятие себя, чувствительность к мнению других. Следовательно, тревога, вызванная внутриличностным конфликтом, вытесняется, но лишь частично, конфликт прорывается в сознание в виде неприятия себя. Что же касается ценностно-смысловых установок, то нами отмечено в других работах [2;3], что личность, склонная к *эскапизму*, весьма примитивна и не стремится к саморазвитию и высоким достижениям, отвергает духовные ценности. Этот вывод подтверждают выявленные негативные связи шкалы *эскапизма* со всеми шкалами методики СЖО ($p < 0,01$) – Цели, Процесс, Результат, Локус Я, Локус жизнь; с общим индексом СЖО ($r = -0,301$; $p < 0,01$). И, что важно, представители данной типологии склонны к *экстремальному поведению, пренебрегают безопасностью* и

испытывают острую потребность в *стимуляции*.

Выявлены также положительные корреляции с *ведомостью, внешним контролем* ($p < 0,01$) по методике СПА. Неконтролируемость жизни, подчиненность внешним обстоятельствам и другим людям свидетельствуют о том, что человеком с эскапистскими установками легко управлять и манипулировать.

Эскапизм, сопряженный с нарциссизмом, беспомощностью и капитуляцией перед жизненными трудностями, пассивной жизненной позицией выглядит как один из самых непродуктивных, неконструктивных способов разрешения жизненных проблем и противоречий. *Базовое противоречие*: между реальностью и образом бытия; между убежденностью в правильности своего способа существования и его негативной общественной оценкой. Неспособность адекватно осмысливать и выдерживать противоречия приводят к тому, что реальность кажется шокирующей, враждебной и несправедливой, в отличие от идеализированного и иллюзорного образа другой, лучшей жизни, в связи с чем избираются разные способы отвлечения от реального бытия.

Доминирование примитивных защитных механизмов отмечено и у представителей другой протестной типологии – *нигилистов*. Об этом свидетельствуют позитивные корреляции шкалы *нигилизма* методики ПАЛ с большинством шкал и индексов опросника ИЖС ($p < 0,01$): *вытеснение, регрессия, компенсация, замещение, интеллектуализация*; индексом *зрелых* защит и индексом *примитивных* защит. Выраженность примитивных защитных механизмов у нигилистов приводит к поиску замещающих, компенсаторных видов активности, регрессу, затрудняет понимание себя и других людей, препятствует конструктивному общению; заметно искажает картину мира и негативно отражается на идентичности.

Отмечены положительные связи *нигилизма* с шестью шкалами методики Мини-мульти ($p < 0,05-0,01$): *сверхконтроль, пессимистичность, эмоциональная лабильность, ригидность, тревожность*, максимально выражены связи с *импульсивностью* и *индивидуализмом*. Эти противоречивые качества свидетельствуют, с одной стороны, о стремлении манипулировать людьми, контролировать и подавлять других, а с другой – о склонности к отгораживанию, к

социальной изоляции. Стремление к избеганию контактов также активно проявляется в значимых отрицательных связях ($p < 0,01$) шкалы *Нигилизм* со шкалами *Ассертивность, Вступление в социальный контакт, Поиск социальной поддержки* (по методике С. Хобфолла). Примечательно, что *отсутствие осторожности* ($r = - 0,269$; $p < 0,01$) сочетается с установкой на *асоциальные действия* ($r = 0,130$; $p < 0,01$), что указывает на экстремистский тип сознания и поведения.

Для представителей данной типологии характерен внешний локус контроля, о чем свидетельствуют отрицательные связи *нигилизма* со шкалой интернальности методики СПА ($p < 0,01$). Выявлены значимые негативные связи *нигилизма* со шкалами методики 16PF Р. Кеттелла ($p < 0,01$): *моральная нормативность, общительность, интеллект, эмоциональная стабильность, смелость, мечтательность, беспечность, самоконтроль* и положительные связи *нигилизма* со шкалами: *экспрессивность, подозрительность, дипломатичность, радикализм и напряженность*. Нигилисты отказываются принимать и следовать принятым в социуме нормам, обнаруживают слабый самоконтроль, общую поведенческую нестабильность, эмоциональную неустойчивость, неумение анализировать, выстраивать отношения с окружающими. Этот вывод подтверждается негативными корреляциями шкалы «*нигилизм*» со шкалами *Справедливость* ($r = - 0,386$; $p < 0,01$) и *Образ Я* ($r = - 0,279$; $p < 0,05$), полученными по методике Р. Янов–Бульман. Характер связей указывает на нежелание следовать правилам морали и отсутствие стремления добиваться признания и расположения со стороны других. Для нигилиста характерно негативное восприятие *собственного образа*, указывающее на проблемы с идентичностью. В основе базовых установок нигилиста лежит непринятие людей, самого себя, мира в целом, оценка его как несправедливого и угрожающего, с которым следует вести борьбу, в связи с чем экзистенциальный выбор определяется активным отторжением гуманистических ценностей. Атрибутивными характеристиками *нигилизма* являются выраженные *отрицательные связи с ценностями* ($p < 0,01$): *доброта, безопасность, личная власть, достижения* по методике С. Шварца; *духовность, саморазвитие* и *достижения* по опроснику ОТеЦ; ценностные ориентации, самоуважение и позитивное принятие человека

по методике САТ. Выявленная девальвация духовных ценностей и ценностей жизни объясняет их переориентацию в сторону крайне деструктивных ценностных установок личности, в результате чего все встречающиеся противоречия разрешаются через разрушительность.

Отмеченное нежелание *следовать нормам социума*, слабость самоконтроля, импульсивность, использование защит низкого уровня характерно и для *негативизма*. Как следует из анализа значимых индексов одной из регрессионных моделей, при закреплении негативизма в структуре личности запускаются следующие процессы: ослабляется *способность к анализу ситуаций*, что приводит к их неадекватной, искаженной оценке реальности; кроме того, *возрастает тревога*. Одновременно с этим наблюдается *снижение нормативности поведения*, происходит процесс трансформации и инверсии традиционных ценностей. Определено *базовое противоречие* негативизма — пассивные жизненные установки и стремление к изменениям и самовозвышению. Отсутствие устойчивой субъектной позиция, незрелость регуляторных умений, на фоне искаженных ценностей и черно-белой картины мира приводит к тому, что личность оказывается неспособной справиться с внутренними антисоциальными импульсами или с натиском внешних деструктивных призывов и, следовательно, готова к опрометчивым поступкам, таки как вхождение в экстремистские организации.

Перейдем к анализу еще одной деструктивной формы протестной активности личности — *оппозиции*. Выявлены значимые корреляции шкалы *оппозиции* со всеми основными шкалами ($p < 0,01$) методики Минимульт, с четырьмя шкалами ($p < 0,05-0,01$) опросника А. Басса и А. Дарки. Крайне неконструктивный паттерн копинг-стратегий по методике С. Хобфола ($p < 0,05-0,01$); нежелание *принимать других* ($r = - 0,233$; $p < 0,05$) и стойкая *дезадаптация* ($r = - 0,272$; $p < 0,01$) по методике СПА позволяют констатировать наличие глубокого и трудноразрешимого внутриличностного и межличностного конфликта.

Отмечены положительные корреляции *Оппозиции* с четырьмя шкалами ($p < 0,05-0,01$) опросника психологических защит (ИЖС), среди которых особое место занимает регрессивно-замещающая активность. Кроме того, у этих лиц сформирована искаженная

картина мира, возможны периоды потери контакта с реальностью. Выявлена тенденция к отрицательной корреляции *оппозиции* со шкалой *отрицание* ($r = - 0,086$; $p < 0,08$). Следовательно, влечения, вызывающие тревогу, не вытесняются, доходят до сознания, человек не защищается от репрезентаций, принимает их, даже если они вызывают фрустрацию.

Согласно теории Р. Плутчика, механизм *отрицание* является главным в диспозиции истерии, поскольку при этом типе реагирования происходит отождествление себя и роли, а также *идеализация* объекта. Негативное влияние предиктора *отрицания* и заметно выраженная тенденция к отрицательной связи отрицания с *оппозицией* позволяют отнести оппозиционера к типу людей, для которых не решена проблема выбора оптимальных ролей. Следствием этих процессов становится неудовлетворенность собой и/или ролью (статусом), неприятие *идеалов* и *образцов*, обесценивание достижений других, стремление к их унижению. В дополнение к этому выводу приведем высказывание В.В. Знакова. «Человек может считать, что он поступает так из чувства справедливости, хотя его действия могут быть мотивированы жестокостью. Субъект может верить, что он руководствуется долгом, в то время как его главным мотивом является тщеславие. Фактически человек, прибегающий к таким рационализациям, считает их в большинстве случаев истинными» [4, с.8-9].

Итак, отмеченное в деструктивных формах протестной активности наличие комплекса примитивных защит и несформированность нравственно-этических норм поддерживает объектную ориентацию личности, усугубляет внутриличностный конфликт и затрудняет проблематизацию фрустрирующих ситуаций, препятствуя их продуктивному разрешению. Склонность к безальтернативным интерпретациям жизни приводит к одномерному черно-белому восприятию мира с преобладающим ощущением ущемленности. Заметим, что весь комплекс разнообразных противоречий применительно к деструктивным формам протеста концентрируется вокруг экзистенциальных потребностей — потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации, способы удовлетворения которых сильно извращаются.

Доказано, что всем без исключения представителям деструктивных форм протеста свойственны экстремальный стиль поведения, пренебрежение безопасностью, при выраженной эмоциональной неустойчивости, пассивной жизненной позиции и склонности к манипуляциям. Изолируясь от социума, они отказываются от помощи и сотрудничества, демонстрируя закрытость, нарциссизм, ригидность. Заметим, что такие черты как стереотипность, ригидность мышления, склонность к примитивным способам решения проблем, согласно Т. Адорно, принадлежат лицам с фашистским, тоталитарным мышлением.

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало, что для всех деструктивных форм протестной активности

личности характерно неконструктивное разрешение бытийных противоречий – невозможность их выдерживать и находить продуктивные способы их решения, что обуславливает социальную непродуктивность личности и указывает на нарушение динамического равновесия в триаде «личность – личность», «личность – общество», личность – государство». Неспособность занять достойное, адекватное способностям и возможностям положение в обществе, интенсивное использование незрелых защит, ригидность личностных свойств, дефицит духовных ценностей, отказ от проблематизации собственного существования становятся фактором зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения.

Литература:

1. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц. Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе антиэкстремистской идеологии / И.В. Абакумова, Л.Ц. Кагермазова // Российский психологический журнал. - 2011. - Т. 8. - № 3. - С. 11–20.
2. Гусейнов А.Ш. Психологический анализ условий радикализации деструктивных форм протестной активности личности / А.Ш. Гусейнов // Казанский педагогический журнал. - 2015. - № 6. - Ч. 3. - С. 124-129.
3. Гусейнов А.Ш., Фоменко Г.Ю., Рябикова З.И. Протестная активность личности в контексте субъектно-бытийного подхода / А.Ш. Гусейнов, Г.Ю. Фоменко, З.И. Рябикова // Человек. Сообщество. Управление. - 2015. - № 3(16). - С. 6-21.
4. Знаков В.В. Понимание в познании и общении / В.В. Знаков. - М.: Институт психологии РАН, 1998.
5. Знаков В.В. Когнитивное и аффективное бессознательное в понимании чужого как врага / В.В. Знаков. - Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2014. - № 1. - С. 3-15.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. - 2008. - № 5. - С. 37-47.
7. Исаева А.Н. Оппозиции в познании и рефлексии личности / А.Н. Исаева // Мир психологии. Научно-методический журнал. - 2013. - Т. 76. - № 4. - С. 204-213.
8. Кагермазова Л.Ц., Абакумова И.В., Богуславская В.Ф. Ценностно-смысловые установки как фактор формирования антитеррористического сознания в поликультурной среде вуза / Л.Ц. Кагермазова, И.В. Абакумова, В.Ф. Богуславская // Российский психологический журнал. - 2013. - Т. 10. - № 5. - С. 39-55.
9. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии: пер. с англ. / О.Ф. Кернберг. - М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
10. Кохут Х. Анализ самости. Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Х. Кохут. - М.: Когито-Центр, 2003.
11. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / Ч. Райкрофт. - СПб.: ВЕИП, 1995.
12. Решетников М.М. Психическая травма / М.М. Решетников. - СПб.: ВЕИП, 2006.
13. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: Два модуса бытия / Г.Ю. Фоменко. - Краснодар: КубГУ, 2006.
14. Фоменко Г.Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации / Г.Ю. Фоменко // Человек. Сообщество. Управление. - Краснодар: КубГУ. - 2010. - № 1. - С. 83-99.
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. - М.: Республика, 1994.

Сведения об авторе:

Гусейнов Александр Шамильевич (г. Краснодар, Россия), кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, e-mail: AGuseinov@yandex.ru

Data about the author:

A. Guseinov (Krasnodar, Russia), candidate of Psychological sciences, senior lecturer of Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, e-mail: AGuseinov@yandex.ru

УДК 159.9

МАССОВОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК СПОСОБ МАНИПУЛИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

А.В. Кочергин, П.В. Накоряков, М.А. Миронова, К.А. Валеева

Аннотация. В статье автором рассматриваются способы массового воздействия на психику человека через аудиовизуальное раздражение. Подробно исследуются манипулятивные приемы воздействия на сознание масс посредством формирования виртуальной картины реального мира.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, психотерроризм, угроза личности, спектральный анализ, звуковой ряд, посттравматическое расстройство личности.

THE MASS PSYCHOLOGICAL IMPACT ON THE POPULATION AS A WAY TO MANIPULATE THE PEOPLE

A. Kochergin, P. Nakoryakov, M. Mironova, K. Valeeva

Abstract. The article deals with the means of mass impact on the human minds through the audio-visual stimulation. The authors pay special attention on the manipulative techniques of impact on the consciousness of the masses by forming a virtual picture of the real world.

Keywords: information and psychological impact, psycho-terrorism, menace to the identity, spectral analysis, audio line, post-traumatic personality disorder.

Одной из основных целей терактов является психологическое воздействие на население и на общественное мнение. Устроителям терактов важен эффект запугивания, который может быть получен путём непосредственного воздействия на психику человека. Средствами психотерроризма являются: психотронное оружие, пропаганда, наркотики, различные социальные технологии.

Информационно-психологические воздействия (ИПВ) – понятие, введённое в Доктрине информационной безопасности РФ, подразумевает серьёзную угрозу личности, её конституционным правам и свободам, общественному сознанию и государству. Под ИПВ понимаются манипулятивные воздействия на личность, на её представления, на эмоционально-волевую сферу, на сознание. Это инструмент психологического давления для побуждения личности к действию в интересах отдельных лиц или организаций. К такому результату могут привести и деятельность различных сект, пропагандирующих насилие и жестокость.

Такие ИПВ превращаются в мощный инструмент формирования сознания и манипулирования им, могут выступать как вид информационного оружия, могут вести к нарушению общественной стабильности, к социальной, национальной или религиозной ненависти.

По сравнению с другими видами терроризма психотерроризм более привлекателен, поскольку имеет большие масштабы последствий, провоцирует конфликты между государствами, этносами, конфессиями, требует минимальных

материальных затрат для достижения суперэффектов, не наносит материального ущерба и не подпадает под действие международных и национальных правовых норм.

ИПВ могут осуществляться средствами массовой информации (СМИ) и быть адаптированными к объекту воздействия с учётом его национальности, уровня образования, религии и социального положения. При этом возможно использование методик скрытого воздействия на мировоззрение и подсознание человека с помощью звука и видеоизображений.

Опасность СМИ заключается в способности подавать информацию таким образом, чтобы за видимой объективностью формировать нужную заказчику виртуальную картину реального мира. Можно показать репортаж с кадрами последствий теракта так естественно, что доказательство самого теракта не потребуется. А если показывать эти репортажи, а лучше серию репортажей, на многих каналах и чаще, то реальную действительность доказать будет просто невозможно.

Наличие в мире Интернета делает распространение и получение информации доступными и дешёвыми. Можно распространять любую, в том числе клеветническую и недостоверную, информацию, которая может быть искажена посредством текстовых, звуковых и видео-приёмов. Имеются сведения о разработке средств имитации голоса и видеоизображения политических и общественных лидеров. Действия подобного рода ставят проблемы не только перед правительством, но и перед СМИ, которые в

глазах потребителя являются источником объективной информации.

Любой способ поведения (простой или сложный, вербальный или невербальный), используемый для того, чтобы управлять мыслями, чувствами и поступками другого против его желания, воли или убеждений, но с психологической (а часто и материальной) выгодой – есть насилие. Само понятие насилия по отношению к человеку очень широко и, кроме тех действий, которые подпадают под действие Уголовного кодекса, включает следующее: принуждение или поощрение совершать поступки, которые человек совершать не хочет; включение человека в деятельность с помощью обмана, шантажа, манипуляции, угрозы физической расправы; препятствие к выполнению того, что человек хочет сделать; злоупотребление властью (власть возраста, силы, популярности и т.д.) [3, 44 с.].

В качестве примера психического воздействия на человека и его сознание, в результате которого он становится жертвой, можно рассмотреть процесс вербовки молодых людей в террористические организации. Что толкает молодых парней и девушек на служение задачам и идеалам вновь и вновь создающихся группировок и как уберечь их от подобных ошибок? Эти вопросы задают себе тысячи матерей, которые уже потеряли всякую надежду на то, что когда-нибудь вновь увидят своих детей.

К сожалению, в городе, где обычным пейзажем уже давно стали церкви, мечети и многими семьями отмечаются как христианские, так и мусульманские праздники, есть молодые люди, которые посещают присутственные религиозные места, но без чувства включенности в определенную группу. Именно такие молодые люди, как правило, приехавшие из городов поменьше, находящиеся вдали от своей семьи, испытывают сильную потребность в принадлежности к группе и усилении чувства самоидентичности.

Понятно, что террористами сразу не становятся. Это долгий путь через апатию и другие формы социальной дезадаптации. Чувство отчуждения, возникающее в период адаптации к новым условиям проживания или при переживании трудностей во время социализации и интеграции в общество, заставляет человека присоединиться к группе, которая кажется ему столь же антисоциальной, как и он сам. Затем идет долгий путь от различных сомнений, терзаний, переживаний, страхов, аутоагрессии до полной готовности к

самопожертвованию и служению идеалам своей организации.

Э. Шоу в своих исследованиях выявил четыре фактора, которые приводят человека к терроризму [3, с.436]. Этими факторами являются:

- ранняя социализация (слишком рано принимает нормы общества);
- нарциссические нарушения;
- конфликтные ситуации, вплоть до конфронтации с полицией;
- личные связи с членами террористических организаций.

По мнению исследователя Э. Шоу, террористы – это люди с очень низкой самооценкой. Сочетая эту особенность с нарциссической акцентуацией, они испытывают серьезный внутренний конфликт, ведущий к нарушению самоидентификации. Идентификация с террористической группой обеспечивает таким людям социальную роль, пусть и негативную. Порвать с группой для террориста почти невозможно – это равносильно психологическому самоубийству. Террорист имеет столь низкую самооценку, что для него отказаться от заново обретенной самоидентификации практически невозможно.

Но каким способом террористы воздействуют на умы юношей и девушек? В век современных технологий это несложно. Впервые, поколение молодых людей (возраст вербовки в террористические группировки – 20 – 25 лет) в сложных жизненных ситуациях обращается к Интернету. Пространство Интернета давно перестало быть безопасным. Во-вторых, время пребывания в Интернете многими молодыми людьми строго не регламентируется, и они часто теряют чувство реальности. В-третьих, уже давно разработаны способы воздействия на человека через аудиовизуальное раздражение.

Очень слабые, подпороговые сигналы не воспринимаются сознанием, но внедряются в подсознание. Они способны ориентировать мышление, сознание и поведение человека в нужном заказчиком направлении. Для воздействия на мыслительные способности человека можно использовать ультразвук, который вызывает головную боль, головокружение, расстройства зрения, дыхания, конвульсии.

Используя инфразвук, можно вызвать раздражение, страх, дискомфорт, тем самым влиять на самочувствие, настроение, быстроту реакции. Главная задача психотерроризма – превращение субъекта в объект управления. Существуют определенные методы обработки

звуковых сигналов и видеоизображений, которые применяются для эффективного воздействия на человека:

- инфразвуковая модуляция;
- ультразвуковая модуляция;
- модуляция по амплитуде несколькими сигналами;
- применение 25 кадра;
- световые вспышки;
- низкочастотный диапазон звучания;
- инфразвуковые частоты, совпадающие с частотой внутренних органов человека;
- ритмичная музыка.

Приглушённые низкочастотные сигналы действуют на человека гипнотически, отключают мышление. Это состояние можно использовать для выполнения какого-либо требования от человека.

Еще одно развлечение молодых людей – коллективное изучение видеоматериала, предлагаемого Интернетом. Поведенческие реакции людей после просмотра различного рода видео, воздействующего на психику, будут зависеть от *личностных характеристик человека, его социального окружения и физиологического состояния*. Помимо различных вегетативных проявлений и психосоматических реакций есть опасность возникновения панических настроений, так как факторов, способствующих возникновению паники, достаточно много:

1. *Социальные факторы* – общая напряжённость в обществе, вызванная происшедшими или ожидаемыми природными, экономическими, политическими бедствиями. Иногда напряжённость обусловлена памятью о трагедии и (или) предчувствием надвигающейся трагедии, приближение которой ощущается по предварительным признакам.

2. *Физиологические факторы*: усталость, голод, длительная бессонница, алкогольное и наркотическое опьянение снижают уровень индивидуального самоконтроля, что при массовом скоплении людей чревато особенно опасными последствиями.

3. *Общепсихологические факторы* – неожиданность, удивление, испуг, вызванные недостатком информации о возможных опасностях и способах противодействия.

4. *Социально-психологические и идеологические факторы*: отсутствие ясной и высокозначимой общей цели, эффективных, пользующихся общим доверием лидеров и, соответственно, низкий уровень групповой сплочённости [2, с.62].

При просмотре ролика в молодежной среде, где насчитывается одновременно несколько

десятков человек, может развиваться коллективная паника, у которой есть свой сценарий. Шокирующий стимул, очень сильный или повторяющийся, вызывает испуг сначала у одного или нескольких человек. Эти люди становятся источником, от которого страх передается остальным. Происходит взаимная индукция и нагнетание эмоционального напряжения через механизм циркулярной реакции. Далее, если не приняты своевременные меры, масса окончательно деградирует, люди теряют самоконтроль. При потере самоконтроля могут возникнуть и другие поведенческие реакции (в зависимости от особенностей типа нервной и эндокринной систем, общей стрессоустойчивости и эмоционального настроения).

В толпе минимальный порог возбудимости обычно имеют женщины или дети, а в боевой ситуации – молодые и неопытные, не закалённые в сражениях солдаты. Их испуг проявляется криками или междометиями, выражением лиц и суетливыми телодвижениями [2, с.48]. У каждого, кто решит для себя, что предполагаемые события могут произойти (при вероятностных событиях наш организм переживает стресс так же, как при уже случившихся), может развиваться широкий спектр проблем: от неврозов и психосоматических расстройств до переживания критических жизненных ситуаций. Говоря о переживании критических жизненных ситуаций, мы имеем в виду следующие реакции:

– стресс как неспецифическая реакция организма на ситуацию, которая требует функциональной перестройки организма, соответствующей адаптации;

– фрустрация – состояние подавленности, тревоги, возникающее при появлении преграды к достижению поставленной цели (в поведенческом плане: утрата волевого контроля (дезорганизация поведения) или снижение степени обусловленности сознания адекватной мотивацией (потеря терпения и надежды);

– конфликт как актуализация сложных внутренних (психологических) проблем – в критической ситуации субъективно невозможно выйти из конфликтной ситуации (разрешить конфликт) [4, с.17].

Количество жертв от психотерроризма сосчитать невозможно, так же как и при чрезвычайных ситуациях и катастрофах. Даже при незначительных видимых жертвах «здесь и сейчас», невозможно определить тяжесть последствий в будущем и количество вовлеченных в чрезвычайную ситуацию людей:

– если вовремя не снять острую стрессовую реакцию, как ответную реакцию организма на травмирующую психику событие в первые 48 часов, то в последующем могут развиваться различные психосоматические расстройства, а через 3 – 6 месяцев и более может развиваться посттравматическое стрессовое расстройство личности;

– как правило, жертвами становятся как непосредственно пострадавшие, так и очевидцы событий, их родственники, люди, оказавшиеся случайными свидетелями, телезрители, радиослушатели, Интернет-пользователи, если о произошедшем написано или сообщено в средствах массовой информации.

К служению и фанатичной преданности лидерам или идеям различных террористических организаций могут привести:

– неосмотрительность, отсутствие понятия безопасности в информационном поле Интернета;

– недостаточное информирование молодежи о возможных последствиях различных видео- и акустических воздействий на психику человека;

– отсутствие эмоциональных связей в детстве;

– низкая самооценка;

– отсутствие чувства самоидентичности в зрелом возрасте.

Именно поэтому сегодняшний призыв о нравственном возрождении России становится актуальным как никогда прежде.

Литература:

1. Аносов В.Д., Лепский В.Е. Проблемы информационно-психологической безопасности. Исходные посылы проблематики информационно-психологической безопасности / В.Д. Аносов, В.Е. Лепский: в кн.: Брушлинский А.В., Лепский В.Е. – М., Институт психологии РАН, 1996.

2. Даченков И. Весь этот пиар / И. Даченков // Сборник актуальных статей 2003-2013.

3. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы: справочник практического психолога / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 1008 с.

4. Психиатрия войн и катастроф: учебное пособие; под ред. В.К. Шамрея. – СПб: Спецлит., 2015. – 431 с.

5. Смолян Г.Л., Лепский В.Е. Новые технологии информационного воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание / Г.Л. Смолян, В.Е. Лепский // Проблемы психологии и эргономики. – 2001. – № 3.

6. Назаретян А.П. Психология массового стихийного поведения: лекция 3 / А.П. Назаретян. – М., ПЕРСЭ, 2001.

Сведения об авторах:

Кочергин Анатолий Васильевич (г. Казань, Россия), доктор технических наук, профессор кафедры Специальные технологии в образовании Казанского национально-исследовательского университета им. А.Н. Туполева, e-mail: akustika2014k@mail.ru

Накоряков Павел Викторович (г. Казань, Россия), кандидат технических наук, доцент кафедры Специальные технологии в образовании Казанского национально-исследовательского университета им. А.Н.Туполева.

Миронова Маргарита Анатольевна (г. Казань, Россия), кандидат педагогических наук, доцент кафедры Специальные технологии в образовании Казанского национально-исследовательского университета им. А.Н. Туполева, e-mail: margo_mir@inbox.ru

Валева Ксения Анатольевна (г. Казань, Россия), кандидат технических наук, доцент кафедры Специальные технологии в образовании Казанского национально-исследовательского университета им. А.Н. Туполева, e-mail: kocherginakseniya@mail.ru

Data about the authors:

A. Kochergin (Kazan, Russia), doctor of Technical Sciences, professor of Tupolev Kazan national research university, e-mail: akustika2014k@mail.ru

P. Nakoryakov (Kazan, Russia), candidate of Technical Sciences, assistant professor of Tupolev Kazan national research university.

M. Mironova (Kazan, Russia), candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of Tupolev Kazan national research university, e-mail: margo_mir@inbox.ru

K. Valeeva (Kazan, Russia), candidate of Technical Sciences, assistant professor of Tupolev Kazan national research university, e-mail: professor of Tupolev Kazan national research university, e-mail: kocherginakseniya@mail.ru

УДК 316

ВЕРБОВКА КАК ИСКУССТВЕННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ АДДИКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СИНДРОМА ВАРВАРЫ КАРАУЛОВОЙ)

К.В. Фёдорова¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена ростом в России и во всём мире числа молодых людей, завербованных запрещённой в нашей стране организацией ИГИЛ (здесь и далее: террористическая организация, запрещённая на территории РФ). В связи с этим данная статья направлена на выявление причин, побудивших студентку второго курса МГУ Варвару Караулову совершить побег в Сирию, на территорию, подконтрольную ИГИЛ. Автор рассматривает этот случай как наиболее ярко освещённый в прессе в контексте других похожих историй. В статье представлены механизмы вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность в рамках искусственного формирования поведенческой аддикции у потенциальных жертв вербовки. Материалы исследования представляют практическую ценность для государственных и образовательных учреждений, родителей, желающих предупредить возможные риски вербовки, и самих молодых людей, нуждающихся в объективной информации на эту тему.

Ключевые слова: поведенческая аддикция, вербовка, экстремизм, профилактика вовлечения в экстремистскую деятельность, террористическая группировка.

RECRUITING AS AN INTENTIONAL FORMATION OF BEHAVIORAL ADDICTION (ON THE EXAMPLE OF VARVARA KARAULOVA SYNDROME)

K. Fedorova

Abstract. The urgency of the research is caused by the growth of number of young people recruited by the ISIS both in Russia and worldwide. In this regard, the article aims to identify reasons why the second-year student of Moscow State University Varvara Karaulova did the trial to escape to Syria, the territory controlled by ISIS. The article presents the mechanisms of being involved into extremist and terrorist activities within the intentional formation of behavioral addiction of recruitment victims. The study materials are of practical value for government and educational institutions, parents wanting to prevent the possible risks of recruitment and the young people themselves who need objective information on this topic.

Keywords: behavioral addiction, recruiting, extremism, recruitment prevention, terrorist group.

Как известно, различаются химическая и нехимическая, то есть поведенческая, зависимость. И если об опасности развития химической зависимости от употребления алкоголя или наркотиков сегодня говорят повсеместно, то поведенческую аддикцию часто не воспринимают всерьёз. Казалось бы, чем может навредить шопоголизм, трудоголизм, зависимость от занятий спортом или от отношений с конкретным человеком. Поведенческие зависимости негласно порой именуют «социально приемлемыми» [7].

Однако важно понимать, что любая аддикция является бегством от реальности посредством изменения своего психического состояния, которое в данном случае достигается фиксацией на том или ином объекте – так называемом поведенческом паттерне [2], будь то спорт, хобби или походы по магазинам. В свою очередь, личностные изменения, которые сопровождают зависимость, затрагивают, прежде всего, эмоционально-волевую сферу человека и, так или иначе, отражаются на его

жизни и жизни близких ему людей в целом. Американские учёные Вилсон-Шеф (Wilson-Schaeff) и Фассел (Fassel) описали три уровня обмана, которые используют аддикты:

1. Они обманывают самих себя. Целью этого обмана является прерывание контакта со своими чувствами, осознанием происходящего, со своими настоящими потребностями.

2. Они обманывают членов семьи, коллег, провоцируя нечестность внутри семейной или рабочей системы.

3. Они обманывают мир в целом, стараясь произвести ложное впечатление на окружающих [8].

Например, аддикт-работоголик убеждает себя и окружающих в том, что он работает ради денег или другой абстрактной цели. Такая «защита» принимается обществом. Человек не понимает, что такой способ «траты» себя является тупиковым, не реализует потенциальные возможности. Вне работы (болезнь, увольнение и т.д.) трудоголическая

аддикция легко сменяется другой, чаще химической аддикцией. И это ключевой момент.

Любая поведенческая зависимость опасна тем, что, рождаясь из страха внутренней пустоты, которую надо заполнить, она ведёт к созданию новых зависимостей, как поведенческого, так и химического характера. Алгоритм развития поведенческой зависимости хорошо виден на примере так называемого «синдрома Варвары Карауловой». О том, что число молодых людей, завербованных запрещённой в нашей стране организацией ИГИЛ, растёт, говорят сегодня все средства массовой информации. По сути своей вербовка является ярчайшим примером искусственного формирования поведенческой зависимости человека.

История российской студентки Варвары Карауловой, девушки из приличной семьи, задержанной при попытке через Турцию пробраться в Сирию, на территорию, подконтрольную запрещённой в России организации ИГИЛ, чтобы вступить в ряды террористов, серьёзно взбудоражила общественность. Как только эта история получила широкое распространение, всем и каждому вдруг стало ясно, что в нашей стране беспрепятственно действуют эксперты ИГИЛ в области вербовки, а Варвара – далеко не исключение из правил, а скорее уже ставший рядовым случай, ведь только вместе с ней границу пытались пересечь ещё 13 человек. Кроме того, в последнее время пресса осветила ещё несколько громких дел: о пропаже очередной студентки столичного вуза, родные которой подозревают, что девушке удалось повторить маршрут Вари, и о признании виновным молодого человека, проживающего в Твери, – в приготовлении к участию в вооружённом формировании на территории так называемого «Исламского государства» [5].

Мишенью вербовщиков становятся люди разного возраста, достатка и статуса, однако молодёжь, в особенности студенты, составляют сегодня особую группу риска. Молодой крепкий парень, постоянный участник межвузовских спортивных соревнований, знающий английский, а то и несколько иностранных языков, – настоящая находка для террористов ИГИЛ, а девушки от 18 до 25 лет – идеальные кандидаты на вакансию смертницы. Для сравнения, Варвара Караулова – мастер боевых искусств, она профессионально занимается тайским боксом, училась в США и Англии, прекрасно владеет английским, французским, немецким языками, изучает арабский.

Общая схема вербовки, как правило, включает в себя несколько основных этапов. Сначала *наводчик* вычисляет потенциальную жертву, проверяя её на наличие проблем – от социальных и бытовых трудностей до духовно-нравственных и идеологических. Затем в работу включается *мотиватор*, который налаживает контакт с объектом вербовки и в процессе общения незаметно «давит» на существующие проблемы, гиперболизируя их, а потом показывает выход – бегство в прекрасное «там», где тебе якобы будут рады, где решат твои проблемы и где ты, в свою очередь, окажешься незаменимым, сможешь проявить себя и свои таланты. Задача мотиватора – заставить жертву поверить в то, что она может сделать нечто очень важное для общего блага. Как только мотиватор устанавливает видимые признаки того, что «клиент» попал на крючок, как будто внезапно появляется «уникальная возможность» встретиться с «очень серьёзным человеком» – на деле *вербовщиком*, который подарит уже подготовленному к такой встрече человеку шанс проявить себя, изменив тем самым всю свою жизнь. Жертве говорят о том, что её заметили, признали, оценили её способности и готовы поручить ей ответственное задание.

Конечно, это лишь общее описание вербовочной схемы. Самых сценариев вербовки существует огромное множество: от самых простых, таких как предложение денег малообеспеченным семьям, готовым на всё ради того, чтобы расплатиться с долгами, до весьма изощрённых. Как известно, спецслужбы установили личность вербовщика ИГИЛ, из-за которого студентка МГУ Варвара сбежала из дома. Это уроженец Казани, который в социальных сетях подписывался псевдонимом *Klaus Klaus*. Через три года общения в Интернете «виртуальный друг» позвал Варвару в Сирию, пообещав жениться на ней [6].

Действительно, социальные сети сегодня признаны одним из самых действенных орудий вербовки сторонников ИГИЛ. Внимание молодого человека, стремящегося к активному общению, легко привлечь дискуссионной темой, в обсуждение которой тот охотно может вступить. Затем вербовщики выходят на связь с теми, кто участвовал в обсуждении в группе. Не прибегая к открытым вербализованным призывам, они представляют своё видение происходящих в мире событий, зачастую подкрепляя свой рассказ ссылками на видеозаписи массовых казней и других жестокостей, сопровождаемые авторской интерпретацией. Побуждение взять в руки оружие и вступить в ряды группировки ИГИЛ

может быть выражено и неявно, на деле же эмоционально потрясённый увиденным и услышанным человек понимает, что нельзя и дальше сидеть сложа руки, необходимо сделать хоть что-то, чтобы остановить несправедливость. При этом он сам не замечает, как точка зрения собеседника становится его собственной.

Надежда на заключение брака с вербовщиком – ещё одна уловка, на которую попала не только Варвара Караулова. Профессор, сектовед Александр Дворкин предполагает, что дело вовсе не в попытках студенток найти богатого иностранца. У современных девушек, которых зачастую окружают сквернословящие, пьющие, курящие, порой увлекающиеся наркотиками молодые люди, не способные предложить им ничего кроме разнузданности в личной жизни, вдруг появляется иллюзия альтернативы: им предлагают выйти замуж ведущие правильный образ жизни правоверные мусульмане [9], а участие в боевых действиях на стороне ИГИЛ романтически настроенной особе так легко спутать с проявлением благородства в стремлении защищать единоверцев. Обещание большой и чистой любви, таким образом, – ещё один популярный способ вербовки.

В последнее время в России подобный метод вербовки, активно используемый ИГИЛ, получил номинацию «медовая ловушка» [3]. Исконно в практике оперативников так называется вербовка интересующего разведывательные органы человека через вовлечение его в интимные отношения с женщиной. В случае ИГИЛ – с мужчиной.

Автор бестселлеров по детской психологии Ольга Маховская полагает, что произошедшее с девушкой можно квалифицировать как «синдром второго курса». Психолог отмечает: в силу того, что продолжительность жизни увеличилась, подростковый возраст откладывается до 25 лет. Поэтому на девятнадцать лет приходится пик кризиса, связанного с поиском внутреннего «я». Наиболее дисгармонично такой кризис проходят самые одарённые и талантливые представители молодёжи. Всё дело в том, что многие из них двигались по жизни, подталкиваемые так называемой «внешней мотивацией», подогреваемые амбициями родителей и педагогов. С окончанием периода «вундеркинизма», после успешного прохождения вступительных испытаний в вузы, внимание родителей ослабевает, а сами подростки начинают терять мотивацию,

углубляясь в поиски «себя» и своего истинного пути [7].

Психолог Лариса Ренар комментирует случившееся с Варварой в прессе как *сильнейшую эмоциональную зависимость*, в которую девушка попала от объекта своей любви, так называемый «синдром эмоционального слияния», когда желание добиться объекта своей любви зачастую приводит к неадекватным и даже опасным поступкам. Зависимый человек теряет свою индивидуальность и, по сути, готов на всё ради одобрения его действий объектом привязанности [1]. Кстати, по данным СМИ, Варя стала четырнадцатой в списке вербовщика [10].

Возможно, именно сильнейшей зависимостью объясняется тот факт, что, вернувшись в Россию, Варвара Караулова вновь связалась с радикальными исламистами. В результате в отношении девушки было заведено уголовное дело по статье «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», теперь ответственность будут нести не только вербовщики, но и сама девушка. Что же спровоцировало подобную приверженность Варвары первоначальной «стратегии» действий?

«Мы поступаем очень жестоко, когда начинаем применять к таким подросткам меры наказания, как к самостоятельным, зловещим, взрослым преступникам», – говорит Ольга Маховская. Психолог считает необходимым учитывать особое состояние: ребята плохо ориентируются, они становятся своеобразными «зомби» – потерянными, испуганными, не контролирующими своих действий и не управляющими своими эмоциями [7]. Очевидно, что Варвара, как и другие ребята, чьи истории так похожи, нуждаются в серьёзном психологическом сопровождении. В средствах массовой информации, между тем, нет никаких сведений о том, оказывалась ли вообще Варя такого рода профессиональная поддержка. Единственное, о чём сообщается в печатных и Интернет-изданиях, – это то, что с Варварой, кстати, сменившей имя на Александру Иванову, рядом была её мама, которая старалась организовать Варю досуг. Действительно, психологическое благополучие людей, оказавшихся в подобной ситуации, невозможно без восстановления психоэмоциональной связи с близкими людьми. При этом первоочередное значение приобретает помощь членов семьи пострадавшего в выражении им истинных эмоций, которые человек испытывает в связи с произошедшей ситуацией. Мало того, подобная

помощь может потребоваться и самим членам семьи жертвы вербовки.

Однако, как правило, роль работы с эмоциями недооценивается. Это тем важнее, что исследователями выявлено: в зону риска вербовки экстремистскими и террористическими организациями попадают в первую очередь люди с недостаточно развитой эмоциональной сферой, воспитанные в семьях, где существовал запрет на выражение эмоций. Как следствие, личности, испытывающие трудности в определении и выражении эмоций, имеют также так называемые «интерперсональные» факторы риска: низкую самооценку, неразвитую способность к сопереживанию или эмпатию. В связи с этим у таких людей не формируется умение накапливать собственный и чужой опыт переживаний, а навыки принятия решений в сложных стрессовых ситуациях недостаточно развиты. Кроме того, они, как правило, не слишком общительны, что ведёт к затруднениям в общении со сверстниками. В результате эти люди не получают в своём кругу признания и поэтому готовы любой ценой включиться в группу, которая, как им кажется, готова их принять и оценить по достоинству [4].

Важно понимать, что люди, которым свойственны выше перечисленные характеристики, склонны к развитию поведенческих зависимостей вообще, а следовательно, и наиболее подвержены риску вербовки. Сегодня тщательному анализу подвергаются вопросы мотивации террористов и их пособников, исследуются индивидуально-психологические факторы вовлечения в экстремистскую деятельность, разрабатываются рекомендации по профилактике деструктивной модели поведения и идеологии, в первую очередь, среди школьников и студентов как лиц наименее защищённых от манипулятивного воздействия вербовщиков. Между тем, каждый из нас должен понимать: большое значение имеет личная профилактика развития любых зависимостей, основанная на понимании, что предупреждение аддиктивного поведения в

отношении чего бы то ни было снижает вашу личную уязвимость.

Конечно, Варвара Караулова не произвела самоподрыв, но совершила попытку присоединиться к запрещённой в России террористической группировке ИГИЛ на территории Сирии и, кроме того, после возвращения на родину она возобновила общение с вербовщиками. Сегодня в прессе неоднократно повторяется один и тот же риторический вопрос: «Что заставило девушку сделать это?». «Синдром Варвары Карауловой» – наглядный пример того, как работает модель бегства от реальности, которую идеологи террористических группировок используют в качестве механизма формирования поведенческой аддикции и, в конечном итоге – вовлечения жертвы вербовки в экстремистскую деятельность. Судьба женщины, превратившейся в одноразовое средство доставки бомбы, может развиваться по двум сценариям: в лучшем случае – тюремное заключение, в худшем – смерть.

Возвращаясь к разговору о личной профилактике развития зависимостей и о предупреждении экстремистских настроений в среде молодёжи, склонной в силу возраста к героизации и романтизации всего необычного, необходимо отметить, что, конечно, далеко не последнюю роль играет наличие объективного представления о тех опасностях, которыми полон наш мир и которых каждый в силах избежать самостоятельно. Другое дело, что вовлечение в экстремистскую деятельность является крайним проявлением развития поведенческой аддикции и личная профилактика зависимостей вообще, будь то аддиктивная привязанность к чрезмерной трате денег или к любовным отношениям с конкретным человеком, обязательным своим пунктом имеет самодостаточность личности, способной взять ответственность за свою жизнь. Именно формирование такой личности учащегося должно, по нашему мнению, стать одной из основных целей воспитательной деятельности педагога современной российской школы.

Литература:

1. Варвара Караулова: тюремная роба вместо хиджаба [Электронный ресурс] / РИА Новости. – 2015. – Режим доступа: <http://nation-news.ru/168219-varvara-karau-lova-tyuremnaya-robavmesto-hidzhaba>
2. Виды аддиктивного поведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://geum.ru/next/refit-43437.html>
3. Почему русская молодёжь уходит в «Исламское государство» [Электронный ресурс] /

Комсомольская правда. - Режим доступа: <http://www.kem.kp.ru/radio/stenography/132597/>

4. Профилактика экстремизма в молодёжной среде [Электронный ресурс] / Сайт Комитета по делам молодёжи Костромской области. – Режим доступа: <http://kdm44.ru/pages/main/tkstremizm.html>

5. Синдром Вари Карауловой: тверской след [Электронный ресурс] / «Вся Тверь» Муниципальная общественно-политическая газета. – 2015. - Режим

доступа: <http://www.xn----6kcalbbrfn0iijf7msb.xn--p1ai/?p=6445>

6. Синдром Варвары Карауловой [Электронный ресурс] / «Рязанские ведомости» № 200 (4994) от 27 октября 2015. - Режим доступа: <http://tv-gyazan.ru/news/46209.html>

7. Синдром второго курса [Электронный ресурс] / Радио Свобода от 12 июня, 2015 г. – Режим доступа: <http://www.svoboda.mobi/a/27068516.html>

8. Социально приемлемые аддикции [Электронный ресурс] / Русский народный сервер против наркотиков. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru/publ/info/260>

9. Психологи объяснили, как ИГИЛ вербует подростков [Электронный ресурс] / ТВЦ-новости. – Режим доступа: <http://m.tvc.ru/news/show/id/69812>

10. Вербовщик Вари Карауловой в школе был неудачником [Электронный ресурс] / Life news. – Режим доступа: <http://ulpressa.ru/2015/11/18/735813>

Сведения об авторе:

Фёдорова Ксения Валентиновна (г. Казань, Россия), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования», профессиональный коуч, e-mail: kseniafedorowa@gmail.com

Data about the author:

K. Fedorova (Kazan, Russia), candidate of philological sciences, senior researcher at the Institute of Problems of National and Ungraded School of Russian Academy of Education, professional coach, e-mail: kseniafedorowa@gmail.com

УДК 159.99

«БЕГСТВО В ЭКСТРЕМИЗМ». К ВОПРОСУ ОБ АДДИКТИВНОМ КОМПОНЕНТЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

В.В. Новиков, С.В. Кулакова, К.Ф. Фадеева

Аннотация. В статье рассматриваются сходства поведенческих паттернов, наблюдающихся у экстремистов, террористов с проявлениями болезней зависимости. Проводятся как аналогии с химическими зависимостями при помощи использования их основного диагностического критерия, так и диагностика с использованием критериев нехимической аддикции. Теоретически обосновывается положение о многокомпонентной природе современного экстремизма, существенной составляющей которого является нехимическая аддикция.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, нехимическая аддикция, наркоманический синдром.

"THE ESCAPE TO EXTREMISM". THE ISSUE OF ADDICTIVE COMPONENT OF EXTREMISM AND TERRORISM

V. Novikov, S. Kulakova, K. Fadeeva

Abstract. The article issues questions of the similarity of the behavioral patterns observed at extremists and terrorists which are the manifestations of the disease dependency. Parallels with chemical dependency are observed through the usage of their main diagnostic criteria, and diagnosis using the criteria of non-chemical addiction. It is proved theoretically that the statement of multicomponent nature of modern extremism exists, which is a significant component of non-chemical addiction.

Keywords: extremism, terrorism, non-chemical addiction, the dependence syndrome.

По одному из определений (среди более ста), экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам, причем суть термина составляют латинские слова «extremitas» и «extremus», обозначающие удаленность и отказ от выполнения общепринятых обязанностей. Таким образом, это определенное поведение, отличающееся стабильностью и стойкостью, несмотря на его общественное неприятие.

Несомненно актуальными являются вопросы, почему подобный поведенческий паттерн столь разнообразен (идеологический, политический, националистический, религиозный и др.) и широко распространен, особенно в молодежной среде [1;3;11]; многообразен в своих проявлениях – от безобидных выражений протеста до терроризма; устойчив во времени и имеет тенденцию к росту [3;4;10;11], что сделало его одной из угроз в сферах государственной и общественной безопасности.

По мнению Ю.М. Антоняна (2008), экстремизм – это «продукт разобщенности общества, которое не обрело или утратило общую идеологию, единые ценности и цели», который «представляет собой агрессивную, защитную по своей природе реакцию наиболее тревожной части населения на неблагоприятные экономические и социальные условия жизни, на ее низкое качество» [2, с.311], что отражает, в первую очередь, социально-средовой компонент его генеза.

В тоже время Ю.П. Зинченко, А.Ш. Тхостов (2007) акцентируют внимание на личностно-мотивационном аспекте, утверждая что терроризм позволяет найти «обходной путь» удовлетворения потребностей и решить актуальные социально-средовые проблемы путем игнорирования «принципа реальности» и суррогатного удовлетворения потребностей. По словам авторов, становясь террористом, человек (если мы будем говорить не о тонком слое лидеров) отнюдь не повышает уровень обеспеченности и образования населения, не решает проблему занятости. Сама бедность, если не иметь в виду ограничения возможностей удовлетворения самых базовых потребностей выживания, является скорее социально-экономическим, нежели психологическим фактором. Психологическим же она становится в той мере, в которой опосредствует (затрудняет или облегчает) реализацию иных актуализированных потребностей: например, самореализации, самоуважения, власти. При этом терроризм как психологическая технология дает возможность нахождения своеобразного «обходного» пути: бедность не отменяется, террорист не становится более образованным, но зато он обретает высшую власть над куда более богатыми, успешными или образованными людьми. Потребностные состояния удовлетворяются в особой – «смещенной», символической форме [6, с.22].

Разрешить дихотомию «интрапсихическое – средовое» поможет, на наш взгляд, введение

третьего компонента – аддиктивного. Если говорить о нехимических зависимостях в целом, то при них пристрастие распространяется на поведенческий паттерн, по аналогии с психоактивным веществом, являющимся объектом химической зависимости. В частности, по мнению S. Peele (1981): «Химическая аддикция базируется на опыте, который наркотик дает человеку, и месте, которое этот опыт занимает в жизни человека. Все, что дает сравнимый опыт, может также вызвать аддикцию» [14]. Основной опыт любой химической аддикции, на наш взгляд, – именно игнорирование «принципа реальности» и возможность суррогатного удовлетворения потребностей и «псевдорешения» актуальных социально-средовых проблем.

По нашему мнению, изменение неудовлетворяющего респондентов психического состояния, возникшего из-за действия внешних или внутренних причин, с помощью определенного поведенческого паттерна, которое по сути и есть «нехимическая аддикция», в полной мере соответствует проявлениям экстремизма с их разнообразием, стойкостью и тенденциями к росту, особенно в неблагоприятных социально-экономических условиях. Сходные механизмы формирования необходимых поведенческих паттернов реализуются в религиозных сектах [8], что позволяет нам выдвинуть гипотезу многокомпонентности генеза экстремизма, определив одним из компонентов нехимическую аддикцию.

Уход от реальности в виде «бегства в экстремизм» (определение наше) по аналогии с другими нехимическими аддикциями, такими как «бегство в работу», «бегство в контакты или одиночество» и «бегство в фантазии» и пр. [7], позволяет реализовать свои потребности путем сосредоточенности на узконаправленной сфере деятельности, в которой аддикт «успешен» при игнорировании остальных, в которых самореализация затруднена. Подтверждение этого постулата мы находим еще в работе С.А. Эфирова (1983): «Люди этого типа познают жизнь опытным путем, абсолютизируя собственный опыт и признавая лишь тех, с действиями которых они входят в резонанс (эффект узнавания). Резкое неприятие чуждой формы поведения слишком часто толкает этих молодых людей на преступление» [12, с.135]. По мнению исследователей К.Ю. Зальмунина и В.Д. Менделевича (2014), правомерно говорить об общих закономерностях развития химических и нехимических аддикций [5], а I. Marks (1990) [13] выделил критерии их диагностики, опираясь

на которые и соотнеся развитие химической зависимости и экстремистского поведения, мы можем выделить аддиктивный компонент экстремизма.

Рассмотрим аналогии проявлений и динамики «бегства в экстремизм» с большим наркоманическим синдромом, являющимся базовой структурой химической зависимости.

Синдром измененной реактивности, включающий в себя:

1. Изменение формы потребления. В случае с психоактивными веществами (далее – ПАВ), это переход от эпизодического потребления к периодическому и систематическому, в случае экстремизма – все большая вовлеченность в экстремистскую деятельность.

2. Изменение толерантности – большая переносимость ПАВ, аналогом которой будет принятие все более агрессивных форм экстремистского поведения, вплоть до оправдания необходимости осуществления террористических актов. Еще один аспект – толерантность поведенческая, которая проявляется способностью произвольно контролировать внешние поведенческие проявления в зависимости от ситуации. В этом случае речь идет о способности скрывать свои взгляды при необходимости, как алкоголик со стажем может скрыть свое опьянение.

3. Утрата защитных реакций, что в рассматриваемом нами случае – адаптация к страху быть привлеченным к ответственности за преступления террористического характера и экстремистской направленности.

4. Изменение формы опьянения – утрата со временем первичного эйфоризирующего эффекта от своей деятельности, появление немотивированной агрессии и страха не выполнить ее должным образом.

Синдром психической зависимости. Прежде чем переходить к его описанию, необходимо отдельно отметить тот факт, что век экстремистов и террористов, действующих в одиночку, остался в прошлом. Множественные скоординированные террористические атаки в Париже, Брюсселе, образовании псевдогосударства т.н. ДАИШ (организация, запрещенная в Российской Федерации), развеивают все сомнения относительно существования различных по численности групп лиц, объединенных общими внутригрупповыми, а порой и межгрупповыми целями. Речь идет не только о терроризме как крайнем проявлении экстремизма, но и его более мягких вариантах. В этом случае мы видим не только потребность в осуществлении нескольких поведенческих паттернов: экстремистского поведения и

принадлежности к группе. Лидеры организаций экстремистской направленности, как и лидеры наркомафии, остаются вне этой зависимости, активно формируя ее у рядовых членов так называемый DDD-синдром (deception, dependency, dread – обман, зависимость, страх), в то время как сами тяготеют к синдрому «сверхчеловека».

DDD-синдром проявляется:

- 1) потерей собственной воли и критичности мышления к проповедуемому;
- 2) в принятии жизненных решений только после совета и с разрешения старшего;
- 3) в полной податливости лидеру;
- 4) в чувстве неудобства или беспомощности в одиночестве из-за чрезмерного страха;
- 5) в страхе быть покинутым лидером.

Синдром «сверхчеловека» проявляется: в осознании своей особой силы и исключительности, повышении чувства собственной значимости, принятии на себя роли «пастуха».

Синдром психической зависимости включает:

- 1) навязчивое влечение к определенному поведению, постоянные размышления о своей деятельности, предвкушение ее осуществления;
- 2) со временем нарастает понимание того, что нахождение в экстремистской организации и собственно поведенческие деликты делают психическое самочувствие экстремиста удовлетворительным, в то время как «внешний» мир – враждебен.

Синдром физической зависимости проявляется:

1. Компульсивным влечением к поведенческому паттерну. В случае наркотизации компульсивное влечение способно вытеснять витальные влечения – голод, жажду, сексуальное влечение, порой подавлять страх смерти. Мы наблюдаем, на наш взгляд, прямую аналогию с поведением террориста, в том числе террориста-смертника с узкой направленностью на выполнение поставленной задачи и на преодоление препятствий к этому.

2. Утратой контроля – в рассматриваемом случае – над «поведенческой дозой», когда акт мирного протеста легко перерастает в столкновения с правоохранительными органами или террорист стремится к максимальному количеству жертв, совершению жестоких террористических актов и не склонен к переговорам вне зависимости от внешних обстоятельств.

3. Способностью достигать физического комфорта в состоянии осуществления экстремистской деятельности.

4. Псевдоабстиненцией. Вне привычной деятельности наблюдается физический дискомфорт, который пропадает при ее осуществлении. В легких случаях это гневливость, вегетативные расстройства, когда аддикт не может посетить собрание единомышленников или участвовать в протестной деятельности, в тяжелых – тяга к расправе с «врагами», без чего ощущается психический и физический дискомфорт, аналогично нехимической зависимости, называемой «состояние перманентной войны» [9].

Критерии нехимической зависимости, предложенные I. Marks [13], а именно: побуждение к контрпродуктивной поведенческой деятельности (тяга); нарастающее напряжение, пока деятельность не будет завершена; завершение данной деятельности немедленно, но ненадолго снимает напряжение; повторная тяга и напряжение через часы, дни или недели (симптомы абстиненции); внешние проявления уникальны для данного синдрома аддикции; последующее существование определяется внешними и внутренними проявлениями (дисфория, тоска); гедонистический оттенок на ранних стадиях аддикции – также абсолютно применимы при «бегстве в экстремизм». Сопоставимы с данными критериями и тенденции искажать реальность в соответствии с собственными идеологическими представлениями, отсутствие критичности в отношении собственных убеждений, фальшивая логика рассуждений, рационализация своих интересов к антиобщественной деятельности используя понятие «общественного благополучия» [10].

Сопоставляя терроризм и экстремизм, по аналогии с химической зависимостью, можно утверждать, что терроризм представляет собой «злокачественный», быстро прогрессирующий экстремизм. Так, по словам К. Б. Ахмедовой (2014): «Понятие «терроризм» по своему содержанию значительно уже понятия «экстремизм»: экстремизм, опираясь на какую-либо идеологию, находит теоретическое обоснование применению насилия, в то время как терроризм выступает как система действий, опирающихся, как правило, на экстремистскую идеологию» [4, с.38]. N. Fotion (1981) описывает террористов как лиц, не способных на альтернативное поведение и оправдывающих невинные жертвы необходимостью борьбы за высокую цель наказания виновных [15]. На наш взгляд, это вполне сопоставимо с поведением наркомана, оправдывающего совершенное

правонарушение тем, что ему не хватало денег «на дозу».

Таким образом, представляется теоретически обоснованным утверждать, что современный экстремизм имеет многокомпонентную природу, одной из существенных составляющей которой

является нехимическая аддикция. Этот компонент требует глубокого изучения с применением экспериментальных методов, применяемых для исследования нехимических зависимостей.

Литература:

1. Акунина Ю.А. Социально-культурные условия профилактики экстремизма в молодежной среде: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / Акунина Юлия Аркадьевна. - М., 2005. - 219 с.

2. Антонян Ю.М. Природа экстремизма: сб. науч. трудов / Ю.М. Антонян // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью; под. ред. Н.А. Лопашенко. - Саратов, 2008. - 678 с.

3. Асташонок К.В. Феномен экстремизма. Возникновение и развитие / К.В. Асташонок // Мир науки, культуры, образования. - 2013. - № 6. - С. 539-542.

4. Ахмедова К.Б. Религиозный фактор в политическом контексте противодействия терроризму: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ахмедова Кульсум Байтаевна. - Ростов-на-Дону. - 2014. - 147 с.

5. Зальмунин К.Ю. Химические и нехимические аддикции в аспекте сравнительной аддиктологии / К.Ю. Зальмунин, В.Д. Менделевич // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. - 2014. - Т. 114. - № 5. - Вып. 2: Аддиктивные расстройства. - С. 3-8.

6. Зинченко Ю.П. Мотивация террориста / Ю.П. Зинченко, А.Ш. Тхостов, К.Г. Сурнов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2007. - № 2. - С. 20-34.

7. Егоров А.Ю. Нехимические зависимости / А.Ю. Егоров. - СПб.: Речь, 2007. - 190 с.

8. Новиков В.В. Психология и психопатология последователей религиозных сект:

сб. науч. трудов / В.В. Новиков, И.А. Федотов, А.В. Лукашук, В.В. Филиппов // Актуальные вопросы психического здоровья. - Рязань. - 2012. - Вып. 2. - С. 55-59.

9. Постнов В.В. Аддиктивное поведение в форме «состояния перманентной войны» в структуре расстройств адаптации у больных алкоголизмом – ветеранов боевых действий / В.В. Постнов, В.А. Дереча, В.В. Карпец // Новые методы лечения и реабилитации в наркологии (заместительная терапия, психофармакотерапия, психотерапия): сборник материалов Международной конференции. - Казань, 2004. - С. 291-295.

10. Соснин В.А. Психология современного терроризма: учебное пособие / В.А. Соснин. - М.: ФОРУМ, 2010. - 160 с.

11. Экстремизм. Экстремизм и его причины; под ред. Ю.М. Антоняна. - М.: Логос, 2010. - 288 с.

12. Эфиоров С.А. Социальные импликации экстремистского сознания / С.А. Эфиоров // Вопросы истории и критики буржуазной социологии. - М.: Институт социологических исследований АН СССР. - 1983. - 180 с.

13. Marks I. Behavioural (non-chemical) addictions // British J. Addict. - 1990. - V. 85. - P. 1389-1394.

14. Peele S. How Much is Too Much? // Prentice Hall Publishers, New York. - 1981.

15. Fotion N. The Burdens of Terrorism, in Leiser, Burton M., ed., Values in Conflict, - New York.: Macmillan. - 1981. - P. 463-470.

Сведения об авторах:

Новиков Владимир Владимирович (г. Рязань, Россия), кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии и психотерапии ФДПО ГБОУ ВПО РязГМУ им. акад. И.П. Павлова Минздрава России, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, e-mail: novlad2006@yandex.ru

Кулакова Светлана Владимировна (г. Москва, Россия), начальник отдела ФКУ «Научно-исследовательский институт» ФСИН России, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Фадеева Ксения Федоровна (г. Москва, Россия), старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт» ФСИН России, e-mail: centr2nii@yandex.ru

Data about the authors:

V. Novikov (Razan, Russia), the candidate of medical sciences, associate professor in the Department of psychiatry and psychotherapy the faculty of additional professional education Ryazan State Medical University, senior researcher at the research Institute of the Federal penitentiary service of Russia, e-mail: novlad2006@yandex.ru

S. Kulakova (Moscow, Russia), Head of FKU "Scientific Research Institute" Russian Federal Penitentiary Service, e-mail: centr2nii@yandex.ru

K. Fadeeva (Moscow, Russia), a senior fellow at FKU "Scientific Research Institute" Russian Federal Penitentiary Service, e-mail: centr2nii@yandex.ru

УДК 159

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ КАК ГРУППЫ РИСКА АУТОАГРЕССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕРРОРИЗМА

В.В. Герасимова, А.М. Карпов

Аннотация. В статье раскрываются психологические особенности подросткового возраста, которые могут быть отнесены к предикторам аутоагрессивных действий, совершаемых лицами, интегрированными в террористические группы и организации. Указывается, что значительное число террористических акций содержит в себе аутоагрессивную составляющую, т.е. смертника, другими словами, суицидента, как правило, молодого возраста, добровольно прерывающего свою жизнь. Рассматриваются психофизиологические основы данного явления.

Ключевые слова: аутоагрессия, терроризм, психологические особенности подростков, суицидальное поведение, биопсихосоциальное развитие.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF TEENAGERS AS A SELF-AGGRESSION RISK GROUP IN THE CONTEXT OF TERRORISM

V. Gerasimova, A. Karpov

Abstract. The authors unveil the psychological features of teenage age which can be referred to predictors of self-aggressive actions of persons integrated into terrorist groups and organizations. It is specified that the great number of terrorist attacks comprises a self-aggressive component, i.e. a suicide bomber as a rule of the young age that voluntarily ends his life. Psychophysiological basics of this phenomenon are investigated.

Keywords: self-aggression, terrorism, psychological characteristics of adolescents, suicidal behavior, biopsychosocial development.

Психологические особенности подросткового контингента как группы риска девиантного поведения достаточно детально изучались в рамках отечественной и зарубежных психологических школ и направлений. Однако тема терроризма по сей день остается актуальной, сложной и недостаточно изученной областью психолого-педагогического знания. Под терроризмом А.А. Маджорян понимает акты насилия, совершаемые отдельными лицами, организациями или правительственными органами, направленные на устранение нежелательных государственных и политических деятелей, дестабилизацию государственного правопорядка в целях достижения определённых политических результатов [10, с.32].

В трудах А.А. Зиновьева отмечается, что терроризм не есть что-то беспричинное или нечто, коренящееся в каких-то дефектах человеческой биологической природы. Это явление социальное, имеющее корни в условиях социального бытия людей [5, с.47].

По мнению В.П. Емельянова, терроризм представляет собой публично совершаемые общепасные действия или угрозы, направленные на устрашение населения или социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов [4, с.13]. Таким образом, целью терроризма является получение резонанса

от террористической акции в обществе, который спровоцирует желательное для них развитие событий.

В структуре терроризма явно выражено проявление двух форм агрессии:

– гетероагрессии – агрессии, направленной на людей: тех, кто пострадает во время теракта, их близких, которые будут переживать утрату или инвалидизацию своего родственника, и тех, кто будет переживать по поводу погибших, пострадавших людей;

– аутоагрессии – агрессии, направленной на саморазрушение, при которой участник теракта лишает себя жизни во имя определенной для него идеи.

Значительное число террористических акций содержит в себе аутоагрессивную составляющую, т.е. смертника, другими словами, суицидента, как правило, молодого возраста, добровольно прерывающего свою жизнь [3].

В сентябре 2015 года в г. Казани проходил XVI Съезд психиатров России «Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы». На секции, посвященной суицидологии, было отмечено, что за последние годы, по данным детского фонда ООН, значительно увеличилось число суицидальных попыток и завершённых самоубийств среди подростков и молодежи. В настоящее время

уровень суицидов среди российских подростков является одним из самых высоких в мире.

Анализируя происходящее, мы приходим к выводу о необходимости изучения психологических особенностей подросткового возраста как группы риска аутоагрессии в контексте терроризма.

По данным различных источников: аналитических справок органов внутренних дел, социальной защиты населения, медицинских публикаций, психологических и педагогических исследований, среди основных причин, способствующих использованию крайней формы аутоагрессии у подростков, являются конфликтные отношения с родителями и конфликты со значимыми взрослыми, учителями. Отсутствие взаимопонимания с родителями и значимыми близкими при сложившейся политической обстановке в мире и морально-этической деградации, ригидности и инфантилизации современного общества может стать тем асоциальным лифтом, доставляющим подростков в организации террористического характера. При обретении временного комфортного состояния принятия и уважения в этих организациях подростки, зачастую не осознавая последствий, берут на себя роль аутоагрессантов, борющихся за торжество «высоких» идей [7].

В работах А.Г. Амбрумовой отмечается, что суицидальное поведение является следствием социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта [1].

В подростковом возрасте отчетливо представлен совокупный процесс биологических и психологических изменений и преобразований. У подростков развиваются все психические функции. В эмоциональной сфере проявляется склонность к более серьезному восприятию некоторых событий и более динамичные колебания настроения. По мнению М. Раттера, ощущение своей ничтожности, никчемности, несчастья для половины подростковой группы является весьма распространенным состоянием [11]. Влияние эмоций на духовную жизнь становится более глубоким, вследствие чего при определенных обстоятельствах подросток может проявить деструктивную импульсивность в поведении, выражающуюся в уходах из дома, приобщении к криминальным структурам, проявлении агрессивных асоциальных и аутоагрессивных актов. Чувствительность к оценке посторонними своей внешности, способностей, умений сочетается у подростков с излишней самонадеянностью и безапелляционными суждениями в отношении окружающих. В работах

А.Е. Личко описано, что сентиментальность порой уживается с поразительной черствостью, болезненная застенчивость – с развязанностью, желание быть признанным и оцененным другими – с показной независимостью, борьба с авторитетами, общепринятыми правилами и распространенными идеалами – с обожевлением всеобщих кумиров, а чувственное фантазирование – с прагматичным мудрствованием [9].

Центральным фактором психологического развития подростков по Л.И. Бажовичу, И.С. Кону является становление нового уровня самосознания [2;8].

В подростковом периоде определяется состояние «Я»: физического, психологического и социального, возникает чувство взрослости, выбираются и утверждаются аксеологические ориентации, формируется «Я-концепция» и самооценка.

У подростков актуализируется процесс самоопределения. Он обусловлен поиском путей удовлетворения основных потребностей, в том числе, в независимости и эмансипации от семьи, определении и развитии своего «Я»; аксиологической зрелостью и перспективным видением своей жизни.

Подросткам свойственно стремление к утверждению собственной независимости в том виде, в котором они ее сами представляют. Актуализируется потребность в расширении и углублении понимания своей идентичности, укреплении своего собственного образа личности, в сепарации своего «Я» от семейного «Мы». Необходимо отметить, что достаточно часто у подросткового контингента, склонного к асоциальным формам поведения, нет корреляции между представлениями о себе и реально существующим образом.

Особенностью психосоциального развития подростков является интенсификация процесса рефлексии на себя, на окружающий микро- и макросоциум. Трансформацию претерпевает отношение подростка к семейным традициям, укладу жизни, проявляющееся в повышенной критичности, нетерпимости, конфликтности. Социальные институты, такие как семья, школа, сверстники, обретают новые значения и смыслы.

На подростковый период приходится наложение двух важнейших психологических и социальных факторов. В психологическом плане подростковый возраст и юность характеризуются развитием самосознания, обострением чувства справедливости, поиском смысла и ценности жизни. Именно в это время подросток озабочен желанием найти свою группу, поиском собственной идентичности, которая формируется по самой примитивной схеме «мы» – «они». Также

ему присуща неустойчивая психика, легко подверженная внушению и манипулированию.

Подростковый возраст является периодом полового созревания и психологического взросления. Ведущая деятельность – интимно-личностное общение. Формируется новый образ физического «Я». Появляется чувство взрослости. Возникает страстное желание если не быть, то казаться взрослым. Отстаивание своих прав часто приводит к ограждению своей сферы жизни от контроля, порой посредством конфликтов. Присуща сильная потребность в общении со сверстниками, проявляющаяся в подростковой дружбе и неформальных группах. Личность подростка – образование нестабильное, порождает противоречивые желания и поступки. Подростки стремятся одновременно и походить на сверстников и выделяться. Хотят заслужить уважение и бравируют недостатками. Требуют верности и быстро меняют друзей. Появляется склонность к самоанализу.

Отметим, что личности подростка свойственна личностная нестабильность. Поиск имиджа и его частая смена. Независимо от содержательного контекста копируются «взрослые» формы поведения. Характерны сильные, часто сменяющие друг друга увлечения. Присуща социальная инфантильность. Появляется стремление к самостоятельности, желание оградить какие-то стороны своей жизни от вмешательства родителей и других взрослых. Появляются собственные вкусы, взгляды, оценки, собственная линия поведения. Значимой сферой отношений являются отношения с взрослыми. Происходит формирование системы внутренне согласованных представлений о себе.

Таким образом, подростки представляют собой группу риска, склонную к агрессивно-экстремистским действиям.

В силу своего возраста они характеризуются такими психологическими особенностями, как:

- максимализм и нДАИШизм;
- радикализм и нетерпимость;
- безоглядность и непримиримость;
- склонность к группированию;
- мировоззренческая неустойчивость и неудачи в поиске самоидентичности.

При определенных жизненных условиях и наличии питательной среды эти характеристики могут выступить пусковым механизмом их антисоциальной активности.

Особенности психики и психологии подростков обусловлены особенностями морфологии и нейрофизиологии мозга, неравномерностью развития его отделов, являющихся субстратами определенных функций,

в частности эмоций, инстинктов, воли, памяти, мышления, контроля, критики и др.

В период полового созревания (10 – 12 лет) гормонами запускается лимбическая система. Лимбической системой называют совокупность структур мозга, образующих кольцо (лимб) на границе ствола мозга и новой коры. Эта система контролирует эмоции, инстинкты, пищевое, половое и элементарное социальное поведение, сон – бодрствование и участвует в процессах кратковременной памяти. Информация, получившая эмоциональную окраску, запоминается лучше. При сильных негативных переживаниях наблюдается обратный процесс: стирание следов памяти, амнезия.

Эта система управляет работой внутренних органов, эндокринных желез и сосудов. Нарушение работы гипоталамических центров вызывает: ожирение, бессонницу, диабет, лихорадку, гипертонию и половое бессилие.

Позже всех частей мозга у подростков формируется префронтальная кора, которая отвечает за:

- управление, планирование, принятие решений, осознанный выбор;
- связь настоящего с будущим, прогнозирование последствий поступков;
- контроль над эмоциями и желаниями, над импульсивностью;
- организованность, социальные знания, способность отличать друзей от врагов, ориентироваться в отношениях, выбирать партнеров.

Преобладание «подкорковой» активности над «корковой» является биологической базой, объясняющей описанные расстройства психологии и поведения у подростков.

В качестве клинического примера можно привести выписку из истории болезни подростка: Ш-ов А.Р., 2002 г. рождения, воспитанник детского дома г. Казани. Наследственность отягощена психическими заболеваниями. Мать совершила суицид. Ребенок из роддома поступил в дом ребенка. Усыновлен дядей, братом матери. Развивался с задержкой физического и психического развития. Посещал коррекционный детский сад, учился в коррекционной школе-интернате № 1.

Психиатрами наблюдается с 2007 г. в связи с грубыми нарушениями поведения в детском саду в форме расторможенности, сексуальности, агрессивности, демонстративного нарушения социальных, культурных и нравственных норм. В школе интереса к знаниям и учебе не проявлял, нарушал дисциплину, громко разговаривал, смеялся, ходил во время урока, залезал на подоконник, открывал окна, мешал учителю и

ученикам, дерзил, нецензурно выражался, набрасывался на одноклассников, бил и кусал, хватал мальчиков за гениталии, мазал красками лицо и одежду. Критику и воспитательные воздействия игнорировал, проявлял лживость, изворотливость, асоциальность.

Вследствие невозможности пребывания в школе переведен на домашнее обучение в детском доме. От учителей убегает, угрожает учителям и воспитателям ножницами и острыми предметами, грубит, оскорбляет, шантажирует жалобами в прокуратуру и реализует их. Убегал из детского дома, заходил в юридические консультации, оставлял жалобы на персонал детского дома. По чужому телефону вызвал пожарную команду на адрес дедушки. На ложный вызов прибыло 8 пожарных машин. Эмоционально неустойчив, иногда бывает плаксив, обвиняет всех в плохом к нему отношении. Глубоких и стабильных интересов, симпатий, увлечений не обнаруживает. Проявляет сексуальный интерес к мальчикам, ложится к ним в постель, сбрил брови, иногда красит губы.

Образ личности и будущего не сформирован. Сказал, что хочет стать членом жюри конкурсов певцов. Никаких предпосылок для такой работы не имеет и не собирается заниматься музыкой, вообще трудиться. Обнаруживает биологические и примитивные (потребительские, сексуальные) социальные потребности. Духовных, нравственных потребностей нет. Нет целеполагания. Поведение в целом контропродуктивное, нелепое. Суждения и поступки не структурированы и логически не связаны. Нет единства в личности, психических функциях и поведении. Отсутствуют долгосрочные планы. Свободен от каких-либо обязательств, от прошлого опыта, который не осмысливает и ничему не учится. Делает только то, что хочет. Эгоцентричен и асоциален. В психике и поведении преобладает дезинтеграция и асоциальная направленность, склонность к грубым деструктивным действиям, но с элементами самолюбования и с претензиями на самореализацию. Одинок, глубоких и стабильных отношений с кем-либо нет. Не может соотносить свое поведение с интересами других людей, сопереживать, сочувствовать, быть членом коллектива, подчинять личное общему. Но есть стремление быть в обществе, демонстрировать себя, подчинять себе других людей, даже взрослых с помощью запугивания, шантажа, кверулянтства и прокуратуры. В этом он проявляет достаточные мыслительные, интеллектуальные и волевые способности. В структуре поведения много детскости, дурашливости, инфантилизма, неустойчивости, незавершенности,

демонстративности, претензий на доминирование и подчинение других людей своим желаниям.

С 2007 по 2017 г. 8 раз проходил стационарное лечение в детском отделении РКПБ МЗ РТ.

Вернемся к субстрату психической деятельности. Перечень функций префронтальной коры свидетельствует о том, что как раз они и нужны для воспитания, образования, социализации, для профилактики алкоголизма, наркомании и курения, для выбора адекватных стратегий поведения.

Развитие названных функций должно быть приоритетным в воспитании и обучении школьников. Так и было в системе советского образования. Оно было системным, фундаментальным, учило мыслить, творить, воспитывало патриотизм и коллективизм. . .

Структура современной телевизионной продукции, рекламы, шоу-бизнеса, кино также адресуются к лимбической системе и «отключают» префронтальную кору мозга. Это также способствует распространенности бездумного, безответственного, агрессивного и аутоагрессивного поведения у подростков.

В программы обеспечения национальной безопасности, противодействия деструктивным информационно-психологическим воздействиям, профилактики терроризма, воспитания патриотизма необходимо включить нейropsychологическое направление. Разработать методики обучения соотечественников самозащите от технологий перевода функционирования мозга и психики на эволюционно низшие уровни.

Надо осознать, что если реальная жизнь не соответствует ожиданиям человека, не удовлетворяет его актуальные потребности, создает угрозу безопасности и значимым интересам, то возникают стресс, тревога, страх, дезадаптация и поиск стратегии адаптации, в том числе бегство в саморазрушительные, деструктивные формы поведения [6].

Все уровни биопсихосоциального развития подростков содержат в себе объективные и субъективные факторы риска возникновения поведенческих девиаций. Влияние данных факторов на подростков усугубляется негативной социально-стрессовой составляющей российского общества. Развитие современных подростков проходит на фоне картины мира, избыточной проявлениями деструктивного, дефицитарного, саморазрушительного характера.

При активно разрушающем воздействии информационной, культурно-досуговой сфер, бесконечно давящим своим избытком рынка промышленных товаров при полном отсутствии реальной возможности их приобретения страх

несоответствия нормам человековедения, задаваемым на рекламных прожектах, бесперспективное, размытое будущее ориентирует подростков на деструктивные действия как в свой адрес, так и в адрес своего близкого окружения.

В Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и в последующем утвержденной Правительством России новой Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ» ставятся задачи для воспитателей, педагогов, преподавателей, тренеров, психологов, психиатров, наркологов, психотерапевтов, журналистов и других специалистов, участвующих в воспитании, образовании, оздоровлении, трудоустройстве, социализации, организации общественной деятельности, творчества и отдыха молодежи; ставится задача: «создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение

принципов духовно-нравственного развития в систему образования, молодежную и национальную политику, расширение культурно-просветительской деятельности»; указывается на необходимость «повышения роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, к которым относятся: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины».

Мы убеждены в том, что реализация этих положений позволит предупредить подростковую аутоагрессию в целом и снизить вероятность ее проявления в условиях продолжающейся информационно-психологической войны.

Литература:

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А., Бергельсон Л.Л. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида / А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко, Л.Л. Бергельсон // Вопросы психологии. – 1981. – № 4. – С. 94-95.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: Избранные труды / Л.И. Божович; под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 349 с.
3. Герасимова В.В. Психологические аспекты профилактики аутоагрессивного поведения у обучающихся образовательных организаций: методическое пособие / В.В. Герасимова. – Казань: ИРО РТ, 2015. – 60 с.
4. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования / В.П. Емельянов. – М., 2000. – С. 9.
5. Зиновьев А.А. Как иголкой убить слона / А.А. Зиновьев. – М.: 2005. – С. 47.

6. Карпов А.М. Здравствуйте, если хотите. Образовательно-воспитательные основы интеграции медицины, экологии, образа жизни и власти / А.М. Карпов. – Казань. - 2008. – 224 с.
7. Карпов А.М., Герасимова В.В., Башлай Э.Х. Биопсихосоциальный подход к профилактике аутоагрессивных форм поведения у подростков: информационно-методическое пособие / А.М. Карпов, В.В. Герасимова, Э.Х. Башлай. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 56 с.
8. Кон И.С. Психология ранней юности: книга для учителя / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
9. Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков / А.Е. Личко. – М.: «Апрель Пресс», «ЭКСМО-Пресс», 1999. – 406 с.
10. Моджорян А.А. Терроризм: правда и вымысел / А.А. Моджорян. – М., 1986. – С. 32.
11. Раттер М. Помощь трудным детям / М. Раттер. – М., 1987.

Сведения об авторах:

Герасимова Вера Вадимовна (г. Казань, Россия), кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и коррекционной (специальной) психологии и педагогики ГАОУ ДПО «Институт развития образования Республики Татарстан», e-mail: leto2301@mail.ru

Карпов Анатолий Михайлович (г. Казань, Россия), доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой наркологии и психотерапии ГОУ ДПО «Казанская государственная медицинская академия», главный психиатр МЗ и СР по Приволжскому федеральному округу.

Data about the authors:

V. Gerasimova (Kazan, Russia), candidate of psychological sciences, senior lecturer at the Department of General and Correctional (Special) Psychology and Pedagogy of the Institute for the Development of Education of the Republic of Tatarstan, e-mail: leto2301@mail.ru

A. Karpov (Kazan, Russia), doctor of medicine, full professor, head of the Department of Addiction Medicine and Psychotherapy of Kazan State Medical Academy, chief psychiatrist at the Ministry of Health and Social Development of Volga Federal District.

УДК 316.6

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПСИХОТЕРРОРИЗМ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ ПОДРОСТКОВ

Е.А. Чеверикина, А.Н. Грязнов, Э.С. Шарафиев¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. Статья посвящена изучению индивидуального психотерроризма в межличностном общении подростков с точки зрения их толерантности в целом и в межличностной коммуникации в частности, и типов присущего им агрессивного поведения. Полученные в ходе исследования данные показали, что девушки более толерантны в ситуации межличностного общения, следовательно, можно предположить, что они менее склонны к психотерроризму. Что касается агрессивности, то вероятнее всего в процессе психотеррористических действий юноши будут скорее проявлять явные формы психотерроризма. Девушкам более свойственны неявные, скрытые формы. Полученные пилотажные данные будут уточняться, расширяться в последующих исследованиях по этой тематике, что позволит разработать как инструментарий диагностики склонности к психотерроризму, так и создать эффективные психолого-педагогические программы по его профилактике, минимизации и решению психологических проблем, связанных с его последствиями, а так же по предупреждению участия в террористических организациях и следования экстремистской идеологии в лиц с высокой склонностью к психотерроризму.

Ключевые слова: терроризм, психотерроризм, межличностное общение, подростки, толерантность, агрессивность.

INDIVIDUAL PSYCHOTERRORISM IN INTERPERSONAL COMMUNICATION OF TEENAGERS

E. Cheverikina, A. Gryaznov, E. Sharafiyev

Abstract. The Article is devoted to the questions of studying of individual psychoterrorism in interpersonal communication of teenagers from the point of view of their tolerance in general and in interpersonal communication in particular, and types of aggressive behavior are inherent in them. The data obtained during research process have shown that girls are more tolerant in a situation of interpersonal communication, therefore, it is possible to assume that they are less inclined to psychoterrorism. As for aggression, most likely in the course of psychoterrorist actions of the young man will show rather obvious forms of psychoterrorism. The implicit, latent forms are more peculiar to girls. The obtained flight data will be specified, extended also the subsequent researches on this subject that will allow to develop as tools of diagnostics of tendency to psychoterrorism, and to create effective psychology and pedagogical programs for his prevention, minimization and solutions of the psychological problems connected with its consequences and also according to the prevention of the introduction of persons with high tendency to psychoterrorism to the accession to the terrorist organizations and following the extremist ideology.

Keywords: terrorism, psychoterrorism, interpersonal communication, teenagers, tolerance, aggression.

Современный экстремизм и терроризм как крайняя форма его проявления рассматриваются, в основном, как насильственные акты одного человека или группы лиц с целью причинения непоправимого и массового вреда обществу и привлечения внимания общественности к своим политическим, социальным, религиозным взглядам и убеждениям через совершение одиночных или массовых террористических актов. Но очень часто выпускается из вида то, что в повседневной обыденной жизни люди сталкиваются с разовыми или перманентными актами насилия, давления, унижения, оскорблений и т.д. со стороны людей из ближайшего окружения, которые вызывают у них чувство

дискомфорта, страха, паники. То есть можно говорить о существовании индивидуального, межличностного психотерроризма как одной из разновидностей экстремисткой и террористической деятельности.

Психотерроризм является достаточно новым понятием в психологии и исследований данного явления, особенно в межличностном общении, очень мало. Ученые-психологи уделяют внимание изучению влияния различных террористических актов, техногенных катастроф на психическое состояние человека, а также психологическим особенностям личности самих террористов. Существует тенденция к объединению понятий психотерроризма и социального терроризма. Д.В. Ольшанский говорит о том,

что это социальная ситуация, держащая всех членов общества или определенной группы в страхе и постоянном напряжении [2]. Но при таком подходе упускается из виду, что в отличие от обычного терроризма здесь речь идёт о морально-психологическом непосредственном воздействии одного человека на другого (обычно с помощью слов) [3].

Для педагогов и психологов важно то, что как явный, так и скрытый психотерроризм широко распространён в школьной среде, особенно среди подростков. В системе современного образования много говорится и делается для организации комплексной безопасности образовательной среды [5], для профилактики вовлечения учащихся в экстремистскую и террористическую деятельность [1;4]. Но, на наш взгляд, недостаточное внимание уделяется профилактике индивидуального психотерроризма в межличностном общении подростков. А последствия данного явления могут быть очень серьёзными – от снижения самооценки до попыток суицида. Для повышения эффективности данной деятельности необходимо всестороннее и глубокое изучение этого явления, его причин, форм проявления и последствий.

Нами было проведено пилотажное исследование для выявления основных особенностей психотерроризма в подростковой среде с целью дальнейшего глубокого изучения и поисков борьбы с этим

негативным и опасным социально-психологическим явлением.

В исследовании приняло участие 100 подростков в возрасте 15 - 16 лет, из них 56 юношей и 44 девушки.

Так как на основе анализа научной литературы по теме исследования нами гипотетически было предположено, что в основе подросткового терроризма лежат агрессивность и интолерантность, то использовались следующие опросные методики исследования:

- экспресс-опросник «Индекс толерантности»;
- тест коммуникативной толерантности В.В. Бойко;
- методика диагностики типов агрессивного поведения Басса-Дарки.

Средние результаты по экспресс-опроснику «Индекс толерантности» представлены на рисунке 1.

Таким образом, исследование показало, что девушки более толерантны, чем юноши, особенно в сфере этнической толерантности. Скорее всего, это связано с психологическими особенностями женщин в целом, и девушек-подростков в частности, а также спецификой их воспитания.

Так как психотерроризм проявляется во многом с сфере межличностного общения, мы решили изучить коммуникативную толерантность современных юношей и девушек. Соответствующие средние показатели представлены на рисунке 2.

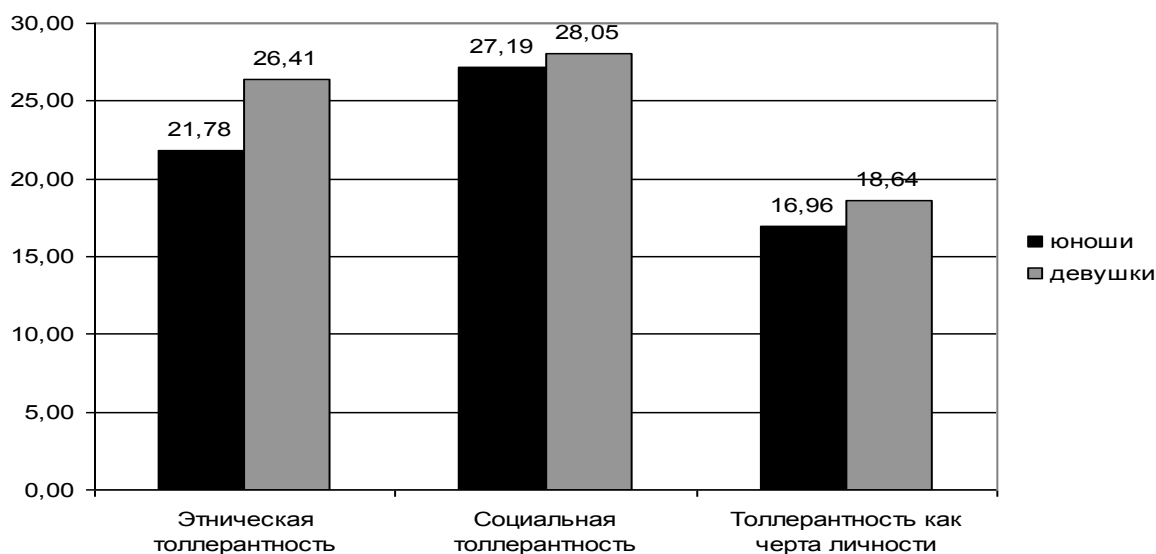

Рисунок 1. – Распределение средних показателей по шкалам экспресс-опросника «Индекс толерантности» у юношей и девушек

Примечание: низкие показатели – низкий уровень толерантности, высокие показатели – высокий уровень толерантности.

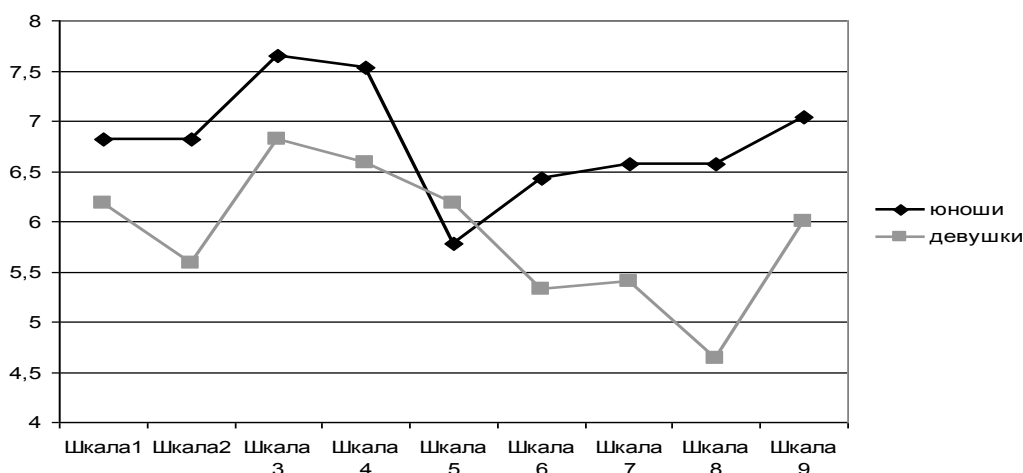

Рисунок 2. – Средние показатели по шкалам теста коммуникативной толерантности В.В. Бойко

Примечание 1. Чем ниже показатели, тем выше уровень толерантности, чем выше показатели – тем ниже уровень толерантности. **Примечание 2.** Шкала 1 – способность принимать или не принимать индивидуальные особенности встречающихся вам людей; шкала 2 – тенденция оценивать людей исходя из собственного «Я»; шкала 3 – категоричность и неизменность ваших оценок в адрес окружающих; шкала 4 – умение скрывать или сглаживать неприятные впечатления при столкновении с некоммуникабельными качествами людей; шкала 5 – склонность переделывать и перевоспитывать партнера; шкала 6 – склонность подчинять партнеров под себя, делать их удобными; шкала 7 – обидчивость, отстаивание своего самолюбия; шкала 8 – терпимость к дискомфортным состояниям окружающих; шкала 9 – адаптивность во взаимодействии с другими людьми.

Средние показатели по данной методике указывают на то, что в целом коммуникативная толерантность подростков находится в пределах нормы. Подтверждаются результаты экспресс-опросника толерантности, что девушки более толерантны, чем юноши. Показатели у юношей выше по всем шкалам, кроме шкалы 5, то есть девушки более склонны стремиться изменить, переделать своих партнеров.

Но в тоже время установлено, что среди юношей 14,3%, а среди девушек 13,6% наблюдаются повышенные значения по 1 шкале, что указывает на их нежелание или неспособность принимать индивидуальные особенности встречающихся им людей. Результаты по 2 шкале говорят о том, что 10,7% юношей и 9,1% девушек имеют повышенную тенденцию оценивать других людей через призму собственного «Я». Категоричность и неизменность своих оценок в адрес окружающих (3 шкала) демонстрируют 21,4% юношей и 18,2% девушек. Не умеют скрывать или сглаживать неприятные впечатления при необходимости общаться с неприятными людьми (4 шкала) 21,4% юношей и 9,1% девушек. По результатам 5 шкалы установлено, что потребность перевоспитывать и переделывать своего партнера имеется у 3,6% юношей и 22,8% девушек. Но склонность подчинять своих партнеров, «делать их под себя» (6 шкала) в меньшей степени присуща девушкам (ярко выражена у 9,1% респонденток), а у юношей – у 17,9%. По итогам 7 шкалы

обидчивость и склонность отстаивать самолюбие проявили 17,9% юношей и только 4,5% девушек. По 8 шкале отсутствие готовности быть терпимыми к дискомфортным состояниям продемонстрировали 17,9% юношей, но ни одна из девушек. По результатам 9 шкалы не готовность адаптироваться во взаимодействии с другими людьми продемонстрировали 13,6% девушек и ровно четверть (25%) юношей.

Средние результаты по методике Басса-Дарки представлены на рисунке 3. Результаты исследования по данной методике говорят о том, что девушкам, в некоторой степени, более свойственны неявные формы проявления агрессии: раздражение, обида и подозрительность. А юношам более свойственны явные проявления агрессии, физическая и вербальная.

Исследование показало, что девушки более толерантны в ситуации межличностного общения, следовательно, можно предположить, что они менее склонны к психотерроризму. Что касается агрессивности, то, вероятнее всего, в процессе психотеррористических действий юноши будут скорее проявлять явные формы психотерроризма (драки, ругань, угрозы и другие формы физического воздействия на жертву). Девушкам более свойственны неявные, скрытые формы (моральное и психологическое воздействие, презрительное отношение, игнорирование и т.д.).

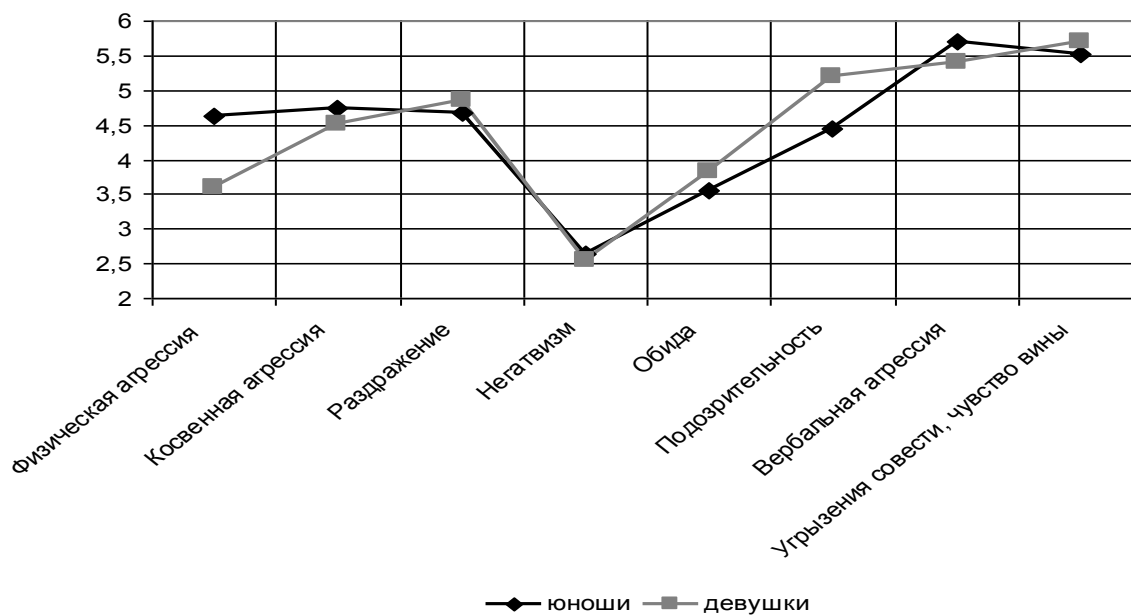

Рисунок 3. – Средние показатели по шкалам методики Басса-Дарки

Можно с определенной долей вероятности говорить о том, что подростки, совершающие акты психотерроризма в межличностном общении, соответственно, не уважающие права и свободы другого человека (жертвы) и не задумывающиеся о том, какой вред они причиняют его психическому здоровью, а, возможно, и всей его жизни, в дальнейшем станут приверженцами экстремистской идеологии и будут более податливы для вербовщиков террористических организаций.

Полученные пилотажные данные будут уточняться, расширяться и последующих исследованиях по этой тематике, что позволит разработать как инструментарий диагностики склонности к психотерроризму, так и создать эффективные психолого-педагогические программы по его профилактике, минимизации и решения психологических проблем, связанных с его последствиями.

Литература:

1. Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А. Проектирование деятельности образовательных организаций по профилактике вовлечения молодежи в экстремистские организации / Ф.Ш. Мухаметзянова, Г.А. Шайхутдинова // Казанский педагогический журнал. – Казань. - 2015. - № 6. – С. 48-51.
2. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / Д.В. Ольшанский. - СПб: Питер, 2002. – 288 с.
3. Психотерроризм А. - Я. Психология: тесты, тренинги, словарь, статьи [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://azps.ru/handbook/character/psihoterrorizm.html>
4. Сулима Л.О., Сафина Э.Р. О реализации комплекса мероприятий по противодействию идеологии терроризма в подростково-молодежной среде на примере Республики Татарстан / Л.О. Сулима, Э.Р. Сафина // Казанский педагогический журнал. – Казань. - 2015. - № 6. – С. 27-32.
5. Шафикова Г.Р. Организация комплексной безопасности образовательных организаций в условиях поликультурного общества / Г.Р. Шафикова // Казанский педагогический журнал. – Казань. - 2015. - № 6. – С. 17-20.

Сведения об авторах:

Чеверикина Елена Александровна (г. Казань, Россия), кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы РАО», e-mail: cheverikina@mail.ru

Грязнов Алексей Николаевич (г. Казань, Россия), доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы РАО».

Шарафиев Эдуард Сулейманович (г. Зеленодольск, Россия), соискатель ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы РАО».

Data about the authors:

E. Cheverkina (Kazan, Russia), candidate of psychological sciences, senior researcher of the FGNU "Institute of National and ungraded schools RAO", e-mail: cheverikina@mail.ru

A. Gryaznov (Kazan, Russia), doctor of psychological sciences, the leading researcher of FGNU "Institute of National and ungraded schools RAO".

E. Sharafiev (Zelenodolsk, Russia), post-graduate of FGNU "Institute of National and ungraded schools RAO".

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ: ИЗУЧЕНИЕ И ПРОГНОЗ

В.И. Рерке, И.С. Бубнова

Аннотация. Статья посвящена изучению психологической безопасности образовательной среды школы. Установлено, что в целом отношение к образовательной среде школы позитивное у всех субъектов – обучающихся, педагогов, родителей. У школьников 12 – 14 лет выявлен нейтральный тип отношения к образовательной среде школы. Негативное отношение к образовательной среде составило 7 – 8% по каждой группе опрошенных. Полученные данные указывают на то, что есть педагоги, обучающиеся и родители, которые не признают референтной значимости школы, а это, в свою очередь – угроза психологической безопасности личности.

Ключевые слова: безопасность; психологическая безопасность; субъекты образования, компоненты психологической безопасности; школа.

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF EDUCATIONAL SCHOOL'S ENVIRONMENT: STUDY AND PREDICTION

V. Rerke, I. Bubnova

Abstract. This article is devoted to the study of the psychological safety of school educational environment. It was proved, that the whole attitude of the subjects of education-students, teachers, parents toward school educational environment is positive in general. Neutral kind of viewpoint in regard towards school educational environment is detected by teen-age students. The negative position to the educational environment is 7 – 8% in each group of respondents. The data indicates the following fact: there are teachers, students and parents, who do not accept referential significance of educational institution and that is in its term the threat to psychological personality safety.

Keywords: safety; psychological safety; students; teachers; parents; the component of psychological safety; school.

Безопасность – это такое явление, без которого не могут нормально развиваться ни личность, ни социальная организация, ни общество, ни экономика, ни тем более государство.

Анализ научной литературы показал, что понятие безопасности трактуется по-разному [1;2;4]. В одних источниках, безопасность – это качество какой-либо системы, определяющее ее возможность и способность к самосохранению [4]. В других – это система гарантий, обеспечивающих устойчивое развитие и защиту от внутренних и внешних угроз [цит. по 3]. Вместе с тем, в категории безопасности выделяют психологическую безопасность, определяя ее как психологическую обеспеченность функционирования системы безопасности.

И.А. Баева отмечает, что система безопасности функционирует эффективно благодаря двум главным системообразующим видам безопасности – физической и психологической, а все остальные нанизываются на них, как на стержень [1].

Психологическая безопасность есть состояние, характеризующее образовательную среду школы, которое возможно зафиксировать через отношения ее участников. Технологическая модель психологически

безопасной образовательной среды содержит следующие показатели референтной значимости образовательной среды: удовлетворенной потребности в личностно-доверительном общении; защищенности от психологического насилия во взаимодействии.

Одним из значимых показателей психологической безопасности образовательной среды является отношение к ней – позитивное, нейтральное или отрицательное, измеряемое системой шкал, содержащих когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты данного отношения. Интегральный показатель отношения к образовательной среде является индикатором ее референтности для субъектов учебно-воспитательного процесса (учителей, обучающихся, родителей).

Референтность среды может рассматриваться как значимость в плане влияния на формирование личности. Окружение, являясь референтным, выполняет две важные функции: нормативную, проявляющуюся в том случае, когда группа рассматривается в качестве носителя норм и стандартов поведения, которые, в свою очередь, устанавливаются и усиливаются нормы и стандарты поведения самой личности; и сравнительную, проявляющуюся тогда, когда

группа служит объектом сравнения, по отношению к которому личность оценивает себя и других.

В тоже время, оценочно взаимодействуя со средой, личность формирует свою значимую систему отношений (референтную сферу): определяет положительно-отрицательные референты, создает значимые модели социальных процессов и явлений, позволяющие ей адекватно реализовать себя в процессе жизнедеятельности. Это дает возможность акцентировать внимание на психологическое качество среды, в которой осуществляется актуализация личности, ее развитие, так как оно активно влияет на выбор линии поведения.

Следующим значимым показателем психологической безопасности образовательной среды выступает удовлетворенность ее участников основными характеристиками взаимодействия в ней.

Удовлетворенность средовыми характеристиками является инструментом сохранения психологической безопасности образовательной среды школы.

Эмпирическим показателем в этом случае является индекс удовлетворенности школьной средой, рассчитываемый как суммарная оценка отдельных характеристик социальной среды школы.

Данный показатель определяется как «удовлетворенность-неудовлетворенность», который несет в себе возможность снятия или аккумуляции внутриличностного и межличностного напряжения. Необходимо учитывать тот факт, что на оптимальном уровне напряжение способствует развитию личности. По данному показателю оптимальный уровень напряжения выступает как условие роста и актуализации и дает возможность не только увидеть, но и сравнить понятия «безопасность» и «конфликтность» среды.

Третьим показателем, включенным в психологическую безопасность образовательной среды, является категория психологического насилия в межличностном взаимодействии. Определяется как «защищенность – незащищенность». Психологическое насилие может спровоцировать особенности отношений педагогов со школьниками в системе взаимоотношений внутри классного коллектива (как референтной группы), авторитарно-директивный стиль управления, агрессивные взаимоотношения внутри педагогического коллектива, неумение

контролировать собственные эмоции и регулировать состояния.

Таким образом, диагностическими показателями психологической безопасности образовательной среды являются: уровень отношения к среде (позитивный, нейтральный и негативный); уровень удовлетворенности характеристиками образовательной среды; уровень защищенности от психологического насилия во взаимодействии. Психологически безопасной образовательной средой можно считать такую, в которой большинство участников имеют положительное отношение к ней, высокий уровень удовлетворенности характеристиками школьной среды и защищенности от психологического насилия во взаимодействии.

Показатели диагностических критериев могут дать реальную картину, а аналитическая оценка позволит выявить рассогласование идеального и реального. Далее возможна практическая психолого-педагогическая работа по устранению рассогласования, и, таким образом, осуществляется сопровождение образовательной среды и, как следствие, управление развитием ее участников.

Цель исследования - изучить психологическую безопасность образовательной среды школы. Данное исследование позволит проанализировать психологические условия, в которых осуществляется обучение, воспитание и развитие всех субъектов образовательного процесса.

Исследование проводилось на базе одной из средних общеобразовательных школ г. Иркутска. Общий объем выборки составил 323 человека: из них 28 педагогов, 132 обучающихся 5 - 11 классов, 163 родителя обучающихся 1 - 11 классов.

В качестве метода исследования был выбран субъектно-оценочный метод. Для диагностики использовалась методика «Психологическая безопасность образовательной среды школы» автор И.А. Баева. Исследование проводилось в групповой (обучающиеся, родители) и индивидуальной (педагоги) формах.

Методика основана на заполнении анкеты и адресована всем участникам образовательного пространства: учителям, обучающимся, родителям. Вопросы построены таким образом, чтобы избежать социально желательных ответов.

Анкета состоит из трех частей:

I. Отношение к образовательной среде

школы.

II. Значимые характеристики образовательной среды школы и удовлетворенность ими.

III. Защищенность от психологического насилия во взаимодействии.

Категория «отношение» рассматривается в двух аспектах. В первом аспекте отношение к образовательной среде определяется большинством позитивных, нейтральных или негативных ответов. Во втором - рассматривается в единстве трех компонентов: поведенческого (волевого), эмоционального и когнитивного (рационального).

Вторая часть анкеты позволяет проанализировать удовлетворенность субъектов образовательной среды всеми характеристиками. В опроснике представлены *восемь наиболее значимых характеристик, используемых в описании социального компонента образовательной среды:*

- 1) взаимоотношения с учителями;
- 2) взаимоотношения с обучающимися;
- 3) возможность высказать свою точку зрения;
- 4) уважительное отношение к себе;
- 5) сохранение личного достоинства;
- 6) возможность обратиться за помощью;
- 7) возможность проявлять инициативу, активность;
- 8) учет личных проблем и затруднений.

Защищенность от психологического насилия во взаимодействии рассматривается по следующим направлениям:

1. защищенность от унижения /оскорблений;
2. защищенность от угроз;
3. защищенность от того, что заставят делать что-либо против желания (принуждение);
4. защищенность от игнорирования (социальной изоляции);
5. защищенность от недоброжелательного отношения (знак отношения).

Часть третья опросника позволяет получить как общий уровень защищенности от психологического насилия во взаимодействии, так и частные показатели. Например, по каждой категории участников образовательной среды (с помощью опросника для учеников можно выявить уровень их защищенности от одноклассников и от учителей и т.д.).

Исследовательская схема представляет собой 3 этапа:

1. проведение опроса среди всех участников образовательного пространства школы;

2. изучение психологической безопасности образовательной среды школы по трем категориям – «отношение», «удовлетворенность», «защищенность от психологического насилия»;

3. предоставление рекомендаций по организации психологической безопасности в образовательном учреждении.

Изучив подпункты анкеты, которые отражают отношение к образовательной среде школы, мы получили следующие результаты: доминирующий тип отношений к образовательной среде во всех трех опрошенных группах – позитивный. У педагогов этот показатель составил 64%, обучающихся – 63%, родителей – 52%. Наибольшее количество нейтральных и негативных ответов у родителей (39% и 8% соответственно). Проанализировав показатель «отношение» по начальным, средним и старшим классам, можно сказать, что число родителей с нейтральным отношением к образовательной среде школы к средним и старшим классам увеличивается от 41% до 48%. Самый высокий (63%) показатель нейтрального и негативного (25%) отношения к образовательной среде школы у родителей учащихся 4-го класса. Вероятнее всего, у родителей данного класса есть претензии к процессу обучения их детей.

Среди учащихся максимальный показатель нейтрального типа отношений прослеживается в 6-х (31%), 8-х (36%), 9-х (31%) классах. Причем наблюдается тенденция к увеличению показателя в 8-х классах и снижению в 9-х. Одна из причин проявления такой тенденции может быть связана с возрастными особенностями подростков: направленность мотивации общения и самопроявления; возросший интерес к окружающему миру, лежащему за пределами школы; формирование самооценки, «образа Я». В этот период для подростка всё неоднозначно, очень важно в этот момент помочь ребенку понять и принять ценности и нормы школы.

Негативное отношение к образовательной среде составило 7 – 8% по каждой группе опрошенных.

Категорию «отношение» можно рассматривать в единстве трех компонентов: поведенческого, эмоционального и когнитивного, см. табл. 1.

Таблица 1.- Отношение к образовательной среде школы

Компоненты образовательной среды	Отношение по компоненту			Итог
	учителя	обучающиеся	родители	
когнитивный	позитивное	позитивное	позитивное	позитивное
эмоциональный	позитивное	позитивное	позитивное	позитивное
поведенческий	позитивное	позитивное	нейтральное	позитивное

По когнитивному и эмоциональному компоненту мнения педагогов, обучающихся и родителей совпали – позитивное отношение к образовательной среде школы. Мнения групп расходятся по поведенческому компоненту: у педагогов и учеников отношение позитивное, а у родителей нейтральное или противоречивое отношение.

Характеристики образовательной среды (ОС) школы, способствуют обеспечению ее психологической безопасности и включают в себя представления о психологической безопасности, об актуальных потребностях учителей, обучающихся и их родителей.

Анализ данных позволяет сделать вывод, что удовлетворенность значимыми характеристиками образовательной среды школы в исследуемом образовательном учреждении соответствует высокому уровню. Мы можем сказать, что все участники образовательного пространства испытывают эмоциональную комфортность в учреждении, удовлетворены личностно-доверительном общением и основными характеристиками процесса взаимодействия.

Опрошенные группы максимально удовлетворены уважительным отношением к себе и сохранением личного достоинства. Это очень важно, так как образовательная среда школы является местом становления и развития личности не только ребенка, но и педагога как профессионала, и родителя.

Оптимальный уровень напряжения присутствует у школьников во взаимоотношениях с педагогами. Взаимодействие учителей и учеников в стенах школы и класса – это всегда «улица со встречным движением» и иногда на ней происходят нарушения и бывают ситуации, когда педагог не видит этих нарушений со своей стороны. Школьники считают, что их проблемы и затруднения учитывают в образовательном пространстве не в полной мере, хотели бы чаще высказывать свою точку зрения, невзирая на возраст (пятиклассник или

девятиклассник).

Детям хочется, чтоб их больше принимали такими, какие они есть и лучше понимали, что позволит им чувствовать себя еще более комфортно и безопасно в образовательной среде.

Образовательный процесс невозможен без взаимодействия всех групп, включенных в данный процесс. И это взаимодействие может быть небезопасным, может иметь место психологическое насилие, следствием чего является получение личностью психологической травмы. Самые серьезные последствия психологического насилия возникают у ребенка. Очень часто дети, испытывающие в школе психологическое насилие, начинают жить «по программе неудачника».

Анализ среднегрупповых значений и индекса психологической безопасности показал, что все структурные компоненты находятся на уровне защищенности. Такие компоненты, как защищенность от игнорирования, защищенность от недоброжелательного отношения расположены на верхней границе уровня «скорее защищен, чем не защищен» (частичная не защищенность), а компонент защищенность от унижения по показателям расположен в середине уровня частичной не защищенности.

Проанализировав уровни защищенности от психологического насилия во взаимодействии по каждой категории участников образовательной среды, были сделаны следующие выводы:

1. У педагогов все структурные компоненты во взаимодействии с коллегами и учениками находятся на уровне защищенности. Во взаимодействии с администрацией почти все структурные компоненты находятся на уровне защищенности, только такой компонент как защищенность от того, что заставят делать что-либо против желания (принуждение)

расположен на среднем уровне. В этом взаимодействии у педагогов возникают противоречивые, неоднозначные чувства. Этот же компонент во взаимоотношениях с учащимися расположен на очень высоком уровне. Педагоги чувствуют себя в этих отношениях по данному компоненту полностью защищенными, равно как и по компонентам игнорирования и недоброжелательного отношения со стороны учеников.

2. У обучающихся, все структурные компоненты находятся на уровне защищенности во взаимодействии с учителями и одноклассниками. В отличие от педагогов, у школьников компонент защищенности от того, что заставят делать что-либо против желания (принуждение) ниже и находится на нижней границе уровня частичной незащищенности.

3. Родители чувствуют себя защищенными от психологического насилия во взаимодействии с администрацией и учителями образовательного учреждения.

Выводы по исследованию:

1. Отношение к образовательной среде школы позитивное у всех субъектов. Доминирует тип позитивного отношения к школе у педагогов и обучающихся (64%, 63%). Каждый 4-й родитель относится к образовательной среде нейтрально или противоречиво. При этом прослеживается тенденция к увеличению показателя нейтрального отношения к школе от начального к среднему и старшему звену. Вероятнее всего, родители испытывают некоторую неудовлетворенность в образовательной среде школы, и, при определенных обстоятельствах, ситуациях, могут перевести своих детей в другие образовательные учреждения, либо их взаимодействие с педагогами и администрацией может стать конфликтным.

У школьников нейтральный тип отношений к образовательной среде чаще проявляется среди подростков 12 – 14 лет.

Негативное отношение к образовательной среде составило 7 - 8% по каждой группе опрошенных. Возможно, показатель и не высокий, но он указывает на то, что есть педагоги, обучающиеся и родители, которые не признают референтной значимости школы, что является угрозой психологической безопасности личности.

2. Значимыми характеристиками образовательной среды школы удовлетворены и педагоги, обучающиеся и родители. Максимальное удовлетворение участники

образовательного пространства школы испытывают от уважительного отношения к себе и сохранения личного достоинства.

У школьников взаимодействие с педагогами не всегда складывается однозначно. Основные причины кроются в том, что проблемы детей и их затруднения не всегда педагоги учитывают в полной мере, не всегда дают им возможность высказать свою точку зрения (это особенно актуально для учащихся 5 – 8 классов).

3. Все структурные компоненты психологического насилия во взаимодействии находятся на уровне защищенности. Наибольший показатель защищенности наблюдается по компонентам недоброжелательного отношения к себе и игнорирования со стороны референтной среды.

Противоречивые чувства возникают во взаимодействии у педагогов с администрацией и у учащихся с учителями (причем у педагогов больше, чем у учащихся) в ситуациях принуждения делать что-либо против своей воли.

Педагоги полностью чувствуют себя защищенными от игнорирования и недоброжелательного отношения со стороны учащихся.

Родители полностью чувствуют себя защищенными от угроз со стороны педагогов и администрации.

Школьники по всем компонентам чувствуют себя в большей степени защищенными, чем не защищенными.

Таким образом, образовательную среду обследованной школы мы можем назвать психологически безопасной. Основным средством сохранения психологической безопасности школы являются удовлетворенность следующими средовыми характеристиками: возможность сохранять личное достоинство, право на уважение, возможность проявлять активность и инициативу. Стоит отметить, что психологически безопасно функционирующая образовательная среда определяет успешность сформированности (развитости) личностных компетенций, касающихся жизни в многокультурном обществе: понимание различий, уважение друг друга, способность жить с людьми других культур, языков, религий; политические и социальные компетенции: способность брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решений, регулировать конфликты ненасильственным путём, участвовать в функционировании и улучшении демократических институтов.

Литература:

1. Баева И.А., Волкова Е.Н., Лактионова Е.Б. Психологическая безопасность образовательной среды: учебное пособие / И.А. Баева, Е.Н. Волкова, Е.Б. Лактионова; под ред. И.А. Баевой. – М.: Экон-Информ, 2009. – 248 с.

2. Бубнова И.С., Рерке В.И. Специфика современных условий семейного воспитания подростков и ее влияние на формирование их Я-концепции / И.С. Бубнова, В.И. Рерке // Вестник

Иркутского государственного университета. - 2013. - № 3. - С. 211-214.

3. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство; под ред. И.А. Баевой. – СПб.: Речь, 2006. – 288 с.

4. Петренко А. Безопасность в коммуникации делового человека / А. Петренко. - М., 1994.

Сведения об авторах:

Рерке Виктория Игоревна (г. Иркутск, Россия), кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет».

Бубнова Ирина Сергеевна (г. Иркутск, Россия), кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет», e-mail: irinaz-bubnova@yandex.ru

Data about the authors:

V. Rerke (Irkutsk, Russia), Candidate of Psychological Sciences, associate professor of Irkutsk state University.

I. Bubnova (Irkutsk, Russia), Candidate of Psychological Sciences, associate professor of Irkutsk state University, e-mail: irinaz-bubnova@yandex.ru

УДК 343.148.33

ОСОБЕННОСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ ПРОПАГАНДЫ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ И УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСПЕРТИЗЫ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

И.Р. Абитов, Д.Л. Ханзафарова

Аннотация. В статье изложен подход к различению признаков пропаганды неполноценности и унижения человеческого достоинства при производстве психолого-лингвистической экспертизы материалов, связанных с противодействием экстремизму и терроризму. Рассуждения авторов проиллюстрированы примерами из экспертной практики. Авторы приходят к выводу о том, что: для обнаружения признаков «унижения» необходимым условием является выделение группы «чужие» и проявление негативного отношения к данной группе; для обнаружения признаков «пропаганды неполноценности» необходимо выделение автором группы «чужие»; а также: изложение автором каких-либо идей, взглядов; выражение автором положительной оценки изложенных идей, взглядов и стремление автора убедить адресата в правильности изложенных им взглядов и необходимости их принять.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, унижение, пропаганда, убеждение.

FEATURES OF DIFFERENTIAL DIAGNOSTICS OF INFERIORITY PROPAGANDA AND HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY DURING THE FORENSIC ANALYSIS OF MATERIALS CONNECTED TO EXTREMISM AND CONFRONTING TERRORISM

I. Abitov, D. Hanzafarova

Abstract. The article describes an approach to discern attributes of inferiority propaganda and humiliation of human dignity in the analysis of forensic psycho-linguistic expertise of materials related with the topic of extremism and confronting terrorism. The authors' ideas are illustrated in their arguments with examples from their expert practice. The authors conclude that the necessary conditions for detection of signs of "humiliation" are allocation of "foreign" group and the demonstration of a negative attitude towards this group; the signs of "inferiority propaganda" should be detected by the author's allocation of the "foreign" group, a statement of any ideas, opinions and expression of positive evaluation of these ideas, views, the author's desire to persuade the recipient in correctness of these views and necessity to accept them.

Keywords: comprehensive forensic psychological and linguistic expertise, humiliation, propaganda, persuasion.

Современная общественно-политическая ситуация свидетельствует о том, что возникновение и активная деятельность радикальных группировок и террористических организаций представляют угрозу как для каждого государства, так и для мирового порядка в целом. В российском законодательстве понятия «экстремизм» и «террористическая деятельность» описываются через перечисление деяний (ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, п. 2 ст. 3 № 35-ФЗ от 06.03.2006). На основе данных определений перед экспертами в области психологии и лингвистики ставятся задачи по выявлению тех или иных «экстремистских» значений в материалах (текстах, высказываниях, сообщениях) по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму.

Учитывая острую потребность в выработке единого подхода к решению вопроса об отнесении материала к разряду экстремистских, Кукушкиной О.В., Сафоновой Ю.А., Секераж Т.Н. в 2011 году была создана и опубликована специальная методика, в 2014 году она была модифицирована и переиздана издательством Российского федерального центра судебной экспертизы Минюста России [2]. В данной методике, среди семи основных типов значений, признаки которых подлежат установлению при производстве комплексной психолого-лингвистической экспертизы («экстремистских» значений), приведены:

- пропаганда определенных взглядов (негативного отношения, исключительности, превосходства, неполноценности человека по признакам, указанным в законодательстве);
- унижение человеческого достоинства по признакам расовой, национальной,

религиозной, языковой, социальной принадлежности.

С учетом компетенции экспертов представлены рекомендованные формулировки вопросов:

– Содержатся ли в тексте лингвистические и психологические признаки пропаганды исключительности, превосходства, неполноценности человека по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе?

– Содержатся ли в тексте лингвистические и психологические признаки унижения человеческого достоинства по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе?

– Содержатся ли в тексте лингвистические и психологические признаки унижения человеческого достоинства по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе?

При решении данных вопросов экспертами в качестве эталонов для сравнения используются диагностические комплексы. При решении вопроса о наличии признаков унижения человеческого достоинства – диагностический комплекс «унижение»; при решении вопроса о наличии пропаганды – диагностический комплекс «убеждение». При анализе креолизованных текстов (креолизованный текст – текст, в котором помимо вербальной (словесной) составляющей содержится также невербальная информация (видеоряд, статичное изображение и проч.). В процессе анализа креолизованного текста – демотиватор) и других форм, подвергшихся смысловой компрессии могут возникать трудности в связи с необходимостью разграничения между двумя типами значений: унижение и пропаганда.

При констатации присутствия в них признаков убеждения (пропаганды) выработан следующий алгоритм рассуждения. Следует различать убеждение адресата в какой-либо идее и демонстрацию адресату своей точки зрения, мнения об актуальной ситуации. О наличии лингвистических и психологических признаков пропаганды определенных взглядов можно говорить, если имеет место сочетание речевой цели убедить адресата с изложением этих взглядов.

Таким образом, для пропагандирующих что-либо текстов характерно наличие следующих составляющих:

1) определенная идея, признаки изложения каких-либо взглядов;

2) положительная оценка идеи/взглядов, утверждение о ее/их правильности;

3) наличие у автора высказывания речевой цели убедить аудиторию в правильности, необходимости принятия данной идеи, взглядов [2].

Для достижения коммуникативной цели могут использоваться различные средства, среди которых:

- лозунги («Русский помоги русскому», «Казань – белый город»);

- демонстрация символики (свастика, кельтский крест и проч.) – данное средство выражает позитивную оценку излагаемых взглядов; в то же время сам по себе символ свидетельствует лишь о демонстрации автором собственных взглядов и не может рассматриваться как основной инструмент пропаганды;

- логическая аргументации. В качестве аргументов могут приводиться статистические данные, ссылки на авторитетные источники, информация может подаваться как общеизвестная и т.д. Также могут приводиться фразы, приписываемые историческим личностям (Александр III, Ф.М. Достоевский, П.А. Столыпин);

- сверхобобщение.

В качестве примера приведем случай из нашей экспертной практики, см. рис. 1. Для производства психолого-лингвистической экспертизы поступили изображение Александра Невского и текст следующего содержания:

«Патриотизм к своей стране невозможен без любви к народу, эту страну создавшему. А любовь к своему народу немислима без желаниа сохранить свой этнос в чистоте. Не пора ли убрать ЧЕРНЫЙ МУСОР? Что делать? не покупай, не общайся, не сдавая квартиру. С Божьей помощью мы их остановим».

Изображение содержит следующую информацию:

- автор выделяет группу по национальному признаку («русские»), причисляет себя к ней, оценивает данную группу положительно;

- автор противопоставляет «своей» группе представителей остальных национальностей, в первую очередь, представителей народов Кавказа и Средней Азии;

- автор негативно оценивает «чужую» группу, выражая свое презрение, пренебрежение при помощи номинации «черный мусор».

Рисунок 1. - Пример материала №1 для производства психолого-лингвистической экспертизы

ЧЕРНЫЙ – Житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии [1].

ЧЕРНЫЙ – Уничиж. (презр.) разг. – сниж. О людях с темным, смуглым цветом кожи; о кавказцах или о выходцах из некоторых азиатских стран [5];

- автор сообщает о том, что желание сохранить свой этнос в чистоте – естественное чувство для любого патриота. Путем логико-семантического следования из текста следует утверждение «если ты любишь свою страну, считаешь себя патриотом, то ты должен хотеть сохранить свой этнос в чистоте», в котором содержится идея превосходства одного народа над другим;

- автор указывает на действия, которые нужно совершить адресату: «не покупай», «не

общайся», «не сдавай квартиру». Побуждение выражено в форме призыва (императивные формы глаголов).

Таким образом, изображение содержит лингвистические и психологические признаки:

- унижения человеческого достоинства по национальному признаку (представители народов Кавказа и Средней Азии);

- побуждения (в том числе в форме призыва) к дискриминирующим действиям в отношении представителей народов Кавказа и Средней Азии;

- пропаганды неполноценности человека по признаку национальной принадлежности (представители народов Кавказа и Средней Азии).

Таблица 1. – Анализ изображения в рамках диагностических комплексов «унижение», «убеждение», «побуждение к совершению действия (в том числе в форме призыва)»

Компонент значения	Лингвистические признаки значения	Психологические признаки значения
Тематика	<p><i>Предмет речи:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - группа, выделяемая по национальному признаку (нерусские, представители народов Кавказа и Средней Азии); - идея превосходства русских над представителями народов Кавказа и Средней Азии; - адресат – русские. <p><i>Содержательные типы высказываний:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> Негативная оценка «чужой» группы. Описание действий в адрес «чужой» группы. Положительная оценка идеи превосходства русских над народами Кавказа и Средней Азии 	<p>Автор выделяет группу «чужие» по национальному признаку (представители народов Кавказа и Средней Азии). Для обозначения «чужой» группы, автор использует презрительную номинацию («черный мусор»). Автор привлекает внимание адресата к тому, что правильно, выстраивая логическую цепочку «патриотизм – любовь к своему народу – желание сохранить свой этнос в чистоте». Автор описывает действия, которые не должен выполнять адресат в отношении «чужой» группы («не покупай», «не общайся», «не сдавай квартиру»)</p>

Продолжение таблицы 1.

Компонент значения	Лингвистические признаки значения	Психологические признаки значения
Отношение	Действия, описываемые в тексте, оцениваются как правильные, целесообразные, необходимые. Выражено превосходство над группой через констатацию их неполноценности (оценка группы как недостойной статуса «нормальный народ»). Идея превосходства русских над народами Кавказа и Средней Азии оценивается как правильная	Автор выражает враждебное отношение к «чужой» группе, используя презрительную номинацию и сравнение с мусором, тем, что не нужно адресату, что «загрязняет» его жизнь, мешает жить. Предлагаемый адресату взгляд на отношения русских и представителей народов Кавказа и Средней Азии преподносится автором как соответствующий потребностям адресата
Цель	<i>Выражены речевые цели:</i> - демонстрация пренебрежительного отношения к представителям народов Кавказа и Средней Азии; - побуждение к принятию идеи превосходства русских над представителями народов Кавказа и Средней Азии; - побуждение адресата не покупать у представителей народов Кавказа и Средней Азии, не общаться с ними, не сдавать им квартиру (дискриминационные действия)	Автор стремится сформировать у адресата презрительное отношение к представителям «чужой» группы, готовность к принятию его точки зрения, к дискриминации представителей народов Кавказа и Средней Азии. Для обоснования таких действий автор апеллирует к патриотическим чувствам адресата. Дискриминацию представителей «чужой» группы автор связывает с патриотизмом и любовью к своему народу. Для формулирования побуждения к враждебным действиям в отношении «чужой» группы автор использует форму риторического вопроса («Не пора ли убрать ЧЕРНЫЙ МУСОР?»), изображение народного героя – князя Александра Невского в боевом облачении

Следующий пример демонстрирует случай, когда выявляются признаки унижения человеческого достоинства по признаку религиозной принадлежности при отсутствии признаков пропаганды неполноценности.

На экспертизу поступил демотиватор под названием «МУСУЛЬМАНЕ», содержащий в левой части изображение льва с подписью «Как они представляют себя» и в правой части изображение обезьян с подписью «Такими их видят окружающие», см. рис. 2. Изображение содержит следующую информацию:

- автор выделяет группу по религиозному признаку (мусульмане);
- автор противопоставляет мусульман тем, кто не исповедует ислам;
- автор использует зооморфную метафору для выражения негативного отношения к мусульманам.

В русскоязычной культуре образы льва и обезьяны вызывают различные по своей эмоциональной и смысловой наполненности ассоциации.

Рисунок 2. - Пример материала №2 для производства психолого-лингвистической экспертизы

Русский ассоциативный словарь приводит (в скобках приводится частота конкретной реакции на стимул: для слова «лев» - из 501 реакции, для слова «обезьяна» - из 108 реакций. В исследовании учитывались первые 5 ассоциаций) следующие ассоциации, вызванные словом «лев»: «царь» (34), «царь зверей» (27), «тигр» (25), «злой» (22), «зверь» (21); слово «обезьяна» вызвало у респондентов следующие реакции: «макака» (8), «человек» (6), «животное» (5), «джунгли» (3), «зоопарк» (3).

Таким образом, сравнение со львом в русской культуре имеет позитивную, одобрительную коннотацию – «бросаться, кинуться как лев» (о человеке, стремительно, отважно, решительно и жестоко нападающем

на кого-либо), «защищать как лев», «сильный (мощный, могучий) как лев», «сражаться (драться) как лев» и проч. Напротив, сравнение с обезьяной предполагает пренебрежительные, презрительные коннотации: «как обезьяна» (о человеке, чаще женщине, с некрасивой, уродливой внешностью), «бегать как обезьяна» (о чьем-либо неуклюжем, некрасивом беге), «гримасничать как обезьяна», «волосатый как обезьяна», «наглый как обезьяна» и проч. [3;4].

Используя сравнения со львом и обезьяной, автор демотиватора указывает на несоответствие мнения мусульман о себе их статусу. Он выражает свое презрение, пренебрежение, превосходство над мусульманами.

Таблица 2. – Анализ изображения в рамках диагностических комплексов «унижение» и «убеждение»

Компонент значения	Лингвистические признаки значения	Психологические признаки значения
Тематика	<i>Предмет речи:</i> - мусульмане <i>Содержательные типы высказываний:</i> Негативная оценка мусульман, сравнение их с обезьянами. Отсутствует описание каких-либо идей	Автор выделяет группы «мусульмане» и «окружающие» (те, кто не исповедует ислам, немусульмане). Автор обращает внимание адресата на разницу между самовосприятием мусульман (сравнение со львом – символом силы и власти) и восприятием их немусульманами (сравнение с обезьянами – символом наглости и трусости)
Отношение	Выражено негативное отношение к чужой группе и превосходство над ней (констатируется неполноценность мусульман). Данная оценка относится ко всем представителям чужой группы и не распространяется на себя и немусульман. Отсутствует оценка каких-либо идей и действий	Автор выражает враждебное отношение к группе «мусульмане», проявляющееся в презрении по отношению к представителям данной группы
Цель	<i>Выражены речевые цели:</i> - демонстрация негативного отношения к мусульманам. <i>Не выражены речевые цели:</i> - побуждение к изменению мнения (убеждение)	Автор демонстрирует негативное отношение к мусульманам, стремится сформировать у адресата презрительное отношение к группе «мусульмане». Необходимость презрительного отношения к данной группе обосновывается эмоциональными средствами: автор обращает внимание адресата на различия в представлении мусульман о себе, как о сильных и обладающих авторитетом, и восприятием их немусульманами, как наглых и трусливых. Автор не стремится убедить в чем-либо адресата

Поскольку в представленном на экспертизу демотиваторе отсутствует «изложение взглядов» и их аргументация, при наличии признаков негативного отношения к определенной группе лиц, экспертами делается

вывод об отсутствии признаков «пропаганды неполноценности» и наличии признаков унижения человеческого достоинства по религиозному признаку.

Таким образом, для обнаружения признаков «унижения» необходимыми условиями являются выделение автором группы «чужие» и проявление негативного отношения к данной группе; для обнаружения признаков «пропаганды неполноценности» необходимо выделение автором группы

«чужие»; изложение автором каких-либо идей, взглядов; выражение автором положительной оценки изложенных идей, взглядов и стремление автора убедить адресата в правильности изложенных им взглядов и необходимости их принять.

Литература:

1. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга / В.С. Елистратов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 672 с.

2. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж // Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. –

М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. – 98 с.

3. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – СПб.: «Норинт», 2003. – 608 с.

4. Русский ассоциативный словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>

5. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. – СПб.: Норинт, 2004.

Сведения об авторах:

Абитов Илдар Равильевич (г. Казань, Россия), кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и клинической психологии Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета; эксперт-психолог Средне-Волжского регионального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, e-mail: ildar-abitov@yandex.ru

Ханзафарова Диля Линаровна (г. Казань, Россия), эксперт-лингвист Средне-Волжского регионального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Data about the authors:

I. Abitov (Kazan, Russia), Ph. D., assistant professor of Department of Developmental and Clinical Psychology, Institute of Psychology and Education of Kazan Federal University, forensic expert-psychologist of Middle-Volga Regional Centre of Forensic Science, Ministry of Justice, e-mail: ildar-abitov@yandex.ru

D. Khanzafarova (Kazan, Russia), forensic expert-linguist of Middle-Volga Regional Centre of Forensic Science, Ministry of Justice.

БЛАГОДАРНОСТЬ КАК ПРИЕМ МАСКИРОВКИ НАМЕРЕНИЙ В ЭКСТРЕМИСТСКОМ ТЕКСТЕ

И.И. Саженин¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации грана РГНФ «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования (грант № 15-14-54001, тип проекта «а»)

Аннотация. В статье анализируются способы маскировки коммуникативных намерений, используемых в радикальном исламском дискурсе при публикации сообщений в социальных сетях. Тактики, приемы и способы маскировки намерений применяются лицами, ведущими пропагандистскую работу в русскоязычном сегменте Интернета с целью избежать обнаружения и привлечения к ответственности за совершение деяний, предусмотренных соответствующими статьями уголовного кодекса РФ (280, 282, 205.2, 148 и др.).

Ключевые слова: экстремистский текст, пропаганда, радикальный ислам, речевой жанр, исламский политический дискурс.

GRATITUDE AS A METHOD OF MASKING THE INTENTIONS IN EXTREMISTS TEXT

I. Sazhenin

Abstract. The article is devoted to analysis of the methods of masking communicative intentions, used in radical extremist discourse when posting messages on social networks. Tactics, techniques and methods of masking of communicative intentions uses persons, who leads propaganda of extremist ideas in the Russian segment of the Internet in order to avoid detection, and prosecution for acts committed under the relevant articles of the Criminal Code.

Keywords: extremist text, propaganda, radical Islam, speech genre, the Islamic political discourse.

Заключение эксперта, являясь доказательством по делу, должно соответствовать требованиям научности и верифицируемости: при проведении исследования обязательно использование методов той научной области, в которой лицо, проводящее исследование, является специалистом; выводы должны быть обоснованы и проверяемы с помощью тех же методов, что использовались экспертом в процессе исследования. Когда речь идет об исследовании продуктов речевой деятельности, неизбежно возникает едва преодолимая сложность. Дело в том, что эксперт-лингвист ограничен самим объектом – языком, который для него выступает как знаковая система. Задачи же, которые приходится решать эксперту, в той или иной степени, выходят за рамки собственно языка как системы знаков и устремлены в область внеречевой действительности, где собственно лингвистические методы уже неприменимы, и обосновать что-либо, доказать в строгом математическом смысле уже становится невозможно. Такое направление языкознания, как когнитивная лингвистика, в рамках которого некоторые задачи, связанные с областью умысла, намерений, решать все же возможно, на данном этапе переживает свое становление и

четкой прозрачной методологией, позволяющей лингвисту сколь бы то ни было уверенно выходить в область характеристики ментальных операций, не обладает.

При производстве экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, данная проблема отчасти решается посредством привлечения эксперта-психолога, для которого язык уже не система знаков, а несколько иная сущность – продукт мыслительной деятельности и средство познания человека как действующего и мыслящего субъекта. Тем не менее, психолог тоже ограничен в своем экспертном инструментарии теми механизмами, которые позволяют однозначно трактовать какие-либо речевые действия, поскольку те априори несут в себе разновекторный интерпретационный потенциал. Совершенствование используемых экспертами методов и поиск новых решений являются такой же неотъемлемой частью их работы, как и составление заключения. И если в процессе производства экспертизы выходить за рамки собственно речевых фактов и погружаться в область интерпретации недопустимо, то далее такой выход, несомненно, оправдан. Так, наиболее надежным способом выяснить, чего хотел добиться говорящий посредством своих

речевых действий, то есть определить его коммуникативные намерения, является обращение к самому говорящему или же к контексту его деятельности, иные способы не всегда применимы или не способны дать точную картину: так, в некоторой степени лингвист может судить о намерениях говорящего по перлокутивному эффекту, однако при узкой контекстной базе точно определить коммуникативное намерение не всегда возможно. В итоге лишь сам говорящий знает, зачем он породил то или иное высказывание, что планировал тем самым добиться. Сопоставление постфактум лингвистических и экстралингвистических событий позволяет описать использованные говорящим речевые механизмы как инструменты достижения внеречевой цели, оценить качество данных инструментов, успешность или неуспешность выбранной стратегии или тактики, и, наконец, закрепить за конкретной моделью высказывания с учетом конситуации конкретную прагматическую функцию. Как минимум, все это позволяет в дальнейшем при производстве экспертизы, при проведении последственных проверок или же при мониторинге уполномоченными органами сети Интернет использовать полученный результат как некий диагностический шаблон – так врач, обнаружив неизвестные ему ранее симптомы, чтобы понять, с чем имеет дело, сопоставляет наблюдаемые им соматические проявления с описанными в медицинской литературе случаями. Такой принцип определения сущности явления вполне обоснован с точки зрения общенаучной методологии. И в качестве иллюстрации мы хотели бы продемонстрировать, как работает речевой жанр благодарности в экстремистском тексте.

Выводы, к которым мы в итоге пришли, основаны на сопоставлении результатов лингвистического анализа высказывания и фактических данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Результаты лингвистического анализа. Объектом анализа являлся комментарий к видеоролику под названием «#ISNПрисяга и призыв Кулибали». Сам видеоролик размещен в социальной сети «ВКонтакте» одним из ее пользователей.

Текст комментария следующий (орфография и пунктуация автора сохранены): *«спасибо вам братья!! Шахиды (Ин Ша Аллах) Братья, отомстившие за честь пророка (мир над ним), короны на наших головах, свет наших лиц. Пусть Аллах накажет тех которые стесняются этих братьев».*

Видеоролик начинается словами «*Аль хаят ру представляет*» и заканчивается фразой «*Аллах могущественнее всех и суровее всех в наказании*», содержит титры и перевод высказываний темнокожего мужчины на русский язык.

Комментарий является вторичным жанром, то есть реакцией на некий предшествующий стимул – в данном случае – на информацию, содержащуюся в представленном видеоролике. Поэтому семантическую и прагматическую составляющие высказывания-комментария необходимо рассматривать в контексте семантической и прагматической составляющих видеоролика. Тем более, что видеоролик и комментарий размещены одним пользователем.

Итак, содержание видеоролика следующее: лицо, участвовавшее в подготовке и проведении серии терактов во Франции, обращается к общественности, отвечает на вопросы, представленные зрителю в виде текста на русском языке поверх видеоряда, после чего следуют его реплики на французском и арабском языках с закадровым переводом на русский язык.

Ролик озаглавлен создателями как «*Солдат халифата*». Героем ролика является лицо, названное создателями ролика Амеди Кулибали Абу-Басыр Абдуллах Аль-Ифрики. Авторы ролика посредством надписи белого цвета на русском языке сообщают о главном действующем лице (Амеди Кулибали) следующую информацию: «*Автор благословенных атак на Монруж, где он ликвидировал сотрудницу полиции 8 января 2015 г. На следующий день он атакует Порт д'Евансен, где берет в заложники 17 человек в еврейском магазине, и ликвидирует 5 евреев*».

Герой ролика отвечает на следующие вопросы:

1) К какой группе ты относишься, и есть ли у тебя предводитель?

Кулибали отвечает, что присягнул халифу Абу Бакру Аль-Багдади.

2) Связан ли ты с братьями, атаковавшими Charlie-Hebdo?

Кулибали отвечает утвердительно.

3) Почему вы атаковали Францию, Charlie-Hebdo, еврейский магазин?

Кулибали отвечает, что атаки являются ответами на действия некоей коалиции против Исламского государства, и по этой причине легитимны.

4) Что ты посоветуешь мусульманам во Франции?

Кулибали призывает мусульман Франции к сражению с неверными.

Таким образом, в ролике присутствует информация о лице, совершившем насильственные действия: убийство сотрудника полиции, убийства людей по религиозному и национальному признаку (евреев), взрывы, захват заложников (17 человек в еврейском магазине). Совершенные им действия входят в область определения таких понятий, как террористическая акция, терроризм.

ТЕРРОРИЗМ [тэ] и [те], -а; м. Политика и тактика террора. Военный, политический т. Международный т. Приверженец терроризма. Государственный т. < Террористический (см.) [4, с.1320].

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ [тэ] и [те], -ая, -ое. к Террор, Терроризм и Террорист. Т-ие методы борьбы. Т-ая организация. Т-ая деятельность. Т. Акт [4, с.1320].

ТЕРРОР – физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, убийства по отношению к политическим противникам или иным гражданским лицам; политика устрашения со стороны правящего режима или оккупационных властей путем применения массовых репрессивных мер [2, с.758]. Свои действия Кулибали мотивирует тем, что некое объединение, которое он называет «коалиция», ведет против «них» войну, препятствует использованию шариатского права на их территории – «у себя дома», убивает мирных мусульман. Также Кулибали призывает мужчин-мусульман, живущих во Франции, к борьбе, укоряет их за бездействие.

Высказывание, составляющее комментарий, формально воплощает речевой жанр благодарности. Кроме того, в него также включено высказывание, реализующее речевой жанр проклятия («пусть Аллах накажет тех, которые стесняются этих братьев»). Речевой жанр – это особая модель высказывания, из чего следует, что необходимо исследование его в двух направлениях: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях» [8, с.91].

По наблюдениям, сделанным А.Г. Бердниковой, речевой жанр благодарности имеет следующие особенности.

1. Высказывания с семантикой благодарности являются репликами-реакциями на предшествующие речевому акту высказывания либо действия адресата.

2. Чувство благодарности представляет собой контаминацию положительной оценки ситуации говорящим и комплекса положительных эмоций: радости, восторга, счастья, удовлетворения.

3. Языковые средства выражения благодарности представляют собой поле, в ядре которого находятся слова-маркеры: спасибо, благодарю, благодарность, признательность, благодарен, признателен; периферия семантического поля благодарности представлена лексемами *мерси, сенкью, обязан* и устойчивыми словосочетаниями и клише *я тронут; я ваш должник; не знаю, как вас благодарить; я весь ваш; нет слов* и пр.

4. Типология высказываний с семантикой благодарности включает в себя: а) прямую/косвенную благодарность; б) ритуальную/эмоциональную, лично значимую благодарность; в) мотивированную / немотивированную благодарность; г) вербальную/невербальную благодарность; д) благодарность реальному адресату/благодарность высшим силам. Все перечисленные типы пересекаются и взаимодействуют друг с другом, следовательно, одно и то же высказывание может быть охарактеризовано по нескольким параметрам.

5. Система интенций выражения благодарности включает в себя следующие составляющие: а) интенция соблюдения этикетных норм; б) интенция выражения эмоционального состояния говорящего; в) интенция создания своего речевого имиджа; г) интенция воздействия на поведение и эмоциональное состояние адресата; д) интенция рациональной оценки ситуации; е) интенция «не быть должным».

6. Ментальный сценарий благодарности включает следующие типы взаимосвязанной информации: а) фоновые знания о том, что любой добрый поступок должен быть в той или иной мере вознагражден («отблагодарен»), что особенно актуально для выполнения ритуала благодарности; б) представление об основных интенциях субъекта благодарности; в) осознание того, что потенциальному субъекту благодарности оказана услуга; г) представление о коммуникативных условиях ситуации благодарности (социальные роли коммуникантов, фактор прошлого и пр.); д) представление о том, как вербально воплощается речевое действие благодарности (знание всех возможных способов выражения чувства благодарности (прямых и косвенных); е) знание о том, что неблагодарность строго порицается говорящим социумом [1, с.6-8].

Основываясь на данных положениях, следует заключить, что в основе жанра благодарности в его прямом воплощении лежит положительная оценка говорящим сказанного

или сделанного адресатом ранее, за что, собственно, и следует благодарность.

В исследуемом случае высказывание автора имеет ряд особенностей. Во-первых, оно адресовано не столько реальному получателю благодарности (лицам, осуществившим теракты во Франции – они не могут ознакомиться с высказыванием в связи с их смертью), сколько широкому кругу русскоязычных пользователей социальной сети «ВКонтакте», включая, в первую очередь, подписчиков автора, поскольку они первыми ознакомятся с опубликованным постом. Следовательно, адресат благодарности, несмотря на то, что он актуализирован в тексте, является до некоторой степени мнимым, поскольку истинным адресатом всего высказывания являются пользователи социальной сети. В результате формальные интенции – выразить признательность, соблюсти этикетные нормы и др. – нивелируются, и на первый план выходит коммуникативная цель «заявить о своем отношении к положению дел». Иными словами, авторское намерение выглядит следующим образом: я это говорю, потому что считаю действия, совершенные этими людьми, – правильными (*спасибо вам братья*), я их оцениваю положительно (*Шахиды (ИнШа Аллах) короны на наших головах, свет наших лиц*): использованный автором комментария исламский термин *шахид* имеет значение герой, принявший мученическую смерть за веру [3, с.296]. В радикальном же исламском дискурсе так номинируют людей, совершивших акт истишхада, то есть, акт мученической смерти в результате атаки на представителей сообщества неверных: кафиров, муртадов, мушриков, мунафиков. Понятие «шахид» в исламском политическом дискурсе обладает высокой смысловой нагрузкой позитивного толка.

Наличие высказывания, воплощающего речевой жанр злопожелания (*Пусть Аллах накажет тех которые стесняются этих братьев*) также имеет цель выражения отношения к определенному положению дел, а также оказание воздействия на адресата за счет акцента на значимых мифологических потребностях в одобрении высшими силами и страха перед наказанием за «неправильное поведение». «Злопожелания относятся к речевым жанрам эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, поводом для которых является ощущение говорящим несоответствия адресата и его поведения норме или представлениям говорящего о ней» [7, с.129]. «Злопожелания определяются, как «выраженные словами пожелания какой-либо беды, являющиеся

отражением известного душевного состояния человека»; в них «вкладывается пожелание угрозы здоровью, благополучию, счастью, иногда самой жизни...» [5].

«Это речевой акт неперескрипционного характера, произнесение злопожеланий вызвано лишь аффективными состояниями говорящего и не является институализированным для какой-либо разновидности речевых ситуаций, поэтому можно утверждать, что они призваны выполнять исключительно экспрессивную функцию. Как в случае с любым инфлюктивом, успешность, эффективность злопожелания не зависит от статуса говорящего, то есть ситуация общения не обязательно должна быть асимметричной, ведь выражение аффекта, «выпускание пара» не видит границ и возможно при совершенно разном распределении социальных ролей» [6, с.258].

Основываясь на приведенных данных, следует заключить, что автор героизирует лиц, совершивших насильственные действия в отношении совокупности лиц, выделяемой по религиозному и национальному признаку (немусульман и евреев – группы лиц, упоминаемые в ролике), а также в отношении сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, суть креализованного сообщения автора (размещение ролика и его комментарий) сводится к следующему: *ознакомьтесь с содержанием ролика и моей точкой зрения на это содержание: я данное положение дел оцениваю положительно, тех, кто не согласен с таким видением ситуации, оцениваю отрицательно.*

Анализ фактов, ставших известными в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Владелец аккаунта в социальной сети «ВКонтакте» (назовем его Ахмед), разместивший данный материал, приехал в Россию из Средней Азии. У Ахмеда в порядке документа, есть разрешение на работу в РФ, Ахмед ведет себя законопослушно. Ему нельзя привлекать внимание правоохранительных органов, так как он обязан выполнить возложенные на него задачи. Ахмед – вербовщик ДАИШ (Запрещенная в РФ террористическая организация). Свою деятельность Ахмед ведет, в том числе, и в виртуальной среде. Его страница «ВКонтакте» «живет» в течение нескольких месяцев, после чего удаляется, и регистрируется новый профиль с тем же или схожим содержанием. Регистрируя новый профиль, пользователь меняет один из символов, составляющих его «имя»: Ахмед – Ахмедд – Ахмеддд. Вербовка на первом этапе предполагает определение целевой аудитории –

для Ахмеда такой аудиторией являются, прежде всего, лица, исповедующие ислам, поэтому для формирования в пределах социальной сети круга потенциальных объектов вербовки Ахмед размещает на своей странице вполне безобидный религиозный контент. Когда у него сформирован круг подписчиков, разделяющих в целом его религиозные интересы, становится возможным перейти ко второму этапу – заявить о своих «особых» взглядах, однако сделать это необходимо так, чтобы не привлечь внимание правоохранительных органов, иначе задача выполнена не будет. Поэтому свои коммуникативные цели Ахмед камуфлирует.

Итак, используя жанр благодарности, он, с одной стороны, посылает аудитории сигнал о том, что положительно оценивает совершенные героями ролика «действия», ожидая реакции со стороны разделяющих его взгляд по

конкретному вопросу, с другой стороны, не используя слов-маркеров, однозначно присущих радикальному исламскому дискурсу, стремится избежать обнаружения правоохранительными органами.

Таким образом, сопоставляя результаты лингвистического анализа высказывания и контекст деятельности говорящего, мы можем с уверенностью судить о прагматической функции конкретной модели высказывания, о ее прагматическом потенциале, о приемах работы в социальных сетях организаций экстремистского толка; диагностировать в перспективе коммуникативное намерение говорящего при условии, что параметры коммуникативной ситуации, в которой существует высказывание, будут тождественными данной или сходными до степени неразличимости.

Литература:

1. Бердникова А.Г. Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бердникова Анна Геннадьевна. – Новосибирск. - 2005. – 24 с.
2. Большой юридический словарь; гл. ред. А.Я. Сухарев. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 858 с.
3. Ислам: Энциклопедический словарь; под ред. С.М. Прозорова. – М.: Наука, 1991. – 316 с.
4. Новейший большой толковый словарь русского языка; гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1534 с.
5. Самойлова Е.Е. Проклятия как форма конвенционального поведения [Электронный ресурс] / Е.Е. Самойлова // Ruthenia Объединенное гуманитарное издательство Кафедра русской

литературы Тартуского университета. – Режим доступа:

<http://www.ruthenia.ru/folklore/samoylova3.htm>

6. Трофимова Н.А. «Желаю Вам всего самого худшего...» (Общая характеристика речевых актов злопожелания) / Н.А. Трофимова // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – СПб. – Вып. 3. – 2011. – С. 258-266.
7. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты: Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография / Н.А. Трофимова. – СПб.: ВВМ, 2009. – 377 с.
8. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов: Колледж. – Вып. 1. – 1997. – С. 88-98.

Сведения об авторе:

Саженин Игорь Игоревич (г. Новосибирск, Россия), кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания, ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»; государственный судебный эксперт, ФБУ Сибирский региональный центр судебной экспертизы Минюста РФ, e-mail: sajana84@mail.ru

Data about the author:

I. Sazhenin (Novosibirsk, Russia), candidate of philological science, associated professor, Novosibirsk State Pedagogical University; state forensic expert, Siberian regional centre of forensic science, Russian Ministry of Justice, e-mail: sajana84@mail.ru

УДК 316

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ВОЛОНТЕРСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Е.Ю. Звездина

Аннотация. В работе проведен анализ проблемы молодежного экстремизма в современном обществе. Раскрыта степень изученности проблемы молодежного экстремизма и его профилактики в современной гуманитарной науке. Показаны возможности и ресурсы добровольческой деятельности как института гражданского общества в профилактике экстремизма. Описаны особенности и направленность волонтерской деятельности в условиях вузовской среды. Представлены результаты исследования стратегий добровольчества у студентов-волонтеров, показаны особенности смыслообразования участников волонтерской практики.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, профилактика экстремизма, волонтерство (добровольчество), стратегии добровольчества, личностный смысл, смыслообразование, психологические ресурсы волонтерства.

THE PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF VOLUNTEERING IN PREVENTION OF YOUTH EXTREMISM

E. Zvezdina

Abstract. The analysis of a problem of youth extremism in modern society is carried out in the article. Degree of study of a problem of youth extremism and its prevention in the modern humanity is opened. The opportunities and resources of voluntary activity as institute of civil society in the prevention of extremism are shown. The author describes the features and orientation of volunteer activity in the conditions of the high school environment. The results of research study of students' volunteering strategy are presented; the features of meaning-making of participants of volunteer practice are shown.

Keywords: youth extremism, prevention of extremism, volunteering, strategies of voluntary work, personal meaning, meaning-making, psychological sources of volunteering.

В условиях эскалации напряженности современного общества наблюдается рост молодежного экстремизма. Проявления экстремизма в молодежной среде в настоящее время стали носить более опасный и массовый характер. По данным МВД России, в среднем до 80% участников группировок экстремистской направленности составляют лица в возрасте до 30 лет.

Элементы экстремистского поведения молодежи формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. Широкое распространение молодежного экстремизма – это свидетельство недостаточной социальной адаптации молодежи, сформированности ценностных установок сознания, вызывающих противоправные образцы ее поведения.

Молодежный экстремизм, как социальное явление, становится актуальным уже в середине прошлого столетия. Интерес ученых к проблеме молодежного экстремизма относится к концу 80-х годов прошлого столетия в связи с появлением радикально настроенных групп молодежи, часто прибегающих к насильственным агрессивным действиям.

Именно молодежь чаще совершает преступления агрессивного характера. Молодежный экстремизм отличается от взрослого меньшей организованностью, стихийностью, выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения. В условиях интернетизации жизни современной молодежи риск распространения экстремизма увеличивается в разы и нуждается как в теоретическом изучении, так и в инструментальном приложении. Новые средства и способы коммуникации, упрощение доступа к информационным ресурсам оказали заметное влияние на масштабы распространения молодежного экстремизма.

Проблема молодежного экстремизма сегодня представлена довольно широко на уровне теоретического анализа в разных отраслях гуманитарной науки. Происхождение экстремистского поведения рассмотрено в культурологических теориях В. Миллера, Т. Парсона, Э. Сатерленда, Т. Селлина и др. Социокультурную природу данного явления изучали в своих трудах А.И. Арнольдов, М.С. Каган, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев и другие.

Изучение влияния глобальных информационных сетей на распространение экстремистских настроений среди молодежи

осуществлено в рамках социологического подхода Е.О. Кубякиным [8].

Педагогические возможности социально-культурной деятельности в профилактике экстремизма изучались Г.С. Абибуллаевой, Ю.А. Акуниной, Л.П. Ильченко, А.В. Кузьминым, А.А. Свиридовым.

Психологическое осмысление экстремизма и терроризма нашло отражение в трудах Ю.П. Зинченко, А.Ш. Тхостова, К.Г. Сурнова, Р.С. Шилко, Г.У. Солдатовой. Психологическим аспектам развития межнационального восприятия и профилактике экстремизма посвящены труды Л.И. Алексеевой, Л.А. Альшевской, Е.А. Дядиченко, Т.Ю. Крыловой, А.П. Оконешниковой, В.Ю. Хотинец. В контексте теории смысла и смыслообразования И.В. Абакумовой, П.Н. Ермаковым, Л.Ц. Кагермазовой описаны психологические особенности профилактики экстремизма в молодежной среде.

Однако на сегодняшний день обнаружен явный дефицит исследований, посвященных изучению добровольческого (волонтерского) ресурса в профилактической деятельности явлений экстремизма и терроризма среди молодежи.

Возможности использования волонтерского (добровольческого) движения в профилактической работе нашли отражение в публикациях Ю. Котлякова, О.В. Митрохиной, Л.Е. Сикорской, М.Ю. Слабжанина, О.А. Смердова, С.В. Тетерского и других исследователей. Исследователь Неверова Л.В. раскрывает ресурсы добровольческой деятельности в профилактике экстремизма и предлагает опыт разработки технологии привлечения молодежных добровольческих команд к профилактике экстремизма среди несовершеннолетних. Изучая групповые и личностные факторы социально-психологического климата волонтерских объединений Потапова Н.А., отмечает, что освоение групповых ценностей происходит путем социальной идентификации [9;10;13].

Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму требует включения государственных и социальных институтов общества. Возникает необходимость в молодежной среде «создать самовоспроизводящуюся систему идей, субъектов-носителей и каналов их распространения, которая сможет автономно от государства способствовать формированию позитивного общественного сознания, исключаяющего саму возможность использования насилия для достижения каких-

либо целей» [11]. В качестве такой системы могут стать институты гражданского общества, образовательные структуры и средства массовой информации.

Остановимся более подробно на возможностях волонтерства, как одного из институтов гражданского общества, в профилактике молодежного экстремизма на примере студенческой молодежи в возрастном диапазоне 17 – 25 лет.

Профилактическая работа с молодежью должна строиться на основе изучения потребностей и запросов молодых людей, причин и условий, способствующих экстремистскому поведению. Учет возрастных особенностей студентов, понимание потребностей, толкающих молодых людей к участию в экстремистских группах, позволит своевременно скорректировать направления профилактической работы с обучающейся молодежью.

«Так, по оценкам экспертов, первые места среди психологических выгод экстремистского поведения занимают «занятие свободного времени», «возможность реализовать свою активность» и «удовлетворение потребности в общении»» [5].

Опыт работы с молодежью по организации и проведению социальных проектов, гражданских акций и других форм активности показал, что у студенческой молодежи имеется некоторое противоречие: с одной стороны, наличие у студентов потребности в проявлении социальной активности, а с другой стороны, отсутствие личной инициативы, бездействие. По результатам проведенного нами опроса более 40% молодых людей высказали необходимость специальных мероприятий по включению их в активную деятельность.

С целью эффективной реализации молодежной политики и активизации гражданской позиции на базе высших учебных заведений создаются волонтерские центры. Волонтерские центры призваны интегрировать студенческую молодежь в просоциальную активность, помочь в организации различных направлений волонтерской деятельности.

Волонтерство понимается нами как добровольное служение на благо общества и отдельного человека, это созидательная социальная сила, способствующая построению более гуманного и справедливого общества посредством сотрудничества.

Согласно определению Л.Е. Сикорской, волонтерство – это «способ сохранения и укрепления человеческих ценностей, таких как

доброта, безвозмездная помощь любому человеку, независимо от его положения в обществе, культурных и этнических особенностей, религии, возраста, пола» [13].

Исследование проводилось на базе волонтерских центрах, созданных при вузах – ЮФУ, ДГТУ (г. Ростов-на-Дону). Студенты, желающие участвовать в работе центра, добровольно выбирают для себя направления деятельности. Волонтерская деятельность способствует стимулированию активности самих молодых людей, актуализации их гражданской позиции, созданию условий для самостоятельного решения стоящих перед ними проблем.

Волонтерская деятельность реализуется как целостный процесс, в основе которого лежит определенная идеология. И.В. Абакумова отмечает, что «пока идеология не стала инициировать личностные смыслы самого студента, она находится исключительно на уровне значений, то есть является тем содержанием, которое является отчужденным по отношению к личности студента (да, я понимаю, что это важно, но это важно для общества, а не для меня)» [11].

Включаясь в волонтерскую деятельность, актуализируются жизненные смыслы волонтеров. «Если жизненные смыслы определяются логикой жизни, раскрываются ее обстоятельствам, являются достаточно жесткой структурой, привязанной к жизненной необходимости, с неярко выраженным психологическим содержанием, то на противоположной стороне обнаруживаются глубоко психологические, устойчивые, «ядерные», смыслы личности как высшие смыслы-ценности. Эта смысловая стержневая структура личности, составляя ее базовое «Я», и реализует смысловую регуляцию жизнедеятельности человека» [1].

В свою очередь, именно смысловая регуляция позволяет молодому человеку принимать те или иные решения в условиях ситуации неопределенности, осуществлять более обдуманные и осмысленные поступки на основе личной ответственности.

Механизмы свободы и ответственности – есть способы, формы существования и самоосуществления личности, которые не имеют своего содержания и, лишь наполняясь содержанием смыслового уровня, определяют, в свою очередь, основные линии развития смысловой сферы личности.

Изучение психологических эффектов участия студентов в волонтерской

деятельности основывалось на выявлении стратегии добровольчества. Нами был использован подход Е. Скворцова, основанный на выделении двух стратегий добровольчества: проблемно-ориентированный и ценностно-ориентированный подходы [16]. По мнению автора наиболее распространенной в России является первая стратегия – добровольчество как деятельность по оказанию услуг населению, организации досуга и решению социальных проблем. Вторая стратегия понимает добровольчество как формирование и проявление культуры гражданской ответственности, прямого личного участия в жизни общества.

В рамках эмпирического исследования нами были опрошены волонтеры (70 человек) в возрасте от 19 до 22 лет, которые имеют определенный опыт добровольческой деятельности (не менее полугода).

Анализ результатов исследования показал, что большинство волонтеров (85%) отдадут предпочтение второй стратегии, опирающейся на ценности добровольчества как основы самосознания и гражданственности, установление традиций, культуры добровольческого служения. В основном волонтеры осознают цели и ценности добровольчества. Однако в том, что касается вопроса организации и координации добровольческих усилий, мнения респондентов разделились: 57% ответили, что этим должны заниматься «сообщество (сеть) самостоятельных добровольческих групп и отдельных добровольцев и соответственно 43% считают, что заниматься данными вопросами будут более оптимально муниципальные центры и биржи добровольческого труда.

Также мнение респондентов разделилось по вопросам, касающимся популяризации и каналов распространения информации: «Через что люди узнают о возможностях добровольческого участия?». Около половины, 46%, респондентов отдали предпочтение СМИ и 54% – личным связям, друзьям, родственникам; в качестве главного инструмента популяризации 84% волонтеров считают, что это массовые молодежные акции и лишь 16% доверяют мнению заслуженных добровольцев их личному опыту.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: несмотря на то, что большинство волонтеров связывают добровольчество с личной жизнью, ценностями, желанием принести пользу обществу, выявлено некоторое противоречие – при наличии

ценностей добровольчества, смысл личного участия в волонтерской деятельности 33% респондентов видят, прежде всего, в интересном проведении досуга, общении со сверстниками. Возможно, данный факт можно объяснить сложностью процесса смыслообразования. Согласно Ключко В.Е.: «Смысл, разумеется, содержится в любом знании. Однако его экспликация, понимание, вычерпывание требуют специальной и нелегкой работы» [7, с.23]. Формирование осмысленного отношения волонтеров к осуществлению добровольческой деятельности процесс пролонгированный, который нуждается в проживании, прочувствовании и последующей рефлексии.

С точки зрения современной отечественной теории смысла «механизмы смыслообразования как основы личностного становления, определяющие жизненные приоритеты и ценности в системе любых жизненных реалий, позволяют выйти на новый уровень осмысления» [4].

В психологической науке разработан целый ряд приемов, позволяющих целенаправленно изменить смысл действия (т.е. личностный смысл): переоценка значимости мотива или предмета потребности;

изменение роли, позиции человека; соединение заданного и принятого действия, с новыми мотивами и т.д. Эти психологические техники вполне могут быть выведены на уровень методов воздействия, ориентированных на формирование определенной идеологии как системы жизненных ценностей человека в отношении с окружающим социумом [2].

Проведенное исследование показало, что включение волонтеров в разные виды общественно-значимой деятельности существенно расширяет сферу их социального общения; возможности усвоения социальных ценностей; формирования нравственных качеств личности. Однако необходимо учитывать, что «личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект определился» [3]. Переоценка мотивов или потребностей, которая происходит в практической деятельности волонтеров, запускает процесс их смыслообразования и повышает уровень личностной пристрастности осмысленности поведения, что, в свою очередь, может стать психологическим ресурсом в профилактике экстремистских проявлений.

Литература:

1. Абакумова И.В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе / И.В. Абакумова. – Логос, 2005. – 412 с.
2. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц. Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе формирования антиэкстремистской идеологии / И.В. Абакумова, Л.Ц. Кагермазова // Российский психологический журнал. – 2011. – Т. 8. – № 3. – С. 11-20.
3. Будинайте Г.Л. Личностные ценности и личностные предпосылки субъекта / Г.Л. Будинайте, Т.В. Корнилова // Вопросы психологии. – 1993. – Т. 14. – № 5. – С. 99-105.
4. Гладких В.В. Организация гражданско-патриотического воспитания молодежи на основе использования технологий социально-культурной деятельности: монография / В.В. Гладких. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. – 186 с.
5. Давыдов Д.Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде / Д.Г. Давыдов // Социология образования. – 2013. – № 10. – С. 4-19.
6. Игнатьева А.С. Ценностно-смысловые детерминанты готовности к волонтерской деятельности студентов кемеровского государственного университета [Электронный ресурс] / А.С. Игнатьева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 167-172. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/defaultx.asp>
7. Ключко В.Е. Системная детерминация мыслительной деятельности на стадии ее инициации / В.Е. Ключко // Сибирский психологический журнал. – Томск. – 1997. – Вып. 5. – С. 19–26.
8. Кубякин Е.О. Теоретико-методологическое обоснование сущности молодежного экстремизма // SWorld – 18-29 June 2013 <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/june-2013>
9. Неверова Л.В. Технология привлечения молодежных добровольческих команд к профилактике экстремизма среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] / Л.В. Неверова. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 5(95). – С. 131-133. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/1/2015/5/36.html
10. Потапова Н.А. Волонтерство как феномен самореализации личности: сборник науч. тр. / Н.А. Потапова // Вестник МГОУ. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – № 3. – С. 95-140.
11. Профилактика (предупреждение) экстремизма и терроризма: методическое пособие для пропагандистов; под общей ред. Л.Н. Панковой, Ю.В. Таранухи [Электронный ресурс]. –

М., Университетская книга, 2010. – 312 с. – Режим доступа: http://kpfu.ru/docs/F601626069/med_posobie_po_preduprezhden_terror.pdf

12. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: учебник; под ред. И.В. Абакумовой, П.Н. Ермакова. – М.: Кредо, 2013. – 352 с.

13. Сикорская Л.Е. Толерантность в представлении молодых российских волонтеров социальной работы / Л.Е. Сикорская // СОЦИС. – 2007. – № 9.

14. Теория поколений, как HR-инструмент / HR-Portal: Сообщество HR-Менеджеров

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.hr-director.ru

15. Abakumova Irina V., Krutelevaa Liudmila Ju. Life-sense Strategies as a Motivational-dynamic Characteristic of a Person V Congress of Russian Psychological Society, Procedia – Social and Behavioral Sciences 86. – 2013. – Pp. 35 – 41.

16. Richard Jenkins Social Identity, London: Routledge, 1996; 2nd edition, 2004; 3rd edition, 2008; 4th edition, 2014.

17. Информационно методический портал «Вектор добровольчества в России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kdobru.ru/materials>

Сведения об авторе:

Звездина Екатерина Юрьевна (г. Ростов-на-Дону, Россия), аспирант 2 года обучения Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет, e-mail: zvezdina25@gmail.com

Data about the author:

E. Zvezdina (Rostov-on-Don, Russia), postgraduate student of the second year of studying at the Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University, e-mail: zvezdina25@gmail.com

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО ТЕРРОРИЗМА И ПРОБЛЕМА ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

С.П. Доронин, К.В. Фёдорова¹

¹Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания р/21 в сфере научных исследований

Аннотация. В статье рассмотрены факторы, влияющие на распространение женского терроризма на территории Российской Федерации и за её пределами; а также выявлены, проанализированы и развеяны мифы, связанные с образом «шахидки» прочно укоренившиеся в общественном сознании. Материалы исследования могут быть использованы органами государственной власти, занимающимися борьбой с терроризмом, в том числе, в работе с экстремистскими религиозными движениями и для проведения переговорных процессов с террористами в случае теракта.

Ключевые слова: женский терроризм, экстремизм, террористическая группировка, шахидка, смертница, приём «убеждение», доведение до самоубийства, героизация, миф.

FEMALE SUICIDE BOMBER PHENOMENON AND THE PROBLEM OF ITS INTERPRETATION IN SOCIAL LIFE

S. Doronin, K. Fedorova

Abstract. The article is devoted to the factors that influence female terrorism distribution both in Russian Federation and abroad. The myths associated with the female suicide bomber image and ingrained in the public consciousness were identified, analyzed and dispelled. The survey can be used by public authorities in its anti-terrorism program, including its work with extremist religious movements, and the negotiation process during terrorist attack.

Keywords: female terrorism, extremism, terrorist group, female suicide bomber, persuasion method, incitement to suicide, heroization, myth.

Терроризм представляет несомненную угрозу для национальной безопасности государств, вследствие чего данное явление стало объектом пристального внимания учёных – социологов, политологов, психологов и конфликтологов. Тщательному анализу подвергаются сегодня вопросы мотивации террористов и их пособников, исследуются индивидуально-психологические факторы вовлечения в экстремистскую деятельность, разрабатываются рекомендации по профилактике деструктивной модели поведения и идеологии, в первую очередь, среди школьников и студентов как лиц, наименее защищённых от манипулятивного воздействия вербовщиков. Между тем, до сих пор не получил полноценного освещения феномен женского терроризма.

«Шахидки, смертницы, живые бомбы – этих женщин называют по-разному, но схема их действий всегда одна: взрывчатка на поясе, людное место, убийственный взрыв. Результат: сотни унесённых невинных жизней и искалеченных судеб» [3]. Однако до недавнего времени женский терроризм считался скорее исключением, чем правилом, и, соответственно, не воспринимался научным сообществом как особое явление, требующее специального изучения. Так, в 1960-е и 1970-е годы был

опубликован ряд исследований, авторы которых утверждали, что «...для подавляющего большинства психически здоровых женщин невозможна сама мысль об убийстве невинных людей, в том числе детей, с помощью варварских террористических методов» [4]. Действительно, в течение долгого времени роль женщины в террористических структурах ограничивалась сбором пожертвований, организацией конспиративных квартир и распространением листовок, однако ныне абсолютно все террористические организации используют женщин во время проведения боевых акций [4].

Первый зафиксированный случай использования женщин в качестве смертниц имел место 9 апреля 1985 года, когда 16-летняя девушка по имени Хайадали Сана врезалась на грузовике в израильский военный конвой. Погибло два солдата. Террористка была членом Сирийской социалистической национальной партии [9]. Среди громких дел с участием террористок – убийство сына Индиры Ганди, которая сама, кстати, стала жертвой покушения своих же телохранителей, оказавшихся сикхами, ищущими отмщения после ликвидации сикхских экстремистов в июне 1984 года. Уже после смерти матери, в 1991 году Раджив Ганди был убит смертницей из организации «Тигры

освобождения Тамил-Илама» – в ответ на ввод индийских войск в Шри-Ланку. Палестинская террористическая организация «Хамас» также известна своими «образцовыми» смертницами. 14 января 2004 года 22-летняя Рим аль-Рейяши под предлогом получения медицинской помощи приблизилась к израильскому блок-посту и подорвала 5-килограммовое взрывное устройство, начинённое гайками и болтами. Рим аль-Рейяши стала первой смертницей, оставившей дома 3-летнего сына и годовалую дочь [9].

В обществе существует устойчивый стереотип, что женщины милосерднее, жалостливее и слабее, чем мужчины. Вместе с тем женщина ассоциируется с предназначенной ей самой судьбой ролью жены и матери. Вот почему возникновение на мировой арене террористок-смертниц вызвало в обществе эффект разорвавшейся бомбы. Изучение феномена женского терроризма, его истинных причин и современных тенденций развития представляется нам весьма актуальным, так как оно позволит выработать стратегию для борьбы с этим деструктивным явлением.

Выявление факторов, оказывающих влияние на вовлечение девушек в ряды террористов – задача не из лёгких: выживших шахидок крайне мало, и они не отличаются разговорчивостью. Учёный из Центра стратегических исследований имени Йоффе Тель-Авивского университета Йорам Швейцер, автор книги «Глобализация террора», полагает, что часто террористы используют смертниц как символ того, что в их борьбе якобы участвуют все представители общества [8]. По его мнению, одним из главных мотивов шахидок всегда была и остаётся личная месть – за погибших в боевых действиях мужей, сыновей, братьев. При этом Йорам Швейцер уточняет, что «... их личной мотивацией манипулировали, одобряя их гнев и подталкивая таким образом к теракту» [8].

Карла Каннингем, профессор Университета Штата Нью-Йорк, автор исследования «Межрегиональные тенденции женского терроризма», считает, что во многих обществах именно невозможность участвовать в обычных формах политической деятельности толкает женщин к терроризму: «Женщины не влиятельны, а их роль в жизни незаметна. Именно эта «незаметность» делает женщин особо привлекательными для террористов» [4].

Автор диссертационного исследования «Женский терроризм в современном политическом процессе» Адамова М.А. также отмечает, что женщины вызывают меньше подозрений у спецслужб. Их легче подготовить к

роли самоубийцы, так как они более управляемы, чем мужчины. Психологическое воздействие террористических атак на общество и средства массовой информации необычайно высоко. Теракт же, совершенный женщиной, вызывает ещё больший пропагандистский эффект в обществе [2].

Термин «отложенная жертва» в ситуации произошедшего теракта употребляется в отношении пострадавших в результате взрыва, но погибших не на месте, а по прошествии определённого количества времени уже в больнице [7]. Люди же, которых на месте трагедии не было, но которые ежедневно находятся в курсе событий посредством теле-радиовещания, испытывая непреодолимые страх и ужас, имеют риск пополнить количество жертв теракта по причине спровоцированных трансляциями происходящего сердечных приступов и тому подобных сбоев в организме. На такие «отсроченные жертвы» также рассчитывают террористические группировки при планировании самоподрыва смертницы.

В своей работе М.А. Адамова установила, что особенностью женского терроризма на Северном Кавказе является тот факт, что «религиозные воззрения в меньшей степени влияют на мотивацию террористок», так как в основном участием женщин в террористической деятельности способствует низкий уровень жизни, неблагоприятные социальные условия и наличие проблем во взаимоотношениях с окружающими, в том числе с родственниками [2].

В России «невест Аллаха», как они сами себя называют, начали массово использовать в подрывных операциях только в начале 2000-х годов. Первый самоподрыв чеченской девушки произошел в Алхан-Кале в июне 2000 года, когда 17-летняя Хава Ждансуркаева (двоюродная сестра Арби Бараева) протаранила начинённым взрывчаткой КАМАЗом районную комендатуру [1]. Примечательно, что из двух десятков шахидок, участвовавших в захвате «Норд-Оста» только две – «чёрные вдовы». Остальные – Райман Курбанова, женщина под сорок, не сумевшая выйти замуж по причине бесплодия; Айман Хаджиева, поверившая словам своих вербовщиков, которые именовали её «высочайшим творением Аллаха», предлагая ей «членство в общине» [1], и другие женщины стали жертвами обещания помочь им разрешить их проблемы.

Заместитель командира чеченского ОМОНа Бувади Дахиев рассказывает, что даже если применение наркотических препаратов в процессе подготовки к совершению теракта и

имеет место, то основной приём всё же – убеждение: «На такие операции не дёргают человека с улицы, которого можно накачать наркотиками и отправить в толпу. Существует жёсткий отбор, масса критериев, под каждый из которых потенциальная смертница должна подходить. Как правило, это человек из неблагополучной семьи, замкнутый, мало общающийся с чужими» [5].

Корреспонденты Александр Коц и Дмитрий Стешин, авторы статьи «Как чеченские женщины становятся шахидками», утверждают, что существует два основных механизма превращения женщины в живую бомбу: девушек «ловят» на:

– чувстве вины и / или желании отмщения, что характерно для так называемых идейных шахидок – вдов погибших в боевых действиях ваххабитов;

– компромате, как это было с Заремой Мужихоевой, которая «не отвечала нормам местной горской морали» [5]. Известны случаи, когда чеченских девушек специально насиловали перед камерами: «психологическая обработка начинается с того момента, когда «кандидат» понимает, что обратного пути домой уже нет – обо всём узнают родственники и в лучшем случае заклеят позором» [5].

Кстати, именно Зарема стала, пожалуй, самой «знаменитой» шахидкой – в последний момент она передумала приводить взрывное устройство в действие. Таких «осечек» идеологов терроризма российская история больше не знает. На случай, если смертница в последний момент передумает, к тротиловому поясу крепится радиоустройство. То есть шансов у шахидки нет – где-то рядом с ней практически всегда присутствует дублёр, готовый в любую минуту послать на бомбу радиосигнал и осуществить дистанционный подрыв [5].

Таким образом, особенностями социально-религиозной модели женского терроризма является:

1) женщины используются в террористических организациях на самом низком уровне, выступая в «одноразовом» статусе – теракт осуществляется посредством самоподрыва;

2) насилие над людьми, осуществляемое с целью дестабилизации политического процесса, оправдывается авторитетом религии;

3) лидерами террористических организаций пропагандируется образ шахидок – героинь и мучениц.

Героизация образа смертницы, жертвующей своей жизнью ради веры, как видно, является эффектом экстремистской пропаганды,

получившим широкое распространение в обществе. Интересно, что само употребление номинации «шахидка» в отношении террористок-смертниц, активно внедряемое лидерами террористических группировок и подхваченное СМИ, по мнению учёных-лингвистов и востоковедов, неверно по своей сути. Истинный шахид, согласно Корану, не может убить невинного человека. Ислам также осуждает самоубийство, потому что считается, что душа человека после этого попадает в ад. Боевики и радикальные исламисты, напротив, призывают мусульман умирать за ислам, захватив с собой как можно больше жизней «неверных», утверждая, что только в этом случае истинный мусульманин может рассчитывать на место в раю.

Совет муфтиев России считает, что «употребление таких религиозных терминов как «шахид», «моджахед», «воин Аллаха» и других в отношении террористов направлено, в первую очередь, на дискредитацию ислама» и вносит путаницу в общественное сознание [3]. В действительности, «шахид» – это погибший в справедливой войне с агрессорами, защищающий ислам и свободу соблюдения и изучения мусульманами своей религии, погибший от рук бандитов при самообороне, умерший от эпидемии, а также влюблённый, умерший, сохранивший свою честь. То есть «шахид» – это человек, принявший мученическую смерть, защищая свою семью, родину, честь или веру. Человек, убивший мирных людей, не может считаться шахидом. К тому же, важно помнить, что шахид – это не живой человек, как в случае с использованием номинации в качестве синонима к «террорист», а только тот, кто уже умер [3].

К слову, укрепившийся в последнее время термин «женщины-шахидки» тем более не может считаться удачным, также с лингвистической точки зрения, поскольку внутренняя форма лексемы «шахидка» уже подразумевает под собой особу женского пола. Таким образом, компонент «женщина» в данном словосочетании является семантически избыточным. Кроме того, «женщина-шахидка» представляет собой оксюморон – нарочитое сочетание противоречивых понятий: «женщина» как существо, дающее жизнь, и «шахидка» («террористка») – жизни лишшающее.

С целью выявления особенностей интерпретации образа женщины-террористки в обществе был проведён опрос граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Татарстан, в возрастном диапазоне от 20 до 30 лет. По результатам было

выявлено, что представители опрошенной молодёжи полагают, что: 1) они способны узнать террористку-смертницу в толпе, так как на ней обязательно будут чёрные одежды, а лицо – закрыто платком; 2) все «шахидки» – религиозные фанатки, умирающие за ислам; 3) террористкам свойственно агрессивное поведение, которое им прививают в специальных лагерях смертниц.

Если мотивацию к террористической деятельности мы подробно рассмотрели выше, то первый и третий пункты требуют особого комментария. В планы террористики не входит быть узнаваемой и обезвреженной до момента совершения теракта, так что современные «шахидки» могут быть одеты так, как одеваются их ровесницы из столичного города или российской глубинки. Наконец, подготовка смертницы требует, по всей видимости, индивидуального подхода, ведь потенциальные террористки – это, как правило, подавленные женщины, попавшие в крайне тяжёлую ситуацию, из которой они готовы выйти любой ценой – даже ценой собственной жизни. Их «самопожертвование» можно рассматривать как психическое бегство из затруднительного положения – тип поведения, свойственный людям с суицидальными наклонностями. Показателен аналог лексемы «террористка-смертница» в английском языке – *female suicide bomber*, в составе которого присутствует компонент «суицид» (*suicide*). Таким образом, «подготовка шахиды» – это всего лишь доведение до самоубийства, поставленное на поток и превращённое в технологию.

Все респонденты отметили также, что образ «шахидки» вызывает ужас, а каждый теракт, по их мнению, является молчаливым свидетельством того, что террористические группировки набирают силу. В этой связи примечательна точка зрения Йорама Швейцера, который отмечал, что «шахидство вовсе не означает, что террористы сильны: иногда они используют шахидов (или шахидок), когда слабы, чтобы как раз и казаться сильнее» [8].

В качестве одной из профилактических мер по предупреждению женского терроризма в России, наряду с оказанием специализированной психологической поддержки и медицинской помощи женщинам в нашей стране, в особенности уроженкам Северного Кавказа, пережившим чеченскую войну, предлагается разработка особой федеральной программы, целью которой является «укрепление потенциала женщин в качестве медиаторов в республиках Кавказа» [2] и трансляция не извне, а с их помощью символов материнства, мира и

культуры. Рациональность такого подхода подтверждается ещё и тем, что проблема вовлечения женщин в деятельность террористических группировок в последнее время приобретает всё большие масштабы. Жертвами вербовки становятся не только жительницы Кавказского региона, а так называемый «синдром Варвары Карауловой» уже стал прицельным объектом исследования не только представителей СМИ, но и деятелей науки.

Конечно, Варвара Караулова не произвела самоподрыв, но совершила попытку присоединиться к запрещённой в России террористической группировке ДАИШ на территории Сирии. Кроме того, после возвращения на родину она возобновила общение с вербовщиками. Сегодня в прессе неоднократно повторяется один и тот же риторический вопрос: «Что заставило Караулову сделать это?» На наш взгляд, модель бегства от реальности работает и здесь. Важно понять, что когда общество отвергает оступившихся, осуждая и ставя на них клеймо, оно работает на террористов. Человек хочет убежать, теперь уже от своих обвинителей, чтобы не чувствовать себя ущербным. В таком положении самый простой, как кажется, выход – снова связаться с рекрутёрами, ведь они не укоряют. Они создают иллюзию того, что принимают человека таким, каков он есть, ценят его и готовы помочь ему в решении накопившихся проблем, отыскать смысл жизни или дать ответы на вопросы, одним словом, дать то, что человеку нужно. О том же, что от неё потребуют взамен, какую цену придётся заплатить, жертва не думает.

Необходимость срочно приступить как к профилактической, так и к реабилитационной работе с уже пострадавшими от манипуляций вербовщиков лицами не вызывает сомнений. В качестве базового компонента такой работы, безусловно, должно стать информирование широких слоёв населения, осуществляемое на всех уровнях. Основная цель просвещения при этом – развенчать мифы, которыми овеян образ «шахидки», в первую очередь, донести до сознания граждан, что смертница – это:

1) идеальное «одноразовое средство доставки бомбы» [10], её личность и её жизнь имеют для членов террористической организации нулевую ценность. Им выгоднее пожертвовать смертником, чем, например, дорогостоящими техническими средствами;

2) отнюдь не героическая личность – в большинстве своём женщины становятся «шахидками» не из религиозного рвения и воинственного желания умереть за веру, а

вынужденно – под влиянием вербовщиков, которые умело нащупывают слабые места, используют компромат и создают иллюзии.

Ценность проводимой информатизации общества очевидна, так как она оказывает существенное влияние на формирование адекватной картины мира наших современников. С целью наглядной демонстрации тезиса приведём такую аналогию: в языке азиатских эскимосов, кроме общего названия моржа (*айвык*), есть более 15 отдельных слов для обозначения «моржа, плавающего с места на место», «моржа, плывущего без определенного направления», «моржа, пасущегося на одном месте» и т.д. Подобное разнообразие свидетельствует о том, что для эскимосов, издревле промысляющих охотой, морж является одной из крупнейших составляющих их картины мира, а знания о повадках животного, отражённые в национальном языке, помогают эскимосам выжить [6]. Так же и мы: если наша картина мира включает в себя реальные, не мифологизированные знания о террористах и их пособниках, это поможет нам выжить. По

крайней мере, столкнувшись с вербовщиком, человек, обладающий сведениями о механизмах вовлечения в экстремистскую деятельность, сможет идентифицировать ситуацию, в которой оказался.

Ведущая роль в распространении актуальной информации о профилактике вербовки, об истинных мотивах женщин, вступающих в ряды террористов, и о возможных сценариях их судеб, безусловно, принадлежит образовательным учреждениям и средствам массовой информации. На наш взгляд, помощь в правильном понимании и верной интерпретации образа «террористки-смертницы», начиная от корректировки используемой в этой связи номинации и заканчивая формированием объективного представления об истинных намерениях и характерных свойствах этой категории лиц, способствует как установлению социально-психически стабильного климата в обществе, напуганного отсутствием информации, так и предупреждению экстремистских настроений в среде молодёжи, склонной в силу возраста к героизации и романтизации всего необычного.

Литература:

1. Секс, наркотики, ваххабизм. [Электронный ресурс] / Агентство Политических Новостей. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article1115.htm>
2. Адамова М.А. Женский терроризм в современном политическом процессе: автореф. дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02 / Адамова Мария Анатольевна. – Пятигорск, 2007.
3. Женское лицо террора. Призрачный рай для шахидок [Электронный ресурс] / С. Хакимова. – 2011. – Режим доступа: <http://tajmigrant.com/zhenskoe-lico-terrora-prizrachnyj-raj-dlya-shaxidok.html>
4. Женщины и террор [Электронный ресурс] / Криминал. - 2004. – Режим доступа: <http://javot.net/uadoc/nitka/7.htm>
5. Как чеченские женщины становятся шахидками [Электронный ресурс] / «ВЛАСТИ.НЕТ»

- Союз Независимых Журналистов; гл. редактор Борис Бондарь. – Режим доступа: <http://vlasti.net/news/83378>
6. Кондратов А.М. Земля людей – земля языков [Электронный ресурс] / А.М. Кондратов. – Режим доступа: http://www.plam.ru/azikoved/zemlja_lyudei_Zemlja_jazykov/index.php
7. Отложенная жертва [Электронный ресурс] / Деловая газета «Взгляд». – Режим доступа: <http://vz.ru/society/2010/4/2/389311.html>
8. Эксперты по терроризму – о смертницах [Электронный ресурс] / Радио Свобода. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/1997339.html>
9. Попов И.М. У терроризма женское лицо [Электронный ресурс] / И.М. Попов (Неопубликованная статья, октябрь 2004 г.). – Режим доступа: <http://www.milresource.ru/Article-1.html>

Сведения об авторах:

Доронин Сергей Павлович (г. Казань, Россия), заместитель директора ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования».

Фёдорова Ксения Валентиновна (г. Казань, Россия), кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт проблем национальной и малокомплектной школы Российской академии образования», профессиональный коуч, e-mail: kseniafedorova@gmail.com

Data about the authors:

S. Doronin (Kazan, Russia), deputy director of the Institute of Problems of National and Ungraded School of Russian Academy of Education.

K. Fedorova (Kazan, Russia), candidate of philological sciences, senior researcher at the Institute of Problems of National and Ungraded School of Russian Academy of Education, professional coach, e-mail: kseniafedorova@gmail.com

УДК 316

ПОТЕНЦИАЛ КОНФЛИКТОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ**Р.И. Зинурова, А.Р. Тузиков, С.А. Алексеев, Э.Б. Гаязова¹**

¹Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-03-00303 «Конфигурация новой российской идентичности молодежи: тенденции и региональная специфика»

Аннотация. В статье приводятся результаты, полученные в ходе проведения социологического исследования, посвященного изучению идентичности современной российской молодежи, касающиеся оценок молодежью уровня конфликтности в регионе. Полученные данные позволяют построить своеобразные «портреты» конфликтности регионов, учитывающие общую оценку стабильности региона, а также оценки конфликтности между различными социальными группами, что может быть использовано в целях прогнозирования конфликтов и противодействия проявлениям экстремизма и радикализма. В статье выявлены наиболее приемлемые формы протестной активности молодежи.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, идентичность, конфликты, регионы России, формы протестной активности.

THE POTENTIAL OF CONFLICTS IN THE REGIONS OF RUSSIA: THE YOUTH DIMENSION**R. Zinurova, A. Tuzikov, S. Alekseev, E. Gayazova**

Abstract. The paper deals with the results of sociological researches. The research was devoted to the study of identity of Russian youth. The results include estimates of the level of conflict in the region. The analyses consist of "portraits" of the conflict regions, which take into account the overall assessment of the stability of the region and assess conflicts between different social groups. This information can be used to predict conflicts and to counter extremism and radicalism. This research can identify the most acceptable forms of protest activity of young people.

Keywords: youth, extremism, identity, conflicts, regions of Russia, forms of protest activity.

В последние десятилетия проблема экстремистских и радикальных проявлений в молодежной среде приобрела в России особую актуальность [3]. В современной России экстремизм зачастую выступает в качестве каждодневного и весьма практикуемого способа решения различных проблем: политических, религиозных, национальных, экономических и других [2, с.84]. Исследователи сходятся во мнении, что современный молодежный экстремизм обусловлен, прежде всего, особенностями самой молодежи, такими как незавершенность процессов формирования правосознания, экономической, политической и духовной социализации; недостаточная социально-психологическая зрелость; склонность к проявлению различных форм социального протеста и необдуманность в выборе средств и способов достижения жизненных целей [2, с.86]. Значимость проблемы актуализирует поиск путей противодействия распространению экстремистской идеологии с использованием новых технологий, воспитание толерантного поведения по отношению к различным группам населения приобретают особую важность [1;4]. Важную роль в вопросе противодействия

экстремизму и радикализму может сыграть социологический анализ ситуации в регионах России в ракурсе конфликтности и готовности молодежи участвовать в различных формах протестной активности. Подобный анализ был проведен нами в рамках проекта «Конфигурация новой российской идентичности молодежи: тенденции и региональная специфика» [5].

Для решения исследовательской задачи нами был проведен опрос молодежи восьми регионов – Адыгеи, Марий Эл, Татарстана, Башкортостана, Якутии, Кировской, Калининградской, Ростовской областей. Выбранные регионы Российской Федерации характеризует их распределенность по основным географическим осям России, что позволяет выйти на спецификацию региональных особенностей российской молодежи.

Молодежная аудитория в данном случае трактовалась нами в традиционном-демографическом плане, то есть как люди в возрасте от 15 до 30 лет. В каждом регионе было опрошено по 300 человек, что является основанием считать выборку статистически значимой, а ее квотный характер отражающим ее репрезентативность. Выбор данной выборки

определяется наличием статистических сведений, дающих характеристику молодежи с социально-демографической точки зрения. В качестве квотных признаков выступили: место жительства, пол, возраст, национальность. Доля респондентов по каждой единице отбора соответствует доле данной группы молодежи в генеральной совокупности. Ниже приведен численный состав и процентное соотношение основных этнических групп в данных регионах.

Калининградская область. Русские – 86,4% от всего населения области.

Кировская область. Русские – 89,4% от всего населения области.

Республика Адыгея. Русские – 70,6% от всего населения республики или 76,7% от совокупности русских и адыгов. Адыги – 21,4% от всего населения республики или 23,3% от совокупности русских и адыгов.

Республика Башкортостан. Русские – 36,1% от всего населения республики или 39,7% от совокупности русских, башкир и татар. Башкиры – 29,5% от всего населения республики или 32,4% от совокупности русских, башкир и татар. Татары – 25,4% от всего населения республики или 27,9% от совокупности русских, башкир и татар.

Республика Марий Эл. Русские – 45,1% от всего населения республики или 51,9% от совокупности русских и марийцев. Марийцы – 41,8% от всего населения республики или 48,1% от совокупности русских и марийцев.

Республика Саха (Якутия). Русские – 37,8% от всего населения республики или 43,1% от совокупности якутов и русских. Якуты – 49,9% от всего населения республики или 56,9% от совокупности якутов и русских.

Республика Татарстан. Татары – 53,2% от всего населения республики или 57,3% от совокупности татар и русских. Русские – 39,7% от всего населения республики или 42,7% от совокупности татар и русских.

Ростовская область. Русские – 90,3% от всего населения области.

Данные, полученные в ходе проведенного исследования, показывают, что современная молодежь склонна, в целом, оценивать общественно-политическую ситуацию в своих регионах как стабильную, однако отмечают при этом достаточно высокий уровень конфликтности между социальными группами, который зависит от социально-культурной и социально-экономической ситуации в регионе. Свообразные «портреты» ситуации в рассматриваемых регионах приведены ниже.

Калининградская область. Проводя оценку по пятибалльной шкале, где «1» – напряженная

общественно-политическая ситуация, а «5» – спокойная общественно-политическая ситуация, молодежь Калининградской области дала следующие ответы: «1» – 2% опрошенных, «2» – 6% опрошенных, «3» – 25%, «4» – 44%, «5» – 23%.

Высоким уровень конфликтности между представителями отдельных национальностей в этом регионе считают 18% опрошенных представителей молодежи, между представителями различных религий – 10%, между бедными и богатыми – 22%, между населением и властью – 21%.

Кировская область. Молодежь Кировской области, проводя оценку по пятибалльной шкале, где «1» – напряженная общественно-политическая ситуация, а «5» – спокойная общественно-политическая ситуация, дала следующие ответы: «1» – 0% опрошенных, «2» – 4% опрошенных, «3» – 21%, «4» – 55%, «5» – 20%.

Высоким уровень конфликтности между представителями отдельных национальностей в этом регионе считают 24% опрошенных представителей молодежи, между представителями различных религий – 8%, между бедными и богатыми – 19%, между населением и властью – 22%.

Республика Адыгея. Молодежь Республики Адыгея, проводя оценку по пятибалльной шкале, где «1» – напряженная общественно-политическая ситуация, а «5» – спокойная общественно-политическая ситуация, дала следующие ответы: «1» – 1% опрошенных, «2» – 4% опрошенных, «3» – 25%, «4» – 40%, «5» – 30%.

Высоким уровень конфликтности между представителями отдельных национальностей в этом регионе считают 13% опрошенных представителей молодежи, между представителями различных религий – 11%, между бедными и богатыми – 10%, между населением и властью – 18%.

Республика Башкортостан. Молодежь Республики Башкортостан, проводя оценку по пятибалльной шкале, где «1» – напряженная общественно-политическая ситуация, а «5» – спокойная общественно-политическая ситуация, дала следующие ответы: «1» – 2% опрошенных, «2» – 8% опрошенных, «3» – 17%, «4» – 37%, «5» – 37%.

Высоким уровень конфликтности между представителями отдельных национальностей в этом регионе считают 9% опрошенных представителей молодежи, между представителями различных религий – 3%,

между бедными и богатыми – 14%, между населением и властью – 15%.

Республика Марий Эл. Молодежь Республики Марий Эл, проводя оценку по пятибалльной шкале, где «1» – напряженная общественно-политическая ситуация, а «5» – спокойная общественно-политическая ситуация, дала следующие ответы: «1» – 3% опрошенных, «2» – 8% опрошенных, «3» – 36%, «4» – 33%, «5» – 21%.

Высоким уровнем конфликтности между представителями отдельных национальностей в этом регионе считают 9% опрошенных представителей молодежи, между представителями различных религий – 7%, между бедными и богатыми – 14%, между населением и властью – 24%.

Республика Саха (Якутия). Молодежь Республики Саха (Якутия), проводя оценку по пятибалльной шкале, где «1» – напряженная общественно-политическая ситуация, а «5» – спокойная общественно-политическая ситуация, дала следующие ответы: «1» – 3% опрошенных, «2» – 6% опрошенных, «3» – 30%, «4» – 34%, «5» – 28%.

Высоким уровнем конфликтности между представителями отдельных национальностей в этом регионе считают 23% опрошенных представителей молодежи, между представителями различных религий – 11%, между бедными и богатыми – 16%, между населением и властью – 21%.

Республика Татарстан. Молодежь Республики Татарстан, проводя оценку по пятибалльной шкале, где «1» – напряженная общественно-политическая ситуация, а «5» –

спокойная общественно-политическая ситуация, дала следующие ответы: «1» – 3% опрошенных, «2» – 6% опрошенных, «3» – 27%, «4» – 42%, «5» – 23%.

Высоким уровнем конфликтности между представителями отдельных национальностей в этом регионе считают 19% опрошенных представителей молодежи, между представителями различных религий – 17%, между бедными и богатыми – 23%, между населением и властью – 25%.

Ростовская область. Молодежь Ростовской области, проводя оценку по пятибалльной шкале, где «1» – напряженная общественно-политическая ситуация, а «5» – спокойная общественно-политическая ситуация, дала следующие ответы: «1» – 3% опрошенных, «2» – 11% опрошенных, «3» – 31%, «4» – 40%, «5» – 16%.

Высоким уровнем конфликтности между представителями отдельных национальностей в этом регионе считают 32% опрошенных представителей молодежи, между представителями различных религий – 16%, между бедными и богатыми – 21%, между населением и властью – 28%.

На рис. 1 приведены значения долей молодежи в исследуемых регионах с оценкой высокого уровня конфликтности. Если говорить о готовности современной российской молодежи участвовать в тех или иных формах протестной активности, то следует отметить, что результаты исследования показывают – здесь в настоящее время большинство молодежи склонно выбирать такую форму, как подписание петиций, обращений

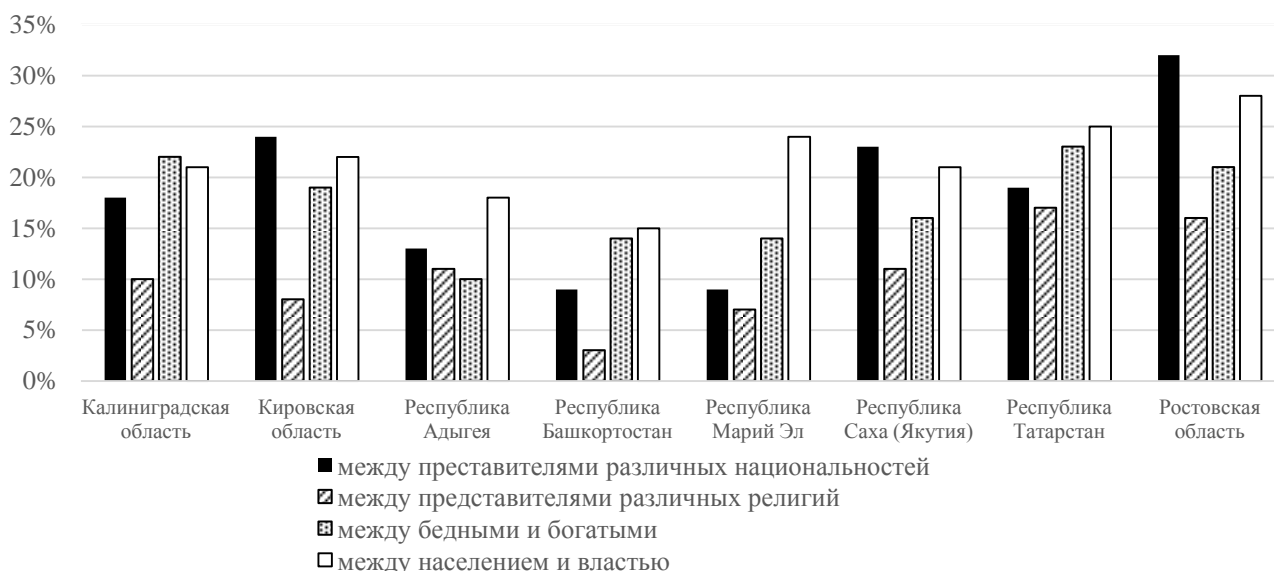

Рисунок 1. – Доля молодежи в регионах, оценивающая уровень конфликтности между различными социальными группами (как высокий)

В наибольшей степени это проявляется в таких регионах, как Ростовская область, где такая форма приемлема для 55% опрошенных, и в Калининградской области, где она приемлема для 40% опрошенных. Активные формы протестной деятельности привлекательны для молодежи в значительно меньшей степени. Однако в отдельных регионах исследование выявило наличие значительной доли молодежи, готовой принять участие в митингах и забастовках. Это

Ростовская область, где такая форма приемлема для 23% опрошенных, и Республика Адыгея, в которой такая форма приемлема для 22% опрошенных.

Результаты социологического исследования позволяют сформировать портрет конфликтности регионов Российской Федерации, что способствует прогнозу динамики экстремистских проявлений среди российской молодежи.

Литература:

1. Батулин В.Ю. О проблемах борьбы с молодежным экстремизмом в современных условиях / В.Ю. Батулин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 1(32). – С. 52-56.

2. Меркулов П.А. Государственная молодежная политика как инструмент в борьбе с экстремизмом / П.А. Меркулов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10. – № 4. – С. 83-90.

3. Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): сборник материалов социологического исследования; под ред.

проф. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 326 с.

4. Солопченко Д.В. Современные направления борьбы с терроризмом и экстремизмом в мире / Д.В. Солопченко // Право и безопасность. – 2013. – № 3-4(45). – С. 51-56.

5. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Концептуализация социокультурных аспектов формирования идентичности современной молодежи в рамках теории идеологии / А.Р. Тузиков, Р.И. Зинурова // Управление устойчивым развитием. – 2015. – № 1(1). – С. 39-44.

Сведения об авторах:

Зинурова Раушания Ильшатовна (г. Казань, Россия), доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета, заведующая кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности, e-mail: rushazi@rambler.ru

Тузиков Андрей Римович (г. Казань, Россия), доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного, муниципального управления и социологии, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета.

Алексеев Сергей Анатольевич (г. Казань, Россия), кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета.

Гаязова Эльвира Баязитовна (г. Казань, Россия), кандидат социологических наук, доцент кафедры Менеджмента и предпринимательской деятельности, заведующая лабораторией Инноваций в подготовке кадров по приоритетным направлениям подготовки Казанского национального исследовательского технологического университета.

Data about the authors:

R. Zinurova (Kazan, Russia), doctor of sociology, full professor, director of the Institute for Innovation Management of Kazan National Research Technological University, head of the Department of Management and Entrepreneurship, e-mail: rushazi@rambler.ru

A. Tuzikov (Kazan, Russia), doctor of sociology, full professor, head of the Department for Public Administration and Sociology, dean of the Faculty for Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University.

S. Alekseev (Kazan, Russia), candidate of sociological sciences, associate professor at the Department for Public Administration and Sociology of Kazan National Research Technological University.

E. Gayazova (Kazan, Russia), candidate of sociological sciences, associate professor at the Department of Management and Entrepreneurship, head of Laboratory of Innovation in Education of Kazan National Research Technological University.

УДК 316

ЭКСТРИМИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**А.С. Быкадорова, С.А. Чурилов, Е.В. Шаповалова**

Аннотация. Главной экстремисткой и террористической угрозой 2015 года в Интернете является распространение идеологии «Исламского государства», группировки, деятельность которой в России запрещена законом. В данной статье на исследуемом сотрудниками НЦПТИ материале проанализированы и систематизированы используемые экстремистами популярные методы привлечения сторонников через сеть Интернет, социальные сети, воздействия на общественное мнение, распространение радикальной идеологии.

Ключевые слова: экстремизм, кибер-экстремизм, терроризм, радикальные движения, социальные сети, молодежный экстремизм.

THE EXTREMIZATION OF YOUNGSTERS IN THE INTERNET**A. Bykadorova, S. Churilov, E. Shapovalova**

Abstract. The main extremist and terrorist threat of 2015 in the Internet is the spread of the ideology of "ISIS", whose activities are prohibited by law in Russia. On the material under the examination made by the members of the National Center for the Prevention of Terrorism and Extremism in the Educational Environment and the Internet the author analyzes and puts together the popular methods used by extremists to attract the followers through the Internet, social networks, to impact the public opinion and to spread the radical ideology.

Keywords: extremism, cyber extremism, radical movements, terrorism, social networks, youth extremism.

14 июля 2007 года в «Российской газете» была опубликована первая редакция федерального списка экстремистских материалов. В перечне значилось 14 пунктов: половина – книги, 5 статей, кинофильм, музыкальный альбом. За 8 лет в список экстремистских, запрещенных к распространению на территории Российской Федерации, вошли 3113 материалов (на 05.11.2015) и только 37 пунктов были из него исключены. Каждый год министерство юстиции расширяет список более чем на 350 пунктов. На пополнение списка работает судебная власть страны: за 2014 год по данным главы Роскомнадзора Александра Жарова было вынесено 1869 судебных решений о запрете распространения экстремистской информации. Все чаще материалами, подпадающими под запрет, становятся Интернет-ссылки, отдельные подкасты и другие материалы из сети Интернет.

Главной экстремистской угрозой 2015 года в Интернете является распространение идеологии террористической группировки «Исламское государство», деятельность которой в России запрещена законом. В данной статье проанализированы используемые экстремистами методы привлечения потенциальных сторонников. Мониторинг реакции Интернет-пользователей на запрет того или иного материала показал, что большая часть граждан не воспринимает реестр материалов как эффективный инструмент противодействия экстремизму. Интернет-среда позволяет появляться тысячам сайтов с противоправной информацией, в то время как на запрет одного из

материалов нужна громоздкая процедура судебного разбирательства.

Понятие «экстремистская деятельность» (экстремизм) согласно Закону «О противодействии экстремистской деятельности» [4] включает в себя несколько характеристик:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Перечисленные признаки могут быть отслежены в Интернет-среде. В научной литературе [2, с.1-2] выделяют следующие виды экстремизма: социальный, политический, национальный и религиозный. На территории РФ действуют сотни экстремистских организаций. Некоторые практики (действующие сотрудники правоохранительных органов) считают, что молодежный экстремизм на территории Российской Федерации представляет собой трехуровневую систему:

– «первый уровень, организационный, предполагает формальное и неформальное членство в организациях и движениях экстремистского толка (например, в НБП, движении скинхедов, футбольных фанатов);

– второй уровень, ментальный, представлен экстремистской политической культурой, а также деструктивными действиями средств массовой коммуникации (экстремистские идеи, ценностные ориентации);

– третий уровень, поведенческий, на котором проявляются конкретные действия и поступки экстремистского толка» [9].

Данные уровни не учитывают действия пользователя сети Интернет. Однако можно уверенно говорить о том, что все три уровня вовлеченности в экстремистскую систему присутствуют и в виртуальной среде. Исследователи считают, что в разговоре об экстремизме и терроризме «очень важным моментом являются социальные представления людей о данном феномене, их взгляды и мнения на этот счет. Также особо важны в наше время представления молодежи о формировании террористических и антитеррористических взглядов» [3, с.3].

Так, исследователь Е.О. Кубякин пишет: «Идеологи экстремистских молодежных движений используют расширившиеся коммуникативные возможности глобализирующегося общества для насаждения ценностей, норм, образцов поведения, идеологических установок, носящих антисоциальный характер. В современной ситуации российская молодежь оказалась уязвимой перед коммуникативным воздействием экстремистского характера» [5]. Сеть Интернет позволяет экстремистам использовать различные инструменты для продвижения радикальной идеологии, привлечения новых сторонников, а также финансирования:

– сайты и Интернет-порталы;
– сообщества в социальных сетях, страницы пользователей;

– публикация отдельных материалов, возбуждающих религиозную или иную рознь;

– публикация и вирусное распространение инструкций о том, какие действия необходимо совершать приверженцам радикальной идеологии (изготовление оружия, взрывчатых веществ, как материально поддержать сторонников и др.) [6].

С помощью данных инструментов, а также различных методов психологического воздействия создается искаженная картина мира, предназначенная для целевой аудитории экстремистов – потенциальных сторонников.

Под воздействие таких материалов попадают молодые люди с несформированной привычкой критического осмысления информации. Основной метод формирования искаженного мировоззрения – фильтрация предоставляемой сторонникам или сочувствующим информации, поступающей из официальных источников и СМИ. Неофициальные личностные коммуникации становятся для участников сообщества или группы более информативными и приемлемыми, чем сообщения из официальных источников информации. Популяризируются принятые в среде радикалов географические названия, которые имеют выраженную идеологическую окраску, названия национальностей, сленг. Этому способствует повсеместный переход от пассивной позиции читателя/зрителя традиционных СМИ к активной позиции пользователя интерактивных медиа: во втором случае пользователь сам регулирует информационные потоки и может выбирать те СМИ, которым доверяет.

Как считают эксперты [7], «одной из особенностей пропаганды экстремистских движений в сети Интернет является неконтролируемое вирусное распространение учебных пособий», а также инструкций, четко прописывающих поведение в различных ситуациях. Радикалы используют еще одну особенность Интернет-коммуникации – отложенность коммуникативного акта. Это значит, что сообщение может быть прочитано спустя месяцы и даже годы после его получения или размещения на ресурсе, т.е. у потенциального сторонника есть возможность пересмотреть свою позицию по отношению к сообщению. Изначально пользователь может не обратить внимание на сообщение, однако позже в определенной ситуации этот пост или фотография могут его заинтересовать. Одна из особенностей Интернет-коммуникации в том, что количество получателей сообщения не ограничено. Все сообщения имеют возможность ретрансляции, и члены сообщества видят, кто именно «перепостил» себе на страницу высказывание на националистическую или религиозную тему. Эффект «информационной волны» выводит в информационную повестку дня экстремистские публикации, что производит впечатление на потенциальных сторонников. Огромный потенциал вирусного распространения инструкций и учебных пособий: чем больше «лайков» и «репостов» уже были получены, тем больше вероятность, что все копии сообщения не будут удалены из пространства социальной сети.

Содержание экстремистских сообществ систематизировано и делится согласно исследованиям М.Г. Стадникова на «их мир» и «наш мир». Здесь могут использоваться лингвистические и паралингвистические особенности речи. Например, исламские экстремисты визуализируют любые обращения радикальных лидеров, а тексты стенограммы самих выступлений встречаются редко. Чаще всего пользователю в комментарии к нейтральной записи оставляют ссылку на видеоматериал, на котором записана хорошо продуманная речь-обращение. Человек, изображенный на видео, всегда использует «минимальный набор» оратора: риторические приемы, метафоры, цитаты из «Корана», ссылки на авторитеты, воззвания, восклицания. В такой подаче материала сложно сосредоточиться на смысле высказываний и их логической связи; на первый план выходят эмоции. Образ человека другой национальности или религии рисуется благодаря негативно эмоционально окрашенным сообщениям. Образ представителей «своей» нации, сторонников всегда подается как некий идеал. Как считают исследователи, «экстремистские наклонности характерны для личностей, которых отличает жестко авторитарная, псевдорациональная, ценностно-насыщенная картина мира, поделенная на «Мы» и «Они», на «своих» и «врагов», между которыми ведется непрекращающаяся борьба. Экстремистской личности свойственна агрессивность и авторитарное навязывание своих убеждений, крайняя нетерпимость к оппонентам» [8]. По этим авторитарным принципам строится коммуникация в сообществе и радикальной группе.

Интернет в большинстве своем – виртуальная среда для общения молодежи. И чаще всего потенциальной аудиторией коммуникации для радикальных сообществ становятся молодые люди. Экстремисты учитывают ряд психологических особенностей при подготовке сообщений для подростков, студентов; используется узнаваемый стиль, слоганы и символы. При этом информация подается при помощи понятных и популярных среди молодежи форматов: демотиваторов, мемов, подкастов, коллажей, фотографий, генераторов изображений и др. То есть диалог-полилог не ограничен какими-то рамками. Обычным пользователям производство таких материалов представляется игрой, чем-то несерьезным, и постепенно они могут вовлекаться в процесс создания экстремистских материалов.

В радикальных сообществах распространены методы манипулирования: психологические атаки, подмена понятий, использование анонимных виртуальных авторитетов, создание мнимых угроз и другие. Коммуникация в экстремистских сообществах отличается интерактивностью, отсутствием психологических барьеров для общения на разные темы, которые могут быть запрещены или не уместны для обсуждения в кругу родственников и друзей. Срабатывает эффект «запретного плода». Другая сторона вирусного распространения информации – завоевание авторитета, репутации человека, к суждениям которого прислушиваются большинство членов сообщества, даже несмотря на то, что Интернет-коммуникация анонимна. Зачастую, этим пользуются вербовщики радикальных структур, под их влияние попадают как необразованные, так и достаточно начитанные молодые люди.

Выделим ряд особенностей сообщений в экстремистских сообществах, рассчитанных на молодежь: слогановый характер сообщений, посты обязательно сопровождаются картинкой, призывы к конкретному действию, иногда шокирующего содержания; использование табуированной лексики (употребляются слова с ярко выраженной негативной окраской, либо бранные, оценочные и нецензурные выражения).

Опираясь на теорию о том, что «сообщество в социальной сети — это не только объединение людей, но и набор продуцируемых участниками текстов (страниц), видеозаписей, фотографий, аудиофайлов, выкладываемых в рамках концепции группы» [1, с.75], можно сказать, что гипертекстуальность влияет на распространение опасных социальных явлений. Еще одной особенностью Интернет-коммуникации является то, что пользователи, не состоящие в экстремистских сообществах, не защищены от информации, распространяемой радикалами.

Последние тенденции, когда российские студенты покидают страну для того, чтобы присоединиться к террористическим группировкам, ставят перед обществом острые вопросы. Противостояние методам радикализации сети Интернет, описанным выше, становится одной из важных задач, в том числе и Минобрнауки России. В современной ситуации невозможно обойтись дежурными воспитательными беседами и страницей антитеррористической тематики на сайте образовательного учреждения. Важным фактором противостояния экстремистским идеям становится осознанное поведение студенческого сообщества и активная гражданская позиция каждого обучающегося.

Иными словами, студенческая среда должна быть проинформирована о выявленных методах психологического воздействия и вооружена критическим мышлением для успешного сопротивления манипулятивным технологиям. Для формирования антитеррористических

ценностей в молодежной среде необходима вовлеченность студенческих организаций в процесс просвещения, а также непрерывный диалог с научно-педагогическими работниками и администрациями вузов.

Литература:

1. Антонова Ю.А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи / Ю.А. Антонова // Политическая лингвистика. – 2012. – № 4. – С. 71-80.
2. Безбородов М.И. Профилактика религиозного экстремизма как важная составляющая сохранения мира и обеспечения безопасности [Электронный ресурс] / М.И. Безбородов. – Режим доступа: http://www.petrso.ru/files/2012/09/f7631_1.pdf
3. Духова Р.Л., Попова Л.В. Интернет как средство формирования террористических и антитеррористических ценностей: представления студентов вуза [Электронный ресурс] / Р.Л. Духова, Л.В. Попова // Современные научные исследования [Концепт]. – 2014. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/55223.htm>
4. Закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.media-pravo.info/glossary/99>
5. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях информатизации и глобализации социума: постановка проблемы [Электронный ресурс] / Е.О. Кубякин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 3. – С. 65-68. –

Режим доступа: <http://psibook.com/sociology/molodezhnyy-ekstremizm-v-usloviyah-informatizatsii-i-globalizatsii-sotsiuma-postanovka-problemy.html>

6. Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством Интернета [Электронный ресурс] / Н.С. Седых // Социальная психология и общество. – 2013. – № 2. – С. 137-147.

7. Серия экспертных онлайн-форумов ОБСЕ по использованию Интернета террористами. [Отчет]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/secretariat/104407?download=true>

8. Стадников М.Г., Щеглов А.А. Проблема исследования социально-психологических особенностей лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления по идеологическим мотивам [Электронный ресурс] / М.Г. Стадников, А.А. Щеглов // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. – Т. 6. – № 1. – Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Shheglov.phtml>

9. Экстремизм – угроза обществу! [Электронный ресурс] / Прокуратура Чувашской республики [Информационно-справочная брошюра]. – Чебоксары, 2009. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/555/39234.php>

Сведения об авторах:

Быкадорова Александра Сергеевна (г. Ростов-на-Дону, Россия), кандидат филологических наук, аналитик, Национальный центр по противодействию экстремизму и терроризму в образовательной среде и сети Интернет г. Ростов-на-Дону, e-mail: asbyk@ncpti.ru

Чурилов Сергей Анатольевич (г. Ростов-на-Дону, Россия), директор, Национальный центр по противодействию экстремизму и терроризму в образовательной среде и сети Интернет г. Ростов-на-Дону.

Шановалова Екатерина Владимировна (г. Ростов-на-Дону, Россия), кандидат экономических наук, аналитик, Национальный центр по противодействию экстремизму и терроризму в образовательной среде и сети Интернет г. Ростов-на-Дону.

Data about the authors:

A. Bykadorova (Rostov-on-Don, Russia), candidate of philological sciences, analyst, National Center for the Prevention of Terrorism and Extremism in the Educational Environment and the Internet of Rostov-on-Don, e-mail: asbyk@ncpti.ru

S. Churilov (Rostov-on-Don, Russia), director, National Center for the Prevention of Terrorism and Extremism in the Educational Environment and the Internet of Rostov-on-Don.

E. Shapovalova (Rostov-on-Don, Russia), candidate of economic sciences, analyst, National Center for the Prevention of Terrorism and Extremism in the Educational Environment and the Internet of Rostov-on-Don.

УДК 316.4

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОПАГАНДЕ ИГИЛ В СРЕДЕ «ЕВРОПЕЙСКИХ» МУСУЛЬМАН

И.А. Мухаметзарипов

Аннотация. В статье раскрываются виды пропаганды ИГИЛ (организация, запрещенная в Российской Федерации), рассчитанной на мусульман, проживающих в немусульманском окружении; анализируется механизм воздействия террористического контента на потребителей, представленных, как правило, молодыми мусульманами мужского и женского пола. Изучаются приемы, применяемые ИГИЛ для вовлечения представителей молодежи в свою группу, а также особенности объектов пропаганды, исходя из психологии верующего. Приводится обзор зарубежного опыта противодействия указанной пропаганде; раскрываются перспективные идеи.

Ключевые слова: ИГИЛ, терроризм, пропаганда, молодежь, мусульмане, противодействие экстремизму.

THE FOREIGN EXPERIENCE OF COUNTERACTION TO DAESH PROPAGANDA AMONG THE “EUROPEAN” MUSLIMS

I. Mukhametzaripov

Abstract. The article describes the types of DAESH propaganda among Muslims living in non-Muslim environment. The author analyzes the mechanism of terroristic content's influence on the consumers, represented, as a rule, by young Muslims, male and female. The author also studies the techniques used by DAESH to involve young people in its group, especially the manipulation by the psychology of the believer. The article contains the reviews of the foreign experience of counteraction to DAESH propaganda as well as the most interesting ideas.

Keywords: DAESH, terrorism, propaganda, youth, Muslims, counteraction to extremism.

Проблема вербовки молодых людей в ИГИЛ в настоящее время актуальна не только для стран СНГ, но и для государств Европейского Союза, Северной Америки и др. В настоящей статье мы хотели бы обратить внимание на пропаганду ИГИЛ в медийном пространстве, направленную на мусульман, проживающих за пределами традиционно мусульманских регионов (Ближнего Востока, Северной Африки, Центральной Азии и др.). Под «европейскими мусульманами» мы понимаем этнических и новообращенных верующих, проживающих в странах с исторически немусульманской культурой и в окружении немусульманского большинства, в светском государстве, воспитанных в духе условно «европейской» культуры. Понимание механизма работы ИГИЛ по вербовке сторонников и изучение зарубежного опыта противодействия данной деятельности необходимы не только правоохранительным органам и экспертному сообществу, но и представителям сферы образования всех уровней, начиная от школы и заканчивая высшими учебными заведениями.

ИГИЛ применяет разноплановую пропаганду, широко используя все имеющиеся на настоящий момент инструменты, особенно Интернет. Выпускается видео-, аудио-продукция, журналы, брошюры, постеры и др., религиозные доводы постоянно сопровождаются аудиовизуальными материалами. Появившийся в 2014 г. медиа-центр террористов «Аль-Хайят»

(Al-Hayat Media Center) специализируется на выпуске пропагандистской продукции на европейских языках: английском, французском, немецком, русском и др. Разнообразие пропаганды ИГИЛ позволяет не только вербовать новых сторонников, но и стимулировать создание террористических групп и появление «волков-одиночек» за пределами Сирии и Ирака. Самым удобным каналом для распространения исламистских материалов оказались социальные сети. ИГИЛ периодически создает аккаунты на различных языках в наиболее популярных социальных сетях: Facebook, Twitter, Instagram, Ask.FM, Friendica, Quitter, Diaspora, VKontakte и др., через которые распространяется информация о группировке; проводится вербовка.

Информация предназначена для привлечения внимания, закрепления образа группы (внешний вид, флаги и другая символика), побуждения поддержать и присоединиться к организации. Так, в июне 2014 г. ИГИЛ начал компанию «Mujatweets» на Интернет-канале YouTube. Видеоролики должны были продемонстрировать боевиков как своего рода «благотворительную» организацию, помогающую местному населению. Цели видеороликов были следующими: 1) установление контакта с аудиторией через обращение на разных языках; 2) демонстрация боевиков как обычных людей, при этом акцент делался на новообращенных мусульманах, а лица террористов и

происходящие события показывались крупным планом (эффект «приближения»); съемка велась в движении, от первого лица, по канонам современной кинематографии; 3) демонстрация дружеских взаимоотношений внутри группы, с противопоставлением их отношениям среди немусульман; 4) подчеркивание общности ценностей рядовых мусульман с ИГИЛ (религия, любовь, мир и т.д.); 5) обещание вознаграждения за восстановление «исламского государства» с демонстрацией веселой и беззаботной жизни среди боевиков (дети, игры, изобилие вкусной еды, общение). Тем самым ИГИЛ позиционирует себя как общество равенства, свободное и открытое для продвижения людей по их личным заслугам, как «военная демократия».

Среди продукции, выпускаемой «Аль-Хайят» и распространяемой преимущественно в электронной форме, стоит отметить журнал «Dabiq». Журнал выдержан в современном стиле, в нем одновременно показываются боевики, т.н. будущие «шахиды», и жертвы нападений ИГИЛ, захваченные трофеи, улыбающиеся местные жители в контролируемых районах, восстановление электроснабжения, лечение детей, уборка мусора, социальная помощь и др.

Широко применяются ИГИЛ визуальные изображения, особенно фотографии, постеры. Графические материалы отличаются современным стилем оформления, минимализмом, короткими слоганами, использованием аналогий с фильмами (в частности, апокалиптической тематики), компьютерными играми (особенно с играми из категории «шутеров»). В итоге использование символики ИГИЛ превратилось в моду для отдельных пользователей социальных сетей, особенно из среды этнических мусульман.

Исследователь Ч. Винтер структурирует пропаганду ИГИЛ следующим образом: 1) политическая/социальная – ИГИЛ поставляет в информационное поле политическую пропаганду, которая вдохновляет сторонников ИГИЛ по всему миру подключаться к ее распространению самостоятельно в виде мемов, поэтических форм, фото- и видеокompilаций. Следовательно, задача ИГИЛ заключается в увеличении «поставок» контента, а западные СМИ этому способствуют; 2) тактическая/стратегическая – тактическая пропаганда требует принятия решения в кратчайший срок (переселение, совершение теракта и т.д.), в то время как стратегическая пропаганда направлена на демонстрацию отдаленных целей (боевики рыбачат, сжигают

сигареты, играют с детьми, разрушают храмы). Долгое существование в сети таких материалов позволяет ИГИЛ упрочить свои утопические идеи; 3) вертикальная/горизонтальная – вертикальная пропаганда создается в системе медиаслужб ИГИЛ и доводится до рядовых сторонников для распространения, а горизонтальная пропаганда заключается в самостоятельной агитации, проводимой сторонниками ИГИЛ; 4) агитация/интеграция – агитация направлена на мобилизацию, превращение идей в конкретные действия, переход от пассивной к активной поддержке. Интеграционная же пропаганда соответствует социальной, горизонтальной пропаганде и направлена на создание, поддержание и распространение мифа об «исламском государстве», воздействуя на вероубеждение объекта; 5) рациональное/иррациональное – ИГИЛ рационально демонстрирует свою силу, одновременно распространяя иррациональную веру в свою утопию. К примеру, видео с боевыми действиями и казнями являются рациональным доказательством, в то время как материалы с мирной жизнью боевиков направлены на иррациональное [10, p.18-21].

В пропаганде ИГИЛ выделяют шесть основных тем: 1) жестокость – главный аспект пропаганды. Он связан с демонстрацией военных побед, превосходства, осуществления мести против «крестоносцев», «шиитов» и «евреев». Данная пропаганда направлена на устрашение противника, удовлетворение сторонников, запугивание местного населения, провоцирование антиисламских заявлений; 2) пощада – данный вид пропаганды всегда демонстрируется в паре с жестокостью. ИГИЛ стремится показать, что прощает людей, если человек присоединился к ИГИЛ. Действует принцип: «Сопrotивляйся – и будешь убит, или признай правила ИГИЛ, покайся – и будешь прощен»; 3) героизирование погибших из числа суннитского местного населения Сирии и Ирака. Данная тема часто сочетается с жестокостью ИГИЛ для оправдания действий боевиков; 4) война – демонстрация военной техники ИГИЛ, захваченных трофеев, тренировочных лагерей, маршей и парадов. Показывается слаженность боевиков, их единая униформа, дисциплина, вооружение. Не последнее место занимает раздел трофеев между боевиками как доказательство превосходства и материального вознаграждения. При этом боевики пользуются тем, что данные с мест боев отрывочны и неполны. Фактически, ИГИЛ монополизировало изображение своих боевиков, показывая их только с идеализированной, «красивой»

сторону; 5) принадлежность – видеообращения добровольцев ИГИЛ для привлечения рекрутов из зарубежных стран, кадры с отдыхающими вместе в спокойной и дружественной обстановке боевиками; 6) утопия – эксплуатируется тема Страшного суда, идея о необходимости создания идеального государства для мусульман (халифата). С этой целью показывается мирная жизнь боевиков и местного населения в ИГИЛ, с освещением темы здравоохранения, социальных служб, сбора закята, шариатских судов и полиции, исполнения наказаний и др. [10, p.22-31].

В качестве объектов пропаганды ИГИЛ выделяются: 1) непосредственные и потенциальные противники (на локальном, региональном и мировом уровне). В их отношении используются устрашение, провокация, легитимизация (оправдание действий боевиков); 2) международная общественность – используются устрашение, провокация, легитимизация, внесение раскола в общественное мнение; 3) активные члены ИГИЛ – используется сочетание идей о религиозном государстве и революционном движении, что позволяет увеличить аудиторию. Среди основных тем: безопасность, социальная справедливость, религиозная аргументация; 4) потенциальные добровольцы – основные темы: религиозная аргументация, безопасность, социальная справедливость; 5) распространители пропаганды ИГИЛ – в данном случае ИГИЛ использует своих фанатов в Интернете, которые не только распространяют готовую пропаганду ИГИЛ, но и самостоятельно ее создают, изменяют, ведя свой «Интернет-джихад». Пропаганда направлена на удовлетворение психологических потребностей фанатов, именно они являются основными потребителями и распространителями; 6) распространители идей («дипломаты») – это лица, отбирающие кандидатуры на переезд в ИГИЛ и ведущие с ними диалог, используя пропаганду ИГИЛ. В общении используется простой психологический прием – если человек совершил поступок, то он ищет оправдания поступку, а «дипломат» предоставляет человеку дополнительные аргументы; 7) вербовщики – лица, дающие потенциальным кандидатам конкретные инструкции и советы. Контакты с ними происходят только на личном уровне [10, p.32-40].

Каков же механизм воздействия вышеуказанной пропаганды? Американский исследователь Э. Круглански полагает, что ИГИЛ делает упор не только на религиозную аргументацию, но и на естественные желания

человека, умело направляя их в выгодное для себя русло. В первую очередь, используются две базовые человеческие психологические потребности: когнитивная определенность (cognitive closure) и потребность в личной значимости (personal significance). Когнитивная определенность означает ликвидацию неопределенности, это желание быть уверенным в будущем, потребность знать, что делать и куда идти. Это поиск некой структуры и сопричастности к чьим-либо взглядам и убеждениям. Автор подчеркивает, что хотя экстремизм выражается по-разному в зависимости от региона (от религиозного фундаментализма до радикального национализма), индивиды, которые стремятся к определенности, обладают наиболее радикальными взглядами. Они принижают тех, кто не разделяет их взгляды, и считают допустимым с моральной точки зрения ликвидировать оппонентов любыми средствами. Потребность в личной значимости эксплуатируется ИГИЛ в виде предложения присоединившимся статуса героев и мучеников, сохранения их имени в «вечности», получения места в истории. Поиск собственной значимости может быть усилен значимой действительной или мнимой потерей. ИГИЛ не случайно демонстрирует жертв бомбардировок из числа местных жителей, говорит о несправедливости общества, унижении мусульман Западом, непременно описывая все в ярких красках с целью подчеркнуть страдания мусульман в мире [6].

Поиск собственной значимости универсален, и от него невозможно избавиться. Он может выражаться в социально значимых поступках, направленных на благо всего общества. К примеру, в добровольной помощи бедным и обездоленным. Однако благотворительность может в итоге оказаться трудной и неблагодарной работой. Она требует терпения и упорства, постепенного преодоления трудностей, занимает много времени, не всегда оканчивается успехом. Это медленный и сложный путь. Более быстрый путь для отдельных представителей молодежи – это насилие и сражение [6]. Отметим, что кроме психологических потребностей, ИГИЛ предлагает и удовлетворение физиологических потребностей: агрессии (через участие в боях, казнях) и сексуального влечения (через создание семьи, завладение рабынями-наложницами).

Особым объектом пропаганды ИГИЛ стали женщины. Э.М. Солтман и М. Смит в отношении данной категории выделяют подталкивающие и «вытягивающие» факторы

(“push-pull” факторы). К первым относятся: 1) чувство изоляции и/или культурной неопределенности, вопросы идентичности, неопределенность в принадлежности к западной культуре (как правило, это этнические меньшинства, мигранты, новообращенные); 2) чувство принадлежности к международной мусульманской общине (умме), которая обижена Западом; 3) чувство злости, печали и/или фрустрации по отношению к ситуации с уммой. Во второй группе факторов отмечаются: 1) идеализированные цели в виде религиозной обязанности по строительству «халифата»; 2) чувство принадлежности к группе и к «сестрам» по вере; 3) романтизация реальности [8, p.8-18].

В то же время, отмечается, что сторонницы ИГИЛ не являются эмансипированными женщинами, типичными представительницами Запада, живущими самостоятельно и независимо от мужчин. Наоборот, большая часть из них свою роль в ИГИЛ видит в качестве домохозяйек. Они обсуждают домашние хлопоты, величие в воспитании нового поколения, говорят о бесплатной еде, одежде, свежем хлебе, денежных подарках невестам боевиков. Их также привлекает возможность найти свое предназначение в жизни, а также «сестер», которые бы разделяли с ним единые ценности. При этом женщины считают, что они стоят у истоков этого государства и станут женами, матерями, учителями, медсестрами в новом «халифате». Интересно, что среди женщин есть те, кого привлекает насилие и которые видят себя в «халифате» в качестве надзирательниц за женщинами-немусульманками, работниц полиции нравов, участниц боевых действий, вербовщиц [2, p.5]. В боевиках сторонниц ИГИЛ привлекают: 1) искренность и открытое проявление эмоций; 2) смелость и уверенность в поступках; 3) независимость от старшего поколения. Таким образом, конфликт поколений (наблюдаемый не только в среде мигрантов, но и в некоторых регионах – например, на Северном Кавказе) играет определенную роль.

В целом, ИГИЛ действует как сплоченная социальная группа, которой для единства необходимы харизматичные лидеры, товарищество, глубокие семейные и дружеские связи (по крайней мере, в виде декларации). Все это порождает «коллективную идентичность». Разделяемые группой социальные ценности могут усиливаться через коллективную память, чувство «жертвы», страха, угрозу идентичности или групповому имиджу, унижение, религиозные и политические идеологии. Пропаганда ИГИЛ включает все эти элементы для привлечения новых членов. Дополнительно

влияют такие факторы, как злость, отчуждение, социальная и политическая беспомощность, асоциальность, потребность в принадлежности к семье или группе. Таким образом, ИГИЛ, выявив эти недостатки в современном обществе, умело эксплуатирует «социальный протест».

Одновременно ИГИЛ контролирует информацию внутри группы, чтобы предотвратить ее распад в результате критических суждений рядовых членов. Сжигаются книги по религии, науке, культуре, химия и физика объявляются «греховными» науками, запрещаются музыка, искусство. Гендерные роли четко закрепляются. В итоге члены ИГИЛ не могут сделать самостоятельного выбора. Группа полностью зависит от информации, которая исходит от ее лидеров.

В процессе группового сплочения ИГИЛ предлагает фиктивное родство и показной альтруизм. Человек, страдающий от отсутствия семейных связей и ищущий их, охотно идет навстречу новой «семье». ИГИЛ укрепляет альтруистическое поведение своих членов через фиктивные родственные связи, которые устанавливаются, в том числе посредством одинаковой одежды, символики, атрибутов, совместных тренировок. Единство скрепляется участием в казнях и убийствах, в том числе с привлечением детей.

Одной из основ пропаганды ИГИЛ является актуализация идеи о превосходстве своей религии (точнее – представлений субъекта о своей религии) через различные инструменты, в первую очередь, посредством СМИ. И Интернет позволяет относительно эффективно выносить ИГИЛ свой «продукт» на информационный рынок.

ИГИЛ использует ту особенность психологии веры, которую в науке называют «религиоцентризм». Религиоцентризм – это убеждение, что собственная религия человека имеет более важное значение и находится выше других религий [3, p.827]. Религиоцентризм основывается на концепции nepoтизма, выдвинутой американским ученым П.Л. ван ден Берге в 1980-х гг. Nepoтизм – это генетически обусловленное поведение индивида, которое заключается в предпочтении родственника неродственнику. Такому поведению не чужд альтруизм, предпочтение коллективизма индивидуализму, когда человек, даже при опасности лишиться собственного потомства, через оказание помощи родственникам косвенно передает свои гены, способствуя сохранению своего рода. Исследователь полагал, что в nepoтизме заключается причина сохранения этноцентризма и расизма даже в

индустриальных обществах. Этнические и расовые предпочтения рассматриваются им как продолжение кровнородственных отношений [9, p.18].

Если применить концепцию непотизма к феномену религии, то нетрудно заметить, что отношения в кровнородственной группе и религиозной общине имеют много общего. Так, среди верующих широко используется «фиктивное» родство, когда члены группы относятся друг к другу как к «братьям и сестрам по вере». Любая религиозная группа постоянно сталкивается с проблемой сохранения числа сторонников и увеличения их числа в будущем. Группа устанавливает границы между «своим» (внутренним) и «чужим» (внешним). Эти границы всегда существуют, но степень их выражения может варьироваться. Естественное стремление людей к объединению используется лидерами общин, заинтересованными в сохранении дихотомии «свой-чужой» и расширении собственного влияния как внутри группы, так и за ее пределами.

Основываясь на выводах П.Л. ван ден Берге, можно предположить, что непотизм присутствует и в религии. Глубоко верующий человек способен на всевозможные жертвы ради защиты, сохранения и распространения своей религиозной «семьи». Таким образом, происходит перенос врожденного предпочтения своих родственников в религиозное пространство, выражающееся в предпочтении своих «братьев» и «сестер» по вере.

Для актуализации в индивидах представлений об исключительности своей религии ИГИЛ использует различные способы. В первую очередь, это возбуждение: 1) сочувствия к страданиям некой «группы мусульман»; 2) гнева в отношении «притеснителей» данной группы; 3) желания защитить «притесняемую» группу и отомстить «притеснителям»; 4) стремления к скорейшему предпринятию вышеуказанных действий для получения благ в потустороннем мире. При этом ИГИЛ использует такие элементы психологии верующего, как страх перед наказанием в загробном мире и желание получить место в раю после смерти. ИГИЛ заинтересовано в усилении этих двух компонентов. Чем больше человек боится наказания в аду, чем больше он находится в постоянном переживании за свои поступки в «мире живых», тем охотнее он соглашается выполнять некие «божественные установления», умело преподносимые пропагандистами «халифата». Стремление же верующего к райской жизни может эксплуатироваться ИГИЛ в том случае, если

индивид в своем желании посмертных благ «стирает» границы между земной и потусторонней жизнью, воспринимает жизнь в раю как нечто уже существующее, материальное, желая как можно скорее прекратить земное существование и попасть в рай. Если усилить это желание позитивным образом группы единомышленников, то человек может легко согласиться вступить в ИГИЛ.

В современных условиях из трех типов идентичности – общегражданской, этнической и религиозной – именно религия позволяет создавать интернациональные сообщества, активно продвигать свои политические идеи. Если общегражданская и этническая идентичности в том или ином конкретном обществе ослаблены, то религиозная может усиливаться, так как вера имеет дело с такими тонкими чувствами людей, как смысл жизни, страх перед смертью, спасение души, и др. проблемами, носящими психологический, экзистенциальный характер. Если же религиозная идентичность совпадает с этнической (например, переживание за свой народ и культуру, испытываемое мигрантом-мусульманином, проживающим в немусульманском окружении), то обе они усиливают мотивацию человека и толкают его к совершению преступлений экстремистского, террористического характера. Низкий социально-экономический уровень жизни отдельных групп мусульман может лишь усугубить ситуацию.

Следует сказать, что не всеми боевиками ИГИЛ двигают религиозные мотивы. Многие из них присоединяются к группировке из-за сугубо корыстных побуждений: часть – из-за сочетания крайних националистических и религиозных убеждений (например, чеченцы-мигранты из Западной Европы), часть удовлетворяет свои потребности в агрессии либо использует это как форму личного «протеста», некоторые руководствуются простым любопытством. Однако основу боевых формирований ИГИЛ составляют именно религиозно мотивированные лица.

Научно-экспертное сообщество в зарубежных странах в настоящее время все еще находится в процессе поиска оптимальных способов борьбы с пропагандой ИГИЛ. Одним из наиболее доступных и эффективных способов является блокировка контента ИГИЛ в Интернете, социальных сетях, систематическое удаление аккаунтов. Одновременно СМИ должны перестать использовать в своих передачах и статьях продукцию боевиков. Так, в США правительство предложило СМИ не

выпускать в эфир видеоролики и фотографии ИГИЛ, на которых демонстрируются казни, ведение боевых действий боевиками, военные приготовления и марши. Также следует учитывать, что пропаганда ИГИЛ рассчитана не только на мусульман, но и на любых лиц, страдающих различными психическими расстройствами, имеющих склонность к агрессии, насильственным действиям, садизму и т.д. В данном случае блокировка пропаганды ИГИЛ сходна с запретом на пропаганду наркотических средств – чем меньше данная тема представлена в информационном пространстве, тем меньше люди относятся к данному явлению как к «норме».

Зарубежные исследователи давно отметили, что военная операция против ИГИЛ позволит разрушить миф о силе ИГИЛ и показать, что присоединение к ИГИЛ приведет лишь к бесславной гибели, которую никто в мире не заметит [6]. Полагаем, что активные действия ВКС Российской Федерации нанесли не только урон вооруженным отрядам и инфраструктуре ИГИЛ, но и привели к снижению пропагандистской активности террористов, так как демонстрировать победы, парады и мирную жизнь в «халифате» на фоне успешных бомбардировок достаточно проблематично.

Э.М. Солтман и М. Смит предлагают разработать контрпропаганду, рассчитанную на женщин-мусульманок, а также усилить критическое восприятие пропаганды молодыми людьми на примере разбора методов вербовки ИГИЛ. Они выделяют три уровня превентивной работы в отношении молодежи (от 14 до 25 лет) в зависимости от целевой аудитории: 1) сторонники ИГИЛ – личная переписка, критическая аргументация, опора на авторитетных богословов; 2) молодежь, проявляющая интерес к ИГИЛ (группа риска) – альтернативные точки зрения, контр-нарратив; 3) остальная молодежь – развитие критического мышления; предупреждение о процессах радикализации, методах экстремистской пропаганды (по аналогии с курсами по предупреждению наркомании и др.) [8, p.52-57]. Для противодействия предлагается не ограничиваться только государственной цензурой Интернета и контр-нарративами, а привлекать также негосударственные организации, независимых активистов, институты гражданского общества. Противодействие ИГИЛ должно быть одновременно и скоординировано, и децентрализовано.

Немаловажным фактором является борьба с «фанатским» сообществом ИГИЛ. Практика

западных стран показывает, что повсеместно происходит ужесточение наказания за распространение пропагандистских материалов ИГИЛ, символики «халифата» в социальных сетях. В частности, в США стали применять суровые меры по отношению к лицам, поддерживающим ИГИЛ. Так, в августе 2015 г. в СМИ опубликована новость, что 17-летний Али Шукри Амин из Вирджинии приговорен к 11 годам реального заключения за активное размещение в сети пропаганды ИГИЛ [5].

Д. Леонг предложила следующие рекомендации по борьбе с пропагандой ИГИЛ: 1) контрпропаганда должна исходить не от государства, а от общества и религиозных деятелей; 2) необходимо систематическое и «агрессивное» удаление аккаунтов сторонников ИГИЛ, что приведет к уменьшению сторонников организации и усложнит работу вербовщиков; 3) следует подключать к контрпропаганде родителей (особенно матерей), напоминать им о необходимости присмотра за детьми (например, полиция Великобритании в марте 2015 г. начала кампанию по призыву матерей наблюдать за изменением поведения их дочерей, в Германии также ввели подобную программу); 4) женщины, возвращающиеся из ИГИЛ, также являются важным элементом контрпропаганды при обеспечении им надлежащей защиты [7].

Международный центр против терроризма (Гаага) выделил виды контр-нарративов: 1) позитивный (альтернативный) – информация должна быть не ответом, а самостоятельным посланием; 2) стратегический – общее видение ситуации; 3) этический – вызывает к морали, объясняет, что действия террористов аморальны и не достигают своей цели; 4) идеологический и религиозный – действует только в том случае, если религиозный лидер обладает авторитетом; если же заявление делается государством, то оно непродуктивно; 5) тактический – объясняет, что насилие в долгосрочной перспективе не ведет к реализации цели; 6) юмор и сарказм – точных данных об эффективности нет; они могут лишь укрепить убеждение большинства населения в абсурдности терроризма. Центр рекомендует давать «ответ» террористам в течение 24 часов после размещения их контента [4, p.2-3].

Другим способом является переписка с боевиками ИГИЛ, после чего вся информация, способная дискредитировать образ «борцов за веру», обнародуется. В качестве примера можно привести общение французской журналистки под псевдонимом А. Эрель с одним из помощников Абу Бакра Аль-Багдади, Абу Билялом. Журналистка создала аккаунт в социальной сети (образ молодой мусульманки из

семьи мигрантов), поставила «лайк» на видео, которое разместил Абу Билял. Через некоторое время завязалась переписка. Вначале Абу Билял интересовался тем, нравится ли ей видео, является ли она соблюдающей мусульманкой. Затем в разговоре стала обсуждаться тема возможной поездки в Сирию. Террорист предложил стать его женой, объяснил маршрут поездки (Амстердам-Стамбул-Шанлыурфа-Сирия). В ходе общения все текстовые сообщения и видеоразговоры А. Эрель фиксировала. Абу Билял обещал, что будет обращаться с девушкой как с «принцессой», что он обеспеченный мужчина и командует группой выходцев из Франции. Девушка обещала, что поедет. В конечном итоге, она прекратила переписку. Абу Билял стал угрожать. В итоге аккаунт, с которого журналистка с ним общалась, был передан в ведение полиции, а переписка была опубликована. Однако женщине пришлось поменять имя, переехать на новое место жительства, прекратить писать о Ближнем Востоке и терроризме [1].

Таким образом, пропаганда ИГИЛ, рассчитанная на мусульман, проживающих в

немусульманском окружении и в рамках «европейской» культуры, отличается сочетанием религиозных доводов с манипулированием психофизиологическими потребностями людей. Богословские аргументы являются лишь частью пропаганды, стимулирующей реализацию потребностей в когнитивной определенности, наличие идентичности, повышение социального статуса, вплоть до реализации агрессии и сексуальных желаний в рамках новой, фиктивной «семьи». Предложения по противодействию пропаганде террористов различны, начиная от блокировки экстремистского контента до использования контр-нарративов, однако наиболее эффективной мерой является не борьба с последствиями, а профилактика, которая достигается, в первую очередь, через укрепление общегражданской и этнической идентичностей; предложение молодежи альтернативных способов реализации их потребностей с одновременным развенчанием мифов и утопий, предлагаемых ИГИЛ.

Литература:

1. Anna Erelle: 'In front of me was this man who had killed women and children' // The Guardian. 31 May 2015. – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2015/may/31/anna-erelle-interview-in-front-of-me-was-this-isis-killer>
2. Ali M. ISIS and Propaganda: How ISIS Exploits Women. Oxford: Hilary and Trinity Terms, Fritt Ord Foundation, 2015. – 25 p.
3. Corsini R.J. The Dictionary of Psychology. Psychology Press, 1999. – 1156 p.
4. Developing Effective Counter-Narrative Frameworks for Countering Violent Extremism. Meeting Note. International Centre for Counter-Terrorism – The Hague. September 2014.
5. ISIS supporter, 17, is sentenced to 11 years in prison for tweeting 7,000 messages backing the terror group and helping a friend to join fighters in Syria // Daily Mail. 28 August 2015. – Режим доступа: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3214436/Virginia-teenager-ran-pro-ISIS-Twitter-account-sentenced-11-years-prison.html#ixzz43Qx6d3za>
6. Kruglanski A.W. Psychology Not Theology: Overcoming ISIS' Secret Appeal. 28 October 2014. – Режим доступа: <http://www.e-ir.info/2014/10/28/psychology-not-theology-overcoming-isis-secret-appeal/>
7. Leong D. Why ISIS Appeals to Muslim Women in Western Countries: Need for Counter Message // S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS) Commentary. 10 June 2015. № 136. – Режим доступа: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cens/co15136-why-isis-appeals-to-muslim-women-in-western-countries-need-for-counter-message/#.Vu7KnNKLQdV>
8. Saltman E.M., Smith M. 'Till Martyrdom Do Us Part' Gender and the ISIS Phenomenon. London: Institute for Strategic Dialogue. 2015. – 75 p.
9. Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. Greenwood Publishing Group, 1987. – 301 p.
10. Winter Ch. The Virtual 'Caliphate': Understanding Islamic State's Propaganda Strategy. Quilliam Foundation, 2015. – 51 p.

Сведения об авторе:

Мухаметзарипов Ильшат Амирович (г. Казань, Россия), кандидат исторических наук, заместитель директора Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, e-mail: muhametzaripov@mail.ru

Data about the author:

I. Mukhametzaripov (Kazan, Russia), candidate of historical sciences, deputy director of the Center of Islamic Studies of Tatarstan Academy of Sciences, e-mail: muhametzaripov@mail.ru

УДК 504.064

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ВАХХАБИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В АСПЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А.Н. Тесленко

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена масштабами распространения и современного состояния ваххабизма в мире. В связи с этим, данная статья направлена на комплексный анализ проблемы распространения идеологии ваххабизма в молодежной среде в аспекте национальной безопасности Республики Казахстан. В статье представлены результаты авторского исследования, а также экспертного опроса среди научного сообщества в области религии; раскрыты основные причины и каналы проповедования, обусловившие распространение ваххабизма в молодежной среде; выявлены и обоснованы основные механизмы регулирования и нейтрализации ваххабизма в молодежной среде, способствующие снижению ущерба, приносимого национальной безопасности страны в целом. Материалы статьи представляют практическую ценность в сфере предупреждения и борьбы с экстремизмом и международным терроризмом.

Ключевые слова: молодежь, религиозный экстремизм, гражданская социализация, ислам, идеология ваххабизма, профилактика экстремизма, превентивная политика государства, национальная безопасность.

THE COUNTERACTION OF THE WAHHABIZM IDEOLOGY AMONG YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

A. Teslenko

Abstract. The study is of great relevance due to the degree of expansion and current status of Wahhabism in the world. In this way the article is aimed at complex analysis of the issue of Wahhabism ideology expansion among young people in the context of national security in the Republic of Kazakhstan. The article includes the results of author's investigation study and expert survey among the members of scientific community in the sphere of religion. The author reveals the main reasons and preaching medium that determined the expansion of Wahhabism among youngsters. The author also discloses the main mechanisms of moderation and neutralization of Wahhabism among youngsters that promote the decrease of damage made to the national security of the country. The article is of practical value in the sphere of prevention and counteracting the extremism and international terrorism.

Keywords: youth, religion extremism, civil socialization, Islam, Wahhabism ideology, extremism prophylactic measures, state preventive policy, national security.

В современном мире религиозный фактор, наряду с этническим, становится фундаментальным фактором общественной жизни, т.к. характер и содержание межконфессиональных отношений во многом определяют стабильность полиэтнических и мультикультурных обществ. И Казахстан здесь не исключение, а наоборот, типичный пример влияния Ислама на все стороны жизни общества.

Культурная идентификация казахстанцев, в основном, зависит от их конфессиональной и этнической принадлежности. Так, азиатские этносы, и казахи в том числе, относят себя к мусульманам, а европейские – к христианам. К православному вероисповеданию принадлежат русские, украинцы, белорусы, к протестантскому – в основном немцы, к римско-католическому – немцы и поляки, к исламу – казахи, уйгуры, узбеки, чеченцы и т.д., но совпадение конфессиональной и этнической принадлежности не является неизбежностью. Более того, и ислам, и христианство являются мировыми религиями, всеобщими,

адресованными каждому человеку вне зависимости от его национальной принадлежности. Но геополитически сложилось так, что эти религии имеют свой ареал распространения.

Относительно места и роли Ислама в жизни казахов имеются разные мнения. Согласно одной позиции в досоветский период Ислам не имел большого влияния в казахской этнической среде в сравнении с тем, какую он играл среди узбеков и других оседлых этносов Центральной Азии. В советскую эпоху значение исламского фактора в казахской среде также было невелико. Показательно, что к моменту распада СССР на январь 1989 г. в Казахстане существовали 671 религиозная община, из которых 46 составляли мусульманские общины [1, с.33]. Имамами мечетей являлись большей частью узбеки, уйгуры, дунгане, татары, в особенности на юге страны. Сегодня мусульманская община, помимо казахов, составляющих в ней большинство, представлена еще семнадцатью тюркоязычными группами, в числе которых:

узбеки, татары, уйгуры, азербайджанцы и другие. Кроме того, к мусульманам относятся ираноязычные таджики и курды, а также дунгане и вайнахи (чеченцы и ингуши).

Однако следует признать, что принадлежность различных этнических групп к одной конфессии не ведет к снятию межэтнических и межконфессиональных противоречий между ними. На сегодня в Казахстане большинство мусульман придерживаются традиционной для казахстанского народа методики проведения молитв и традиционных представлений. В то же время в религиозное сознание значительной части верующих, особенно молодежи, активно внедряется принесенная из-за рубежа религиозная культура ваххабизма, которая приводит к ряду негативных для общественной стабильности и национальной безопасности последствиям: раскол мусульманского и национального общества; создание из части расколотого национального и мусульманского сообщества активной антисистемной группы или групп; распространение идеологии религиозной, национальной нетерпимости и вражды; реальное осуществление религиозной дискриминации, где ваххабизм сумел закрепиться; теоретическое оправдание насилия, экстремизма и терроризма в отношении всех тех, кто провозглашается «неверным».

Строительство новой государственности, открытого и толерантного поликультурного общества в этих условиях требует изучения причин и каналов распространения идеологии ваххабизма среди молодежи, выявления и обоснования основных механизмов его регулирования и нейтрализации в молодежной среде в интересах национальной безопасности страны.

В современном мире экстремизм превратился в широко практикуемый различного рода религиозными движениями способ силового разрешения целого ряда острых проблем. Проявляющийся, время от времени, в открытой форме, он представляет угрозу для стабильности всего мирового сообщества.

Особого внимания заслуживает *ваххабизм* как актуальная форма *религиозного экстремизма*. В последнее десятилетие эти термины употребляются вместе и все шире. Как правило, в массовом сознании и ваххабизм, и религиозный экстремизм воспринимаются через призму агрессии, исходящей от религии. Однако этимологически понимание этих терминов крайне противоречиво: *религия, по своей сути, не может нести агрессию, а если несет, то это уже не религия*. Следовательно, к религии

примешивается некое иное содержание, с которым и связана агрессия. Но нельзя отрицать, что экстремизм активно эксплуатирует отдельные доктринальные положения религии (в настоящее время активно идет использование исламских доктрин), отсюда и складывается впечатление, что экстремизм является религиозным.

В религиоведении не существует однозначного понимания термина «ваххабизм», не говоря уже о массовом сознании, где оно является своего рода синонимом слова «терроризм». Между тем сам термин «ваххабизм» был введен в оборот в конце 1980-х гг. Примерно в это же время на юге Казахстана стал распространяться ваххабизм (салафизм) – религиозно-политическое течение, противопоставившее себя традиционному для республики суннитскому исламу и властям. Ваххабиты (самоназвание – салафиты) провозгласили борьбу за «чистоту ислама», заявив, что проводимые «традиционным» духовенством религиозные обряды противоречат Корану и шариату. Так, ваххабиты отрицали традиционные для мусульман Казахстана проявления религиозности: посещение гробниц известных святых (зияратов), чтение Корана на кладбищах, ношение амулетов и т.д. [1].

В европейской и арабской литературе было широко распространено определение ваххабитов как «пуритан» или «протестантов ислама»; при этом их сравнивают с представителями европейских течений средневековой реформации, для которых было характерно стремление «очистить» первоначальную «истинную» религию от последующих наслоений. Хотя можно говорить только о чисто внешнем сходстве двух явлений, совершенно различных по своему общественно-политическому содержанию. Ваххабизм родился в условиях серьезного психологического надлома, неудовлетворенности состоянием духовной жизни и был, в первую очередь, реакцией на духовный кризис аравийского общества. Ибн Абд-аль-Ваххаб охарактеризовал свою эпоху следующим образом: «Эпоха невежества и суеверия в большинстве стран исламского мира, эпоха, в которой ослабла связь мусульман с научными основами и корнями веры» [2, с.23]. В числе следствий этого он называет: распространение невежества, причина которого – неграмотность и засорение науки неясностями; отклонение от веры в силу господства суеверий, заблуждений и распространения «нововведений»; разжигание конфликтов в результате ослабления веры.

Сегодня слово «ваххабизм» в широком смысле употребляется для обозначения религиозно-политического экстремизма, соотносимого с *исламским фундаментализмом*. В.И. Сажин определяет «исламский фундаментализм» как совокупность течений мусульманской общественной мысли, направленных на укрепление веры в основополагающие источники ислама, неукоснительное выполнение предписаний Корана и требований законов Шариата, введение традиционных мусульманских установлений в качестве обязательных норм всех сторон жизни [4, с.201].

Исламский фундаментализм делят на умеренный и радикальный (экстремистский) – приверженность крайним взглядам, провоцирующим беспорядки, гражданское неповиновение, террористические акции, противопоставление себя всему обществу (в том числе мусульманскому) и обвинение последнего в неверии наряду с готовностью поднять оружие против мусульман. Представляется необходимым разъяснять молодежи разницу между этими двумя направлениями исламского фундаментализма. Вот, в частности, что пишет по этому поводу И.П. Севостьянов: «Ислам, его фундаментализм и исламский экстремизм – понятия столь же разные, как нормальная живая ткань и опухоль с признаками онкологии. Очень важно видеть опасность знака равенства между этими понятиями» [5].

С началом эксплуатации нефтяных запасов Карачаганакского газоконденсатного месторождения в Каспийском бассейне Казахстана и приездом на работу иностранных специалистов, в основном арабов, палестинцев, иорданцев, сирийцев – выходцев из небогатых слоев общества – возросла активность салафитов в среде казахской молодежи. На государственном уровне вместе с финансовой поддержкой строительства мечетей и укреплении позиций Ислама ряд исламских стран – Арабские Эмираты, Королевство Саудовской Аравии, Катар, Турция – и благотворительностью распространяется миссионерство ваххабитского толка. Активная миссионерская деятельность иностранных религиозных объединений, подкрепленная солидными финансовыми вливаниями, дает свои положительные результаты в плане увеличения численности последователей таких радикальных движений, как «Хизб-ут-Тахрир», «Восточный Туркестан», «Аль-каида», «Галибан», «Исламское государство», «Братья мусульмане», «Асбат-аль-Ансар».

Исследование, проведенное Центром ювенологических исследований под руководством автора данной статьи, показывает, что чуть менее половины респондентов-экспертов указывает на серьезное влияние ваххабизма в их населенном пункте (в 2000 году в исследовании Института стратегических исследований на влияние ваххабизма указывало 26,3% эксперта из числа религиозных деятелей). Молодые респонденты так оценили ваххабизм:

– «Джихад – это борьба со своими пороками, а не с невинными жителями. У ваххабитов извращенное понимание джихада. Под джихадом они понимают лишь разрушения и убийства, забывая, что главное – это внутренний джихад, борьба со своими пороками» (Арман, 23 лет);

– «Ваххабиты под видом очищения веры учили людей не поклонению Аллаху и уважению пророков, а служению местной власти и деньгам» (Асия, 21);

– «Ваххабизм – это псевдорелигиозное деструктивное политическое движение, получившее свое название от имени основателя движения» (Жания, 24);

– «Ваххабиты наносят ущерб исламу и воздействуют на формирование в обществе негативного отношения к мусульманской религии» (Мадияр, 23).

Третья часть экспертов-респондентов указала на влияние Хизб-ут-Тахрир по месту их жительства. Один из опрошенных утверждал, что лично слышал лозунги, обращения членов этой организации, которые призывали к джихаду. Он думает, что в Центральной и Средней Азии члены «Хизб-ут-тахрир-аль-ислами» – это защитники наркоторговцев и наркобаронов. «Члены «Хизб-ут-тахрир-аль-ислами» хотят объединить всех мусульман и подчинить халифату. Основная их цель – завоевать весь мир и умереть ради халифата. Я думаю, что они работают в направлении экстремизма» (Исламбек, 25).

Значительная часть респондентов-экспертов (48,6%) признает, что деятельность конфессий может вызвать социальную напряженность в стране, особенно при наличии определенных конфликтногенных факторов. К таковым они относят противоречия: между властью и оппозицией (соответственно 3,4 и 3,5 балла), между различными властными группировками (соответственно 3 и 3,6 балла), между чиновниками и гражданами (соответственно 2,9 и 3,8 балла). Однако существует достаточно ощутимая разница в оценках остроты социальных противоречий в региональном и профессиональном срезах.

Между тем, независимые аналитики считают, что религиозный экстремизм Казахстану не грозит, так как:

– радикальные религиозные лозунги не находят широкой поддержки среди местного населения;

– традиционный ислам среди казахов не имеет корней и является, скорее, ритуальной практикой, чем мировоззренческим убеждением;

– исламский экстремизм несет в себе не религиозный, а социальный протест;

– исламский радикализм – форма политической борьбы между группировками, цель которых – захват власти [6, с.50].

Часть экспертов (21,2%) склонны считать, что домыслами об угрозе исламского экстремизма правительство демагогически обосновывает борьбу с инакомыслием. Но чуть менее двух третей респондентов-экспертов соглашаются с тем, что угроза экстремизма в Казахстане вполне реальна, см. диаграмму 1.

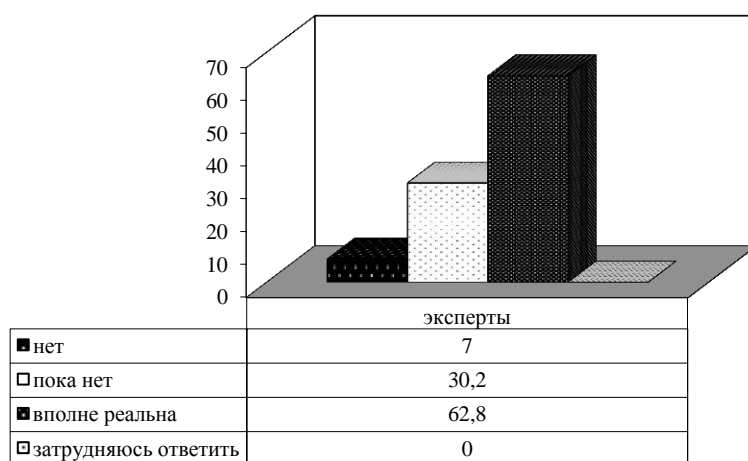

Диаграмма 1. - Мнения экспертов относительно угроз экстремизма в Казахстане

Анализ факторов распространения религиозного экстремизма показывает, что высокий уровень экономического (материально-имущественного) неравенства является узловой проблемой сохранения социальной стабильности. Для Казахстана характерны, в той или иной мере, проявление типичных негативных последствий модернизации экономической, социальной и политической сферы стран «третьего мира» и посткоммунистических государств. Доминантным процессом изменения конфигурации экономической стратификации в Казахстане стал заметный сдвиг в сторону бедных и малоимущих страт при сокращении численности средних и верхних страт, – т.е. в направлении, обратном заявленным целям либеральных реформ.

Безусловно, наиболее чувствительной группой в материально-имущественном плане является молодежь.

Однако, этот фактор, как показало наше исследование, не может являться единственным определяющим основанием возникновения религиозного экстремизма, тем более, что в последние годы наметилась позитивная тенденция к росту благосостояния казахстанцев. Эмпирические данные позволили нам выделить

основные сферы общественной жизни, где имеются факторы риска религиозного экстремизма.

В каждой группе факторов респонденты выделили главный, увеличивающий риск возможного возрастания религиозного экстремизма в казахстанском обществе:

1. *Социально-экономическая сфера.* Нарушение социальной справедливости – (оценка – 3,9 балла);

2. *Мировоззренческая сфера.* Падение общественной морали – эксперты (оценка – 4,5 балла);

3. *Внешилолiticalическая сфера* – деятельность зарубежных миссионеров (оценка 3,1 балла); вмешательство иностранных государств (оценка 3,6 балла);

4. *Внутриполитическая сфера* – тенденциозное освещение деятельности отдельных конфессий в СМИ (оценка 3,6 балла); использование религии в политических целях (оценка 3,5 балла).

Респонденты предложили меры для предотвращения распространения религиозного экстремизма. В их числе оказались как репрессивные, так и просветительские меры. Эксперты предлагают запретить регистрацию

нетрадиционных конфессий и осуществлять строгий контроль за их деятельностью (31,1%).

Следует отметить, что за последние годы в условиях роста угрозы экстремизма как на международном уровне, так и на региональном были внесены существенные изменения в законодательную систему Казахстана. Данные изменения определили создание адекватной правовой основы для государственной политики в сфере предупреждения и противодействия угрозе экстремизма. Вместе с тем, анализ правовой базы позволяет выделить ряд недостатков, препятствующих процессу совершенствования нормативно-правовой базы в области предупреждения экстремизма.

Казахстан в силу тех или иных обстоятельств имеет разрушенную систему воспитания, досуга, творчества; сама национальная культура размыта и не привлекательна для молодёжи, которая при всей неопределенности социальной ситуации стремится к самоопределению, находится в состоянии поиска приоритетов, смысла и цели жизни.

Проблема религиозного экстремизма в Республике Казахстан актуализируется тем, что в условиях модернизации общества, развитие социальной системы не может протекать гладко и бесконфликтно, так как сопровождается глубинной перестройкой и реформированием на всех уровнях и звеньях общественной жизни. Происходит изменение в системе ценностей, переход к рыночным отношениям. Также происходит усиление социальной дифференциации, сопровождающейся ростом имущественного неравенства и невиданного ранее в обществе социального расслоения. Наряду с постепенным формированием среднего класса происходит рост числа социально неустроенных, обездоленных за счет усиления процессов маргинализации и люмпенизации населения, неизбежных в условиях структурной социально-экономической перестройки. Именно данная социальная среда является подверженной экстремистским настроениям в силу своего социального недовольства.

Молодежь – это демографическая группа, наиболее податливая к воздействию пропаганды религиозно-экстремистского толка. Это происходит в силу социальной неопытности молодежи, слабой социальной адаптированности. Молодые люди, находясь на этапе своего становления и социальной самореализации, еще не имеют устойчивого социально-экономического статуса и материальной независимости, зачастую социально неустроены и не защищены. Поэтому молодое поколение становится объектом

особого внимания пропагандистских ухищрений со стороны религиозно-политических экстремистских партий и движений.

Положение усугубляется еще тем, что крушение ценностей и идеалов социализма привело к появлению некоего «духовного вакуума» в массовом сознании. Новые ценности модернизирующегося общества находятся в стадии формирования, но специфика сознания в том, что оно должно быть заполнено неким содержанием. Поэтому неудивительно, что часть молодежи потянулась к религии как к духовной сфере, которая заполнит индивидуальное бытие экзистенциальными смыслами. Тем более, что в условиях становящейся демократии возможности легитимного политического самовыражения молодежи ограничены. С учетом возрастных особенностей данной возрастной группы, склонности к конфликтности и экстремистским способам самовыражения, молодежь способна найти выход недовольством процессом своей адаптации в социуме, нахождения своей социальной ниши и реализации своих запросов в сфере экстремизма религиозно-политического характера. В этой связи становится значимой выработка у молодежи стойкого иммунитета к влиянию экстремистских религиозных организаций; способности различать традиционные религиозные ценности и девиантную природу религиозного экстремизма.

На основе анализа результатов социологического исследования можно выделить концептуальные основы превентивной политики государства по предотвращению религиозно-экстремистских настроений молодежи. Во-первых, важным средством предотвращения религиозного фанатизма и радикализма в молодежной среде является просвещение по проблеме религии, правильного понимания ее сущности. При этом наши респонденты-эксперты с религиозными убеждениями считают, что необходим в данном вопросе государственный контроль в целях систематизации и избегания разночтений в процессе преподавания предметов по проблемам религии.

В то же время необходимо отметить, что наблюдение за действительным положением дел в молодежной, прежде всего, в студенческой среде, показывает необходимость в просвещении молодежи по проблемам религии за пределами сугубо мусульманской проблематики. Это необходимо с целью формирования объективного мнения студентов о других религиях, что диктуется потребностью формирования в их сознании такой значимой

ценности, как толерантность. Без знаний о других религиях невозможно укоренение подлинной толерантности. В противном случае даже утверждение о мирной направленности ислама не опирается на подлинную веротерпимость, подкрепляемую уважением к другим вероучениям. Данное уважение базируется на знании об иных религиях. Во-вторых, все группы респондентов большое внимание в преодолении радикальных и фанатичных религиозных идей в сознании молодежи придают средствам массовой информации и, прежде всего, телевидению. По их мнению, демонстрация анимационных и художественных фильмов по религиозной проблематике с направленностью на толерантное мышление воспитывает в молодежной аудитории веротерпимость и ценности общественно и лично значимого характера.

В-третьих, социальные гарантии и материальная поддержка молодежи создают мощное противодействие формированию и распространению в молодежной среде экстремистских настроений и не только

религиозного характера. Социально-материальная защита молодежи предотвращает появление в нем феномена социальной зависти и поиск виноватого в его социальных бедах. Этот фактор, равно как и организация досуга, наполненность свободного времени социально значимой общественной активностью формирует у молодых людей осознание собственного имиджа как социально активного субъекта, востребованного и не нуждающегося в асоциальных формах самоутверждения.

Следовательно, толерантность как значимая ценность формируется в сознании юношей и девушек в пространстве уважения к инакомыслию и иноверию, основанному на знании об инаковости в сфере религии. Формирование толерантного стиля жизни и мышления также связано с просвещением через средства массовой информации по проблеме религии. Социальная поддержка молодежи со стороны государства формирует здоровый имидж поколения независимости, который базируется на стойком иммунитете к асоциальности, в том числе религиозно-экстремистского характера.

Литература:

1. Абсаттарова Р.Б. Национальные процессы: особенности и проблемы / Р.Б. Абсаттарова. – Алма-Ата: Галым, 1995.
2. Ибн Абд-аль-Ваххаб. Книга единобожия: цит. соч. по: Баширов Л.А. Ислам и этнополитические процессы в современной России. – М., 2000.
3. Молодежь и нетрадиционные конфессии в Казахстане: научно-исследовательский отчет. – Астана: ЕНУ, 2009
4. Сажин В.И. К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах / В.И. Сажин // Ближний Восток и

современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998.

5. Севостьянов И.П. Исламский фундаментализм и исламский экстремизм – это совсем не одно и то же / И.П. Севостьянов // Международная жизнь. – № 5. – 1996.

6. Толгамбаева Д.Т. Религиозный поиск казахстанской молодежи / Д.Т. Толгамбаева // Молодежь и религия в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции (г. Караганда, 8-9 апреля 2010 г.). – Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2010. – С. 45-50.

Сведения об авторе:

Тесленко Александр Николаевич (г. Астана, Казахстан), доктор педагогических наук (РК), доктор социологических наук (РФ), профессор, действительный член АПНК, профессор кафедры социально-психологических дисциплин, Университет «КАЗГПУУ» г. Астана, e-mail: teslan@rambler.ru

Data about the author:

A. Teslenko (Astana, Kazakhstan), doctor of education (Republic of Kazakhstan), doctor of sociology (Russian Federation), full professor, active member of the Association for Resistance to Unfair Competition, professor at the Department of Social and Psychological Disciplines of the Kazakhstan University of the Humanities and Law, e-mail: teslan@rambler.ru

УДК 316.351

«ОСТРОВ» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: СООТНОШЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В.Г. Зарубин, В.А. Макаридина

Аннотация. В статье раскрываются познавательные возможности метафоры «остров» в процессе исследования социального пространства современного мегаполиса. Обращается внимание, что принцип толерантности составляет основу социальной жизни Санкт-Петербурга. Раскрываются содержание и признаки толерантности. Проводится разграничение между естественной и технологической толерантностью. Подчеркивается, что история Санкт-Петербурга – это формирование сложного пространства этнического, религиозного и культурного многообразия. Санкт-Петербург – это социальное пространство естественной толерантности.

Ключевые слова: метафора, остров, мегаполис, естественная толерантность, технологическая толерантность.

“THE ISLAND” OF SAINT-PETERSBURG: THE RATIO OF NATURAL AND TECHNOLOGICAL TOLERANCE

V. Zarubin, V. Makaridina

Abstract. The article describes the cognitive capabilities of the metaphor "The Island" during the study of the social space of the modern metropolis. Attention is drawn to the fact that the principle of tolerance is the foundation of social life in St. Petersburg. The content and features of tolerance are revealed. The natural and technological tolerance is distinguished. The author emphasized that the history of St. Petersburg is the formation of a complex space of ethnic, religious and cultural diversity. St. Petersburg is the social space of natural tolerance.

Keywords: metaphor, island, megapolis, natural tolerance, technological tolerance.

Имеет ли метафора «остров» право на существование в структуре социального знания? Ответ на данный вопрос включает два аспекта. Первый касается метафорического восприятия социального мира. Второй – организации социального пространства в определенных границах.

При анализе первого аспекта возникает вопрос: может ли метафора оказаться в основании современного научного мышления? Английский социолог Дж. Урри подчеркивает: «Я буду исходить из допущения, что все человеческое мышление, включая частные и абстрагированные практики науки и социальной науки, основано на метафоре. Действительно, попытка выстроить неметафорическое мышление предполагает определенные формы метафорического замещения. Я буду также опираться на тезис, что «выявление» метафорического основания различных форм мышления – главная цель и задача социальной науки. Ведь теоретические споры в значительной части сводятся к противопоставлению одной метафоры другой, причем успех какой-либо из них предопределен разнообразными вненаучными соображениями» [4, с.38]. Согласитесь, в таком понимании метафора оказывается не атрибутом архаичного донаучного знания, а действенным инструментом, который способен преодолеть

ограниченность позитивистского подхода. На место и роль метафоры в социальном знании обращают внимание Б. Латур [1], Дж. Ло [2], Д. Макклоски [3].

Слово «остров» имеет, как минимум, несколько значений: во-первых, – это часть суши естественного происхождения в океане, море или реке, окруженная со всех сторон водой и постоянно возвышающаяся над водой даже в период прилива; во-вторых, – участок, выделяющийся чем-либо среди остальной местности, и, в-третьих, – это то, что стоит особняком среди остального.

В качестве метафорического замещения «остров» является неотъемлемым конструктом социального мышления еще со времен «Атлантиды» Платона, «Утопии» Т. Мора, «Новой Атлантиды» Фрэнсиса Бэкона. «Островная» тема находит продолжение и в творчестве современных авторов – Олдоса Хаксли, Василия Аксенова и Уильяма Голдинга. Метафора «остров» оказывается предостережением неминуемой расплаты в случае попрания естественных законов и напоминанием о возможном благоденствии, если социальное устройство будет следовать логике естественного порядка.

Отождествление отечественных пределов с островами тоже не ново. Российский исследователь В.Л. Цымбурский замечает:

«Островитянский» выбор России может быть лучше всего рационализирован как предпосылка для наведения ее геополитического фокуса на «азиатский мир» и не на «диалог с исламом» ради нового континенталистского виража, а на тот свой восток, для которого исламские проблемы – далекий запад» [5, с.26]. В такой протяженной конфигурации Россия напоминает скорее архипелаг, а ее отдаленные регионы – острова.

Именно в таком понимании «остров Санкт-Петербург» оказывается органической частью российского архипелага.

Островной характер «северной столицы» определяется рядом признаков. Это пространство, где многообразие региональных культур превращается в национальную культуру, мировую по своему характеру. Это протяженная во времени история выработки правил и согласований совместного проживания народов, обитающих на территории Российского государства. Это точка транзита между Европой и Азией, Севером и Югом. Это трансграничье между русским и внешним миром на геополитической карте.

Островной характер Санкт-Петербурга формирует уникальный принцип, определяющий основу жизни его обитателей – принцип толерантности.

Изучение толерантности как европейской традиции предполагает определение того, связана ли ее ценность с уважительной позицией по отношению к индивидам и их автономии, или она в большей степени – признание права меньшинств на осуществление коллективной идентичности? Демонстрация множественности культурных кодов связана с акцентированием либо универсальных элементов культуры, либо параметров ее изменчивости и специфичности. Толерантность рассматривается как один из важных параметров ценностного измерения этнокультурных сообществ.

Помимо «терпимости» понятие толерантности включает два значения: норму цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами и условие сохранения разнообразия как историческое право на отличность, непохожесть, инаковость. Современная практика толерантности обнаружила ряд дискуссионных моментов.

Первый. Соотношение толерантности и свободы слова. Лозунг «свободы слова» воспринимается как данность демократического общества до тех пор, пока он не распространяется на те группы, чьи взгляды наносят оскорбление нашим глубинным убеждениям. В связи с этим необходимо найти

ответы на вопросы: «Что такое свобода слова?», «Почему она столь важна для демократического общества?», «Может и должна ли свобода слова быть ограничена? В каких случаях? И кто принимает решение?».

Второй. Важно последовательно выявлять связь между абстрактными гражданскими свободами и конкретными ситуациями. При анализе исторических, психологических и социологических параметров политической нетерпимости на примере конкретных ситуаций нужно стремиться ответить на следующие вопросы: «Почему одни группы людей отрицали права других?» «Почему индивидуумы присоединялись к этим группам?» «Каковы были кратковременные и долговременные последствия нетерпимости для тех, кто нарушал права человека, их жертв и общества в целом?».

Третий. Общеизвестно, что демократия есть правление большинства, однако далеко не всегда помнят, что при этом должны гарантироваться права меньшинств. Важно, чтобы в обществе росло понимание того, почему необходима защита прав граждан, входящих в состав различного рода меньшинств, какие именно их права требуют защиты, и какие политические изменения в мире привели к тому, что это стало требованием в рамках международного права.

Четвертый. Необходимо видеть разницу между признанием права человека высказывать оппозиционные взгляды и одобрением этих взглядов.

Поиск ответов на эти вопросы привел к разработке новой гуманитарной технологии – технологии толерантности.

Технология толерантности представляет собой:

- совокупность методов и приёмов, позволяющих добиваться результатов в задачах взаимодействия между людьми;
- структуру коммуникативных воздействий, которые изменяют социальные ситуации или социальные системы, в том числе отдельного человека как единичную социальную систему;
- способ манипулятивного воздействия на процессы развития, обучения и воспитания человека.

Технологическая толерантность оказывается инструментом внешнего воздействия на человека, группу, сообщество. Каналами технологической толерантности являются государственные институты, политические организации, СМИ и Интернет. Естественно, что возникает вопрос: «Работает ли технологическая толерантность сегодня?».

В современных условиях обнаружилось ограничение технологической толерантности:

– конфликт между «коренными» и «некоренными жителями» в странах, сформировавшихся как нации-государства;

– стихийные потребительские бунты обитателей городских окраин в странах – бывших метрополиях (Великобритания);

– миграционные потоки с территории Ближнего Востока в Европейский Союз.

История Санкт-Петербурга – это история формирования сложного пространства этнического, религиозного и культурного многообразия. Санкт-Петербург – это социальное пространство естественной толерантности.

Естественная толерантность представляет собой:

– осознание общности судьбы в пространстве имперского центра российской государственности;

– совокупность совместных традиций и обычаев, сформировавшихся в процессе длительного проживания представителей различных народов на определенной территории;

– обретение ценностей, которые разделяются представителями разных культур и воспринимаются ими как просветительская миссия для жителей других регионов и стран.

Естественная толерантность – это органическая часть внутреннего мира человека. Ее каналами являются семья, школа, межличностное общение. Естественная толерантность ориентируется на воспроизведение лучших образцов конкретного опыта, а не на стандартизированные приемы.

Каковы каналы воспроизводства естественной толерантности? Это:

– повсеместное насыщение среды обитания жителей Санкт-Петербурга символами, знаками и ритуалами естественной толерантности;

– проведение активной просветительской политики в области исторического, конфессионального, светского и экологического воспитания;

– обобщение передового педагогического опыта по созданию гармоничной среды межкультурного и межэтнического взаимодействия;

– создание разнообразных центров межнационального общения.

Таким образом, Санкт-Петербург как остров может стать центром воспроизводства гармоничной поликультурной среды. Это произойдет в том случае, если возникнет сочетание достижений технологической толерантности с ценностями естественной толерантности.

Литература:

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

2. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.

3. Макклоски Д. Риторика экономической науки / Д. Макклоски. – М.; СПб.: Изд-во

Института Гайдара, 2015. – 328 с.

4. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.

5. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы 1993-2006 / В.Л. Цымбурский. – М.: РОССПЭН, 2007. – 544 с.

Сведения об авторах:

Зарубин Валерий Григорьевич (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор социологических наук, профессор кафедры социального управления Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Макаридина Вера Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Data about the authors:

V. Zarubin (Saint Petersburg, Russia), doctor of sociology, professor at the Department of Social Management of Herzen State Pedagogical University, e-mail: vg_zarubin@mail.ru

V. Makaridina (Saint Petersburg, Russia), candidate of physical and mathematical sciences, associate professor at the Department of Higher Mathematics of Leningrad State University of A. Pushkin

УДК 316

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ НА ПРОЦЕСС СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Ю.А. Фатхуллин, Я.А. Маргулян¹

¹Статья опубликована при поддержке АНО «Казанский открытый университет талантов 2.0» по результатам Конкурса «Кооперация талантов»

Аннотация. В статье рассматривается роль национально-культурных объединений в процессе адаптации мигрантов в принимающее общество. В работе отдельно выделяются понятия «социокультурная адаптация». Автор большое внимание уделяет анализу деятельности Санкт-Петербургского узбекского землячества «Туран». В работе показаны основные направления деятельности данного объединения и возможности, предоставляемые национально-культурными объединениями мигрантам. Также в статье рассматриваются отдельные проблемы взаимоотношений мигрантов и местного населения.

Ключевые слова: адаптация, национально-культурное объединение, мигранты, межнациональные отношения, национальная безопасность.

THE ANALYSIS OF THE IMPACT OF NATIONAL AND CULTURAL ASSOCIATIONS IN THE PROCESS OF SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS IN THE LOCAL COMMUNITY IN ST. PETERSBURG

Y. Fatkhullin, J. Margulyan

Abstract. The article discusses the role of national and cultural associations in the process of adaptation of migrants into the host society. The paper specifically describes the concept of "sociocultural adaptation". Much attention is paid to the activities of St. Petersburg Uzbek fraternities "Turan". The authors identify the main activities of the organization, the opportunities provided by the national and cultural associations of migrants. The authors also investigate some relationship problems of migrants and local population.

Keywords: adaptation, ethnocultural community organization, migrants, interethnic relations, national security.

Миграционные процессы, происходящие на нашей планете, постепенно стали обретать со второй половины двадцатого века глобальные масштабы, распространившись на все континенты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности. Миграция стала одним из важнейших факторов социального развития во всех регионах мира. Ее существенное влияние сказывается на состоянии народного хозяйства, социальных отношениях, культуре, национальной политике и международных отношениях. Процессы миграции неизбежно ведут к постепенным культурно-этническим изменениям среди населения внутри отдельных государств и размыванию традиционных границ. По сути, миграция стала неотъемлемым условием существования современного общества. И в последние годы проблемы миграции, а также адаптации и интеграции приезжих, привлекают особое внимание как научного сообщества, так и правительственных структур.

Миграция населения порождает множество

проблем, связанных с регистрацией, жильем, трудоустройством, адаптацией в новой, во многом непривычной для мигрантов социокультурной среде, требующей от них установления новых этнокультурных и социальных связей [4, с.165].

После распада СССР миграционные процессы на всем постсоветском пространстве стали органической частью всемирного движения населения. Постсоветские миграции вливаются в мировые потоки и сами подвергаются их влиянию.

В связи с естественной убылью населения России миграция, по меньшей мере, до середины века станет почти единственным источником пополнения трудовых ресурсов страны. Миграция, влияя на общую численность населения и на его социально-экономическую структуру, превращается в постоянную составляющую политического, социально-экономического и культурного развития общества, в одну из причин изменения самого типа общества [5, с.163].

Регулирование миграционного потока,

создание механизмов содействия интеграции мигрантов стало одним из основных направлений развития государственной политики. Так, в 2012 г. была утверждена «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года», которая рассматривает не только возможности развития законодательства в этой сфере, но и пути формирования конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом. Кроме того, реализация Концепции подразумевает обеспечение доступа приезжих к социальным, медицинским и образовательным услугам; противодействие социальной исключенности мигрантов [1].

Термин «социокультурная адаптация» определяется как процесс и результат активного приспособления этнических групп к условиям другой социокультурной среды.

Основные проблемы социокультурной адаптации мигрантов можно обозначить следующим образом:

- 1) проблемы в правовом и экономическом поле;
- 2) проблемы в культурно-коммуникативном пространстве;
- 3) проблемы физиологической адаптации.

Как известно, проблемы социокультурной адаптации стали одной из важнейших тем российских социологических исследований. На основе показателя адаптации исследуются и анализируются самые актуальные общественные проблемы, включая прогнозирование и оценку успешности социально-экономического реформирования современного российского государства [2, с.352].

На решение проблем адаптации мигрантов направлена деятельность национально-культурных объединений. Они обладают большими возможностями для того, чтобы совместно с органами власти выступать своеобразными социальными регуляторами в целях успешной адаптации мигрантов в местное сообщество.

Участие национально-культурной организации в решении проблем мигрантов происходит посредством обращения в соответствующие государственные структуры и общественные организации. Наиболее распространенные мотивы обращения связаны с необходимостью оформить вид на жительство, паспорт, гражданство, т.е. получить право быть «включенным» в общество. Поэтому обращение к национально-культурной организации является одним из

возможных путей решения проблем, с которыми сталкиваются как вновь прибывшие мигранты, так и представители этнического сообщества, проживающие в регионе долгое время.

Успешным примером региональной миграционной и интеграционной политики в России является Санкт-Петербург. В настоящее время в городе зарегистрировано более 130 национально-культурных объединений. Текущее взаимодействие с ними осуществляет СПб ГКУ «Санкт-Петербургский Дом национальностей» [3, с.124].

Особое внимание необходимо уделить деятельности Региональной общественной организации «Санкт-Петербургское узбекское землячество «Туран», которая относится к крупнейшим национально-культурным объединениям города. К приоритетным направлениям ее деятельности относятся: сохранение и развитие этнической культуры, культурно-просветительская деятельность, гармонизация межэтнических отношений, содействие межрелигиозному диалогу, а также осуществление деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и мигрантов.

Весь путь легализации обратившихся граждан в РОО «Туран» проходит поэтапно. Первый этап – это постановка на временный учет. Второй этап – подготовка всех требуемых документов для получения разрешения на работу, а это первоначально поиск и подбор будущей работы. Обязательным требованием является наличие у работодателя разрешения на привлечение иностранной силы. Так как только при наличии этих условий трудовому мигранту можно будет оформиться и приступить к работе. И это станет гарантией того, что будут соблюдены все его права и нормы КЗОТа РФ. А далее после трудоустройства работнику оформляется временная регистрация на весь срок работы, оговоренный условиями договора.

В целях изучения роли национально-культурных объединений Санкт-Петербурга в процессе социальной адаптации мигрантов на базе СПб ГУ «Санкт-Петербургский Дом национальностей» было проведено анкетирование среди 42 мигрантов, представляющих различные национально-культурные объединения города.

По данным анкетирования значительная часть опрошенных отмечает трудности в отношениях с коренным населением (73%).

При этом 65% среди опрошенных готовы активно взаимодействовать с местными жителями. Также нужно отметить, что большая часть опрошенных считает, что работа этнокультурных центров в области

адаптации является достаточно эффективной (59%), а меры Правительства Петербурга по гармонизации межэтнических отношений положительно влияют на общую ситуацию (62%), см. диаграмму 1, 2.

Диаграмма 1. - Оценка мигрантами эффективности деятельности национально-культурных объединений

Диаграмма 2. - Оценка мигрантами отношений с местными жителями (г. Санкт-Петербург)

Данные исследования показывают, что значительная часть опрошенных положительно оценивает деятельность этнокультурных центров и готова к более тесному диалогу с местным населением, несмотря на возникающие трудности.

На основе проведенного анализа можно сделать следующий вывод: одним из важнейших каналов адаптации мигрантов в местное сообщество являются национально-

культурные объединения групп мигрантов, создание которых призвано служить гармонизации межнациональных отношений, а также сохранению языка, обычаев и традиций своего народа, а также культурных связей мигрантов со своей исторической родиной. Однако круг задач национально-культурных объединений не ограничивается только культурно-языковой деятельностью, он намного шире. Одним из приоритетных

направлений их деятельности является правовой, экономическая и социальная защита своих членов, что способствует более успешной адаптации мигрантов в местное сообщество. В процессе своей деятельности национально-культурные общественные объединения осуществляют взаимодействия с представителями своей этнической группы, другими национальными объединениями, институтами власти, что зачастую способствует профилактике межнациональных конфликтов. Органы государственной власти и национально-культурных объединений должны иметь общую цель – укрепление государственности, что подразумевает необходимость плодотворной совместной работы.

Деятельность этнических общественных объединений в системе национальной безопасности страны будет положительной, если данные организации будут участвовать в реализации программ федерального, регионального и муниципального уровней, а также решении значимых задач в области межнациональных отношений, профилактики и разрешении межэтнических конфликтов. Например, участие в межгосударственном и межрегиональном сотрудничестве, а также в переговорном процессе являются эффективными мероприятиями по

предотвращению и урегулированию напряжённости в межэтнических отношениях.

Деятельность национально-культурных объединений должна охватывать как можно большее количество проживающих в городе представителей тех или иных национальностей. В свою очередь, представителям власти необходимо стимулировать национально-культурные объединения в целях предотвращения угроз национальной безопасности. Например, можно инициировать проведение межнациональных фестивалей и праздников. Таким образом, органы государственной власти, объединяя диаспоры, регулирует их отношения с другими общественными организациями и объединениями, способствуя тем самым гражданскому миру и согласию. Определяя роль этнокультурных центров, необходимо отметить, что они имеют огромный потенциал для предотвращения социальных конфликтов и гармонизации межэтнических отношений.

Использование положительного опыта национально-культурных объединений позволит успешнее реализовывать национальную и миграционную политику каждого субъекта РФ, способствуя развитию толерантности и укреплению национальной безопасности страны, в целом.

Литература:

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ) [Электронный ресурс] / Официальные сетевые ресурсы Президента России (13 июня 2012 года). – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/15635>

2. Гриценко В.В. Некоторые социально-психологические особенности мигрантов из стран нового зарубежья / В.В. Гриценко // Русские в новом зарубежье: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России. – М., 1997. – С. 346-363.

3. Розанова М. Проблемы интеграционной политики в современном мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) / М. Розанова. – М.: Деан, 2010. – 272 с.

4. Юдина Т.Н. Модели миграционных процессов в условиях глобализации / Т.Н. Юдина // Социальная политика и социология. – 2003. – № 4(20). – С. 157-168.

5. Юдина Т.Н. Социология миграции: учебное пособие для ВУЗов / Т.Н. Юдина. – М.: Академический Проект, 2006. – 272 с.

Сведения об авторах:

Фатхуллин Юрий Альбертович (г. Санкт-Петербург, Россия), магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, e-mail: fatjurik@mail.ru

Маргулян Яков Аронович (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор социологических наук, профессор, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Data about the authors:

Y. Fatkhullin (St. Petersburg, Russia), 1st year master student, St. Petersburg State University of Economics, e-mail: fatjurik@mail.ru

J. Margulyan (St. Petersburg, Russia), doctor of sociology, full professor, educator, St. Petersburg State University of Economics.

УДК 140.8

ПАТРИОТИЗМ КАК СОЗИДАЮЩАЯ ИДЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Ореховская, А.В. Ореховский

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа различных подходов к проблеме патриотизма как объединяющей идеи российского общества. Сделан вывод о необходимости противостояния экстремизму через патриотическое воспитание в школах и вузах, которое призвано формировать у молодых людей открытость к другим культурам, способность ценить свободу личности, способность предупреждать конфликты или разрешать их ненасильственными средствами, уважение человеческого достоинства и индивидуальности.

Ключевые слова: патриотизм, массовое сознание, национальная идея, идеология.

PATRIOTISM AS THE CREATIVE IDEOLOGY OF RUSSIAN SOCIETY

N. Orekhovskaya, A. Orekhovskiy

Abstract. The author makes an attempt to analyze various approaches to the issue of patriotism as to the uniting idea of Russian society. The author mentions the necessity of combatting the extremism through patriotic education in schools and universities, which is destined to develop youngsters' tolerance towards others cultures, the ability to appreciate the individual freedom, respect human dignity and individuality, prevent conflicts or eliminate them in a non-violent way.

Keywords: patriotism, mass consciousness, national idea, ideology.

*Настоящий патриотизм <...> не уживается
с неприязнью к отдельным народностям
Николай Добролюбов*

Исторический генезис развития государств показывает, что в период ломки общественно-экономических формаций происходит разрушение старых форм духовного производства; меняются нравственные ориентиры в реформируемом обществе. Но неизменным при этом остается главное: в условиях идеологической, политической и социальной нестабильности, нарастания «внутренних» и «внешних» угроз национальной безопасности государства усиливается активность патриотических настроений, которые могут проявляться и в искаженной форме. Именно патриотические ценности помогают народным массам не растеряться и найти в них «фундамент» гражданской консолидации.

В разные исторические эпохи главы государств в зависимости от поставленных целей использовали патриотические настроения молодежи, наполняя их нужным в конкретном случае идеологическим содержанием [4]. Так, любовь к своей Родине, к народу, к государству можно рассматривать через призму этнических, классовых, гражданских или общегосударственных позиций. Таким образом, следует отметить то, что патриотизм может быть средством манипуляции массовым сознанием как со

стороны государственного чиновничества, так и со стороны национальных, религиозных, региональных или политических элит. Поэтому в современной общественно-политической жизни патриотизм - одно из самых многогранных понятий. Так что же понимается под патриотизмом?

Если рассматривать идеологическое содержание патриотизма, то оно будет включать государственный патриотизм и гражданский патриотизм.

Государственный патриотизм при идеологическом подходе к патриотическим ценностям рассматривается как стержень, необходимое условие государственности. Главной идеей здесь является возрождение России как великой Державы. Следовательно, государство рассматривается как объект патриотизма. В данном случае патриотические ценности предполагают наличие у граждан и молодежи, в том числе, общего интереса, всеобщей цели, отношения к государству как к величайшей ценности «объединителя народов» и, конечно, чувства любви и ответственности за судьбу Отечества. Однако в современных сложных условиях социально-экономического и духовно-нравственного развития воспитание молодежи в духе государственного патриотизма становится почти непосильной

задачей. В качестве примера можно привести данные опроса Левада-Центра: четверть опрошенных (25%) считают, что государство по большей части или совершенно не выполняет свои обязанности перед гражданами России [8]. Однако, в одном из последних интервью изданию The Village директор «Левада-Центра» Лев Гудков отметил: «Мощная антизападная пропаганда началась даже не в связи с Крымом, а после массовых протестов 2011 – 2012 гг. Её целью было дискредитировать протестное движение в обществе <...> Пропаганда перевела внимание на мифологическое противостояние России и остального мира, ощущение, что на нас все нападают, а мы встаём с колен и сопротивляемся. Это ощущение напора вывело за скобки все претензии к власти, всю проблематику повседневной жизни и наступающего экономического кризиса, а также резко повысило градус самоуважения людей – «Вот мы какие!». Ощущение национальной бравады искусственно поддерживалось благодаря тому, что один мифологический враг сменялся другим» [9]. Абсолютно ясно, что постоянный поиск «врагов» – это не выход из сложившегося положения и не может продолжаться до бесконечности. Необходима более мощная идейная сила, способная объединить граждан России.

Гражданский патриотизм по идеологическому содержанию является как бы продолжением государственного. В основе гражданского патриотизма лежат: любовь к родному краю, своему отчужденному дому, народу, гордость за историческое прошлое своей страны, приверженность и уважение к традициям народа.

По данным Левада-Центра, 68% россиян считают, что патриотизм – это любовь к своей стране. По мнению 27% опрошенных, «быть патриотом» означает работу (действие) во благо страны; 22% респондентов отметили, что патриот должен стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее. Граждане с высшим образованием несколько чаще выбирали эти два варианта ответов. В большинстве случаев, молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет видят суть патриотизма в любви к стране и не связывают его с проявлением активной позиции: лишь для 19% патриотизм означает работу во благо страны, а для 18% – стремление к изменению положения дел в стране [9].

Патриотизм зачастую понимается респондентами как проявление чувства гордости за свою страну. Как показал опрос, россияне большей частью гордятся природными богатствами России (38,5%), историей (37,8%), спортивными достижениями (28,9%), культурой (28,5%), размерами страны (28%). Довольно небольшое число россиян испытывает чувство гордости за достижения в социальной и экономической сферах: лишь 2% опрошенных отметили, что гордятся системой здравоохранения, 5,2% гордятся системой образования, 5,4% – экономическими успехами. Еще один тревожный показатель – только 7,9% россиян гордятся своими согражданами [9].

Еще одним элементом проявления гражданского патриотизма у всех народов, населяющих Россию, можно назвать культ героев, их общественное почитание [5,6]. Самой яркой иллюстрацией этого, на наш взгляд, может служить отношение россиян к празднованию Дня Победы. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), представляя данные опроса, отмечает, что, по мнению россиян, Парады Победы в стране, в первую очередь, должны напоминать о подвиге народа в войне 1941 – 1945 гг. – в этом убежден каждый второй россиянин (47%). Торжественные шествия 9 мая также являются способом отдать дань памяти павшим в войне (15%), поздравить ныне здравствующих ветеранов (12%), элементом патриотического воспитания молодежи (11%) и т.д. Проводятся они, в первую очередь, для ветеранов (46%), во вторую – для подрастающего поколения (30%). Лишь немногие считают главными зрителями Парада Победы руководство нашей страны (5%) или же глав иностранных государств (3%) [10].

На наш взгляд, в современных условиях, сложившихся в России, государственный и гражданский патриотизм – это две стороны одной медали.

Как мы уже отмечали выше, в современных политических и экономических условиях, сложившихся вокруг России, стране необходима идея, которая должна стать консолидирующей основой массового сознания россиян. Эта идея должна безоговорочно восприниматься гражданами независимо от их возраста и социального статуса, места жительства и материального положения.

Позицию автора разделяет Зиновьев А.А. в статье «Философия как часть идеологии», он

утверждает: «Исключительность нынешней ситуации для России заключается в том, что она не может сохраниться в качестве исторически значимой величины, если не сумеет выработать идеологию, сопоставимую по эффективности с той, которая имела место в советские годы. Такая идеология не может быть религиозной – в XXI веке удержаться на высотах эволюции со средневековой религиозной идеологией также возможно, как на телеге лететь в космос» [2, с.20].

Такой идеей должна стать идея патриотизма. Это и убеждение Президента России, заявление об этом прозвучало на встрече с бизнесменами, входящими в Клуб лидеров: «Страну должны объединить любовь к родине и стремление сделать свою жизнь лучше» [11].

Анализируя возможность создания «такой идеологии», Зиновьев А.А. обозначает условия, т.е. способ проявления идеологической сферы. Дело в том, что идеи (учения) сами собой не распространяются и не заползают в головы миллионов людей, для этого требуется множество профессионально подготовленных людей, нужна система учреждений и организаций из таких людей, образующих идеологический механизм общества [2]. Ныне существующий идеологический механизм не заинтересован в выработке учения, о котором идет речь, и располагает достаточными силами, чтобы помешать его появлению и распространению. Но перспективы у этих сил нет. Российское общество постепенно выздоравливает, и люди, понимая идеологизированность социальных процессов, в целом, приходят к пониманию того, что противопоставить как внутренним, так и внешним угрозам, о которых говорилось выше, можно только новую идеологию, которая способна объединять, направлять общественные силы на созидание. В этом плане, даже принимая принципиальное положение о том, что наука и религия имеют совершенно разную основу: знание – в первом случае, и веру – во втором, мы всегда объединяемся в борьбе за высокие нравственные идеалы, культурные и духовные ценности, которые являются базисными элементами идеологии патриотизма.

«Именно идеология патриотизма должна быть положена в основу государственной идеологии, которая полностью отвечает национальным интересам страны, обеспечивая могущество России» [7, с.406] – отмечает Р.Г. Яновский в своей монографии «Патриотизм: о смысле созидательного служения человеку,

народам России и Отечеству». Автор внес значительный вклад в область определения патриотизма как ядра объединяющей идеологии и среде ее формирования. Он обосновал совокупность ключевых категорий, которые «складывают» социологическую теорию новой идеологии России в этой группе: гуманизация, общественный долг, научное мировоззрение, интеллигентность, а также, впервые в общественной науке рассмотрел феномены «культура патриотизма», «идеология патриотизма».

Сущность идеологии патриотизма, – отмечает Р.Г. Яновский, – «составляет система взглядов, норм, ценностей основной массы населения, доказывающих свою любовь к Родине, преданность России, Отечеству» [7, с.410]. Современная динамика социально-экономического развития показывает, что идеи патриотизма – это не только продолжение национальных традиций, культуры, истории, а также достижений в различных сферах деятельности. Патриотическую идею рождает практика бытия, в этом смысле она – сотворение повседневной жизни.

По мнению главы государства, для внедрения национальной идеи недостаточно, чтобы президент или еще кто-либо об этом один раз сказал: «Для этого нужно сознание, и постоянно об этом нужно говорить на всех уровнях, постоянно» [11].

К сожалению, последние двадцать лет это самое бытие не прибавило патриотизма, а лишь истощило его. В самостоятельную жизнь вошло новое поколение, те, кто родились в 90-х годах. В это не хочется верить, но мы на пороге очередного исхода интеллектуального ресурса в России. Об этом говорят общеизвестные показатели в области образования, культуры и в других сферах.

Примером «взгляда изнутри» может являться оценка студенчеством своего культурного уровня. По результатам исследований А.С. Андреева [1], подавляющее число респондентов оценивает свой культурный уровень как высокий (77,5%), причем, четверть опрошенных на вопрос «Считаете ли Вы себя культурным человеком?» уверенно отвечают «да», а более половины – «скорее да, чем нет». Вместе с тем, почти 80% молодых респондентов, отвечая на вопрос не о себе лично, а о молодежи в целом, полагают, что «молодежь мало интересуется нашей историей и культурой, и в большей степени ориентирована на западные ценности»; почти 70% полагают, что «для

современной молодежи характерны цинизм и равнодушие к идеалам» [1].

Исторические знания многих вчерашних школьников носят разрозненный, эпизодический характер. Студенты с большим трудом могут сопоставить события, происходившие в одно и то же время в России и других странах; выделить причинно-следственные связи, проанализировать и выделить последствия различных исторических фактов. Непонимание важности этих знаний, может говорить только о близорукости, потому что несформированность системы исторического знания является очень опасной тенденцией в процессе формирования личности молодого человека. У него не только не развивается аналитическое и стратегическое мышление, так необходимое каждому, кто видит себя успешным человеком и высоким профессионалом своего дела, но главное, у молодого человека происходит трансформация ценностных ориентаций. В этом случае при любом социальном или политическом потрясении можно с высокой долей уверенности прогнозировать вспышку агрессии и интолерантного поведения. На практике это выражается, например, в исчерпывающем переводе в массовом сознании людей понятия патриотизма из нравственно-гуманитарной сферы в сферу национализма и экстремизма, в превращении патриотизма в разменную карту политической борьбы, что чревато расколом общества, обострением конфронтации [3].

В современной педагогической деятельности образование должно быть ориентированно на формирование у подрастающего поколения патриотизма. Эта идея начинает осмысливаться в контексте целевых ориентиров общества, причем усиление могущества страны трактуется как один из важнейших целевых результатов действия образовательной системы, который достигается через воспитание патриотизма у молодых граждан российского общества начала третьего тысячелетия, способных по уровню своей жизни и профессионализма решать насущные проблемы страны.

Особо подчеркнем, что основные характеристики экстремизма прямо противоположны патриотическим принципам. Например, если экстремистская деятельность включает пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан в зависимости от их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, то принципы патриотического

воспитания исходят из того, что люди, различаясь по своей природе, внешнему виду, положению, языку, поведению и ценностям, обладают нерушимым правом сохранять свою индивидуальность, одинаково пользоваться универсальными правами и основными свободами человека.

В результате экстремистской деятельности в массовом сознании вызревает культ силы, не ведающий милосердия, не знающий ни правовых, ни нравственных ограничений, развращающий души беспощадной вседозволенностью. Не поэтому ли часто зло выглядит привлекательным, и, так называемые, отрицательные герои в литературе, кино и компьютерных играх оказываются достовернее и ярче положительных. А ведь засилие зла в искусстве провоцирует зло в реальной жизни.

Причины возникновения экстремистского поведения мы связываем также с процессами миграции, волна которой захлестнула европейские государства.

Необходимо особенно выделить духовно-нравственное направление патриотического воспитания, которое состоит в осознании личностью высших ценностей, идеалов и ориентиров, социально значимых процессов и явлений реальной жизни, способность руководствоваться ими в качестве определяющих принципов, позиций в практической деятельности и поведении. Оно включает развитие высокой культуры и образованности, осознание идеи, во имя которой проявляется готовность к достойному служению Отечеству, формирование высоконравственных, профессионально-этических норм поведения, ответственности и коллективизма, воспитание важнейших духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, отражающих специфику формирования и развития нашего общества и государства, национального самосознания, образа жизни, миропонимания и судьбы россиян. Оно включает беззаветную любовь и преданность своему Отечеству, гордость за принадлежность к великому народу, к его свершениям, испытаниям и проблемам, почитание национальных святынь и символов, готовность к достойному и самоотверженному служению обществу и государству.

К сожалению, современная эпоха не излучает патриотизма. Этому много причин: провал экономики, упадок науки, кризис армии – оплота патриотической сущности России. Патриотизм – это материализация гордости, личности и нации в целом. Опорой

патриотизма во все времена была элита общества, которую творили не деньги, а выдающиеся достижения ее труда.

Таким образом, можно видеть разные подходы к пониманию противостояния экстремизму и объединяющей национальной идеи, а также методы ее реализации. Но единство взглядов состоит в том, что базисной идеей является патриотизм. Патриотизм вступает нравственной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве мобилизационного ресурса развития

общества, его цементирующей основой. Патриотизм – это верность отцу и матери, верность роду и Отечеству, это правдивость и нежность, доброта и бесстрашие, которое всегда вместе, ибо сострадание есть отвага души. Значит, патриотизм – это преданность всем своим истокам. Патриотизм есть то, что не имеет специализации, не прикладывается к диплому, не тем более, к должности. Патриотизм есть достоинство и совесть, ибо он морально-психологическое здоровье общества.

Литература:

1. Андреев А.Л. Культурные предпочтения современного российского студенчества / А.Л. Андреев // Мониторинг общественного мнения. – 2008. – № 2(86). – С. 107-117.

2. Зиновьев А.А. Философия как часть идеологии / А.А. Зиновьев // Государственная служба. – 2002. – № 3. – С. 20.

3. Ореховская Н.А. Об общей культуре первокурсника технического вуза / Н.А. Ореховская // Высшее образование в России. – 2014. – № 3. – С. 135-139.

4. Ореховская Н.А. Толерантность массового сознания молодежи как фактор социально-политической стабильности российского общества / Н.А. Ореховская // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3. – С. 145-150.

5. Ореховская Н.А. Массовый героизм в Великой Отечественной войне как феномен массового сознания многонационального советского народа / Н.А. Ореховская // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные

науки. – 2011. – № 4(96). – С. 256-261.

6. Ореховская Н.А. Национальная стойкость – определяющее качество массового сознания россиян / Н.А. Ореховская // Социология власти. – 2009. – № 5. – С. 103-108.

7. Яновский Р.Г. Патриотизм: О смысле созидającego служения человеку, народу России, Отечеству / Р.Г. Яновский. – М., 2004. – С. 406.

8. Hantington S. Robust nationalism // The Nationally Interest. Wash., Winter 1999/2000/ Issue 58.

9. Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/>

10. Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115233>.

11. Владимир Путин о патриотизме как о национальной идее [Электронный ресурс] / Путеводитель в мире информации. – Режим доступа: http://informatio.ru/news/society/vladimir_put_in_o_patriotizme_kak

Сведения об авторах:

Ореховская Наталья Анатольевна (г. Москва, Россия), доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии, проректор по научно-исследовательской работе Московского государственного гуманитарно-экономического университета, e-mail: orehovskaya@yandex.ru

Ореховский Анатолий Васильевич (г. Москва, Россия), кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии, заместитель декана факультета Социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Data about the authors:

N. Orekhovskaya (Moscow, Russia), doctor of education, docent, professor at the Department of Sociology, vice principal for research work of Moscow State University of Humanities and Economics, e-mail: orehovskaya@yandex.ru

A. Orekhovskiy (Moscow, Russia), candidate of pedagogical sciences, docent, associate professor at the Department of Political Sciences, deputy dean of the Faculty of Social Sciences and Humanities of Bauman Moscow State Technical University.

УДК 316

ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЯН

Т.Г. Чекменёва, А.А. Прибытков

Аннотация. В статье рассматривается такая важная составляющая национальной идентичности как историческое самосознание. Авторы отмечают, что в исторической памяти людей накапливаются представления о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и ярких достижениях страны. Эти представления играют роль ценностных ориентиров, способствуют укреплению гражданского самосознания и патриотизма. Вместе с тем, необходимо признать и принять ошибки и заблуждения, потери и поражения. Авторы считают, что именно на отношении к своей истории основывается становление и укрепление гражданской идентичности народа.

Ключевые слова: историческое самосознание, национальная идентичность, историческая память, советская эпоха, Великая Отечественная война.

HISTORICAL CONSCIOUSNESS AND NATIONAL IDENTITY OF RUSSIANS

T. Chekmenyova, A. Pribytkov

Abstract. The article deals with such important component of national identity as historical identity. The authors note that the historical memory of people accumulates ideas about the heroic events of Russian history, prominent figures and bright achievements of the country. These representations play the role of value marks, contribute to the strengthening of civic consciousness and patriotism. However, it is necessary to recognize and accept errors and delusions, loss and defeat. The authors think that the formation and strengthening of the civic identity of the people are based on the attitude towards the history.

Keywords: historical consciousness, national identity, historical memory, Soviet era, the Great Patriotic War.

Важнейшим условием и ресурсом развития современного общества, в том числе развития инновационных практик в политической, экономической, культурно-духовной и технических сферах, является национальная идентичность. Национальная идентичность включает такие компоненты, как национальное самосознание и мировосприятие, национальный характер и менталитет, историческая память, представления о культурно-цивилизационной принадлежности и т.д.

По словам К.С. Гаджиева, наследие прошлого во многом определяет то, к чему стремится и чего добивается тот или иной народ, как он определяет и оценивает свое место и миссию в мире. Через свою историю народ обретает специфический портрет, неповторимый образ, и, соответственно, понимание идентичности достигается только через проникновение в историческое прошлое [1, с.16].

Ни одному народу не дано убежать от своей истории и существовать вне ее. Историческая память, являясь интеллектуальным и эмоциональным отражением событий минувших веков, обращена вместе с этим к опыту текущей жизни и будущему народа, страны, государства. Необходимо понимать, что история страны непрерывна. Отношение к разным периодам национальной истории может быть разным. Необходимо не только знание истории и

современности своей страны, того, что составляет ее славу и гордость, что гарантирует достойное будущее государству и его гражданам, но и признание ошибок и заблуждений, потерь и поражений. Историю свою надо уважать, какими бы трагическими ни были ее страницы. По словам научного сотрудника Левада-Центра Б. Дубина, в современной России востребован победный, триумфальный взгляд на историю, который должен восполнить, «перекрыть» негативные эффекты 90-х годов, экономических событий тех лет, двух чеченских войн и т.д. [8]. Как показало социологическое исследование, политический идеал у студентов ведущих московских вузов локализован в советском прошлом; они негативно воспринимают современные реалии России, особенно отсутствие идеалов и ориентиров, которые были у старшего поколения [3, с.116-117].

Современные россияне гордятся достижениями советской эпохи, которая все более удаляется в прошлое. Прежде всего, Победой в Великой Отечественной войне (67%). Еще у 61% опрошенных гордость вызывает восстановление страны после Великой Отечественной войны. Более половины (56%) опрошенных гордятся российскими поэтами, писателями, композиторами. В «пятерку» достижений вошли успехи советской

космонавтики (54%) и полет в космос Ю.А. Гагарина (42%) [6, с.10].

К передовому наследию прошлого россияне относят те достижения (на разных этапах его истории), которые имеют общемировую значимость, а не внутрirosсийский масштаб. Например, освобождение крестьян от крепостной зависимости вызывает гордость у 6% россиян, Октябрьская революция и установление советской власти – у 7%. Выдающиеся цари и императрицы вызывают гордость у 10% и 11% россиян соответственно. Подвиги православных мучеников и святых вызывают гордость лишь у 6% опрошенных [6, с.10].

Период гласности вызывает гордость лишь у 3%. 14% россиян считают одним из значительных достижений прошлого ликвидацию «железного занавеса» между Россией и остальным миром, что способствовало интеграции постсоветского общества в общемировое пространство [6, с.10].

Как выяснилось в ходе опроса, проведенного ВЦИОМ, отношение россиян к Первому президенту России и событиям 90-х ухудшается. Доля опрошенных, называющих Б. Ельцина виновником кризиса, в котором оказалась Россия в 90-е годы, выросла с 36% (2007 год) до 50% (начало 2016 года) [4].

Несмотря на то, что оценка тех или иных периодов и явлений Отечественной истории у разных поколений россиян практически совпадает, тем не менее наблюдается поколенческая специфика социально-исторического миропонимания. Так, представители старшего поколения активнее выделяют Октябрьскую революцию 1917 г. в числе значимых событий. Для представителей молодежи, например, российская культура по своему значению выше событий Великой Отечественной войны (62% и 54% соответственно) [6, с.10]. Тем не менее, историческая память о событиях Великой Отечественной войны есть и остается непререкаемой нравственной ценностью и духовным капиталом России. Как отмечал глава Левада-Центра Л. Гудков, победу СССР в Великой Отечественной войне граждане расценивают как главное событие и опорный символ постсоветской идентичности [7].

Вместе с тем, чем дальше во времени уходят от нас трагические события Второй мировой войны, чем меньше рядом с нами остается ее участников и свидетелей, тем больше усилий требуется для поддержания в последующих поколениях понимания той трагедии, через которую прошел мир. Источников информации

становится все больше, а вопрос доверия к ним встает все острее. Так, несмотря на наличие множества свидетельств, иногда ставится под сомнение такой исторический факт, как Холокост. Не в силах полностью опровергнуть реальность этих событий, авторы «альтернативных теорий» фальсифицируют незначительные исторические свидетельства, например, отдельные документы, цифры или фотографии, стремясь заронить зерно сомнения в их правдивости.

Безусловно, искаженные, сфальсифицированные оценки и выводы способны нанести урон идейно-нравственному воспитанию молодежи. Так, неприемлемым выглядит заявление главы МИД Польши Г. Схетына, что концлагерь «Аушвиц-Биркенау» в Освенциме освобождали украинские солдаты, тогда как данная операция проводилась силами Первого украинского фронта. Эти высказывания вызвали волну возмущения не только в России, но и на Западе. Министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил, что кощунственно и цинично пытаться в этой ситуации играть на националистических чувствах. В российском МИД также отмечали, что Освенцим освобождали войска Красной армии, в составе которых героически сражались люди всех национальностей, и это общеизвестно [2].

Президент РФ В.В. Путин 26 января 2015 г. в обращении к участникам Мемориального вечера-реквиема, посвященного 70-летию освобождения Красной армией узников концлагеря Аушвиц (Освенцим) и Международному дню памяти жертв Холокоста, отметил, что любые попытки пересмотреть вклад нашей страны в Великую Победу равнозначны оправданию преступлений нацизма, открывают путь возрождения его смертоносной идеологии: «Забвение уроков нашего общего прошлого может привести к повторению этих страшных трагедий. И потому мы обязаны защитить правду о событиях Второй мировой войны, отстоять подвиг, достоинство, доброе имя живых и павших» [5].

В заключение следует отметить, что память о прошлом является важным фактором сохранения национальной идентичности, поскольку она во многом формирует сознание человека, коллектива, общества, способствует пониманию их собственной идентификации, определяет видение и оценку себя и окружающего мира на основе сформировавшихся в течение многих поколений, веков, а то и тысячелетий национальных мифов, символов, стереотипов поведения и т.д.

Литература:

1. Гаджиев К.С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России / К.С. Гаджиев. – М.: Логос, 2013. – 408 с.
2. Глава МИД Польши заявил, что Освенцим освобождали украинцы [Электронный ресурс] // РИА Новости от 14.07.2014. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150202/1045477992.html#ixzz3Qc33N8J3>
3. Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ СССР в современной России в представлениях студенческой молодежи / В.А. Касамара, А.А. Сорокина // Общественные науки и современность. – 2014. – № 1. – С. 107-117.
4. Политов Ю. Россияне рассказали об отношении к «эпохе Ельцина» [Электронный ресурс] / Ю. Политов // Российская газета от 29.01.2016. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2016/01/29/epoha-site.html>
5. Путин: мы обязаны защитить правду о событиях Второй мировой войны [Электронный ресурс] / РИА Новости от 26.01.2015. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150126/1044370522.html#ixzz3PwhQMfJ6>
6. Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический доклад. Ч.3 / Рабочая группа Института социологии РАН (Историческое самосознание и национальный менталитет россиян. Социокультурные аспекты европейской идентичности россиян) // Полис. – 2008. – №3. – С. 8-28.
7. Самарина А., Цветкова Р. Патриотизм по указу. Президент создал экспертную комиссию по выявлению фальсификаторов истории [Электронный ресурс] / Независимая Газета от 20.05.2009. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/2009-05-22/1_patriotizm.html
8. Социолог Борис Дубин – об отношении россиян к истории [Электронный ресурс] / Радио Свобода от 04.05.2010. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/2031853.html>

Сведения об авторах:

Чекменёва Татьяна Геннадьевна (г. Воронеж, Россия), кандидат политических наук, доцент кафедры истории и политологии Воронежского государственного технического университета, e-mail: politehist@mail.ru

Прибытков Алексей Александрович (г. Воронеж, Россия), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Воронежского государственного технического университета.

Data about the authors:

T. Chekmenyova (Voronezh, Russia), candidate of political sciences, associate professor at the Department of History and Political Science at Voronezh State Technical University, e-mail: politehist@mail.ru

A. Pribytkov (Voronezh, Russia), candidate of historical sciences, associate professor at the Department of History and Political Science at Voronezh State Technical University.

УДК 37.035.6

ПАТРИОТИЗМ: СТАРОЕ И НОВОЕ В КОНСОЛИДИРУЮЩЕЙ ИДЕЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКОГО НАРОДА

С.Н. Богатырева

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации общественного сознания россиян, вызванной социально-экономическими и политическими преобразованиями конца XX – начала XXI вв. Автор обосновывает необходимость укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации путем создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России. В статье рассматриваются возможные способы консолидации российского общества в период кардинальных изменений экономического и социально-политического мироустройства через развитие общероссийского патриотизма и идею национального согласия.

Ключевые слова: национальная идея, патриотизм, патриотическое сознание, патриотическое воспитание, Великая Отечественная война.

PATRIOTISM: OLD AND NEW ITEMS IN THE CONSOLIDATING IDEA OF UNIFICATION OF THE RUSSIAN PEOPLE

S. Bogatyreva

Abstract. The paper analyzes the transformation of the Russian public consciousness related to socio-economic and political transformations of the Russian society of the late XXth – early XXIth centuries. The author proves the necessity of strengthening the spiritual unity of the multinational people of the Russian Federation through a system of spiritual and patriotic education of Russian citizens. The article discusses possible ways to consolidate Russian society during the dramatic changes in the economic and socio-political world order through the development of the all-Russian patriotism and the idea of national reconciliation.

Keywords: national idea, patriotism, patriotic consciousness, patriotic education, the Great Patriotic War.

Новый исторический виток развития России, связанный со стремлением к самоидентификации в окружающем глобализированном мире, поисками решений проблем в различных сферах жизни общества, требует построения новой модели российской государственности с опорой на мощный культурно-цивилизационный фундамент и огромный духовно-нравственный потенциал, накопленные за всю историю существования государства.

В рамках данной статьи впервые предпринята попытка выявления общих закономерностей относительно того, что при осмыслении феномена общероссийского патриотизма целесообразно принимать во внимание такие факторы, как своеобразие исторической эпохи, доминирующие в определенный период развития российского общества ценностные ориентации, принадлежность к определенной культуре со свойственной ей системой ценностей. Для самоидентификации россиян, основанной, прежде всего, на почвенных ценностях, характерны такие черты национального бытия, как коллективизм, солидарность, всеединство. К традиционным ценностям христианского мировидения русского народа относятся и патриотизм, требующий новых вариантов социально-философского объяснения сквозь

призму отечественных духовных традиций с целью сохранения и развития традиционных ценностей, национально-религиозных и светских патриотических настроений.

В опросе россиян «Что мы понимаем под истинным патриотизмом?», проведенном по всероссийской репрезентативной выборке на базе ВЦИОМ (2006 г.), респондентам предлагалось ответить на вопросы, нацеленные на выяснение отношения к патриотизму и установление критериев для отнесения тех или иных поступков и ситуаций к патриотическим и непатриотическим. Результаты опроса подтверждают, что патриотизм и любовь к Родине по-прежнему занимают одну из ведущих позиций в списке жизненных ценностей россиян. Представляется интересным тот факт, что, по общему мнению, патриотизм проявляется сегодня не столько в политической или идеологической сфере, не в форме политической борьбы или дискуссий, а скорее в области повседневных действий, повседневных межличностных взаимоотношений и практической деятельности.

Героическая и драматическая история России, ее величайшая культура, национальные традиции всегда были основой духовно-нравственного потенциала нашего народа, своеобразным стержнем общественного бытия.

Обеспечение духовно-нравственного единства общества, возрождение истинных духовных ценностей российского народа, упрочение единства и дружбы народов Российской Федерации является целью разработанной Правительством Российской Федерации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 – 2015 годы». Являясь продолжением ранее действовавших государственных программ в этой сфере, она сохраняет непрерывность процесса дальнейшего формирования патриотического сознания российских граждан как одного из факторов единения нации.

Действительно, преобразования российского общества сопровождаются глубокой трансформацией общественного сознания. Споры о том, нужна ли сегодня России национальная идея, какой должна быть новая консолидирующая идеология, не утихают и отражают разнообразие методологических и идеологических подходов. В последние годы поиск «национальной идеи», как правило, так или иначе, крутится вокруг основополагающих концептов русской культуры: русской «духовности» и «соборности»; идеи «мессианства» и надежды на особую «спасительную» роль русского народа в мире и т.п.

Отвечая на вопрос, может ли национальная идея быть навязанной народу сверху, большинство исследователей отвечают отрицательно и осуществляют поиск общезначимой национальной идеологии, не порывающей с уроками прошлого и учитывающей реалии настоящего времени [5, с.194].

На наш взгляд, единственным способом консолидации современного российского общества могла бы стать ясная формулировка общероссийской патриотической идеологии – некоего *надэтнического* концепта (или общенациональной идеи), охватывающего своим содержанием как материальные, так и духовные стороны жизнедеятельности общества.

В 2010 г. В.В. Путин на заседании Госсовета и Совета по национальным проектам назвал главную причину обострения межнациональных отношений в современном российском обществе – отсутствие у граждан «патриотического настроения», а также высказал идею о необходимости развития общероссийского патриотизма с целью создания обстановки *межэтнического* и *межконфессионального* мира в стране.

Представляется, что формулировка патриотической идеологии невозможна без понимания сущности общероссийского патриотического концепта. На наш взгляд, общероссийский патриотизм следует рассматривать с такими сопряженными с ним явлениями общественного сознания, как национализм, шовинизм, интернационализм и космополитизм, с одной стороны, и основа безопасности и развития России – с другой.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года сказано, что обеспечение национальной безопасности включает в себя укрепление духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России в качестве страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой: *создание системы духовного и патриотического воспитания граждан России; развитие разнообразия национальных культур, толерантности и самоуважения, а также развитие межнациональных и межрегиональных культурных связей* [4]. Главной составляющей Стратегии 2020, на наш взгляд, является *недопустимость пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, расовую, национальную и религиозную нетерпимость* [4].

Что касается будущей общероссийской патриотической концепции, она, как представляется, может и должна заполнить образовавшийся после распада СССР идеологический вакуум, сцементировав и объединив тем самым современное общество вокруг общезначимых для всех ценностей, способных стать жизненной позицией народа.

По мнению Президента Российской Федерации В.В. Путина, до сих пор так и не найден эквивалент тому, что было изобретено в Советском Союзе: «Советской власти удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межнациональными отношениями... Есть только одно, что может заменить то, что было в Советском Союзе. Это *общероссийский патриотизм*. Нужно, чтобы каждый человек гордился своей страной и понимал, что от успеха всей страны зависит успех каждого и наоборот».

За последние годы новейшей российской истории ни одна идеологическая ценность не подвергалась таким переосмыслениям, как патриотизм. Разумеется, речь не идет о возврате к прежнему содержанию идеологической доктрины и к прежним формам идеологического контроля. Государство остро почувствовало кризис, выразившийся в разрушении общественных связей; возник

своего рода социально-политический заказ на новую систему ценностей, способную консолидировать общество и укрепить безопасность страны.

Сегодня как никогда раньше особенно очевидны исторические параллели, когда уроки прошлого в полный рост встали перед всем мировым сообществом. В XX веке нежелание своевременно объединить усилия в борьбе с нацизмом было оплачено десятками миллионов жизней, самой кровавой мировой войной. Сегодня мы вновь лицом к лицу столкнулись с разрушительной, варварской идеологией и не имеем права допустить, чтобы «новоявленные мракобесы» добились своих целей (см. Послание Президента РФ Федеральному Собранию (3 декабря 2015 г.)). В.В. Путин особенно подчеркнул, что *«нужно отбросить все споры и расхождения, создать один мощный кулак, единый антитеррористический фронт, который будет действовать на основе международного права и под эгидой Организации Объединённых Наций»*.

Очевидно, что особая роль в противодействии ксенофобии, шовинизму, любому проявлению экстремизма отводится России и русскому народу. Ведь сущность мессианского национального сознания русского народа была сформулирована Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя»: «*Всякий великий народ должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, заключается спасение мира, что он живет на то, чтобы стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их в согласном хоре к окончательной цели, всем им предназначенной*» [1, с.117]. В понимании Ф.М. Достоевского именно в таком мессианском сознании изначально отсутствует национальная исключительность, поскольку призвание мессианского народа заключается в служении делу спасения всех народов, всего мира. Такая задача всеобщего спасения была поставлена величайшим писателем и философом перед русским народом, «народом-богоносцем».

На наш взгляд, высший смысл общероссийского патриотизма созвучен с пониманием русского патриотизма Н.Н. Бердяева и соотносим с мессианским предназначением России и русского народа: *«патриотизм великого народа должен быть верой в великую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишенный мировых перспектив»* [2, с.580].

Функция государства заключается в том, чтобы выявить эти основные ценности, аккумулировать в общенациональные интересы

и реализовывать их в своей практической политике. основополагающая идея может быть только национальной, так как влияние идей осуществляется на массы не непосредственно, а через духовный уклад народа, который включает в себя сеть общих традиций, идей, чувств, верований, способов мышления.

Таким образом, можно утверждать, что именно общенациональная идеология как система основополагающих ценностей, идей, целей и интересов, для всех народов, населяющих Россию, позволит обеспечить единство ценностных ориентаций как отдельного индивида, так и государства, интегрировать множество существующих социальных, конфессиональных, территориальных, этнических и иных групп в нечто целое и укреплять безопасность государства.

Как подчеркнул в Послании Федеральному Собранию (2015 г.) В.В. Путин, *сила России заключается в свободном развитии всех народов, в многообразии, гармонии культур, языков, традиций, во взаимном уважении, диалоге и православных, и мусульман, последователей иудаизма и буддизма*.

В настоящее время мы являемся свидетелями становления общей формулы национального согласия, формирования общероссийского патриотизма, пытаемся найти ответы на целый ряд вопросов: *«Что есть патриотизм?»*, *«Что он с собой принесет?»*, *«В чем его положительные и отрицательные характеристики?»*, *«Существуют ли на сегодняшний день какие-либо более или менее объективные способы выявления признаков и оснований для формирования общероссийского патриотизма?»* и др.

В этой связи представляется неоспоримым факт тождественности любви к родине и чувства патриотизма, на что обращал внимание И.А. Ильин. «Поэтому, - как утверждал философ, - жизненно-бытовая польза патриотизма заключается в том, что, поскольку любовь к Родине должна быть духовно оправдана и обоснована человеком, патриотизм» оказывается «неизбежным, целесообразным и жизненно-полезным...» [3, с.162]. Рассуждая о взаимообусловленности идеи родины и чувства патриотизма, И.А. Ильин показал не только их неизбежность и естественность в историческом развитии народов, не просто их государственное значение и их культурную продуктивность, но их религиозную священность. По И.А. Ильину, каждому народу свойственно принять свою природную и историческую «данность» и духовно проработать и одолеть ее, одухотворить

ее по-своему, пребывая в своем своеобразном национально-творческом акте. Это его неотъемлемое, естественное, священное право; и, в то же время, это его историческая, общечеловеческая и, что самое главное, религиозная обязанность» [3, с.183-189]. Такое слияние патриота с его родиной ведет к плодотворному отождествлению взаимных духовных энергий. В этом отождествлении духовная жизнь народа укрепляется всеми личными силами патриота, а патриот, в свою очередь, получает неиссякаемый источник творческой энергии во всенародном творческом подъеме. Именно это взаимное духовное питание и обогащение, многократно возвращаясь и удесятерив силы, дает человеку непоколебимую веру в его родину [3, с.192].

Чтобы ответить на вопрос, в каком соотношении находятся понятия «*русский, советский и общероссийский патриотизм*», необходимо обратиться к анализу содержания и разнице между *русским* и *советским патриотизмом*, выявленной послом А.Е. Богомоловым: «Последний шире первого, и его сущность заключается не только в любви к России, но и в принятии всех тех изменений, которые в ней произошли» [2, с.583]. Эти коренные изменения произошли в психологии и поведении большинства представителей прогрессивной русской эмиграции в годы Великой Отечественной войны.

Основным объектом патриотического воспитания является молодежь, поскольку именно с молодежью мы связываем настоящее и будущее нашей страны, ее будущие успехи в управлении государством, продвижении по пути демократии и строительства гражданского общества. Молодежь – это гарант экономической, политической и социальной стабильности России.

Система патриотического воспитания молодежи должна предусматривать формирование гражданской ответственности и развитие социально значимых ценностей и высокого патриотического сознания в процессе воспитания и обучения в образовательных учреждениях всех типов и видов.

Опыт решения проблем патриотического воспитания в Московском государственном гуманитарно-экономическом университете, уникальном высшем образовательном учреждении России, осуществляющем обучение студентов с нарушением опорно-двигательной системы по принципам инклюзивного образования, можно считать успешным по целому ряду факторов. Следует отметить, что в университете, в котором обучаются

представители самых разных национальностей России, а также студенты из стран ближнего зарубежья: Молдавии, Украины, Азербайджана, Белоруссии, Таджикистана, Кыргызстана, Туркмении и др., сложилась модель общения, основанная на гуманизме, толерантности, полном взаимопонимании и участии, проявляемом друг к другу; между студентами-инвалидами и не инвалидами; бережном и уважительном отношении к национальным культурам, ценностям и достижениям других народов.

Важной составной частью работы по патриотическому воспитанию студентов является системная, скоординированная, целенаправленная работа всех участников воспитательно-образовательного процесса в условиях специально организованной среды с учетом психологических и индивидуальных особенностей студентов.

В стенах МГГЭУ свято хранят память о ветеранах университета и участниках Великой Отечественной войны: регулярно организуются встречи и беседы с ветеранами, приуроченные ко Дню Защитника Отечества, Дню битвы под Москвой, битвы за Сталинград, Дню Победы; студенты участвуют в сохранении и приведении в надлежащее состояние мемориальных комплексов, посвященных событиям и участникам Великой Отечественной войны, изучают ритуалы несения Вахты Памяти и истории подвигов своих земляков – Героев Советского Союза, Героев Великой Отечественной войны, Героев России.

В рамках подготовки к празднованию 70-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне профессорско-преподавательский состав МГГЭУ участвовал в ряде совместных проектов, направленных на развитие приоритетных направлений в области воспитательно-патриотической работы в высших учебных заведениях и формирование российской идеологии воспитания и возрождения патриотизма. Так, в сентябре 2014 г. был проведен круглый стол «Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития» [7]; подготовлена коллективная монография «Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности» [6].

Участниками круглого стола на тему: «Великая Победа 1945 г. Эхо войны», стали студенты и профессорско-преподавательский состав факультета иностранных языков МГГЭУ, в ходе которого были заслушаны доклады преподавателей и представлены презентации студентов, посвященные сравнительному

анализу концепта «ВОЙНА» в разных лингвокультурах. Особый интерес вызвал доклад, посвященный патриотизму как феномену единения духовной жизни русского народа в самые трагические годы истории России, а также взгляду на суть «истинного», «духовного», «русского» патриотизма и концепта «патриот» выдающихся русских философов, литераторов, ученых, вынужденно покинувших Советскую Россию и находившихся в эмиграции в годы Великой Отечественной войны (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков и др.) [2].

Сегодня, когда на самом высшем государственном уровне обсуждается необходимость усиления внимания к поиску духовного единства нации и проблемам патриотического воспитания, мы вновь обращаем свой взор к величайшим русским мыслителям. На наш взгляд, в настоящее время особенно актуально звучат слова И.А. Ильина о том, что в основе патриотического единения людей должна лежать их сопринадлежность – сходное переживание единого и общего предмета, поскольку духовное подобие родит духовное единство [3, с.268].

Таким образом, патриотическое единение людей можно рассматривать как процесс духовного «симбиоза», являющийся источником и новых творческих усилий, и новых достижений, и нового уподобления.

Резюмируя вышеизложенное, считаем, что определяющими параметрами патриотического единения людей можно считать: формирование высоконравственного, профессионально подготовленного гражданина с чувством гражданской ответственности и патриотическими личностными качествами; процесс духовного «симбиоза», являющийся источником и новых творческих усилий, и новых достижений, и нового уподобления; сопринадлежность, сопереживание.

Именно такое взаимное духовное питание и обогащение, многократно удесятерая силы, даст человеку непоколебимую веру в его родину, с одной стороны, и позволит сформировать высоконравственного, профессионально подготовленного гражданина с чувством гражданской ответственности и патриотическими личностными качествами, с другой, что в полной мере отвечает реалиям сегодняшнего дня и перспективам развития Российского государства.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства: в 2-х т.; серия «Русские философы XX века / Н.А. Бердяев. – М.: Искусство, 1994. – Т. 2. – 510 с.
2. Богатырева С.Н. Патриотизм российского зарубежья и эмиграции: коллективная монография / С.Н. Богатырева и др.; под общ. ред. И.В. Бочарникова / Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности // Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей. – М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с. – С. 257-271.
3. Ильин И.А. Пути России / И.А. Ильин; сост. А.Д. Путинцев. – М.: Вагриус, 2007. – 512 с.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. – Российская газета. – Федеральный выпуск № 4912, 19 мая 2009 г.
5. Ореховская Н.А. Ментальные парадоксы в массовом сознании россиян / Н.А. Ореховская // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 5. – С. 187-194.
6. Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности: коллективная монография; под общ. ред. И.В. Бочарникова / Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей. – М.: Московский дом национальностей, 2015. – 368 с.
7. Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития: сборник материалов / Ассамблея народов России и др.; под ред. Н.П. Комарова. – М.: Московский дом национальностей, 2014. – 109 с.

Сведения об авторе:

Богатырева Светлана Николаевна (г. Москва, Россия), кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, e-mail: svetlana-690204@mail.ru

Data about the author:

S. Bogatyreva (Moscow, Russia) candidate of philological sciences, docent, dean of the Foreign Languages Department, Moscow State University of Humanities and Economics, e-mail: svetlana-690204@mail.ru

АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ФГБНУ «ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МАЛОКОМПЛЕКТНОЙ ШКОЛЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ»
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

КОНКУРС

**на соискание премии им. академика Г.В. Мухаметзяновой
за лучшую научную работу (проект)
в области инновационного развития профессионального
образования Республики Татарстан в 2016 году**

Премия присуждается за научную работу (проект), содержащую(ий) выдающиеся научные результаты теоретического или прикладного характера в области профессионального образования РТ, ранее не отмеченную(ый) государственными премиями РФ и РТ.

На соискание премии могут быть выдвинуты работы (монографии, сборники научных трудов, оригинальные учебники, учебно-методические пособия), созданные автором или коллективом авторов, опубликованные за последние 5 лет. К рассмотрению также принимаются инновационные проекты в области профессионального образования, представленные студентами, аспирантами, учеными, преподавателями.

Контрольные даты:

Приём заявок на конкурс осуществляется до **25 июня 2016 г.**

Итоги конкурса будут подведены до **10 августа 2016 г.**

Торжественная церемония подведения итогов конкурса
состоится **2 сентября 2016 года.**

Контакты:

Приемная Академии социального образования **(843) 555 – 61 - 77**

Приемная Института проблем национальной и малокомплектной школы
Российской академии образования **(843) 555 – 66 - 54**

e-mail:

aso-ksui@mail.ru

us-ippno-rao@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ

О СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ

Согласно Приказу Министерства образования и науки Российской Федерации № 793 от 25 июля 2014 г. «Об утверждении правил формирования в уведомительном порядке перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» и Приложению № 1, утвержденному данным Приказом, в п. 3 которого отмечено, что рецензируемое научное издание может входить в перечень по одной или нескольким (до трех) отраслям науки и/или (до пяти) группам специальностей научных работников, Ученый совет ИППО РАО постановляет: утвердить следующую номенклатуру научных отраслей специальностей для «Казанского педагогического журнала»:

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

13.00.00 Педагогические науки

19.00.00 Психологические науки

22.00.00 Социологические науки

ANNOUNCEMENTS

According to the **Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation N 793 dated 25.07.2014** “The approval of the rules concerning the compiling with notice of the list of peer-reviewed scientific publications which should consist of basic scientific results of candidate, doctoral theses and requirements on peer-reviewed publications to include them into the list of peer-reviewed scientific publications which should consist of basic scientific results of candidate and doctoral theses” and to the Annex N 1 approved by the Order in which the paragraph 3 says that peer-reviewed publication may be on the list of one or several (up to three) branches of science and / or (up to five) of scientists specialty groups – the Board of academics of IPPPE RAE determines the following list of branches of science and scientists specialty groups for Kazan Pedagogical Journal:

SOCIO-ECONOMIC SCIENCES AND SOCIAL SCIENCES

13.00.00 Pedagogical science

19.00.00 Psychological science

22.00.00 Sociological science

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Российской Федерации, в которых публикуются основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям педагогика, психология, социологические науки.

Статья должна быть актуальной, содержать научную, теоретическую и практическую новизну, без содержания плагиата и самоплагиата (уникальность не менее 80%), без сведений экстремистского, клеветнического и подстрекательного характера. Все статьи проходят закрытую экспертизу в Экспертном совете журнала. Возможен возврат на доработку. Статьи, содержащие обзор научной литературы по теме исследования, не рассматриваются.

Объем публикации – 5 – 15 страниц.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статьи.

Для публикации в «Казанском педагогическом журнале» материалы отправляются на e-mail: **kpj07@mail.ru**

Материалы, отправленные в редакцию, должны содержать:

- Заявку автора на публикацию статьи в Казанском педагогическом журнале;
- Рецензию доктора наук по специальности, соответствующей тематике статьи);
- Текст статьи, оформленный по требованиям Казанского педагогического журнала (наименование файла: «Фамилия И.О. первого автора»).

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования, поручает редакции обнародовать произведение посредством его публикации в печати, выражает свое согласие со всеми требованиями журнала, обязуется не публиковать данную статью в других журналах.

Номер выпуска размещается на сайте журнала.

Требования к оформлению статьи:

- объем статьи от 5 страниц; формат – А4, все поля – 2 см; без вставки номера страницы; без расстановки переносов;
- шрифт Times New Roman; кегель 14;
- межстрочный интервал – 1,5 (полуторный); отступ – 0,6;
- выравнивание по всему тексту – по ширине;
- таблицы (надпись сверху) и рисунки (надпись снизу) оформляются в редакторе MicrosoftWord, кегель 12, все рисунки должны быть выполнены только в черно-белой гамме;
- в тексте авторы источников: И.О. Фамилия;
- статья должна содержать 5 – 15 ссылок на источники;
- ссылки в тексте [7, с. 17] или [7].

Структура статьи:

УДК

Название статьи (прописные полужирные буквы)

И.О. Фамилия автора

Аннотация (3 – 5 предложений, не менее 50 слов)

Ключевые слова (5 – 10 слов)

Название статьи (прописные полужирные буквы) (англ.)

И. Фамилия автора (англ.)

Abstract. (англ.)

Keywords: (англ.)

ТЕКСТ, ТЕКСТ, ТЕКСТ

Литература: (оформленная по требованиям ГОСТ):

Сведения об авторе (авторах):

Фамилия Имя Отчество (город, страна), ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail.

Data about the author (authors):

И. Фамилия (город, страна), ученая степень, звание, должность, место работы (**англ.**), e-mail.

INFORMATION FOR AUTHORS

This peer-reviewed Journal is included into the list of periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation for publishing doctoral research results in the fields of education, psychology, sociological science.

The submitted article should be relevant, free of plagiarism and self-plagiarism (no less than 80% unique), imply scientific, theoretic and practical novelty. The articles should be free from extremist, libelous or inciting implication. All the papers submitted to the editors undergo an expertise at the Expert council. The article can be returned to the submitter for refining. The papers containing a review of scientific literature on the subject of research are not accepted.

The volume of the article should be no less than 5 and no more than 15 pages.

The editorial board reserves the right to make editorial changes to the original of the article.

The materials to Kazan Pedagogical Journal should be sent as e-mail attachments to: kpj07@mail.ru

The materials submitted to the editors should include:

- Application of the author for publication in Kazan Pedagogical Journal;
- Review of the expert having PhD degree in relevant fields;
- The article should be formalized in compliance with the requirements of Kazan Pedagogical Journal (file name: "Full name of the main author").

The author submitting the manuscript to the editor takes over personal responsibility for the research originality, authorizes the editorial board to deliver the research to an audience by publishing, accedes to all Journal requirements, agrees not to publish the article in any other journal.

The issue number is posted on the Journal website.

Article requirements:

- The article volume should be no less than 5 pages; A4 format, all margins – 2 cm; without page numbers; without hyphenation;
- the font is Times New Roman; size – 14;
- the line spacing is 1.5 (one-and-half); first line indent – 0.6;
- the full justification of text;
- the tables (superscript) and figures (subscript) captions are made in Microsoft Word, size 12, all figures should be performed only in black/white;
- the article should contain 5 – 15 references;
- the references within the text should be presented: forename, patronymic, surname;
- the references within the text should be presented [7, p. 17] or [7].

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АСПИРАНТОВ

Для аспирантов устанавливаются следующие публикационные условия:

1. Статьи аспирантов публикуются в журнале бесплатно.
2. Публикация осуществляется в порядке аспирантской очереди.
3. При подаче статьи аспирантам необходимо прислать по электронной почте:
 - рецензию научного руководителя;
 - рецензию доктора наук;
 - справку об обучении в аспирантуре.
4. Все статьи проходят экспертизу в экспертном совете журнала.
5. Статья аспиранта с учетом требований к оформлению не должна превышать 6 страниц.

INFORMATION FOR POSTGRADUATE STUDENTS

The following publishing requirements for postgraduate students are established:

1. The articles of postgraduate students are published free of charge.
2. The publication is available on a first-come basis.
3. When submitting the articles postgraduate students should send the following by e-mail:
 - review of the mentor;
 - review of the doctor of sciences;
 - extract from the minutes of the meeting of the unit;
 - letter confirming status of postgraduate student.
4. All the articles undergo an expertise at the Expert council of the Journal.
5. The article of postgraduate student should not exceed 6 pages taking into account the article requirements.

**УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ
НА «КАЗАНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»**

Журнал выходит 6 раз в год и предназначен для научных и практических работников в области образования, профессорско-преподавательского состава, аспирантов, соискателей, студентов.

В отделениях почтовой связи по Каталогу изданий ОАО Агентство «Роспечать» можно оформить подписку по индексу 16885.

**SUBSCRIPTION TO
KAZAN PEDAGOGICAL JOURNAL**

The Journal appears six times a year. It is intended for researchers and practitioners in the field of education, for academic staff, postgraduate students, applicants and students.

The subscription is available at post office through the publications directory of JSC “Agency “Rospechat”. The index is 16885.